Педагогическая библиотека

М.В.ЛОМОНОСОВ

О воспитании и образовании

ОГЛАВЛЕНІЕ.

страницы.

Вступленіе - - - - - - 1

ЧАСТЬ I, О ИЗОБРѢТЕНІИ.

Главы.

1. О изобрѣтеніи вообще - - - 7
2. О изобрѣтеніи простыхъ идей - 17
3. О сопряженіи простыхъ идей - 26
4. О пополненіи періодовъ и о распространеніи слова - - - - - 38
5. О изобрѣтеніи доводовъ - - 72
6. О возбужденіи, утоленіи и изображеніи страстей - - - - - 86
7. О изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей 134
8. О вымыслахъ - - - - - 151

ЧАСТЬ II, О УКРАШЕНІИ.

1. О украшеніи вообще - - - 166
2. О теченіи слова - - - - 169
3. О тропахъ реченій - - - 176
4. О тропахъ предложеній - - 182
5. О фигурахъ реченій - - - 190
6. О фигурахъ предложеній - 195
7. О соединеніи и смѣшеніи фигуръ 200

ЧАСТЬ

Титульный лист «Российской грамматики»

РОССІЙСКАЯ ГРАММАТИКА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

1755 года.

Титульный лист «Собрания разных сочинений в стихах и прозе»

СОБРАНІЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1757 года.

Титульный лист «Древней Российской истории...»

ДРЕВНЯЯ РОССІЙСКАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ НАЧАЛА РОССІЙСКАГО НАРОДА

ДО КОНЧИНЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО

ИЛИ ДО 1054 ГОДА,

СОЧИНЕННАЯ

МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

статскимъ Совѣтникомъ, Профессоромъ Химіи, и Членомъ Санктпетербургской Императорской и Королевской Шведской Академій наукъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Императорской Академіи Наукъ 1766.

Академия
педагогических
наук СССР

Педагогическая
библиотека

М. В. Ломоносов

О воспитании и образовании

Академия педагогических наук СССР

Педагогическая библиотека

Редакционная коллегия:

Шадриков В. Д.
(главный редактор)
Васильев Ю. В.
Василькова Ю. В.
Давыдов В. В.
Егоров С. Ф.
(ученый секретарь)
Кондаков М. И.
Никандров Н. Д.
Петровский А. В.
Пискунов А. И.

М. В. Ломоносов

О воспитании и образовании

Москва
«Педагогика»
1991

ББК 74. 03
Л 75

Утверждено к печати Редакционной коллегией серии «Педагогическая библиотека» Академии педагогических наук СССР

Составитель
Т. С. БУТОРИНА

Ломоносов М. В. О воспитании и образо-
Л 75 вании / Сост. Т. С. Буторина. — М.: Педагогика, 1991. — 344 с. — (Педагогическая б-ка).

ISBN 5-7155-0220-9

В книгу включены сочинения великого русского ученого-энциклопедиста XVIII в., в которых раскрываются его идеи в области воспитания, обучения, педагогики высшей школы. Значительный интерес представляют работы о требованиях к педагогической деятельности и личности учителя.

Для специалистов в области педагогики, работников народного образования, учителей, студентов педагогических институтов.

Л $\frac{4302000000\text{-}080}{005(01)\text{-}91}$ 19-90 ББК 74. 03

ISBN 5-7155-0220-9

© Издательство «Педагогика», 1991

От составителя

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) — первый русский академик — оказал громадное влияние на развитие науки и культуры России. Его гений вторгался во все области человеческого знания: он был литератором, поэтом, языковедом, историком, географом, геологом, металлургом, физиком, химиком, художником, педагогом.

Педагогические труды Ломоносова издаются впервые. Читателю интересно будет познакомиться с работами ученого, в которых были поставлены такие проблемы, как предмет педагогики, сущность воспитания и образования, организация обучения, его содержание.

Широко понимая назначение педагогики, Ломоносов считал ее неотъемлемой частью мировой и русской культуры. Успешность педагогической деятельности он видел в единстве воспитания и образования при обязательном учете наследственности и индивидуальных особенностей детей, условий их обучения. Ломоносов подчеркивал, что должна существовать преемственность между общим, средним и высшим образованием. Убежденный в том, что только распространение наук и просвещения может способствовать процветанию России, он пришел к мысли о необходимости создания университета в Москве. При этом он настаивал на том, чтобы образование в России стало доступным не только дворянству, но и выходцам из других сословий.

Большое значение придавал Ломоносов преподаванию родного языка. Его «Российская грамматика», опубликованная в 1757 г., стала лучшим учебником для русской школы. В ней Ломоносов впервые в истории отечественного языкознания дал свод правил русского литературного языка. Выдержав 14 изданий, она не потеряла научного значения до нашего времени.

Актуальными и сегодня остаются идеи Ломоносова о формировании российского юношества в духе общечеловеческой нравственности, патриотизма, служения науке, преданности идеалам мира.

Автором вступительной статьи и комментариев, библиографии является Т. С. Буторина.

Издание педагогических сочинений М. В. Ломоносова расширит представление читателя о выдающемся русском ученом-энциклопедисте.

Педагогические идеи М. В. Ломоносова

Великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) занимает особое место в истории отечественного просвещения. Его деятельность оказала огромное влияние на духовный прогресс России. Ученый-энциклопедист совмещал в себе редкий дар теоретика, экспериментатора, педагога. Считая науку одним из главных факторов развития общества, он стремился использовать ее на благо экономического и культурного процветания родины. Забота о могуществе Российского государства обратила М. В. Ломоносова к воспитательным проблемам, к вопросам подготовки молодой научной смены. Отличительными принципами его учения о воспитании и образовании молодежи являлись народность, демократизм, гуманизм. Педагогические идеи ученого нашли яркое отражение в его «Проекте регламента московских гимназий» и «Проекте регламента академической гимназии». В них были изложены прогрессивные мысли об организации школьного дела в стране, о задачах, формах и методах воспитания и образования, о роли личности учителя.

Первые фундаментальные учебники по русскому языку, риторике, оригинальные учебные руководства по естественным и математическим дисциплинам, написанные Ломоносовым, заложили основы методики преподавания как науки.

Большое внимание Ломоносов уделил основам педагогики высшей школы, высказав мысль о создании при Академии наук специальных учебно-научных центров, в которых можно было бы вести подготовку высококвалифицированных специалистов. Он был сторонником создания новой школы, в которой сочетались бы общеобразовательная и практическая подготовка молодежи. Именно Ломоносова считают автором «Проекта об учреждении гимназий и школ в «больших» и «малых» городах» (1760). Огромной заслугой ученого явилось основание Московского университета. Привлекая внимание общественности к педагогическим проблемам, защищая интересы русского народа, Ломоносов объединил вокруг себя прогрессивно настроенных ученых, своих учеников. Уже в те годы начали формироваться отличительные черты русского общественно-педагогического движения: опора на народную педагогику, борьба против угнетения личности, стремление к всенародному просвещению. Наиболее ярко они проявились в педагогических воззрениях революционеров-демократов.

Педагогическое наследие Ломоносова является малоизвестным в широкой учительской и научной среде. Перестройка высшего и среднего образования в стране сегодня предполагает глубокий анализ и использование на практике прогрессивных педагогических идей в истории педагогики России.

* * *

Великий русский ученый родился 8(19) ноября 1711 г. в д. Мишанинской Куростровской волости Архангельской губернии. Родители будущего академика — крестьяне-поморы Василий Дорофеевич и Елена Ивановна (в девичестве Сивкова) Ломоносовы. Василий Дорофеевич был предприимчивым человеком, обладал глубоким природным умом, наблюдательностью, в промысле всегда имел удачу. Известно, что он рано лишился отца и рос сиротой. Видимо, поэтому его земляки отмечали, что Василий Дорофеевич был «к сиротам податлив». В его сиротстве также можно видеть причину того, что он остался «грамоте не учен», между тем как грамотность в его время была довольно распространена и ближайшие его родственники и сверстники были грамотны.

С 10 лет Михайло с отцом совершал опасные плавания по морю. В этот период он жадно знакомился с Севером, бытом и жизнью поморов. Суровый край формировал в людях не только физическую силу, выносливость, закалку, сноровку, отличное знание морского дела, но прежде всего глубокое уважение друг к другу, особенно к старшим, силу духа, патриотизм. Все это позднее проявилось в Ломоносове — гражданине и педагоге.

Довольно высокая культура Поморья XVIII в., оказав огромное влияние на становление своеобразной личности Ломоносова- педагога, способствовала формированию у него потребности в познании окружающего мира, в изучении наук, в научном осмыслении причин наблюдаемых им явлений.

Ломоносов рано научился читать. «Российскую грамоту» он постигал у соседа-крестьянина Ивана Шубного и местного дьячка Сабельникова. В 14 лет Михаил грамотно писал. Сохранившиеся его автографы свидетельствуют о совершенстве владения грамотой, стилем письма. В доме Дудина, сына холмогорского священника, Ломоносов впервые знакомится с недуховными книгами: старинной славянской грамматикой и арифметикой, изданными в Петербурге в царствование Петра Великого для «навигаторских» учеников. От семьи Дудина он получил в собственность «Арифметику» Леонтия Магницкого, «Грамматику» Мелетия Смотрицкого и «Псалтырь» Симеона Полоцкого.

«Грамматика» Смотрицкого была построена по образцу греческой грамматики. «Арифметика», переведенная с разных диалектов на славянский язык, представляла собой математическую энциклопедию. В этом пособии давались примеры, задачи для решения, но не было доказательств и рассуждений. В конце каждого правила помещались стихи, содержащие благодарность Богу за «уразумение прочитанного», угрозы ленивому ученику и похвалы прилежному. Обладавший удивительной памятью, Михайло Ломоносов носил книги с собой и, постоянно читая, выучил наизусть. Он называл их вратами своей учености. Прекрасное знание этих ученых книг, анализ положительных и отрицательных моментов в них позволили впоследствии Ломоносову-академику подготовить учебники и учебные пособия по ряду предметов.

Резко осложнившаяся домашняя обстановка, натянутые отношения

с отцом и мачехой, а главное, непреодолимая жажда знаний побудили молодого Ломоносова в начале декабря 1730 г. покинуть родительский дом, чтобы отправиться с обозом в Москву и «поступить там в ученье». До 15 января 1731 г. он подал прошение о зачислении в Славяно-греко-латинскую академию и был принят ректором архимандритом Германом Копцевичем, в беседе с которым выдал себя за сына холмогорского дворянина.

В академии в течение одного года Ломоносов прошел три класса, научившись читать и писать по-латыни, изучив славянскую грамматику, начало истории, географии и арифметику. Он читал древние летописи, богословские, философические и математические книги, увлекался латинской и русской поэзией. Поразительные способности, трудолюбие, необыкновенная настойчивость позволили Ломоносову добиться больших успехов за короткий срок.

В январе 1736 г. Ломоносов в числе 12 лучших учеников Славяно-греко-латинской академии был зачислен студентом при Академии наук без жалованья, «на академическом коште», а в марте того же года — направлен в числе других в Фрейбург к берг-физику Генкелю для изучения химии горного дела. В Германии предстояло изучить физику, основания химии, физическую географию, горное дело, минералогию, механику, гидравлику, плавильное искусство, маркшейдерское дело, рисование. Каждые шесть месяцев студенты должны были представлять отчет о результатах обучения.

Пребывание за границей позволило Ломоносову ознакомиться с постановкой среднего и высшего образования на Западе. Передовая педагогическая мысль за рубежом отдавала предпочтение реальной школе (в значительной степени профессиональной). Сравнивая развитие образования в странах Западной Европы и в России в XVIII в., Ломоносов отмечал не только формы, методы обучения, которые применялись там в учебных заведениях, но и наличие большого количества обучающихся в них молодых людей. При этом в университетах учились студенты из самых разных сословий, в том числе и из бедных слоев населения. Ломоносов высоко оценил наличие университетских привилегий, традиций, ритуалов. Обучаясь в Германии, он со всей остротой воспринял проблему личности учителя, значение отношений педагога с учащимися, студентами. На родину Ломоносов вернулся 8 июня 1741 г., а в январе 1742 г. он становится адъюнктом Петербургской академии наук и в 1745 г. — профессором химии, академиком.

Возглавив учебную и научную часть академии в 1758 г., Ломоносов проявил себя талантливым педагогом, методистом, организатором народного просвещения.

* * *

В педагогической деятельности Ломоносова условно можно выделить ряд этапов. *Первый этап* (1742—1745) непосредственно связан с преподавательской работой ученого. Оценивая экономическое развитие

России, Ломоносов видел необходимость распространения элементарного образования, расширения и улучшения в стране школьного дела, централизованного руководства народным просвещением. Однако в этом он встречал постоянное противодействие со стороны недоброжелателей, особенно Шумахера и его сторонников. Ломоносов писал, что Шумахеру «было опасно происхождение в науках и произвождение в профессоры природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения»[1]. Ломоносов отстаивал мысль о том, что все члены Академии наук должны заниматься педагогической деятельностью, вносить посильный вклад в подготовку молодых национальных кадров. С целью популяризации научных знаний он разработал программу публичных лекций, которые должен был читать с 1 сентября 1742 г. Однако он столкнулся с тем, что в стране не было учебников на русском языке. Это заставило его немедленно заняться разработкой учебных пособий по различным предметам. В 1742 г. Ломоносовым уже было написано руководство «Первые основания горной науки, или Горная книжица»; в 1743 г. он подготовил «Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненное»; в 1745 г. для студентов перевел с латинского учебник по физике.

Создавая учебные пособия, Ломоносов отмечал, что он искренне стремится к распространению в государстве «высоких наук», чтобы «в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножались». Учебные пособия Ломоносова широко использовались и в гимназиях, и в университетах.

Получив 7 августа 1745 г. должность профессора, он продолжал активно заниматься педагогической деятельностью. *Второй* этап (1745—1749) связан в основном с методической работой ученого. Одновременно с подготовкой учебных пособий Ломоносов разрабатывает лекции на русском языке. По указу Сената от 17 октября 1745 г. о печатании перевода «Экспериментальной физики» Ломоносову предписывалось прочесть цикл лекций по физике с использованием необходимых физических приборов. Первая лекция ученого прошла, по отзывам современников, в торжественной обстановке 20 июня 1746 г. На ней присутствовали «сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей и сам господин президент академии с некоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами»[2]. Лекции читались до 1 июля и прекратились в связи с отъездом президента Академии наук из Петербурга. Тем не менее значение этого факта для развития национальной науки велико, поскольку до Ломоносова все лекции читались на латинском языке, а главной задачей академической гимназии являлось научить гимназистов понимать

[1] *Ломоносов М. В.* ПСС: В 10 т. М.; Л., 1955—1959. Т. 10. С. 46.
[2] *Меншуткин Б. Н.* Михайло Васильевич Ломоносов. СПб., 1911. С. 42.

латинскую речь.

Занятия с гимназистами и студентами убедили Ломоносова в необходимости преобразования учебной части Академии наук.

28.04 1746 г. он подготовил представление в академическое собрание «О привлечении семинаристов в университет и об увеличении числа учеников гимназии». В документе Ломоносов предложил отобрать студентов из семинарий и обучать их академическим упражнениям. Этим, по его мнению, можно приобрести «для Академии наук звание подлинного Петербургского университета». Ломоносов считал также, что «следует заботиться о том, чтобы гимназия обладала большим количеством учеников; оттуда некогда должны выйти свои, так сказать, доморощенные студенты»[1]. Очень важным явилось предложение ученого обратиться в Сенат с просьбой «доверить Академическому собранию просмотр как переводных, так и написанных по-русски книг» для принятия решения об их перепечатке. Инициатива Ломоносова об отборе способных учеников из монастырских школ, об увеличении числа гимназистов, о широком распространении научных знаний на русском языке не нашла должной поддержки у членов Академического собрания, хотя предложение Ломоносова было уже опробовано на практике. Так, еще в 1732 и 1735 гг. ученики семинарий отбирались для учебы в академии. Из них вышли такие ученые, как С. П. Крашенинников, сам М. В. Ломоносов, академик-астроном Н. И. Попов, создатель русского фарфора Д. И. Виноградов, гравер А. Поляков, переводчики В. И. Лебедев, И. И. Голубцов, А. А. Барсов. «Что касается хлопот Ломоносова об увеличении числа учеников Академической гимназии, то они увенчались успехом только четырнадцать лет спустя, после передачи гимназии в единоличное ведение Ломоносова»[2].

Предложение Ломоносова об отборе способных молодых россиян для обучения в академии получило реальное осуществление лишь в 1748 г., когда Синод разрешил выбрать для университета по десять человек из Московской славяно-греко-латинской академии, Новгородской и Александро-Невской семинарий. В Москве и Новгороде академик В. К. Тредиаковский отобрал 20 учеников, в том числе М. Софронова, будущего адъюнкта математики, Н. Н. Поповского и А. А. Барсова, впоследствии профессоров Московского университета. Отбор учеников из Александро-Невской семинарии, которая по числу учащихся уступала другим, встретил возражения со стороны петербургского архиепископа, вследствие чего Синод прислал в академию новый указ от 26 марта 1748 г. с предписанием взять из столичной семинарии только пять воспитанников, а остальных добрать из Смоленской семинарии. 10 мая того же года из выбранных Ломоносовым и И.-А. Брауном семинаристов выдержали испытание в Академии наук только трое: С. Я. Румовский, И. Лосовиков и Ф. Тамаринский, «остальных же двух отослали обратно в семинарию»[3].

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 9. С. 439.

[2] Там же. С. 848.

[3] Там же. С. 849.

Уже в этот период Ломоносов считал, что необходимо составить новый регламент (устав) Академического университета. По поручению канцелярии от 13 июня 1748 г. разработкой устава занимался академик Г.-Ф. Миллер[1]. Ломоносов вспоминал позже: «В Университете неотменно должно быть трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых бы производились в магистры, лиценциаты и доктора. А ректору при нем не быть особливому, но все то знать эфору или надзирателю, что в внесенном в Историческое собрание регламенте на ректора положено, ибо ректор в университете бывает главный командир, а здесь он только будет иметь одно имя. Не худо, чтобы Университет и Академия имели по примеру иностранных какие-нибудь вольности, а особливо, чтобы они освобождены были от полицейских должностей»[2].

Спустя почти полгода, 7 декабря 1748 г., Ломоносов сделал дополнение к своему мнению о проекте нового университетского устава. Он предложил всех студентов разделить на три класса: «... первого класса студенты ходят на все лекции, для того чтобы иметь понятие о всех науках и чтобы всяк мог видеть, к какой кто науке больше способен и охоту имеет; второго класса студенты должны ходить на лекции только того класса, в котором их наука, третьего класса студенты те, которые определены уже к одному профессору и упражняются в одной науке. Сим последним должно, по моему мнению, определить ранг армейского прапорщика, а производить их в временные переводчики... а из них в адъюнкты»[3]. Это свидетельствует о том, что Ломоносов стремился поднять уровень преподавания в университете. Однако устав утвержден не был.

Третий этап педагогической деятельности Ломоносова (1750—1755) совпал с периодом, когда ученый работал над серией документов о высшем и среднем образовании. Позднее они были названы исследователями педагогического творчества ученого *ломоносовской программой организации просвещения в России*. В это время Ломоносов находился в расцвете творческих сил, много времени отдавал непосредственной подготовке молодых специалистов, выступил с идеей открытия Московского университета. В «доношении» в Сенат он обосновал свое предложение тем, что в Москве живет много дворян и разночинцев; сравнительно меньше требуется денег для обучения, так как «дешевые средства к содержанию» и довольно большое количество домашних учителей. Поэтому он заботился о том, чтобы учебные заведения, в том числе и университет, были открыты и для детей простого народа.

Московский университет был открыт в 1755 г. В нем функционировало три факультета: философский, юридический, медицинский. Обу-

[1] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 457, л. 116.
[2] *Ломоносов М. В.* Т. 10. С. 460.
[3] Там же. Т. 9. С. 441.

чение в университете велось преимущественно на русском языке; была создана значительная группа русских профессоров, боровшихся за передовую науку, национальное просвещение и демократическую педагогику. Заслугой Ломоносова было то, что университет не являлся привилегированным учебным заведением, весь первый состав студентов состоял из разночинцев. Университет был автономен, освобожден от политического надзора, сборов, имел свой суд.

Перед университетом Ломоносов поставил несколько целей, объединенных идеей служения на «пользу и славу Отечества»: *первая* — развитие науки (особенно в области философии, истории, русской грамматики, права, медицины); *вторая* — популяризация научных знаний (через печать, библиотеку, лекции, диспуты); *третья* — решение педагогических задач (подготовка образованного молодого поколения через университет и гимназии, контроль и руководство учебно-воспитательным делом в учебных заведениях).

При открытии университета первой начала функционировать гимназия, в состав которой записалось несколько сотен человек. Это во много раз превышало первоначальные планы. Особенно быстро заполнили места гимназисты, находившиеся на казенном содержании. Причиной такого успеха было наиболее целесообразное в тех условиях построение учебного плана гимназии, что явилось важной предпосылкой для открытия провинциальных гимназий в России в конце XVIII в.

Широкая организация научных диспутов, выступлений профессоров с публичными лекциями раскрывает общественный характер деятельности университета, который превращается в ведущий учебно-научный центр, оказывая большое влияние на развитие науки и распространение просвещения в России.

Педагогическая деятельность Ломоносова в 1756—1765 гг.— *четвертый* этап, период его руководства академической гимназией и университетом, когда он завершает работу над программой развития среднего и высшего образования в России.

Программа была построена на основе принципов демократизма, гуманизма и народности. Демократизм Ломоносова выразился прежде всего в стремлении распространить образование во всех слоях русского общества. Он отстаивал мысль о расширении сети школ, числа обучающихся детей в них, а также выступил за единую бессословную систему образования, доступную всем. Он предусмотрел привлечение к обучению детей из «простонародья», заботился о создании материальных условий для получения образования всеми сословиями. Анализируя свой педагогический опыт, Ломоносов пришел к выводу, что многое теряет отечественная наука от малого распространения грамотности среди народа. Он подметил, что крестьянские дети отличаются практической сметкой, умом, трудолюбием: «... к наилучшему прохождению школьных наук приобщаются чаще всего мальчики из простонародья, более же знатные чуждаются этих знаний»[1]. В

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 10. С. 126—127.

«Проекте переустройства Академии наук» Ломоносов предлагал особо выделить тех, кому требуется «жалованье»: «Подражая, однако, похвальному примеру других университетов, где любознательные юноши питаются от щедрот государей, мы не можем не выделить некоего числа студентов, которые, получая содержание из академических средств, были бы заняты только слушанием профессорских лекций и научной работой. И хотя, ввиду обширности государства и малого числа университетов, следовало бы довести количество студентов, содержимых на казенный счет, до нескольких сотен, однако же академическая казна не выдержит этого, а потому для начала достаточно будет, если установим число таких студентов в 40 человек»[1]. В гимназии, по его мнению, «число такого рода подростков должно быть по крайней мере вдвое больше, чем число студентов, т. е. будет 80 человек, воспитывающихся на академические средства. Будут, конечно, сверх того, как и ныне, такие, которых будут содержать сами родители»[2].

При составлении «Проекта регламента московских гимназий» была определена сумма содержания на каждого гимназиста — 15 рублей в год. Эти деньги предназначались для приобретения одежды, книг и письменных принадлежностей. Кроме того, учащиеся должны быть обеспечены пищей. Сумма, требуемая для расходов на питание школьников, состоящих на «жалованье», тогда еще не была установлена. Изменение рыночных цен затрудняло составление определенной сметы. Через три года в «Проекте штата гимназий и университета» Ломоносов уже определил общую сумму, указав, что она должна составлять 30 рублей в год. На содержание студентов он требовал 100 рублей на каждого в год. В 1763 г. сумма на содержание учащегося составляла до 30 рублей в год. Ломоносов считал ее «весьма скудной» и просил добавить «по 12 рублев». Кроме того, он добился открытия общежития для гимназистов и студентов, что давало им возможность больше времени уделять учению.

Ломоносов считал, что «гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук... Молодые люди должны приучаться там к правильному образу мышления и добрым нравам». При этом он видел, что академическая гимназия не удовлетворяет потребности страны в грамотных людях. Главной причиной такого положения Ломоносов называл «недоброхотство к учащимся россиянам в наставлении, в содержании и в произведении». Оно выражалось в засилии учителей-иностранцев, в отсутствии обучения на русском языке. Ломоносов первым представил гимназию как прогрессивную форму средней общеобразовательной школы, обозначил ее структуру, выделил особые подразделения: российская, латинская, «первых оснований в науках», «знатнейших европейских языков». Для каждой из них устанавливались три класса: нижний, средний, верхний, закреплялся трехго-

[1] Там же. С. 124.
[2] Там же. С. 125.

дичный срок обучения. Ломоносовская программа образования, предусматривавшая расширение сети гимназий и школ в России, отвечала общественным интересам. Она оказала положительное влияние на развитие народного просвещения XVIII — начала XIX в. Ломоносов явился действительно создателем отечественной общеобразовательной школы.

Важное место в ломоносовской программе отводилось высшему образованию. По мнению ученого, университеты должны быть ведущими в стране учебно-научными центрами, которые оказывали бы решающее влияние на развитие науки и распространение просвещения в России. В 1764 г. в «Предположениях об устройстве и уставе Петербургской Академии» он глубоко рассмотрел вопрос о содержании высшего образования: «Для сохранения людского здоровья и для попечения о нем нужно основать факультет медицинский. Для увеличения общественного благосостояния и для создания разных жизненных благ необходимо устроить факультет философский. На юридическом факультете должны быть лекции: 1) исторические, для ознакомления с правом народов, что в других местах напрасно относят к ведению факультета философского; 2) по практической философии; 3) по политике; 4) по публичному и частному праву; 5) русское право. На медицинском факультете должны читаться: 1) анатомия с физиологией; 2) химия; 3) ботаника; 4) практическая медицина. На философском факультете следует обучать слушателей: 1) обоим красноречиям; 2) должен быть прочитан курс всеобщей философии; 3) также математики; 4) должна быть изложена экспериментальная и догматическая физика; 5) механика; 6) астрономия». В отличие от западноевропейских университетов Ломоносов предложил изменить структуру высшего образования в России, отказавшись от богословского факультета, так как «во всех университетах деление на факультеты бывает сообразно с государственными учреждениями, то и здесь, отказавшись от богословского круга наук в пользу Святейшего Синода, таковые науки преподаются только в подведомственных ему школах...»[1].

Особенностью ломоносовской программы являлась ориентация на общественные потребности в кадрах. Поэтому он рекомендовал при установлении числа университетских кафедр исходить не из количества имевшихся в то время кандидатов, пригодных для замещения профессорских вакансий, а из потребностей страны. Это необходимо для того, чтобы «план университета служил во все будущие годы».

Одной из крупнейших педагогических заслуг Ломоносова следует признать, что он популяризировал сочинения замечательного чешского педагога Я. А. Коменского, книгу которого «Видимый мир в картинках» он считал необходимым учебным пособием в гимназии. При содействии учеников и последователей Ломоносова профессоров Н. Н. Поповского и А. А. Барсова конференция Московского университета в 1756 г. постановила перевести и перепечатать эту замечатель-

[1] Там же. С. 123.

ную работу. В 1768 г. книга вышла первым изданием, а в 1788 г. была издана вторично.

Некоторые итоги педагогической деятельности подвел сам Ломоносов в отчете «О завершенных и незавершенных научных и литературных работах»: «В Гимназии хотя немало было гимназистов, однако в весьма бедном и бесполезном состоянии, затем что 1) жалованье им давалось в руки, которое брали к себе их родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьников, так что в школы приходили в бедных рубищах, претерпевали наготу и стужу, и стыдно было показать их посторонним людям; притом же пища их была весьма бедная, и чуть иногда хлеб с водою, в таких обстоятельствах наука мало шла им в голову; 2) да и времени им к тому не было, затем что дома должны были служить отцу и матери для бедности, а в Гимназию ходя по дальному расстоянию, теряли лучшие часы и всегда случай имели резвиться и от школы отгуливать. Итак, не дивно, что чрез семь лет не было произведено из Гимназии в университетские студенты ни единого человека. Но после поручения оной Гимназии советнику Ломоносову в единственное смотрение все оныя неудобства отвращены и пресечены, ибо гимназисты соединены, как и студенты, в общежитие, снабдены приличною одеждою и общим довольным столом по мере определенного им жалованья, не теряют времени ни ходьбою на дом, ни службою родителям, ни заочною резвостию, будучи у инспектора Гимназии и нарочных надзирателей перед глазами в одном доме... И, наконец, сочинены для каждого класса особливые инструкции учителям, и обще для всей гимназии — регламент с совета профессоров, которыми свидетельствован и опробован от его сиятельства г. президента, и по нему учение в Гимназии производится с несравненно лучшим успехом, ибо в три года произведено из Гимназии в университетские студенты 17 человек экзаменованных и удостоенных профессорами»[1]. Ломоносов имел все основания утверждать, что доверенные ему университет и гимназия, «невзирая на великие соперников противления и хулу, состоят в хорошем порядке». Не случайно в работе «Заметки о Ломоносове» Ф. Энгельс, обратив внимание на педагогическую деятельность ученого, подметил, что Ломоносов являлся «директором академической гимназии и университета».

Таким образом, Ломоносову удалось заложить прочный фундамент для дальнейшего развития народного образования в России. Его идея непрерывности начального, среднего и высшего образования во многом определила дальнейший прогресс отечественной науки. В конце XVIII в. Сенат страны признал, что создание гимназии и начальных училищ «весьма полезно обществу». Но только в начале XIX в. была осуществлена последовательная система образования — от начальной ступени до высшего учебного заведения в масштабах всей страны. Многоплановая педагогическая деятельность Ломоносова связана с его колоссальной научной работой и пропагандой новых знаний. Он сам

[1] *Ломоносов М. В.* Т.10. С. 402—403.

был образцом педагога-творца и всемерно стремился к воспитанию научной смены из числа одаренной русской молодежи.

Активная научная и педагогическая работа, бесконечная борьба с противниками русской науки подорвали силы Ломоносова. Он умер в возрасте 53 лет 4 (15) апреля 1765 г. и похоронен «при большом стечении народа» на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

* * *

Источником формирования педагогических идей Ломоносова явились прогрессивные взгляды выдающихся мыслителей эпох античности, Возрождения, Просвещения. Не случайно в центр своих социальных идей он поставил изучение человека как части природы. Он был первым русским педагогом, разработавшим педагогическую теорию, методологической основой которой явилось материалистическое миропонимание.

Естественнонаучный материализм Ломоносова характеризуется наличием в нем элементов диалектики. Причины изменений в объективном мире ученый видел внутри самих явлений. Он вплотную подошел к пониманию внутренних противоречий как источника развития мира. Гениальным является диалектическое утверждение Ломоносова о единстве материи и движения. «Ломоносов многое сделал для дальнейшей разработки атомистической теории. Он связал в единое целое материю и движение, заложив этим основы атомно-кинетической концепции строения материи, позволившей с материалистических позиций объяснить многие процессы и явления, происходящие в природе. Считая движение одним из коренных, неотъемлемых свойств материи, Ломоносов никогда не отождествлял материю и движение. В движении он видел важнейшую форму существования материи. Движение он считал источником всех изменений, происходящих в материи»[1]. Выдающимся является открытие Ломоносовым закона о сохранении материи и движения: «Но все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-либо телу, столь же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования и т. д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому»[2].

Исследователи мировоззрения Ломоносова (С. И. Вавилов, Г. С. Васецкий, Н. Ф. Уткина, И. А. Чудинов) считают, что элементы диалектики ярко проявились в его теории познания. В «Программе» чте-

[1] *Павлова Г. Е., Федоров А. С.* Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1988. С. 123.
[2] *Ломоносов М. В.* Т. 1. С. 535.

ния публичных лекций, которую Ломоносов составил в июне 1746 г., он писал: «... блаженства человеческие увеличены и в высшее достоинство приведены быть могут яснейшим и подробнейшим познанием натуры, которого источник есть натуральная философия, обще называемая физика»[1]. Ломоносов считал, что следует проникать в сущность различных процессов, понимать их причины, взаимосвязи: «Но кто притом представляет еще всесильного строителя и начальника натуры, взирает просвещенным и проницающим оком в сокровенные внутренности многообразных тварей, видит взаимным союзом соединенные и стройным чином расположенные их части, таинства иным несведомые, в которых непостижима зиждителева премудрость тем великолепнее является, чем тончае есть оных строение, тот не токмо легкими крилами благоговения к небу восхищается, но и сам якобы в некое обожение приходит»[2].

Главными составными частями познания Ломоносов считал чувственное восприятие, теоретические обобщения и опытную проверку результатов. Он обратил внимание на то, что с помощью чувственного восприятия отражаются в сознании только внешние стороны предметов и явлений. Поэтому для познания объекта недостаточно простого его созерцания. Важными являются абстрагирование и обобщение, которые приводят к формированию понятий. «Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем...»[3]. Выступая противником абстрактных знаний, он доказывал, что практика является основой познания, а человеческое познание определяется общественными потребностями. Практическая деятельность развивает чувственное восприятие и абстрактное мышление. Посвятив свою жизнь научному познанию мира, Ломоносов сформулировал один из главных принципов материалистической гносеологии: «Из наблюдений установлять теорию, чрез теорию исправлять наблюдения — есть лучший всех способ к изысканию правды»[4].

Материалистический подход к пониманию мира позволил Ломоносову выдвинуть идею всестороннего изучения самого человека. «Ибо как может рассуждать о теле человеческом,— писал он,— не зная ни сложения костей и суставов для его укрепления, ни союза, ни положения мышцей для движения, ни распростертия нервов для чувствования, ни расположения внутренностей для приготовления питательных соков, ни протяжения жил для обращения крови, ни прочих органов сего чудного строения?»[5]. Он обратил внимание исследователей на понимание внутренних процессов, происходящих в человеческом организме при функционировании органов чувств и головного мозга. Считая, что познание связано с воздействием предмета на органы чувств, он подчеркивал, что благодаря «зрению, слышанию, обонянию,

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 1. С. 535.
[2] Там же. С. 534—535.
[3] Там же. Т. 7. С. 100.
[4] Там же. Т. 4. С. 163.
[5] Там же. Т. 2. С. 352.

вкушению, осязанию» возможно чувственное восприятие мира человеком. Кроме того, он разработал концепцию ощущений и выдвинул идею о механизме передачи возбуждения от органов чувств к головному мозгу: «Жизненные соки в нервах таковым движением возвещают в голову бывающие на концах их перемены, сцепясь с прикасающимися им внешних тел частицами. Сие происходит нечувствительным временем для беспрерывного совмещения частиц по всему нерву от конца до самого мозгу. Ибо по механическим законам известно, что многие тысячи таковых шаров или колес, когда они стоят в совместном сцеплении беспрерывно, должны с одним повернутым внешнею силою вертеться, с остановленным остановиться и с ним купно умножать или умалять скорость движения. Таковым образом, кислая материя, в нервах языка содержащаяся, с положенными на язык кислыми частицами сцепляется, перемену движения производит и в мозге оную представляет. Таким образом рождается обоняние»[1]. В работе «Введение в истинную физическую химию» Ломоносов, охарактеризовав сложные физиологические процессы, раскрыл материалистическую сущность работы нервной системы.

Заслугой ученого явилось обращение к исследованию проблем человека с позиций материализма, психологии, физиологии и педагогики в их совокупности. Именно такой подход, по мнению Ломоносова, позволял получить объективные данные о человеке, которые необходимо знать педагогам.

Утверждая научное мировоззрение, Ломоносов подчеркивал, что «идолопоклонническое суеверие держало астрономическую Землю в своих челюстях, не давая ей двигаться...»[2]. Выступая против внедрения в обучение религиозных идей, Ломоносов отвергал их догматизм, освобождал науку от воздействия религии, ослаблял ее влияние на народные массы. В письме к И. И. Шувалову (1754) о создании Московского университета, в «Предположениях об устройстве и уставе Петербургской Академии» (1764) он обосновал идею светскости образования, отстаивая необходимость получения молодым поколением основ научных знаний.

В исследовании проблем «человек и природа», «человек и общество» Ломоносов опирался на принцип природосообразности. Он считал, что воспитатель в своей деятельности должен руководствоваться факторами естественного, природного развития ребенка. Отстаивая идею о значении природных способностей в развитии и формировании человека, он писал в «Кратком руководстве к красноречию»: «Что чаще природное дарование без науки, нежели наука без природного дарования к похвале и к добродетели способствовали»[3]. При этом он

[1] Там же. Т. 3. С. 329—330.
[2] Там же. Т. 4. С. 371.
[3] Там же. Т. 7. С. 288.

выделял природные дарования душевные (речь, мышление, память и др.) и телесные (физические способности), считал, что природные умственные задатки являются доброй землей «к посеянию чистого семени, ибо как семя на неплодородной земле, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно...»[1]. Важно обратить внимание, что Ломоносов, анализируя педагогический опыт, был сторонником того, чтобы «неспособных» выявлять в начале учения. Так, если кто-то из учеников «из-за длительной болезни или по недостатку способностей долго пробыл в Гимназии и уже не так юн, однако же неизменно проявлял посильное прилежание и хорошо себя вел, то его следует отпустить с рекомендательным свидетельством, соответствующим его заслугам, в другое ведомство или же, если есть вакансия, назначить учителем в низшие классы»[2]. Если были ученики, которые учились на свой счет и оказались способными, то «следует применить все надлежащие меры к тому, чтобы склонить и их и родителей к дальнейшему усовершенствованию их в науках». Ломоносов был убежден, что природа ребенка многообразна: «Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно». Он рекомендовал познавать природные особенности людей различного возраста, поскольку «дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстьми склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых»[3]. Природные особенности детей Ломоносов считал основой и источником их развития. Поэтому он был сторонником осуществления индивидуального подхода к детям, рекомендовал педагогам строить обучение с учетом их склонностей.

Формирование человека Ломоносов тесно связывал с конкретными социально-историческими условиями его жизни, уровнем развития общества в целом. Среда, общественные потребности, по мнению ученого, очень влияют на становление личности. В качестве примера Ломоносов ссылался на опыт воспитания в Спарте и Афинах: «... спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле...»

Материалистическое мировоззрение позволило Ломоносову определить воспитание главным фактором развития человека: «...молодых людей нежные нравы, во все стороны гибкие страсти и мягкие их и воску подобные мысли добрым воспитанием управляются»[4]. Критическое осмысление воспитательно-образовательных теорий дало возможность Ломоносову проникнуть в механизм формирования личности.

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 7. С. 93.
[2] Там же. Т. 9. С. 502—503.
[3] Там же. Т. 7. С. 168.
[4] Там же. С. 121.

Целью воспитания он считал формирование человека-патриота, стержневыми качествами которого, по его мнению, должны быть высокая нравственность, любовь к науке, знаниям, трудолюбие, бескорыстное служение на благо Родины. Идеал воспитания ученый видел в разносторонне развитом, высокообразованном и культурном человеке.

Исходя из принципов гуманизма и народности, Ломоносов высоко ценил общечеловеческую нравственность. Он считал необходимым воспитывать в молодых людях такие «добродетели», как «мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, тщивость, благодарность, великодушие, терпение, праводушие, незлобие, простосердечие, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, уклонность, скромность»[1]. Ломоносов предостерегал молодежь о сложностях человеческой жизни: «Жизнь человеческая подобна непостоянному морю, следовательно, она от нападения противных случаев колеблется, подобно как море от нападения бурных ветров»[2]. Говоря о ценности и значимости бытия людей, ученый призывал совершать добрые поступки, чтобы через них «заслужить можно честь, получить богатство и бессмертное по себе имя оставить». Ломоносов полагал, что добрые дела следует совершать прежде всего ради отечества, осуждал то, что не приносит пользы обществу: «Кто рассуждает здраво, тот не будет думать, чтобы от какого-нибудь злоключения умаляться надлежало для благосостояния общества, но всегда в таком мнении останется, что за отечество в самую крайнюю напасть тщательно вступить должно»[3].

Ломоносов был сторонником развития такого качества, как милосердие. Он призывал помнить христианскую заповедь: «Буде же ты человек, то помни, что ты такое»— и считал, что «кто милосерд, следовательно, тот бесчеловечно не поступает», «где добродетели господствуют, тут порокам нет места». Ломоносов защищал обиженных, стремился помочь обездоленным, сиротам. Он первым предложил открыть специальный воспитательный дом для малышей, не имеющих родителей, поставив задачу воспитания таких детей за счет государства, чтобы они могли приносить пользу обществу. В этой связи он писал: «Ежели ты что хорошее сделаешь с трудом, труд минется, а хорошее останется, а ежели сделаешь что худое с услаждением, услаждение минется, а худое останется»[4]. Добрые дела и милосердие, по мнению Ломоносова, следует помнить: «Кто благодеяния не помнит, тот не токмо оного не достоин, но равно так оставлен быть должен, как неплодная земля презренна бывает». Он проповедовал уважение к старшим, любовь к ближнему.

Высоко ценил Ломоносов трудолюбие: «Или трудом бессмертную славу приобретать, либо, препровождая жизнь свою в роскоши и нера-

[1] Там же. С. 103.
[2] Там же. С. 164.
[3] Там же. С. 126.
[4] Там же. С. 281.

дении, бесславного конца ожидать должно»[1]. Он подчеркивал роль труда в развитии нравственного потенциала молодежи: «Рассуждая о благополучии жития человеческого, слушатели, не нахожу того совершеннее, как ежели кто приятными и беспорочными трудами пользу приносит»[2]. Он был противником безделья и праздности: «Роскошь и праздность, как два сосца всех пороков, вливают под видом сладости бедственную язву в душу и тело, наносят несносные оскорбления, бедность и смертоносные болезни»[3]. Ломоносов как педагог и ученый призывал творчески относиться к труду. Основным видом труда молодых людей он считал учение, постижение наук, поэтому прежде всего советовал не «терять золотое младых лет время без приобретения той пользы, которая зрелым и престарелым летам большую приятность и веселие принести может чрез науки, нежели в юношестве игры и праздность»[4].

Ценными являются мысли Ломоносова о педагогических условиях, об организации трудовой деятельности, об условиях, способствующих достижению высоких результатов. К ним он относил предварительную подготовку к выполнению того или иного дела, обоснование цели работы, планирование ее хода, подбор необходимых инструментов, анализ результатов. Он убеждал работать с желанием, прилежанием, искусно, «со всяким рачением и верностию исправлять подлежащую... должность». Трудовые операции должны быть продуманы и расположены в определенной последовательности. При этом он рекомендовал опираться на имеющийся опыт и научные достижения. Важным в педагогическом отношении явилось предложение Ломоносова все изготовленные вещи хранить «в обособливом покое, каждая обособливо под нумерами», а за труд «выдавать заслуженное... жалованье все сполна».

Следуя традициям гуманизма, Ломоносов считал, что человек должен быть счастливым. В понятие «счастье» он вкладывал особый смысл, подразумевая под ним не столько удовлетворенность своей жизнью, сколько возможность служить на благо отечества. «Не для того мы живем на свете, чтобы насыщаться, но для того насыщаемся, чтобы жить»[5]. Осознание счастья приходит к человеку через трудности и лишения: «Ежели бы небо благословило, чтобы человек препровождал жизнь свою безбедно, то бы он своего счастия не мог чувствовать». Самое большое счастье Ломоносов находил в занятиях наукой: «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение в жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков, крепость, утеха в несчастии, в счастии украшение, везде верный и безотлучный спутник»[6]. В письме к сестре Марии Васильевне Головиной Ломоносов утверждал, что племянник

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 7. С. 156.
[2] Там же. Т. 2. С. 349.
[3] Там же. Т. 7. С. 121.
[4] Там же. Т. 9. С. 512.
[5] Там же. Т. 7. С. 281.
[6] Там же. С. 122, 262.

(М. Е. Головин) «через учение счастлив будет». Счастливым человеком Ломоносов считал не того, кто наделен богатством, а того, кто имел положительные нравственные черты. Он утверждал, что «добродетель от бед, как стена, защищает, разносит повсюду добрую славу, любовь и склонность в сердцах человеческих возбуждает». При этом Ломоносов предостерегал от ложного счастья, которое умеют создавать льстецы: «Ежели бы ты с довольным вниманием и отрясши от мысленного зрения мглу страстей рассмотрел, коль пременно есть и ненадежно льстивое счастие, то бы ты вяще оного отвращался, бегал и гнушался, нежели ты доныне прилагал рачение к снисканию оного». Он тонко подметил, что «ласкатели, кроме вреда, ничего не приносят».

Осуждая безумие, нечестие, нечистоту, лютость, скупость, неблагодарность, малодушие, лукавство, злобу, лицемерие, сварливость, упрямство, самохвальство, Ломоносов предостерегал от ошибок в воспитании, так как они приводят «на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно». Будучи реалистом и оптимистом по своей сути, он считал нравственность одной из величайших ценностей, «ибо в единой токмо добродетели состоит человеческое совершенство. Един добродетельный совершенно богат, что больше богатства не желает, всем изобилен, что добродетельно все недостатки наполняет, во всем честен, ибо добродетель есть сама себе честь и похвала; она есть в недостатках довольство и в нищете изобилие»[1].

По мнению ученого, интенсивное нравственное воспитание детей осуществляется в семье и школе. В публицистических работах Ломоносов дал характеристику проблемам семьи в обществе и показал, что во многих семьях дети не получают хорошего воспитания. Он предлагал оградить молодых людей от вредного влияния семьи и заниматься воспитанием «просвещенного юношества» в условиях учебных заведений.

Глубоко веря в силу воспитания, Ломоносов уделил большое внимание разработке рекомендаций гимназистам, как «к наукам простирать крайнее прилежание и никакой другой склонности не внимать и не дать в уме так усилиться, чтобы рачение к учению урон или малое ослабление потерпело». Он считал, что леность всего вреднее учащимся и она должна преодолеваться «послушанием, воздержанием, бдением и терпением». Ученики не должны спорить с учителями, а «за наставление их почитать должны»; быть дружными между собой, «отбегать от ссор междоусобных»; быть учтивыми с другими, а не гордыми и пустыми; остерегаться «пустых слов, подлых и соромских»; не хвастаться и не лгать; не обижать другого; помогать друг другу в учении, избегать подсказок; соблюдать чистоту и порядок «при столе, в содержании книг, постели и платья. Кто внешним видом ведет себя гадко, тот показывает не токмо свою леность, но и подлые нравы»; в церкви, на мо-

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 7. С. 123, 308, 309, 582.

литве и за едой быть тихим и внимательным. Ломоносов рекомендовал «удаляться от неприличного и худого сообщества, которое подать скоро может повод к бездельному и праздному житью, прогуливать школы, не исправлять заданного уроку»[1]. Ломоносов предлагал сочетать познание норм поведения с выработкой у детей положительных привычек. Их закреплению, по его мнению, способствует действенный анализ поступков учащихся. Правила преследовали цель обращения молодежи к наукам, воспитание нравственности через приобщение к знаниям.

Основой нравственного воспитания Ломоносов считал родной язык. Он высоко ценил его богатство, красоту, музыкальность: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка»[2]. Указывая на значение «природных свойств», народности русского языка, он осуждал слепое преклонение пред западноевропейской культурой. Национальная гордость и достоинство, бережное отношение к русской культуре, ее приумножение было главным для Ломоносова как педагога и просветителя. В. Г. Белинский дал очень тонкую характеристику просветительной деятельности передовых людей России того периода: «Знаете ли, в чем состоит отличительный характер века Екатерины II, этой великой эпохи, этого светлого момента русского народа? Мне кажется, в народности. Да, в народности, ибо тогда Русь, стараясь по-прежнему подделываться под чужой лад, как будто назло самой себе, оставалась Русью»[3].

Заслуживает внимания, что именно Ломоносов-педагог выдвинул идею о воспитательном значении русского языка. Его изучение, по мнению ученого, способствует формированию патриотизма, любви к Родине, уважения к национальной культуре, распространению грамотности и науки. Благодаря усилиям Ломоносова в гимназии появились классы русского языка («российская школа»): «От него ж, советника Ломоносова, расположены порядочные в гимназии классы, и притом российские для российского правописания, штиля и красноречия, чего с начала Гимназии до него не бывало»[4]. В «Российской школе» изучались русский язык и русская история. Все предметы в гимназии, за исключением философии, преподавались на русском языке. В «Проекте регламента московских гимназий» Ломоносов рекомендовал в «Российской школе» обучать детей народным русским способом:

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 9. С. 506—512.
[2] Там же. Т. 7. С. 331.
[3] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1953. С. 46.
[4] *Ломоносов М. В.* Т. 10. С. 405.

«Грамоте обыкновенным старинным порядком, то есть азбуку, часослов и псалтырь... Потом учить писать по предписанному доброму великороссийскому почерку и приучивать читать печать гражданскую»[1]. Ломоносов считал, что для глубокого образования каждому учащемуся следует овладеть русским языком: «Итак, ежели принятый школьник еще российской грамоте не знает, должен только в российском первом классе потоле обучаться, пока писать и читать искусен будет. Ежели который школьник грамоте российской довольно искусен в Гимназию вступил, того, обучив первым основаниям российской грамматики в нижнем классе, обучать в латинской школе в нижнем классе, что показано четыре дни в неделю; а прочие два дни в школе первых оснований наук показывать арифметику»[2]. Он требовал, чтобы уже в первом русском классе дети могли «читать и писать в совершенстве». «Нужно следить и за тем, чтобы они учились писать буквы красиво, в чем должен быть искусен и сам учитель этого класса»[3]. Молодежи давались наставления относительно произнесения речей и писания русских писем, «чтобы учащиеся красноречию старались сим образом разум свой острить чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не полагаться на одне правила и чтение авторов»[4]. Лишь после изучения русского языка допускался переход в другие классы, к другим наукам.

Для обучения учащихся необходимо было подготовить учебное пособие, за разработку которого взялся сам Ломоносов. «Российская грамматика» была построена на передовом языковедении, на тонком знании русского языка, его диалектов. Долгое время это был самый авторитетный учебник русского языка. Заслугой Ломоносова явилось и то, что изучение языка «он подчинил патриотической идее, которой была проникнута вся его филологическая деятельность, стремлению мобилизовать все истинные силы русского литературного языка, чтобы противостоять чужеродным вторжениям и чтобы, сделав научную и литературную речь общепонятной, обеспечить внедрение науки и литературы в национальный быт»[5].

Своеобразие педагогической системы Ломоносова состоит в том, что проблемы воспитания он рассматривал в тесной связи с дидактическими вопросами. Его волновали постановка обучения, содержание образования молодежи, приобщение ее к науке. В занятиях наукой он видел богатейшие возможности для воспитания у молодежи нравственности: «Кто к добродетелям путь отверзает? наука; кто от пороков? наука; кто рассеянные народы в общества собрал? наука; кто построил грады и открыл страны, отдаленные морями? наука»[6]. Он ратовал за

[1] Там же. Т. 9. С. 457—458.
[2] Там же. С. 450.
[3] Там же. Т. 7. С. 96.
[4] Там же. С. 96.
[5] См.: *Павлова Г. Е., Федоров А. С.* Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1988. С. 389—390.
[6] *Ломоносов М. В.* Т. 7. С. 57—58.

распространение просвещения, чтобы «иметь своих природных россиян в профессорах». Ломоносов отрицал насаждавшуюся в те времена мысль о неспособности русских к учению, наукам: «Что можно подумать как сие, что Санкт-Петербургская Академия Наук ныне и впредь должна состоять по большей части из иностранных, то есть что природные россияне к тому неспособны»[1]. Он полагал, что наукой следует овладевать всем членам общества. Поэтому требовал отмены сословных ограничений в образовании, расширения сети учебных заведений, широкого общего образования юношества. Об этом 1 ноября 1761 г. он писал И. И. Шувалову в своем знаменитом письме «О сохранении и размножении российского народа». Благополучие Родины он видел в развитии экономики, науки и просвещения. Овладение основами наук Ломоносов рассматривал как тяжелый, но имеющий большое социальное значение труд, способствующий развитию положительных качеств личности. Поэтому, понимая воспитание в широком смысле, он включал в него образование и обучение. Ломоносов писал, что если «к изрядному и превосходному природному дарованию» молодого человека дать «наставление в науках, то происходит из того нечто преизящное и особливое»[2]. Он отмечал тесную связь образования и воспитания.

В таких документах, как «Проект регламента Академической гимназии» и «Проект регламента московских гимназий», он выступил сторонником классно-урочной системы. Это была новая идея в русской педагогике, которую Ломоносов сам воплотил на практике. Он считал, что в рамках урока можно более полно использовать воспитательную функцию обучения. По мнению Ломоносова, обучение, развивая «душевные дарования» детей, «а особливо остроумие и память», должно быть построено по определенной схеме, с учетом особенностей восприятия: проверка выполнения «домашних экзерциций» (домашних упражнений), сообщение новых знаний, выполнение «дневных заданий» на уроке. Много внимания он уделял практике, постановке опытов, практической значимости знаний.

Эти положения тесно связаны с идеями великого чешского педагога Я. А. Коменского.

Ломоносов полагал, что умственное развитие может быть результативным тогда, когда в процессе обучения педагог будет использовать определенные дидактические правила или принципы. Он писал: «Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство. Итак, ежели принятый школьник еще российской грамоты не знает, должен только в российском первом классе потоле обучаться, пока читать и писать искусен будет»[3]. Он добивался соблюдения принципа доступности обучения: «... правила хотя даны быть

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 10. С. 52—53.
[2] Там же. Т. 7. С. 582.
[3] Там же. Т. 9. С. 450.

могут без изъяснений, однако далече не так тверды и уверительны, как с показанием их основания, через что приносят несравненно больше пользы»[1]. Ломоносов, учитывая особенности детского познания, советовал идти в обучении от простого к сложному: «Заблуждались бы математики, если бы, отбросив самые простые понятия, стали исследовать трудные»[2]. Он предлагал применять систему уроков и систему домашних заданий. Рекомендовал, опираясь на возрастные особенности детей, развивать их познавательную активность и самостоятельность. С этой целью Ломоносов разработал специальные упражнения. В гимназии они выполнялись в присутствии одного учителя или «при других классах». Упражнения «при других классах» проходили «в конце каждого месяца в один день, до и после обеда», причем преподаватели давали всем сразу небольшой материал для перевода или заставляли «перелагать фразы прозой и стихами с тем, чтобы гимназисты выполняли это, не заглядывая в книгу и ничего не записывая»[3]. Для гимназистов верхнего класса Ломоносов рекомендовал раз в полгода публичные упражнения перед всей академией. Они должны «произносить речи, составленные ими самими под наблюдением ректора на русском и на латинском языках, в стихах и в прозе»[4]. Возможными были «упражнения по своей охоте для показания каждому своего особливого рачения и понятия».

Стремясь воспитать коллективные начала в детях, он предлагал проводить совместные занятия учащихся, на которых они могли оказывать друг другу помощь. Исключение составляли экзамены, на которых, «чтобы знать в успехах каждого разность, тогда никто друг другу помогать не должен. Равно как и в то время, когда по спросу учительскому говорит кто свой урок наизусть и не знает твердо, близ его сидящий товарищ не должен ему тихонько подшептывать и тем помогать его лености. Такой помощник равному наказанию с незнающим подвержен»[5]. Его система учета знаний носила ярко выраженную образовательно-воспитательную направленность: «Что кто исполнил или пропустил и прочее, назначивать в клетках против каждого дня и имени первыми буквами слов знаменующих: В. И. — все исполнил, Н. У.— не знал уроку, Н. Ч. У.— не знал части уроку, З. У. Н. Т.— знал урок нетвердо, Н. З.— не подал задачи, Х. З.— худа задача, Б. — болен, Х.— не был в школе. В. И. С.— все исполнил с избытком, Ш. — шабаш»[6].

Учебные планы, составленные Ломоносовым, показывают, что он стремился, с одной стороны, осуществить разностороннее образование, а с другой — избежать перегрузки учащихся. Впервые в русской педагогике он выступил сторонником синтеза классического, естественно-научного и реального образования. Он поставил задачу приоб-

[1] Там же. Т. 5. С. 619.
[2] Там же. Т. 1. С. 153.
[3] Там же. Т. 9. С. 496—497.
[4] Там же. С. 497.
[5] Там же. С. 508—511.
[6] Там же. С. 453—454.

щения детей к духовным ценностям прошлых веков, развития их любознательности, творчества. Его своеобразный педагогический подход к постановке реального образования проявился в отборе учебного материала. В его методах обучения ярко выделяются элементы политехнического образования. Он знакомил учащихся и студентов не только с теоретическими вопросами, но и с их практическим обоснованием и воплощением. Включение молодежи в непосредственный производственный процесс, совместный научный поиск, обучение будущих ученых методике исследования были характерными для Ломоносова-педагога.

Используя опыт московских гимназий, он подготовил основательный проект деятельности академической гимназии. В нем Ломоносов регламентировал не только учебный процесс, но и всю воспитательную работу этого заведения. Проект отличался наличием специальных глав об обязанностях учителей, инспекторов, ректора, в которых речь шла и о требованиях к ним. Ломоносов разработал и более подробный учебный план для этой гимназии. «Кормилицей Университета или его кладовой и поставщицей является Академическая гимназия. Здесь следует воспитывать более нежный возраст, преподавая школьные предметы так, чтобы вышедшие оттуда способны приступить к занятиям высшего порядка в Университете»[1]. Школьные прдметы он разделял на *обыкновенные* (обязательные) и *дополнительные*. Первые необходимы для всех, без изучения их невозможно поступить в университет. Дополнительные предметы были рассчитаны на успевающих учеников. Обыкновенные предметы распределялись по трем классам: низший, средний, высший. Дополнительные — по двум.

Дополнительными предметами были греческий, немецкий, французский языки. Ломоносов обозначил объем знаний по каждому из них: в низшем классе изучалась грамматика французского и немецкого языков. В высшем классе учащиеся занимались стилистикой и переводами, а также обучались греческому языку. Совершенствоваться в знании его предполагалось в университете под руководством профессора по собственному желанию. Ломоносов придавал большое значение естественному образованию молодежи, хотя естественные науки в тот период были развиты слабо. Они включались в философию, которая состояла из элементов физики, психологии, математики и т. д.

По мнению Ломоносова, учебные планы должны создаваться на основе учета некоторых педагогических условий: обучения на родном языке, последовательности изучения наук, их постепенного усложнения, светскости образования, единства и преемственности планов средней и высшей школы.

Ломоносов поставил проблему методов воспитания и обучения. Он был сторонником использования словесных и практических методов, высоко ценил самостоятельный поиск, самостоятельное изучение источников учениками и студентами. Ломоносов опубликовал важные

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 10. С. 124.

методические советы по преподаванию некоторых предметов, в том числе русского языка, иностранных и древних языков, химии.

Для успешного воспитания молодого поколения в процессе обучения он предлагал использовать поощрения и наказания. Особо отличившихся награждали золотыми и серебряными медалями, книгами, математическими приборами «в присутствии всей Гимназии». В качестве наказаний Ломоносов применял выговоры, угрозы. За «постыдные шалости» наказание осуществлялось на глазах всех учащихся. Распространенные в школах телесные наказания, по сложившейся традиции, применялись и Ломоносовым, хотя он рекомендовал использовать их как исключительную меру, в отдельных случаях, не причиняя этим вреда здоровью детей.

Как метод и как условие воспитания и обучения Ломоносов расценивал порядок и дисциплину. Соблюдение гимназистами и студентами прочного распорядка дня, чистоты в учебных помещениях и общежитии, правил поведения способствует воспитанию «нравов».

В воспитании и образовании Ломоносов считал важными такие методы, как убеждение и пример. «Добрые» и «приличные» поступки взрослых (ректора, инспекторов, учителей) являются необходимыми в становлении ребенка.

В подготовке «просвещенного юношества» особую роль Ломоносов отводил учителю. Он боролся за то, чтобы не допускать к обучению детей тех иностранцев, которые кроме своего «природного языка» ничего не знают. Ученый разработал требования к личности и деятельности учителя, заложив основы педагогической этики. Он считал, что педагог прежде всего должен любить Родину, быть образцом нравственности для учащихся: «Учители с учениками не должны поступать ни гордо, ни фамилиарно. Первое производит к ним ненависть, второе — презрение. Умеренность не даст места ни тому, ни другому, и, словом, учитель должен не токмо словами учения, но и поступками добрый пример показывать учащимся»[1]. В работе учителя над методикой преподавания он рекомендовал тщательно отбирать материал для урока, опираться на научные достижения. «Должно опасаться,— писал он,— чтобы не примешать мелких и слову непристойных обстоятельств, чтобы не отступить от слова к другой посторонней материи, чтобы речи не были безмерно закручены и идеи бы, вместе быть должные, не были одна от другой далече разметаны, чтобы много разных вещей не стеснять в кучу и тем бы не отяготить понятие слушателей, чтобы не представить, что слушателям невероятно, смешно и подло показаться могло, чтобы истолкование не весьма просто и низко было и несвязными речьми и весьма много раз повторенными теми же словами не скучно казалось»[2].

Занимаясь проблемой организации руководства школой, деятель-

[1] Там же. Т. 9. С. 515.
[2] Там же. Т. 7. С. 67.

ности учителей и учеников в ней, Ломоносов пришел к выводу, что во главе школы должен стоять только педагог. Инспектор и ректор обязаны помогать учителям, «осматривать прилежание учеников и учителей», следить за осуществлением учебного процесса, постоянно посещать классы, общежитие. Руководителям школ следовало уважительно обращаться к учителям, не допускать к ним грубого отношения. Как педагог, Ломоносов понимал значение и высоко ценил «дружбу и единение» в коллективе, которые способствовали получению хороших результатов в процессе обучения и воспитания.

Разрабатывая педагогическую систему, Ломоносов первым из ученых обратился к проблеме терминологии в науке. Он явился основателем научного языка русской педагогики. Имея прекрасную лингвистическую подготовку, обладая энциклопедическими знаниями, владея иностранными языками, ученый создал своеобразный стиль научного изложения.

По мнению Ломоносова, богатство русского языка позволяет выражать самые разнообразные явления и процессы. «И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем»[1]. В первой половине XVIII в., когда создавалась литературная система русского национального, «природного» языка, в научных трактатах употреблялось большое количество иностранных слов. Выступая за сотрудничество с европейскими учеными, Ломоносов в то же время осуждал слепое заимствование из «чужеродных сочинений» иностранных слов, понятий. Советовал использовать их только в необходимых ситуациях, поскольку «тончайшие философские воображения и рассуждения» на русском языке отличаются «пристойностью» и выражают суть «вещи». Ломоносов довольно часто применял в педагогических работах терминологию греко-латинского происхождения. Педагогические термины ученого отличались точностью, обобщенностью, логичностью. Он стремился к тому, чтобы язык науки был доступным для широких слоев населения. Ломоносов ввел в научное употребление такие понятия и термины, как *воспитание* (воспитатель, воспитывающиеся), *гимназия (*гимназический дом, гимназисты), *занятия, знания, класс, каждый год (*имея в виду учебный год), *лекции, обучать (*обучение, обучающиеся), *познание, учение, урок* и др. Он модернизировал многие понятия церковнокнижного происхождения. Довольно часто Ломоносов употреблял такие сочетания, как «любление к наукам», «изусть твердить», «речение» и др. В его работах имеются как общепедагогические термины (воспитание, образование, обучение), так и дидактические, и воспитательные. Он широко использовал школоведческие понятия: школа, училище, директор и др. Часть терминов была заимствована из уставов западноевропейских учебных заведений: академия, куратор, аудитор и т. п. Разнообразными педагогическими понятиями Ломоносов обозначал разделы науки, методы обучения и воспитания,

[1] *Ломоносов М. В.* Т. 7. С. 392.

этические качества личности преподавателей, молодых людей.

Педагогическая терминология Ломоносова богата психологическим содержанием. Он считал, что такой подход позволяет глубже и объективнее проникнуть во внутренний мир человека, познать его. Ломоносов ввел в научное обращение необычайно многообразный набор слов, который раскрывает психологическое состояние людей: душевные дарования, дружелюбие, жестокосердие, любовь, любопытство, лютость, лицемерие, милосердие и т. д. Он часто употреблял такие термины, как память, внимание, обоняние, осязание, ощущения.

«Трудами Ломоносова в научное изложение предмета была введена лексика повседневного употребления. Отныне информация о достижениях науки становилась доступной большому кругу русского общества. Тем самым опровергалось широко распространенное в то время не только в России, но и в Западной Европе мнение, что научные мысли можно выражать только на латинском языке, а научно объясняться можно только на иностранном языке. Благодаря Ломоносову наука в России стала развиваться на родном языке, который значительно обогатился и расширился».[1]

Таким образом, XVIII век — век Просвещения — оказал благотворное влияние на развитие педагогической науки и просвещения в России. Этот период характеризуется появлением целого ряда школьных проектов, в которых нашли отражение как прогрессивные идеи, так и положения, поддерживаемые официальными кругами. Преобразованиями Петра I было положено начало светскому образованию. Однако в целом основная масса населения оставалась неграмотной. Сохранился сословный характер образования. Немногие представители простого народа могли достичь вершин в науке.

Одним из таких людей был Ломоносов, с именем которого непосредственно связана история педагогической мысли и просвещения России XVIII в. На протяжении двадцатилетней педагогической деятельности он занимался организацией учебного дела в стране, преобразовывал работу академической гимназии и университета, внедрял классно-урочную систему обучения, разрабатывал учебные планы, программы по предметам, фундаментальные методические учебные пособия. Ломоносовский период в педагогике и просвещении называют новым периодом русской образованности.

Ломоносов разработал оригинальную педагогическую теорию, отличающуюся заботой о человеке, опорой на национальные традиции. Он не противопоставлял воспитательный опыт наций и народностей, входивших в состав России, а предлагал использовать прогрессивное в нем. Самобытность первого русского академика как педагога состоит в том, что он смело боролся со старыми представлениями в педагогической области, разрабатывал и внедрял оригинальные идеи по воспитанию и образованию молодежи.

[1] *Павлова Г. Е., Федорова А. С.* Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1988. С. 393.

Т. С. Буторина

О значении науки и просвещения в воспитании и образовании

О сохранении и размножении российского народа

Милостивый государь Иван Иванович.

Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их вашему высокопревосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества в уповании, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее, что вашим проницательством и рачением разобрано, расположено и к подлинному исполнению приведено быть может. Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Сии толь важные главы требуют глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо. Итак, м. г., извините мою дерзость, что, не имея к тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени только из усердия, которое мне не позволяет ничего (хотя бы только и по-видимому) полезного обществу оставить под спудом. Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и раз-

множением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей. Божественное дело и милосердыя и человеколюбивыя нашея монархини кроткого сердца достойное дело — избавлять подданных от смерти, хотя бы иные по законам и достойны были. Сие помилование есть явное и прямо зависящее от ея материнския высочайшия воли повеления. Но много есть человекоубивства и еще самоубивства, народ умаляющего, коего непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконений вскоренившихся, истребить невозможно.

1

В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему, с натурою спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество — не супружество и сверх того вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу. Мальчик, побуждаем будучи от задорной взрослой жены, усиливанием себя прежде времени портит и впредь в свою пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужеский возраст, то жена скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее. Хотя ж она и в малолетство мужнее может обрюхатить непозволенным образом, однако, боясь бесславия и от мужних родителей попреку и побоев, легко может поступить на детоубивство еще в своей утробе. Довольно есть и таких примеров, что, гнушаясь малым и глупым мужишком, спознавается жена с другим и, чтоб за него выйти, мужа своего отравливает или инако убивает, а после изобличена предается казни. Итак, сими непорядками еще нерожденные умирают и погибают повинные и неповинные. Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно, и хотя непозволенною любовию недостаток может быть наполнен, однако сие недружелюбия, подозрения, беспокойства и тяжеб в наследстве и больших злоключений причиною бывает. Для сего вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старее разве только двумя годами, а жених старее может быть 15 летами. Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины родят едва далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны. Всего сходнее, ежели муж жены старее от 7 до 10 лет. Хотя ж по деревням и показывают причины, что женят малых ребят для работниц, однако все пустошь, затем что ежели кто семью малую, а много пашен или скота имеет, тот наймуй работников, прими третьщи-

ков или половинщиков, или продай излишнее другому.

2

Неравному супружеству много подобно насильное, ибо где любви нет, ненадежно и плодородие. Несогласия, споры и драки вредят плоду зачатному и нередко бывают причиною безвременному и незрелому рождению. Для того должно венчающим священникам накрепко подтвердить, что(б) они, услышав где о невольном сочетании, оного не допускали и не венчали под опасением лишения чина, жениха бы и невесту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены в церковь к венчанию, но несколько прежде.

3

Хотя больше одной жены вдруг иметь в нашем законе не позволяется, однако четвертая после третьей смерти в наших узаконениях не заказана, кроме того, что некто Арменопул, судья солунский, заказал приватно, положась, как уповаю, на слова Назианзиновы: «Первый брак закон, вторый прощение, третий пребеззаконие». Но сие никакими соборными узаконениями не утверждено, затем что он сие сказал как оратор, как проповедник, а не как законодавец, и, невзирая на слова великого сего святителя, церковь святая третий брак благословляет, а четвертого запрещение пришло к нам из Солуня, а не от вселенских соборов или монаршеских и общенародных узаконений. Сие обыкновение много воспрещает народному приращению. Много видал я вдовцов от третьей жены около 30 лет своего возраста, и отец мой овдовел в третий раз хотя 50 лет, однако еще в полной своей бодрости и мог бы еще жениться на четвертой. Мне кажется, было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен по примеру других христианских народов. Правда, что иногда не без сомнительства бывает, все ли происходило натурально, когда кто в третий и притом в немногие годы овдовеет, и не было ли какого потаенного злодейства? Для сего лицо, требующее четвертого или пятого брака, должно представить в свидетели соседей или, еще лучше, родственников по первым супружествам, что в оных поступки его были незлобны и беззазорны, а у кого окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах, тем лицам не позволять четвертого брака.

4

Вошло в обычай, что натуре человеческой противно (противно ли законам, на соборах положенным, не помню), что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасенью дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекается. Смешная неосторожность! Не позволяется священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человек молодой, живучи в монашестве без всякой печали,

довольствуясь пищами и напитками и по всему внешнему виду здоровый, сильный и тучный, не был бы плотских похотей стремлениям подвержен, кои всегда тем больше усиливаются, чем крепче запрещаются? Для сих причин кажется, что молодым вдовым попам и дьяконам надобно позволить второй брак и не постригать прежде лет пятидесяти или, сняв чин священства, позволять быть мирскими чиновниками. Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини, которое хотя в нынешние времена и умалилось пред прежним, однако еще много есть излишества, особливо в Малороссии и при синодальных школах. Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости не что иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубивствах, когда законопреступление закрывают злодеянием. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет.

5

Вышеописанное касалось больше до обильнейшего плодородия родящих; следующее надлежит особливо до сохранения рожденных. Хотя запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением к супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указанных лет принятия монашеского чина, несомненно, воспоследовать может знатное приумножение народа и не столько будет беззаконнорожденных, следовательно, и меньше детского душегубства, однако по разным случаям и по слабости человеческого сложения быть тому невозможно, чтобы непозволенным сластолюбием или и насильством обременная женщина, не хотя быть обесславлена, не искала бы способов утаить своего беззакония и несчастия, отчего иногда в отчаянии матери детей своих убивают. Для избежания столь ужасного злодейства и для сохранения жизни неповинных младенцев надобно бы учредить нарочные богаделенные домы для невозбранного зазорных детей приему[1], где богаделенные старушки могли б за ними ходить вместо матерей или бабок, но о сем особливо, в письме о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6

Следуют сему младенческие болезни, изнуряющие и в смертные челюсти повергающие начинающуюся жизнь человеческую, из которых первое и всех лютейшее мучение есть самое рождение. Страждет младенец не менее матери, и тем только разнится их томление, что мать оное помнит, не помнит младенец. Коль же оно велико, изъявляет Давид-пророк, ибо, хотя изобразить ужасные врагов своих скорби, говорит: «Тамо болезни яко рождающия» (сиречь женщины). Проходя болезненный путь в прискорбный и суетный свет, коль часто нежный человек претерпевает великие повреждения, а особливо в голове, тем, что в самое свое рождение лишается едва начатыя жизни и впервые почерпнутый дух в последнее испускает либо несколько часов или дней

только лишь с настоящею смертию борется. Сие первое страдание, которым нередко из рожденных живых на весь век здравие повреждается. Сего иначе ничем не можно отвратить или хотя несколько облегчить, как искусством повивальных бабок и осторожностию беременных. Потом следует болезнь при выходе зубов, младенцам часто смертоносная, когда особливо падучую болезнь с собою приносит. Также грыжи, оспа, сухотка, черви в животе и другие смерти детской причины, все требуют знания, как лечить нежных тел болезни. Для умаления толь великого зла советую в действие произвести следующее: 1) Выбрать хорошие книжки о повивальном искусстве и, самую лучшую положив за основание, сочинить наставление на российском языке или, сочинив на другом, перевесть на российский, к чему необходимо должно присовокупить добрые приемы российских повивальных искусных бабок; для сего, созвав выборных, долговременным искусством дело знающих, спросить каждую особливо и всех вообще и, что за благо принято будет, внести в оную книжицу. 2) Для излечения прочих детских болезней, положив за основание великого медика Гофмана, который, упражнявшись чрез 60 лет в докторском звании, при конце жизни писал наставление о излечении младенческих болезней, по которым я дочь свою дважды от смерти избавил, и присовокупив из других лучшее, соединить с вышеписанною книжкою о повивальном искусстве; притом не позабыть, что наши бабки и лекари с пользою вообще употребляют. 3) В обеих совокупленных сил искусств[ах] в одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части нетрудно было сыскать везде в России, затем что у нас аптеками так скудно, что не токмо в каждом городе, но и в знатных великих городах поныне не устроены, о чем давно бы должно иметь попечение; но о сем особливо представлено будет. 4) Оную книжку напечатав в довольном множестве, распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и других наставлением пользовать. По исчислению умерших по приходам, учиненному в Париже, сравнив их лета, умирают в первые три года столько же почти младенцев, сколько в прочие, до ста считая. Итак, положим, что в России мужеска полу 12 миллионов, из них состоит один миллион в таком супружестве, что дети родятся, положив обще, один в два года. Посему на каждый год будет рожденных полмиллиона, из коих в три года умирает половина или еще по здешнему небрежению и больше, так что на всякий год достанется смерти в участие по сту тысяч младенцев не свыше трех лет. Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?

7

Доселе о натуральных обстоятельствах, младенцам вредных; остается упомянуть о повреждениях, от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная, без примешения, и

вменяют теплоту за примешанную материю, а не думают того, что летом сами же крестят теплою водою, по их мнению смешанною. Итак, сами себе прекословят, а особливо по своему недомыслию не знают, что и в самой холодной воде еще теплоты очень много. От замерзания в лед принимает вода в себя стужу до 130 градусов, да и тут можно почесть ее горячею, затем что замерзающая ртуть несравненно большее расстояние от сего градуса имеет, нежели вода от кипятка до замерзания. Однако невеждам попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властию, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною, затем что холодная исшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу, конечно, вредна, а особливо который много претерпел в рождении. Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, оная смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?

8

Бедственному младенческому началу жизни следуют приключения, нападающие на здравие человеческое в прочем оныя течении. И во-первых, невоздержание и неосторожность с уставленными обыкновениями, особливо у нас в России вкоренившимися и имеющими вид некоторой святости. Паче других времен пожирают у нас масленица и св. неделя великое множество народа одним только переменным употреблением питья и пищи. Легко рассудить можно, что, готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно. Разговенье тому ж подобно. Да и дивиться не для чего. Кроме невоздержания в заговенные дни питием и пищею стараются многие на весь в[еликий] пост удовольствоваться плотским смешением законно и беззаконно и так себя до чистого понедельника изнуряют, что здоровья своего никоею мерою починить не могут, употребляя грубые постные пищи, которые и здоровому желудку тягостны. Сверх того, вскоре следует начало весны, когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывшие во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам с мокротными и цинготными рыбами в желудок, в легкое, в кровь, в нервы и во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рождают болезни в здоровых, умножают оные в больных и

смерть ускоряют в тех, кои бы еще могли пожить долее. После того приближается светлое Христово воскресенье, всеобщая христианская радость; тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются страсти господни, однако мысли наши уже на св. неделе. Иной представляет себе приятные и скоромные пищи, иной думает, поспеет ли ему к празднику платье, иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иной ожидает, прибудут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и, несомненно, чает случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели. Христос воскресе! только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены? Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломят, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягощенные объедением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О, истинное христианское пощение и праздненство! Не на таких ли бог негодует у пророка: «Праздников ваших ненавидит душа моя, и кадило ваше мерзость есть предо мною!» Между тем бедный желудок, привыкнув чрез долгое время к пищам малопитательным, вдруг принужден принимать тучные и сильные брашна в сжавшиеся и ослабевшие проходы и, не имея требуемого довольства жизненных соков, несваренные ядения по жилам посылает, они спираются, пресекается течение крови, и душа в отворенные тогда райские двери из тесноты тела прямо улетает. Для уверения о сем можно справиться по церковным запискам: около которого времени в целом году у попов больше меду на кутью исходит? Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышеписанных строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно. Правда, что, ежели кто на масленице приуготовляется к посту житием умеренным, в пост не изнуряет себя излишне и говеет больше духом, нежели брюхом, на св. неделе радуется о препровождении в[еликого] поста в истинных добродетелях, в трудах, обществу полезных и богу любезных, а не о том, что дожил до разрешения на вся, тот, конечно, меньше почувствует припадков от нездорового времени, а особливо когда трудами кровь приводит к движение и, словом, содержит себя хотя то постными, то скоромными пищами, однако равно умеренными, без крутых скачков и пригорков. Но здесь, в севере, сие по концам тучное, а в середке сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имеют никакой большой работы и только посеянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды полевые доедают; купцам, за испорченными дорогами и распутицами, почти нет проезду из города в город с товарами; нет кораблям плавания и морским людям довольного движения; военные люди стоят в походах по зимним квартирам, а дома то для моро-

зов, то для слякоти не могут быть удобны экзерциции. Итак, большая часть народа должна остаться в праздности, которая в заговенье и разговенье дает причину к необузданной роскоши, а в пост, с худыми прошлогодними пищами и с нездоровым воздухом соединенная, портит здоровье и жизнь коротит.

Многие скажут: «Да проживают же люди! отцы наши и прадеды жили долгие веки!» Правда, живут и лопари, питаясь почти одною только рыбою, да посмотрите ж, коль они телом велики и коль многолюдны, и сравните их с живущими в том же климате самоядами, питающимися по большей части мясом. Первые ростом мелки, малолюдны, так что на 700 верстах в длину, а в ширину на 300 лопарей толь мало, что и в большие солдатские поборы со всей земли по два солдата с числа душ наймают из нашего народа, затем что из них весьма редко, чтобы кто и по малой мере в солдаты годился. Самояды, напротив того, ростом немалы, широкоплечи и сильны и в таком множестве, что если бы междоусобные частые кровавые сражения между многими их князьками не случались, то бы знатная восточно-северного берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что те российские области многолюднее, где скотом изобильнее, затем что во многих местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом. Если б наша масленица положена была в мае месяце, то великий пост был бы в полной весне и в начале лета, а св. неделя около Петрова дня, то бы кроме новых плодов земных и свежих рыб и благорастворенного воздуха 1) поспешествовало бы сохранению здравия движения тела в крестьянах пахотною работою, в купечестве дальнею ездою по земле и по морю, военным — экзерциею и походами; 2) ради исправления таких нужных работ меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неравного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие, а сверх того, хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерз бы на дороге, как о масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на св. неделе.

Я к вам обращаюсь, великие учители и расположители постов и праздников, и со всяким благоговением вопрошаю вашу святость: что вы в то время о нас думали, когда св. великий пост поставили в сие время? Мне кажется, что вы по своей святости, кротости, терпению и праводушию милостивый ответ дадите и не так, как андреевский протопоп Яков делал, в церкви матерно не избраните или еще, как он с морским капитаном Яньковым в светлое воскресение у креста за непоцелование руки поступил, в грудь кулаком не ударите. Вы скажете: «Располагая посты и праздники, жили мы в Греции и в земле обетованной. Святую четыредесятницу тогда содержать установили, когда у нас полным сиянием вешнего солнца земное богатое недро отверзается, произращает здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздух возобновляет ароматными духами; поспевают ранние плоды, в пищу, в прохлаждение и в лекарство купно служащие; пению нашему для славосло-

вия божия соответствовали журчащие ручьи, шумящие листы и воспевающие сладкогласные птицы. А про ваши полуночные стороны мы рассуждали, что не токмо там нет и не будет христианского закона, но ниже единого словесного обитателя ради великой стужи. Не жалуйтесь на нас! Как бы мы вам предписали есть финики и смоквы и пить доброго виноградного вина по красоуле[2], чего у вас не родится? Расположите, как разумные люди, по вашему климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурное время пользуйтесь умеренно здоровыми пищами. Есть у вас духовенство, равную нам власть от Христа имеющее вязати и решити. Для толь важного дела можно в России вселенской собор составить: сохранение жизни толь великого множества народа того стоит. А сверх того ученьем вкорените всем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цинготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образами ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, бога к милосердию, к щедроте и к люблению нашему преклоняющее. Сохрани[те] данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: «Люби господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего как сам себя (то есть совестию, а не языком)». Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставлять матросов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!

9

Кроме сего впадает великое множество людей и в другие разные болезни, о излечении коих весьма еще мало порядочных есть учреждений, как выше упомянуто, и только по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти. Правда, много есть из них, кои действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и костоправы, так что иногда и ученых-хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить по правилам, медицинскую науку составляющим. К сему требуется по всем городам довольное число докторов, лекарей и аптек, удовольствованных лекарствами, хотя б только по нашему климату пристойными, чего не токмо нет и сотой доли, но и войско российское весьма

не довольно снабжено медиками, так что лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо чтобы всякого осмотреть, выспросить обстоятельства, дать лекарства и тем страждущих успокоить. От такого непризрения многие, коим бы ожить, умирают. Сего недостатка ничем не можно скорее наполнить, как для изучения докторства послать довольное число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам дать между прочими привилегиями власть производить достояных в доктора. Медицинской канцелярии подтвердить накрепко, чтобы как в аптеках, так и при лекарях было довольное число учеников российских, коих бы они в определенное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лет в аптеках, почти никаких лекарств составлять не умеют, а ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при иготе[3], при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают, а немецкими всего государства не наполнить. Сверх того, недостаточное знание языка, разность веры, несходные нравы и дорогая им плата много препятствуют.

10

Смертям от болезни следует насильственные, натуральные и случайные обстоятельства как причины лишения жизни человеческой, то есть моровые язвы, пожары, потопления, морозы. Поветрия на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употреблять должно. Оные состоят в истреблении уже начавшегося или в отвращении приходящего. К первому требуются известные употребительные против такого несчастья средства, и для того, лучшие должно выбрав из авторов, сочинить медицинскому факультету книжку и, напечатав, распродать по государству. Ко второму надобно с бывших примеров собрать признаки, из которых главный есть затмение солнца, причиняющее почти всегда вскоре падеж на скот, а после и на людей поветрие. В наши просвещенные веки знают о том в великом свете обращающиеся люди от астрономов и могут предостеречься, не выпуская скота из дому и не давая травы, того дня снятой: так в других государствах остерегаются два или три дни после, и сами никаких плодов в то время не снимают и не употребляют, говоря, что во время солнечного затмения падают ядовитые росы. Главная причина быть кажется, по моему мнению, что во время затмения закрывается Солнце Луною, таким же телом, как и Земля наша, пресекается круто электрическая сила, которую Солнце на все растения во весь день изливает, что видно на травах, ночью спящих и тоже страждущих в солнечное затмение. Время научит, сколько может электрическая сила действовать в рассуждении поветрия. Затмения во всем государстве не знают, и для того надобно заблаговременно публиковать и что требуется повелеть указами по примеру, как водится в других государствах. Для избавления от огненной смерти служит предосторожность о утолении частых и великих пожаров, о

чем покажется пространно в письме о лучшей государственной экономии. Потопления суть двояки: от наводнения и от неосторожной дерзости, особливо в пьянстве. Первое легко отвратить можно, запретив, чтобы при великих реках на низких местах, вешней особливо воде подверженных, никаких жилищ не было. Сие делается от одной лености, чтоб вода и сено и всякая от воды удобность были близки, однако часто на высоких местах живущие видят весною, сами будучи в безопасности, как скот и люди и целые дома неприступный лед несет в отчаянии всякого спасения. Вторых потоплений ничем отвратить нельзя, не умалив много гощения и пьянства, для коих люди дерзают переезжать чрез реки в бурную погоду, перегрузив суда множеством, или переходить через лед осенью и весною, когда он весьма ненадежен и опасен. В главе о истреблении праздности предложатся способы, равно как и для избавления померзания многих зимой.

11

Немалый ущерб причиняется народу убивствами, кои бывают в драках и от разбойников. Драки происходят вредные между соседями, а особливо между помещиками, которых ничем, как межеванием, утушить не можно. На разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды. Основательнейшие и сильнейшие к тому требуются способы. Следующий кажется мне всех надежнее, бережливее и монархине всемилостивейшей славнее и притом любезнее, затем что он действие свое возымеет меньшим пролитием человеческой крови. Разбойники без пристаница в городах и около деревень пробыть и злодейством своим долго пользоваться не могут. При деревнях держатся, а в городах обыкновенно часто бывают для продажи пограбленных пожитков. Итак, когда им сии места сделаны будут узки и тесны, то не могут долго утаиться; не занадобится далече посылать команды и делать кровопролитные сражения со многими, когда можно иметь случай перебрать по одиночке и ловить их часто. Всевожделенный и долговременный покой внутри нашего отечества чрез полтораста лет, в кое время после разорения от поляков не нужно было стенами защищаться от неприятелей, подал нерадению нашему причину мало иметь попечения о градских ограждениях, и потому большая часть малых городов и посадов и многих провинциальных и губернских городов не токмо стен каменных или хотя надежных валов и рвов, но и деревянных палисадников или тынов не имеют, что не без сожаления вижу из ответов, присылаемых на географические вопросы в Академию наук изо всех городов указом Правительствующего Сената, по моему представлению. Кроме того, что проезжающие иностранные не без презрения смотрят на наши беспорядочные города или, лучше сказать, почти на развалины, разбойники употребляют их к своему прибежищу и также могут закрываться от достойного карания в городе или еще лучше, нежели в деревне, затем что город больше и со всех сторон в него на всяком месте ворота днем и ночью беспрестанно отворены ворам и добрым людям. Когда ж бы всемилостивейше повелеть благоизволено было

все российские города, у коих ограждение рушилось или его и не было, укрепить хотя не каменными стенами, но токмо валом и рвом и высоким палисадником и не во многих местах оставить ворота с крепкими запорами и с надежными мещанскими караулами, где нет гарнизонов, так, чтобы ряды и лавки были внутри ограждения, то бы ворам провозить в город грабленные вещи для продажи было весьма трудно и все для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели в месте, со всех сторон отворенном; а разбойник может быть в воротах скорее примечен, который, не продав грабленых вещей, корысти не получит. Сверх сего, в каждом огражденном городе назначить постоянные ночлеги для прохожих и проезжих с письменными дозволениями и с вывескою и приказать, чтобы каждый хозяин на всякий день объявлял в ратуше, кто у него был на ночлеге и сколько времени, а другие бы мещане принимать к себе в дом приезжих и прохожих воли не имели, под опасением наказания, кроме своих родственников, в городе известных. По всем волостям, погостам и деревням опубликовать, что ежели крестьянин или двое и больше поимают разбойника, приведут его в город или в другое безопасное место и докажут надежными свидетелями и спору в том не будет, то давать приводчикам за всякую голову по 10 рублев из мещанского казенного сбору, и за главных злодейских предводителей, за атамана, эсаула, также и за поимание и довод того, кто держит воровские прибежища, по 30 рублев. Сие хотя довольно быть кажется, где города не в весьма дальном расстоянии, однако многие места есть в России глухие, на 500 и больше верст без городов, прямые убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям; примером служить может лесистое пространство около реки Ветлуги, которая, на 700 верст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму, за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дав знатным селам гражданские права учредить ратуши и всеводствы и оградив надежными укреплениями и осторожностями от разбойников, как выше показано. Сие будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа, но и к особливой славе всемилостивейшей нашея самодержицы яко возобновительницы старых и состроительницы многих новых городов российских.

12

Переставая говорить о потере российского народа болезнями, несчастиями и убивствами, должно упомянуть о живых покойниках. С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных российская корона. Подлинно, что, расположив предосторожности на рубеже литовском, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить с кротостию. Побеги бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов[4]. Итак, мне кажется лучше погранич-

ных с Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству. Для расколу много уходит российских людей на Ветку: находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае? А впредь могут служить способы, кои представятся о исправлении нравов и о большем просвещении народа.

13

Место беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры. Нынешнее в Европе несчастное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насильства удаленных. Пространное владение великой нашей монархини в состоянии вместить в свое безопасное недро целые народы и довольствовать всякими потребами, кои единого только посильного труда от человеков ожидают к своему полезному произведению. Условия, коими иностранных привлечь можно к поселению в России, не представляю, не ведая довольно союзных и враждебных обстоятельств между воюющими и мирными сторонами.

Хотел бы я сочинить примерный счет, сколько бы из сих 13 способов (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных ея императорского величества. Однако требуются к тому для известия многие обстоятельства и немало времени; для того только одною догадкою досягаю несколько, что на каждый год может взойти приращение российского народа больше против прежнего до полумиллиона душ, а от ревизии до ревизии в 20 лет — до 10 миллионов. Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному.

Окончивая сие, надеюсь, что вашему высокопревосходительству что-нибудь понравится из моих доброжелательных к обществу мнений, и прошу о вашем беспрерывном здравии и во всем удовольствии всевышнего строителя и правителя всех народов и языков, произведшего вас в сей день и влившего вам кровь сына отечества к произведению дел полезных, а паче к покровительству наук и художеств, к которым я, равно и к вам от всей искренности усердствуя, с достодолжным высокопочитанием пребываю.

Ноября 1 дня 1761 г.

Из «Краткого руководства к риторике на пользу любителей сладкоречия»

Е. и. в. пресветлейшему государю великому князю Петру Федоровичу, внуку государя императора Петра Великого и Российския империи наследнику, милостивейшему государю.

Пресветлейший великий князь,
милостивейший государь!

В пресветлейшей в. и. в. особе не токмо верные российские подданные твердую надежду будущего своего благополучия благоговейно почитают, но и вся Европа удивляется высоким вашим добродетелям, еще в юности процветающим, как истинной отрасли Петрова священнейшего семени. Взирают на них великим вашим дедом в России основанные науки как на восходящее солнце и от пресветлых его лучей нового щедрот сияния в несомненном уповании ожидают. Благополучны возрастающие в России знания, в которых сам ожидаемый их расширитель, в. и. в., охотно упражняться изволит, равно как великий оных основатель. Благополучны в научении положенные труды сынов российских, которых щедрая вашего высочества рука ободряет к вящему приращению наук в наследной вашей империи. Толь прехвальными и Петрова внука достойными добродетельми ободренный, полагаю к дражайшим стопам в. и. в. сочиненное мною в пользу отечества Краткое руководство к риторике и, припадая подданнейше, прошу на сей нижайший мой труд воззреть милостивейшим оком. Крепкая всевышнего десница да покроет и укрепит неоцененное вашего высочества здравие и к вящей радости и благополучию всего российского народа чрез многие лета да соблюдет невредимо, чего от искреннего усердия подданнейше желаю.

в. и. в. подданнейший раб
Михайло Ломоносов

Генваря 10 дня 1744 г.

Краткое руководство к риторике

§ 1. Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранными речьми представлять и пристойными словами изображать на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить. Кто в сей науке искусен, тот называется ритор.

§ 2. Материя риторическая есть всё, о чем говорить и писать можно, то есть все известные вещи на свете, откуда ясно видеть можно, что

ритор, который большее познание имеет настоящего и прошедшего света, то есть искусен во многих науках, тот изобильнее материи имеет к своему сладкоречию. И для того, кто желает быть совершенным ритором, тот должен обучиться всем знаниям и наукам, а особливо гистории и нравоучительной философии.

§ 3. Представленная от ритора материя словесно или письменно называется слово, которого считают три рода: указательный, советовательный, судебный. Указательный состоит в похвале или в охулении, советовательный в присоветовании или отсоветовании, судебный в оправдании или в обвинении. Сей последний род слова в нынешние веки больше не употребляется, для того и в правилах риторических об нем мало пишут, чему и я последую, а особливо для того, что он включен в двух первых родах.

§ 4. Предлагаемое слово может быть изображено прозою или поэмою. В прозе располагаются все слова обыкновенным порядком, и части не имеют точно определенной меры и согласия складов. В поэме все части определены известною мерою и притом имеют согласие складов в силе и звоне. Первым образом сочиняются проповеди, гистории и учебные книги. Последним составляются оды и других родов стихи. Риторика учит сочинять слова прозаические, а о сложении поэм предлагает поэзия.

§ 5. Риторика разделяется на четыре части: первая есть изобретение, вторая — украшение, третия — расположение, четвертая — произношение.

Представление в Академическое собрание о постройке Химической лаборатории

Славнейшие мужи!

Возвратясь по окончании учебных занятий в Германии на родину, я был зачислен в число адъюнктов нашей славной Академии, причем особенно желал получить возможность усерднейшим образом заниматься химией. Поэтому в январе 1742 г., в мае 1743 г. и затем в марте месяце текущего года я просил Канцелярию Академии озаботиться постройкой химической лаборатории и приобретением всего необходимого для химической работы. Не получив желаемого, я вынужден по сей день заниматься только чтением химических книг да умозрением. Так как теперь я назначен профессором химии, то вы согласитесь, конечно, что моя обязанность высказать вам свое мнение о необходимости постройки Химической лаборатории и снабжения ее всеми приборами. Хотя денег на это потребуется немало, однако не сомневаюсь, что необходимые средства будут отпущены из императорской казны. На это позволяет надеяться щедрость нашей всемилостивейшей государыни, особенно же потому, что еще недавно она соблаговолила назначить достаточный кредит для пополнения Астрономической обсерватории большим количеством астрономических инструментов.

Мне казалось бы целесообразным указать при этом, что химические опыты приносят не меньше света естественным наукам, не меньше пользы государству и славы академикам, чем другие искусства и науки, что следует подтвердить примерами других знаменитых академий.

Каким образом полагал бы я устроить Лабораторию и производить операции, о том говорится в нижеследующих пунктах.

1

Сама Лаборатория с каморкой и очагом должна быть выстроена из кирпича, как показано на приложенном основном чертеже, где вместе с тем наглядно представлено количество и расположение печей.

2

Профессор химии должен жить поблизости от того места, где будут производиться химические операции. Так как последние часто длятся целые дни, то необходимо, чтобы его дом был соединен с Химической лабораторией. Для безопасности от огня, который придется поддерживать в Лаборатории нередко даже и ночью, считаю нужным, чтобы и самый дом был выстроен из кирпича.

3

В прошении, думаю, не следует определять издержек, которых потребует постройка Лаборатории и дома и приобретение на первых порах химических веществ и оборудования; всю заботу о постройке следует возложить на архитектора, чтобы впоследствии, при сдаче отчетов, у академиков не возникло каких-либо неприятностей.

4

При производстве химических операций нужно будет: 1) тщательно очищать естественные и искусственно полученные тела, обычно подвергаемые химическому исследованию; 2) изучать их смешение путем синтеза и анализа; 3) путем соединения разных тел отыскивать новые производные; 4) повторять с должной внимательностью произведенные в других местах опыты, успех которых до сих пор был сомнителен; 5) осмотрительно применять физические инструменты, которые могут употребляться при химических операциях, а что применять их при этом можно, в этом мы убедились, производя растворение в пустоте.

5

Все опыты нужно будет тщательно описывать и ежегодно представлять Конференции в виде химического дневника, новые же и более редкие — публиковать в «Комментариях».

Так пожелал и счел своим долгом изложить дело

М. Ломоносов, химии профессор

Октября 25 дня нынешнего 1745 г.

Список наук в Академии с распределением их на три класса

В первом классе

1. Высокой математики.
2. Астрономии.
3. Географии.
4. Механики.
5. Оптики.
6. Все математики.
7. Архитектуры.
8. Астрономии второй.
9. Географии второй.
10. Высокой математики второй.

Во втором классе

1. Физики экспериментальной.
2. Физики теоретической.
3. Химии.
4. Металлургии.
5. Анатомии.
6. Физиологии и патологии.
7. Хирургии.
8. Ботаники.
9. Зоологии.
10. Физики третьей.

В третьем классе

1. Юриспруденции иностранной.
2. Юриспруденции российской.
3. Гистории западной.
4. Гистории российской.
5. Философии.
6. Элоквенции.
7. Пиитики.
8. Древностей.
9. Восточных языков.
10. Европейских языков.

Декабря 1745 г.

Программа

Смотреть на роскошь, преизобилующия натуры, когда она в приятные дни наступающего лета поля, леса и сады нежною зеленью покрывает и бесчисленными родами цветов украшает; когда текущие в источниках и реках ясные воды с тихим журчаньем к морям достигают и когда обремененную семенами землю то любезное солнечное сияние согревает, то прохлаждает дождя и росы благорастворенная влажность; слушать тонкий шум трепещущихся листов и внимать сладкое пение птиц есть чудное и чувства и дух восхищающее увеселение. Ожидать плодородия от полей и садов, в поте лица посеянных и насажденных, взирать на зыблющиеся желтые класы и на плоды, обременившие ветви и руку

господина своего, уже к себе привлекающие, есть сладчайшая и труд понесенный в забвение приводящая надежда. Собирать полные рукояти благословенныя жатва и зрелые плоды неповинною рукою и теми наполнять гумна и житницы свои вожделенное и без опасностию огражденное есть удовольствие. Но высшее всего, и сердце и ум наш к небу возводящее, спасительное есть дело представлять в уме своем непостижимое величество и непонятную премудрость всевышнего зиждителя, показавшего нам сие толь дивное позорище, сложенное из различных тварей на увеселение и пользу нашу, и за сие благодарить его щедроте.

Сии суть истинные блаженства рода человеческого и беспорочные преимущества, которыми хвалятся древние веки, успокоившие первых обитателей вселенныя и которыми, может быть, и ныне некоторые, препровождая неповинную и безмятежную жизнь, услаждаются.

Но хотя они толь приятны, вожделенны, полезны и святы, однако могут приведены быть в несравненно высшее достоинство, чего должно искать в подробном познании свойств и причин самих вещей, от которых сии блаженства и преимущества происходят. Кто, разобрав часы, усмотрел изрядные и приятные фигуры частей, пристойное их расположение, взаимный союз и самую причину движения, не больше ли веселится их красотою, не надежнее ли чает в них постоянного движения, не безопаснее ли полагается на их показание времени, не вяще ли удивляется хитрому художеству и хвалит самого мастера, нежели тот, кто смотрит только на внешний вид сея машины, внутреннего строения не зная? Равным образом, кто знает свойства и смешение малейших частей, составляющих чувствительные тела, исследовал расположение органов и движения законы, натуру видит как некоторую художницу, упражняющуюся перед ним без закрытия в своем искусстве, видит, как она почти умерщвленные от зимнего хладу древа весною паки оживляет, как обогащает лето жатвою и плодами и готовит семена к будущему времени, как день и ночь, зной и стужу умаляет и умножает, движет и удерживает ветры, дождь ниспускает, зажигает молнии и громом смертных устрашает, управляет течение вод и прочие удивительные действия производит; коль вящее увеселение имеет он перед тем, кто только на внешний вид вещей смотрит и вместо самих почти одну тень оных видит. Кто таковые мысленные рассуждения о натуральных вещах в гражданских или домостроительных предприятиях в действие производит, того надежда об окончеваемых его делах тем тверже есть и увеселительнее, тем безопаснее и полнее есть его удовольствие по окончании оных, тем яснее видит он сокровенные силы рачительныя натуры в произведении самих оных вещей. Но кто притом представляет еще всесильного строителя и начальника натуры, взирает просвещенным и проницающим оком в сокровенные внутренности многообразных тварей, видит взаимным союзом соединенные и стройным чином расположенные их части, таинства иным несведомые, в которых непостижимая зиждителева премудрость тем великолепнее является, тем тончае есть оных строение, тот не токмо легкими крилами благоговения к небу восхищается, но и сам якобы в некое обоже-

ние приходит.

Из сих всех явствует, что блаженства человеческие увеличены и в высшее достоинство приведены быть могут яснейшим и подробнейшим познанием натуры, которого источник есть натуральная философия, обще называемая физика. Она разделяет смешение, различает сложение частей, составляющих натуральные вещи, усматривает в них взаимные действия и союз, показывает оных причины, описывает непоколебимо утвержденные от создателя естественные уставы и в уме воображает, что от чувств наших долготою времени, дальностию расстояния или дебелостию великих тел закрыто или для безмерной тонкости оным не подвержено.

Сея толь полезныя и достохвальныя науки основанием суть надежные и достоверные опыты над разными телами и оных действиями, с надлежащею осторожностию учиненные, из которых выводят и поставляют мысленные физические предложения, показывают и доводами утверждают причины натуральных перемен и явлений. Для того приступающим к учению натуральной философии предлагаются в академиях прежде, как подлинное основание, самые опыты, посредством пристойных инструментов, и присовокупляют к ним самые ближние и из опытов непосредственно следующие теории.

Императорской Академии наук здесь присутствующие члены по узаконению премудрого ее основателя Петра Великого кроме обыкновенных трудов, которые от них полагаются на изыскание новых приращений в высоких науках, должны трудиться в наставлении молодых людей. По сему узаконению они в сей должности хотя и упражняются, однако их учения по сие время предлагались на чужих языках, и так купно и физические опыты в Академии наук на российском языке никогда толкованы не были. Но как уже в Академическое собрание некоторые российские профессоры вступили, то по указу Правительствующего Сената, Академии наук президент, ее императорского величества действительные камергер и кавалер, граф Кирила Григорьевич Разумовский, определил, чтобы тоя ж Академии член и профессор господин Ломоносов показывал публично физические опыты по сокращенной Вольфианской экспериментальной физике и оные бы толковал на российском языке, которые за помощию божиею начнет он в Академии наук, в физических камерах, сего июня 20 дня, пополудни, в начале третьего часа и будет оные показывать подважды в неделю по вторникам и пятницам, по два часа на день.

Того ради императорская Академия наук желающих учиться натуральной философии на помянутые опыты призывает, ничего иного от них не желая, как только постоянного слушания.

Печатана в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук июня 19 дня 1746 года.

Ода на день восшествия на Всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года

1

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

2

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земныя красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и Тебя.
Ты кроме Той всего превыше;
Душа Ея Зефира тише
И зрак прекраснее Рая.

3

Когда на трон Она вступила,
Как Вышний подал Ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец,
Тебя, прияв, облобызала.
«Мне полно тех побед, — сказала, —
Для коих крови льется ток.
Я россов щастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток».

4

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас.
О, коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены

До звезд плескание и клик,
Когда Ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт Твоих прекрасный лик!

5

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения Твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает:
Он брег с весельем оставляет,
Летит корма меж водных недр.

6

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет Лира восхищенна
Гласить велики имена.

7

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века[1].
Сквозь все препятства Он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

8

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на Российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна

И зданиями окруженна
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с онаго пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

9

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему Монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в Российском роде новы
Чистейшаго ума плоды».
Монарх к Себе их призывает;
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

10

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный Муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком[2],
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И Музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

11

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь,
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, естьли б жизнь Ея продлилась,
Давно б Секвана[3] постыдилась
С своим искусством пред Невой.

12

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О, коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!

Все холмы покрывают лики,
В долинах раздаются клики:
«Великая Петрова Дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство Муз усугубляет
И к щастью отверзает дверь».

13

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ея мешает
Плачевный побежденных стон.

14

Сия Тебе единой славе,
Монархиня, принадлежит,
Пространная Твоя держава
О, как Тебя благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет:
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью Твоей цветет.

15

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в щастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу,
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

16

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами

Твои взвевает знамена;
Но Бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И breги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

17

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокия леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком,
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

18

Широкое открыто поле,
Где Музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар Твой до небес прославим
И знак щедрот Твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В Твою державу от Манжур.

19

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм!
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб Российский[4] через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

20

Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;

Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

21

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием,
Сребро и злато истекает
Во всем наследии Твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневнаго светила
Он мрачный отвращает взор.

22

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

23

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В щастливой жизни украшают,
В нещастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

24

Тебе, о милости Источник,
О Ангел мирных наших лет!

Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против Тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
С числом щедрот Твоих сравнит.

Репорт президенту АН о назначении в химическую лабораторию студентов

Сиятельнейшему графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому, е. и. в. действительному камергеру, Академии наук президенту, гвардии подполковнику и разных орденов кавалеру

Репорт

1

По построении под моим смотрением Химической лаборатории в Ботаническом огороде старался я как в конце 1748 года, так и в генварской трети минувшего 1749 года удовольствовать оную нужными материалами, посудою и инструментами, а в следующие две трети, во-первых, заготовлял разные спирты и другие простые продукты, а потом предпринял опыты, для которых химические лаборатории при академиях бывают.

2

По регламенту Академии наук профессорам должно не меньше стараться о действительной пользе обществу, а особливо о приращении художеств, нежели о теоретических рассуждениях, а сие больше всех касается до тех, которые соединены с практикою, каково есть химическое искусство. Того ради за благо я рассудил, во-первых, изыскивать такие вещи, которые художникам нужны, а выписывают их из других краев и для того покупают дорогою ценою. Итак, в конце прошлого лета и по осени искал я способов, как делать краски для живописи, и нашел, как делать лазурь берлинскую, которой два сорта при сем прилагаю: под нумером 1-м делана с купоросом русским, под нумером 2-м сделана с немецким. А ежели английский купорос к тому употреблен будет, которого мне еще иметь не случилось, то выйдет из того лазурь добротою много выше. Приложенные при сем сорты становятся в 75 копеек фунт, не считая работы, которая, однако, весьма немного будет стоить.

3

Стекла разных цветов употребляют в финифть и в финифтяную живопись, на малеванье фарфоровой и финифтяной посуды, на мусию и на другие украшения и сверх того из таких стекл можно делать

немалые плиты разных цветов, наподобие аспида и мрамора. Для того прилагаю я возможное старание, чтобы делать стекла разных цветов, которые бы к помянутым художествам годны были, и в том имею нарочитые прогрессы. При всех сих практических опытах записываю и те обстоятельства, которые надлежат до химической теории.

4

А понеже химии никоим образом научиться невозможно, не видав самой практики и не принимаясь за химические операции, для того весьма нужно и полезно, чтобы определить ко мне двух или трех студентов, которые бы, слушая мои лекции, и в практике могли упражняться: и труды бы мои двоякую приносили пользу, то есть новыми изобретениями для художеств и наставлением студентов.

Того ради ваше сиятельство нижайше прошу для показанной пользы к научению химии определить студентов, чтобы они впредь могли плоды свои принести отечеству. Генваря 19 дня 1750 года.

О сем репортует и просит химии профессор Михайла Ломоносов.

Января 19 дня 1750 г.

Предложение об организации мозаичного дела

Всенижайшее предложение о учреждении здесь мозаичного дела.

Всемилостивейшее принятие от меня опыта мозаичного искусства подало мне надежду, что сие дело высокоматерним монаршеским попечением здесь далее простираться станет и в полное совершенство приведено быть имеет. Для того по моей всеподданнейшей должности всенижайше предлагаю, каким образом можно в оном деле простираться и что к тому потребно.

1

Главное дело к сему надобно иметь материю, то есть мозаичные составы, которые чрез божию помощь всех цветов с тенью и светом изысканы, для чего учинено мною 2184 опыта в огне, и можно оных составов здесь делать желаемое количество из здешних материалов. Доброта изобретенных здесь мозаичных составов ничем не уступает римским, что довольно видеть можно по тем составам, которые выписал из Рима его сиятельство рейхсграф и вице-канцлер Михайло Ларионович Воронцов для сношения их со здешними.

Ценою помянутые составы будут приходить по 10 копеек фунт, вообще считая, ежели их делать в знатном количестве.

В квадратный фут мозаичного дела пойдет по исчислению 12 фунтов, следовательно, придет квадратный фут в 1 руб. в 20 коп.

2

Сделанные составы должно разделять на куски пристойной величины и фигуры, чтобы ими можно было набирать разных родов живописные изображения, и оные куски скреплять твердою мастикою. К

разделению материи на приличные куски изобретены мною легкие способы и мастики разных сортов и цветов, весьма крепкие.

3

Составление образов и портретов мозаичных хотя и не беструдное дело, однако сия трудность скоро преодолена будет, ежели к положенному доброму основанию постоянное старание присовокупится. Мелединая в набирании работа пристойными способами весьма ускорена быть может, которые также мною изысканы.

4

Скорость составления можно исчислять по примеру моего опыта, который хотя сделан в пять месяцев с половиною, однако, выключая время, положенное на лекции студентам и на другие до физики и до российского слова касающие упражнения, нельзя больше на то почесть, как два месяца. Посему посредственный живописец, которому способы мною показаны будут, может в год поставить 12 футов квадратных мозаики, которая представляет образы или портреты. Мозаичных ландшафтов, картушей и других украшений, что делать много легче, нежели лица, может сделать 5 и 6 квадратных футов в месяц, а мраморного или гладкого поля и по 15 футов в месяц. Все сие, ежели для высокости места набирать крупными кусками, то можно сделать вдвое и втрое больше.

5

Итак, ежели всемилостивейше повелено будет для набору мозаики шесть человек и живописных учеников от Академии наук, Канцелярии от строений и других команд выбрать и определить к показанным трем сортам мозаики по два человека, то могут они в год набрать, считая вообще все три разные сорта, до тысячи квадратных футов.

6

Для учреждения сего дела должно иметь каменный дом и при нем двор для поклажи, который для ускорения всемилостивейшим повелением из описанных на то дан быть может.

7

Для свидетельства мозаичных составленных живописных изображений по всемилостивейшему повелению искусные живописцы назначены быть могут, по которых рассуждению помянутые составщики исправлять имеют.

8

Для первого начала сего дела сколько людей и денег потребно, из нижеписанного явствует.

На мозаичные составы, считая работников, дрова и материалы, в год	120	рублев
Составному мастеру	250	
Двум первым наборщикам по 120 рублев	240	
Двум, что под ними, по 72	144	
Двум последним по 50	100	
Двум разбивщикам по 50	100	
Двум точильщикам по 50	100	
Составному ученику 48	48	
Комиссару, который должен быть у казны и у материалов и смотреть над мастеровыми людьми и работниками	250	
При нем подьячему	48	
12 человек истопников и работников по 30 рублев	360	
На дрова для топления в вышеупомянутом доме покоев	150	
На бумагу, на свечи и на мелкие расходы	200	
В год всего	3190	рублев

9

Ежели всемилостивейше позволено будет делать на продажу мозаичные столы, кабинеты, зеркальные рамы, шкатулки, табакерки и другие домашние уборы и галантереи, то будут сии заводы сами себя окупать и со временем приносить прибыль, и ради скорейшего в деле успеха на прибыльных деньгах больше людей содержать можно будет. Сие все имеет служить к постоянному украшению церквей и других знатных зданий, а особливо к славе е. и. в. и отечества.

Сие всенижайше предлагает коллежский советник и химии

профессор *Михайло Ломоносов*

Сентября 25 дня 1752 г.

Письмо о пользе стекла к высокопревосходительному господину генералу порутчику, действительному Ея Императорскаго Величества камергеру, Московского университета куратору и орденов Белаго Орла, Святаго Александра и Святыя Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 году

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.
Не редко я для той с Парнасских гор спускаюсь,
И ныне от нея на верьх их возвращаюсь,
Пою перед Тобой в восторге похвалу

Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживого я щастья представляю.
Не должно тленности примером тое[1] быть,
Чего и сильный огнь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель.

С натурой некогда он произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя
Во мрачной глубине, под тягостью земною,
Где вечно он живет и борется с водою,
Все силы собрал вдруг и хляби затворил,
В которы Океан на брань к нему входил;
Напрягся мышцами, и рамена подвинул,
И тяготу земли превыше облак вскинул.
Внезапно черный дым навел густую тень,
И в ночь ужасную переменился день,
Не баснотворнаго здесь ради Геркулеса
Две ночи сложены в едину от Зевеса,
Но Етна правде сей свидетель вечный нам,
Которая дала путь чудным сим родам:
Из ней разжженная река текла в пучину,
И свет отчаясь мнил, что зрит свою судьбину!
Но ужасу тому последовал конец:
Довольна чадом мать, доволен им отец[2].
Прогнали долгу ночь и жар свой погасили
И солнцу ясному рождение открыли.
Но что ж, от недр земных родясь, произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидев, смертные о как ему дивились!
Подобное тому сыскать искусством тщились.
И было в деле сем удачно мастерство:
Превысило своим раченьем естество.
Тем стало житие на свете нам щастливо:
Из чистаго Стекла мы пьем вино и пиво
И видим в нем пример бесхитростных сердец:
Кого льзя видеть сквозь, тот подлинно не льстец.
Стекло в напитках нам не может скрыть примесу.
И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу.
Но столько ли уже, Стекло, твоих похвал,
Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал?
Никак! Сие твоих достоинств лишь начало,
Которы мастерство тебе с природой дало.

Исполнен слабостьми наш краткий в мире век:
Нередко впадает в болезни человек!

Он ищет помощи, хотя спастись от муки
И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
Нередко нам они отраду могут дать,
Умев приличныя лекарства предписать,
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют:
В Стекле одном оне безвредны пребывают.
Мы должны здравия и жизни часть Стеклу.
Какую надлежит ему принесть хвалу!
Хоть вместо онаго замысловаты Хины[3]
Сосуды составлять нашли из чистой глины:
Огромность тяжкую плода лишенных гор
Художеством своим преобразив в Фарфор.
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают,
Однако был бы он почти простой горшок,
Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог.
Оно вход жидких тел от скважин отвращает,
Вещей прекрасных вид на нем изображает.
Имеет от Стекла часть крепости Фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет взор,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть прекрасно,
Стекло являет нам приятно, чисто, ясно.

Искусство, коим был прославлен Апеллес
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц,
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся.

Когда неистовой, свирепствуя, Борей
Стисняет мразом нас в упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемены,
Скрывает человек себя в толстые стены.
Он был бы принужден без свету в них сидеть
Или с дрожанием несносной хлад терпеть,
Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
И лютость холода чрез то же отвращает.
Отворенному вдруг и запертому быть —
Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
Потом, как человек зимой стал безопасен,
Еще притом желал, чтоб цвел всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеленой сад,
Цейлон бы посрамил, пренебрегая хлад,
И удовольствовал он мысли прихотливы:

Зимою за Стеклом цветы хранятся живы,
Дают приятный дух, увеселяют взор
И вам, Красавицы, хранят себя в убор.
Позволь, любитель Муз, я речь свою склоняю
И к нежным сим сердцам на время обращаю.
И Музы с оными единаго сродства:
Подобна в них краса и нежные слова.
Щастливой младостью Твои цветущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стих от оных к сим пренесть не возбранят.
Прекрасный пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждый день себе приятность нову дать.
Но было б ваше все старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя:
Вы вдвое пригожи, Стекло употребя.
Когда блестят на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены:
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росою.
Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила:
Вы также украшать желаете себя.
За тем, прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другие времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вкруг глубокими белеют?
Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам не дало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блещущий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!

Так в бисере Стекло, подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходит кругу.
Им красится народ в полунощных степях,

Им красится Арап на южных берегах.
В Америке живут, мы чаем, простаки,
Что там драгой металл из сребреной реки
Дают Европскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчетно,
Но тем, я думаю, они разумне нас,
Что гонят от своих бедам причину глаз.
Им оны времена не будут в век забвенны,
Как пали их отцы, для злата побиенны.
О коль ужасно зло! На то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшел кругом свет целый,
За тем ли он сошел на красны берега,
Чтоб там себя явить свирепаго врага?
По тягостном труде, снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.
Уже горят царей там древния жилища,
Венцы врагам корысть и плоть их вранам пища!
И кости предков их из золотых гробов
Чрез стены падают к смердящим трупам в ров!
С перстнями руки прочь и головы с убранством
Секут несытые и златом, и тиранством.
Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тираны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные или по истине блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук!

Оставив Кастиллан невинность так попранну,
С богатством в отчество спешит по Океану,
Надеясь оным всю Евроопу вдруг купить.
Но златом волн морских не можно утолить.
Подобный их сердцам Борей, подняв пучину,
Навел их животу и варварству кончину:
Погрязли в глубине с сокровищем своим,
На пищу преданы чудовищам морским.
То бури, то враги толь часто их терзали,
Что редко до брегов желанных достигали.
О коль великий вред! От зла рождалось зло!

Виной толиких бед бывало ли Стекло?
Никак! Оно везде наш дух увеселяет:
Полезно молодым и старым помогает.

По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представляет чувство,
Что кажет в тонкостях натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг,
Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
Тогда противен день, веселие — досада!
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в Стекле божественный имеем?
Что честь достойную воздать ему коснеем?

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огнь возжженный,
Иные Божеску ему давали честь,
Иные, знать хотя, кто с неба мог принесть,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различныя казал искусством чудеса;
За то Минервою был взят на небеса,
Похитил с солнца огнь и смертным отдал в руки,
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки,
Продерзкаго к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал:
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит,
И кровь чрез камни вниз текущая шумит.
О коль несносна жизнь! Позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
Пииты, украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курим табак;
И только лишь о том мы думаем, жалея,
Не свергла ль в пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь телескопы,
Что ныне воскресил труд щастливой Европы?
Не огнь ли он Стеклом умел сводить с небес

И пагубу себе от варваров нанес,
Что предали на казнь, обнесши чародеем?
Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!
Коль точно знали б мы небесныя страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым Клеантом
Не назван был в суде неистовым Гигантом,
Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
Круг центра своего, круг солнца обнести,
Дерзнувшим научать, что все домашни Боги
Терпят великой труд всегдашния дороги:
Вертится в круг Нептун, Диана и Плутон
И страждут ту же казнь, как дерзкой Иксион,
И неподвижная земли Богиня Веста
К упокоению сыскать не может места!
Под видом ложных сил почтения Богов
Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
Дабы она, открыв величество небес
И разность дивную неведомых чудес,
Не показала всем, что непостижна сила
Единаго Творца весь мир сей сотворила,
Что Марс, Нептун, Зевес, все сонмище Богов
Не стоят тучных жертв, ниже под жертву дров,
Что агнцов и волов жрецы едят напрасно:
Сие одно, сие казалось быть опасно!
Оттоле землю все считали посреде.
Астроном весь свой век в бесплодном был труде
Запутан циклами, пока восстал Коперник[4],
Презритель зависти и варварству соперник;
В средине всех планет он Солнце положил,
Сугубое Земли движение открыл:
Однем круг центра путь вседневной совершает,
Другим круг солнца год теченьем составляет,
Он циклы истинной Системой растерзал
И правду точностью явлений доказал.
Потом Гугении[5], Кеплеры[6] и Невтоны,
Преломленных лучей в Стекле познав законы,
Разумной подлинно уверили весь свет,
Коперник что учил, сомнения в том нет.
Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истине они противятся напрасно;

В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной;
Везде Божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем,
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что Бог устроил нам в безмерной глубине.
В ужасной скорости и купно быть в покое —
Кто чудо сотворит, кроме Его, такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как, Божий некогда описывая град,
Вечерний Августин душою веселился.
О, коль великим он восторгом бы пленился,
Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
Под нами б жителей, как здесь, не отрицал,
Без математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка, напрасно он не верил:
Доказывает то подземной Католик,
Кадя златой его в костелах новых лик.
Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим океаном
И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей и птиц, и рыб, плодов и трав несчетных.
Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ:
Он слово Божие употреблял напрасно.
В Системе света вы то ж делаете властно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал Творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг Солнца нашего, среди других планет
Земля с ходящею круг ней Луной течет,
Которую, хотя весьма пространну знаем,
Но, к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
О, коль велико их создавше Божество!
О, коль велика к нам щедрот его пучина,
Что на Землю послал возлюбленного Сына!
Не погнушался Он на малой шар сойти,
Чтобы погибшего страданием спасти.
Чем меньше мы Его щедрот достойны зримся,
Тем больше благости и милости чудимся.
Стекло приводит нас чрез оптику к сему,
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны

Поставлены Творцем: другие невозможны.
В благословенный наш и просвещенный век
Чего не мог дойти по оным человек?

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок онаго конец имеет сила:
Кроме, что вдалеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не досягает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам микроскоп открыл,
Что Бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит,
Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик Создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей, скудели тесной!
Стеклом познали мы толики чудеса,
Чем Он наполнил Понт, и воздух, и леса,
Прибавив рост вещей, оно, коль нам потребно,
Являет трав разбор и знание врачебно.
Коль много микроскоп нам тайностей открыл
Невидимых частиц и тонких в теле жил!

Но что еще? Уже в стекле нам барометры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,
Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
Иль, облаки прогнав, их солнце осушит.
Надежда наша в том обманами не льстится:
Стекло поможет нам, и дело совершится.
Открылись точно им движения светил;
Чрез то ж откроется в погодах разность сил.
Коль могут щастливы селяне быть оттоле,
Когда не будет зной, ни дождь опасен в поле!
Какой способности ждать должно кораблям,
Узнав, когда шуметь или молчать волнам,
И плавать по морю безбедно и спокойно!
Велико дело в сем и гор златых достойно!

Далече до конца Стеклу достойных хвал,
На кои целый год едва бы мне достал.
Затем уже слова похвальны оставляю
И что об нем писал, то делом начинаю.
Однако при конце не можно преминуть,
Чтоб новых мне его чудес не помянуть.

Что может смертным быть ужаснее удара,
С которым молния из облак блещет яра?
Услышав в темноте внезапный треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется слабый ум,
От гневнаго часа желает где б укрыться,
Причины онаго исследовать страшится,
Дабы истолковать, что молния и гром,
Такия мысли все считает он грехом.
«На бич, — он говорит, — я посмотреть не смею,
Когда грозит Отец нам яростью своею».
Но как Он нас казнит, подняв в пучине вал,
То грех ли то сказать, что ветром Он нагнал?
Когда в Египте хлеб довольный не родился,
То грех ли то сказать, что Нил там не разлился?
Подобно надлежит о громе рассуждать.
Но блеск и звук его, не дав главы поднять,
Держал ученых смысл в смущении толиком,
Что в заблуждении теряли путь великом
И истинных причин достигнуть не могли,
Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
Вертясь, Стеклянный шар дает удары с блеском,
С громовым сходственны сверканием и треском.
Дивился сходству ум, но, видя малость сил,
До лета прошлаго сомнителен в том был;
Довольствуя одне чрез любопытство очи,
Искал в том перемен приятных дни и ночи
И больше в том одном рачения имел,
Чтоб силою Стекла болезни одолел,
И видел часто в том успехи вожделенны.
О, коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила туч гремящих мрак наводит,
Котора от Стекла движением исходит,
Что, зная правила, изысканны Стеклом,
Мы можем отвратить от храмин наших гром.
Единство оных сил доказано стократно.
Мы лета ныне ждем приятнаго обратно:
Тогда о истине Стекло уверит нас,
Ужасный будет ли безбеден грома глас?
Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.
Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,
На время ко Стеклу весь труд свой приложу.

Ходя за тайнами в искусстве и природе,
Я слышу восхищен веселый глас в народе.

Елисаветина повсюду похвала
Гласит премудрости и щедрости дела.
Златыя времена! О кроткие законы!
Народу Своему прощает миллионы
И, пользу общую отечества прозря,
Учению велит расшириться в моря[7],
Умножив бодрость в нем щедротою Своею!
А Ты, о Меценат, предстательством пред Нею
Какой наукам путь стараешься открыть,
Пред светом в том могу свидетель верной быть.
Тебе похвальны все, приятны и любезны,
Что тщатся постигать учения полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто перед Ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть Ея кротчайшим слухом
Есть новым в бытии животвориться духом!
Кто кажет старых смысл во днях еще младых,
Тот будет всем пример, дожив власов седых.
Кто склонность в щастии и доброту являет,
Тот щастие себе недвижно утверждает.
Всяк чувствует в Тебе и хвалит обое,
И небо чаемых покажет сбытие.

1752 г.

О нынешнем состоянии словесных наук в России

Коль полезно человеческому обществу в словесных науках упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы. Умолчав о толь многих известных примерах, представим одну Францию, о которой по справедливости сомневаться можно, могуществом ли больше привлекла к своему почитанию другие государства или науками, особливо словесными, очистив и украсив свой язык трудолюбием искусных писателей. Военную силу ее чувствуют больше соседние народы, употребление языка не токмо по всей Европе простирается и господствует, но и в отдаленных частях света разным европейским народам, как единоплеменным, для сообщения их по большой части служит. Посему легко рассудить можно, коль те похвальны, которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного. Противным образом коль вредны те, которые нескладным плетеньем хотят прослыть искусными и, осуждая самые лучше сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно. Примеров далече искать нет нам нужды: имеем в своем

отечестве. Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

1756 г.

Инструкция Географическому департаменту

Его сиятельство ясновельможный гетман и Академии наук г. президент граф Кирила Григорьевич Разумовский при отъезде своем в Малороссию, между прочим, препоручил Академической канцелярии для порядочнейшего учреждения Географического департамента сочинить инструкцию, чего ради во оной Канцелярии за благо рассуждено о помянутом департаменте учинить следующее определение.

1

Определенным во оный департамент гг. профессорам и адъюнктам собираться между собою по однажды в неделю, в такой день и в такие часы, как сами за наиспособнее найдут, в Географическом департаменте для рассуждения о делах, до российской географии касающихся.

2

Упомянутым гг. профессорам преподавать каждому по своей науке все к сочинению вновь или к поправлению прежних карт потребные известия, из которых выбирая новейшее и достовернейшее, показывать обоим адъюнктам употребление оных, а им, адъюнктам, упражняться в действительном сочинении тех карт по имеющимся в Географическом департаменте или по данным им от гг. профессоров и обще опробованным известиям и запискам.

3

Что после каждого собрания в Географическом департаменте как гг. адъюнктами, так и определенными при том департаменте студентами вновь сочинено или сделано будет, оное рассмотреть в следующем собрании и как о продолжении тех работ, так и о прочем, что касаться может до исправления российския географии, иметь рассуждения и для предбудущего собрания назначить общее дело.

4

В таком намерении гг. адъюнктам Географического департамента иметь равный голос и заседание, какой имеют адъюнкты в академических собраниях, причем каждому свое мнение и сумнительства пристойным образом предлагать прочим того департамента членам, а когда за потребно рассудится, то и в журналы записать, кроме же того поступать во всем по большинству голосов.

5

Одному из адъюнктов по рассмотрению г. президента или канцелярии отправлять должность секретаря и содержать порядочный журнал всему, что в географических собраниях за благо принято или, кроме

того, памяти достойное происходить будет, причем присылаемые от канцелярии указы и повеления предлагать ему прочим членам и, что по оным учинено будет, о том паки репортовать в канцелярию.

6

Другому адъюнкту, напротив того, иметь в своем хранении все находящиеся при Географическом департаменте карты и прочие известия, и ежели оным не учинено по сие время точной описи, то оную сделать немедленно и, списав с нее копию, подать в канцелярскую архиву.

7

Без позволения Академии наук г. президента или Академической канцелярии членам Географического департамента никаких имеющихся во оном еще не публикованных карт или других известий никому на сторону не сообщать, в противном же случае подлежать имеют за то тяжкому ответу. Равномерно и им самим, не записав в журнал, ничего на дом к себе не брать. А адъюнктам работы свои отправлять в Географическом департаменте и для того как до полудни, так и после полудни туда приходить и смотреть, чтобы то же и от студентов чинено было.

8

Студентам Географического департамента не запрещается, сидя за стульями членов, слушать их рассуждения и оными пользоваться.

9

Которые из студентов в геодезии и в сочинении карт еще не довольно искусились, оным подавать в том должны гг. адъюнкты всякое наставление и показывать на Обсерватории употребление нужнейших инструментов, дабы они в случаях с пользою и надежностью к отправлениям в губернии и провинции употреблены быть могли. Дни и часы для оного наставления назначить от Собрания географического, как наиудобнее будет.

10

И понеже поправление Российского атласа всегда имеет быть главнейшим намерением Географического департамента, того ради членам оного в их собраниях одну часть российской генеральной карты за другою порядочно рассмотреть, сличая при том все имеющиеся об оных местах известия. Что в печатном атласе окажется неправильно положенное, которое по другим достоверным и новейшим известиям поправлено быть должно, оное в журнале для будущего поправления обстоятельно записать; а о которых местах совсем никакого известия нет или хотя и есть, токмо недостаточно или недостоверно, об оных представить Академической канцелярии, дабы она о доставании оных чрез предлагаемые средства и пути старание свое приложила.

11

При вступлении в действительное поправление какой-либо специальной карты прилежно рассмотреть употребляемые к тому известия и когда основание оных за достаточное признано будет, то о употреблении оных записать в журнал, а без того, по одним только догад-

кам в Российском атласе ничего не переменять.

12

Когда вышеописанным образом какая карта совсем исправлена и окончена будет, то тому, кто оную сочинял, предложить ее Собранию и показать учиненные в ней поправки со всеми обстоятельствами и резонами, а потом всем членам подписать на ней свою апробацию и при репорте подать в канцелярию для вырезывания на меди.

13

Как изо всех академических департаментов, так и из Географического подавать в канцелярию ежемесячные репорты обо всем, что в оном происходить будет.

14

Собирать при Географическом департаменте не токмо все известные поныне печатные карты о России, но и новейшие и исправнейшие прочих стран света, особливо соседственных государств и земель, которым для того сочинить реестр и подать в канцелярию, по чему те карты немедленно выписаны быть имеют.

И. Д. Шумахер,
Михайла Ломоносов,
И. Штелин,
Иван Тауберт

Октября 3 дня 1757 г.

Из «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, *сочиненной Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и Королевской шведской академий наук»*

Вступление

Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своем перемены, что, ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, извнутрь домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастию последовало благополучие большее прež-

него, каждому упадку высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи.

Толикие перемены в деяниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе рассуждая, порядок оных подобен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы.

Возрастая до толикого величества Россия и восходя чрез сильные и многообразные препятства, коль многие деяния и приключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. Из великого их множества немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто. Однако, противу мнения и чаяния многих[1], толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России той великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою.

Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унизить тех, которые по долгом времени приняли начало своея славы. Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные городы, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечаю несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала

усилилась, так и после нсчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами. Едино сие рассуждение довольно являет, коль полезные к сохранению целости государств правила из примеров, историею преданных, изыскать можно.

Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила. Мрамор и металл, коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История, повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает. Наконец, она дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное. Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцов наших?

Предпринимая тех описание, твердо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность. Великостию сего дела закрыться должно все, что разум от правды отвратить может. Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны здесь ожидать похлебства[2], где весь разум повинен внимать и наблюдать праведную славу целого отечества: дабы пропущением надлежащия похвалы — негодования, приписанием ложныя — презрения не произвести в благорассудном и справедливом читателе.

1754—1758 гг.

Предисловие о пользе книг церковных в российском языке

В древние времена, когда славянский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитаются, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев витийствовали великие христианския церкви учители и творцы, возвышая древнее красно-

речие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славянском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славянском языке греческого изобилия и оттуда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. Присем хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств[1] греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели[2]. Напротив того, в католицких областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: бог, слава, рука, ныне, почитаю.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: обаваю[3], рясны, овогда, свене и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость[4]. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого испо-

ведания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшей пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

1) По важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

3) Таким старательным и острожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием божиим на славянском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древний язык ишпанский, гальский, британский и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез преселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузилось. Гораций говорит:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами, ибо хотя их владения разрушились и языки из общенарод-

ного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздние потомки, великою древностию и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склонясь духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою великия его дщери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петрова и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Вергилиям и Горациям? Царствует Августа Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных представителей[5], чрез которых ходатайство ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам российским как вечный залог усердия... и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

1758 г.

Представление президенту АН об «излишествах, замешательствах и недостатках» в Академии наук и о мерах к улучшению ее положения

Ясновельможному обоих сторон Днепра и войск запорожских гетману, действительному камергеру, Академии наук президенту, гвардии Измайловского полку подполковнику, обоих российских орденов и других кавалеру, милостивому государю графу Кириле Григорьевичу его сиятельству Разумовскому

Всепокорнейшее представление

По отсутствии вашего сиятельства в Малороссию, будучи Канцелярии Академии наук членом десять месяцев, усмотрел я обстоятельно самые всего несостояния Академии наук причины, которых главные суть три:

1) излишество, 2) недостаток, 3) замешательство.

Излишество состоит в следующем: 1) Канцелярия Академии наук отягощена толь многими мелочьми, что отнюдь не может иметь довольного времени думать о важном и самом главном деле, то есть о науках, о чем я подал в оную Канцелярию представление, с котораго копию прилагаю при сем. Приметил я, что те, которые хотят казаться трудолюбивыми и, много делая, ничего не делают, на оное представление никакого не имеют внимания, желая вышепомянутыми мелочьми показать себя деловыми и заслуженными; 2) некоторые излишние мастерства, например делание штемпелей и печаток, а особливо на продажу, которое единственно надлежит к Монетной канцелярии, а в Академии художеств так нужно, как ткать парчи или плесть кружева, сверх того, опасно в рассуждении делания фальшивых денег; главное дело Академии художеств в том состоит, чтобы обучать рисованью и обще живописи, дабы происходили из ней в общество люди, которые бы во всех тех мастерствах употреблены быть могли, где живописное искусство необходимо потребно, притом пуссировать и архитекторы; 3) делание математических инструментов на продажу; сие художество единственно должно служить для произведения в действо тех махин и инструментов, которые в Академии наук и художеств изобретены; однако ныне первое фабричное дело так усилилось, что профессоры, не имея надежды о произведении в дело их выдумок, совсем не радеют; 4) торг заморскими книгами делает Академию биржею; сумма великая без знатной прибыли обращается, занимает напрасно время, наносит нарекание и хлопоты тем, что всякий требует книг по своему желанию, которыми всем угодить невозможно; от всего сего происходят многие лишние дела в Канцелярии и теряется время, которое с лучшею пользою для наук употребить можно; сверх того, в таком сплетении многих дел не можно быть без погрешностей.

Недостаток главный нахожу: 1) в том, что академические департаменты состоят в разделении и служители живут в разных и отдаленных местах, о чем я подал в канцелярию представление, которое вашему сиятельству в Малороссию прошлое лето послано, а здесь прилагаю с оного копию; 2) для умножения книг российских, чем бы удовольствовать требующих охотников, недостает станов, переводчиков, а больше всего, что нет Российского собрания, где б обще исправлять грубые погрешности тех, которые по своей упрямке худые употребления в языке вводят; 3) Университет и Гимназия весьма в худом состоянии и требуют, чтобы Канцелярия больше к ним прилежала, однако она не может того делать, будучи отягощена мелочными излишествами, как выше показано; 4) главного дела, наконец, недостает: особливых регламентов, инструкций и штатов для разных департаментов, как для Академического собрания, для Университета, Гимназии, Академии художеств, для библиотеки, для Географического департамента, для Ведомостной экспедиции, без чего не могут оные быть в порядке, но происходить должны неотменно.

Замешательства, к которых показанию следующие примеры доста-

точны быть могут: 1) довольно известно, какие противности и ругательства чинил Канцелярии г. Миллер по вашего сиятельства отъезде; сверх того, профессоров научал делать разные в лекциях оговорки, неосновательные роптания, а особливо, что многие из них им выписаны, старался всегда показать им свой авторитет, что он Канцелярию ни во что не ставит; 2) с другой стороны, в Канцелярии желающие рекомендовать себя художествами, то есть за великий мерит[1] почитающие то, когда чужих трудов что-нибудь поднесут знатным людям, сии всякими мерами желают и стараются науки унизить, говоря, 1) что Университет здесь не надобен и что все до того надлежащее уступить Московскому университету; 2) такое недоброхотное мнение делом оказалось, когда лучшие ученики из Гимназии вместо рисовальных в Монетную канцелярию отданы были; 3) некоторых самовластие так велико, что без моего совета дела делали, коих бы я не допустил к исполнению, как перестройку Боновского дому за полторы тысячи и непозволенный платеж денег за просрочку, против чего я спросил; катедра перенесена из Академии в Гимназию самовольно и без общего совета, отчего лекции вовсе остановились; Библиотека отпирается от канцелярского ведомства, и не подаваны ежемесячные репорты; по моим требованиям для ведомства не даны нужные пункты, например, с кем содержится по Канцелярии за море переписка для выписывания книг и других вещей, до художеств надлежащих, и проч., что все служит к огорчению, препятствующему добрым и важным предприятиям.

Сии все препятствующие академическому благосостоянию причины и неудобности отвращены быть могут следующими способами: 1) сократить мелочные по Канцелярии излишние дела, чтоб о приращении наук рассуждать было время; 2) излишние мастерства отставить и тем убавить тягости канцелярской; 3) торг заморскими книгами отставить, а что есть старых книг и все что печатается, отдать на откуп доброму купцу с надлежащими процентами, через что в Академии служителей, в Канцелярии хлопот и нареканий убудет; сумма типографская скорее обращаться станет, а книги в России — удобнее распространяться; 4) академические департаменты соединить в один корпус для удобности, как мною представлено, или как, может быть, лучше найден будет способ; 5) в типографии станы умножить; 6) переводчиков умножить из студентов и составить Российское собрание; 7) Гимназию и Университет снабдить регламентами, набрать новых школьников и сделать порядок, чтоб школьники под строгим смотрением, а студенты волю пристойную имели, не так, как ныне, развращенным образом; 8) чтоб были инструкции для всех прочих департаментов и утверждена была надлежащая субординация; 9) чтоб академические члены и прочие служители, даже до мастеров, имели известные ранги для отвращения презрения перед прочими командами; 10) чтоб по примеру других команд, которые много академической меньше, был вице-президент, который бы, зная науки и состояние академическое, мог советом и делом прекращать внутренние неудовольствия, все недостатки исправ-

лять и приводить науки в цветущее состояние под повелением и покровительством вашего сиятельства, облегчая труды ваши.

Михайло Ломоносов

Января 7 дня 1758 г.

Выписка из журнала Канцелярии АН об обучении студентов Географического департамента астрономической теории

Вторник, октября в 20 день 1758 года.

В Канцелярию Академии Наук прибыли... г. коллежский советник Ломоносов... г. Канцелярии советник Тауберт... г. надворный советник Штелин...

Для лучшего знания геодезии надобно обучаться студентам Географического департамента теории астрономической. Того ради приказали: г. профессору Попову послать указ, дабы он студентам того Департамента читал краткие астрономические лекции, сколько доброму геодезисту знать надобно, в каждую неделю по четыре раза, и так расположить, чтобы оные лекции окончать к новому 1759 году; а в Географический департамент сообщить с сего копию...

И. Д. Шумахер,
Михайло Ломоносов,
Иван Тауберт,
И. Штелин.
Регистратор *Михайла Фирсов*

Октября 20 дня 1758 г.

М. И. Воронцову

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивейший государь Михайло Ларионович!

В надежде на высокую вашего сиятельства милость принимаю дерзновение утруждать вас, милостивого государя, всеуниженным прошением, касающимся больше до общей, нежели до моей пользы, в котором уповаю милостивейшего от вашего сиятельства извинения, когда вам усердные мои труды представляю. Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии, то есть в обоем красноречии, в истории, в физике и в химии, и оные отправлял не так, чтобы только как-нибудь препроводить время, но во всех показал знатные изобретения: в красноречии ввел в наш язык свойственное стихов сложение и штиль исправил грамматическими и риторическими правилами и примерами в разных сочинениях; в физике разные публичные речи и диссертации в «Комментариях», от великих ученых людей весьма похвальные; в истории показа-

нное истинное происхождение российского народа в первом томе «Истории российской»; в химии, кроме других изобретений, мусия. Сверх сего уже три года отправляю дела канцелярские, стараясь о распространении наук в отечестве. В Гимназии через тридцать лет было такое бедное состояние, что учащиеся ходили в классы в толь нищетском виде, что стыдно было их показывать честным людям; получая жалованье, на пищу отцам своим отдавали и, будучи голодны и холодны, мало могли об учении думать и сверх сего хождением домой чрез дальное расстояние и служением дома отцу и матери теряли почти все время, имели случай резвиться и видеть дома худые примеры. Для того не дивно, что с начала Гимназии не произошли не токмо профессоры или хотя адъюнкты доморощенные, но ниже достойные студенты. Ныне по моему представлению и старанию все гимназисты чисто одеты одинаким зимним и летним платьем, имеют за общим столом довольную пищу, время употребляют на учение и ведут себя порядочно, и потому были в один уже год несколько в классах произвождений, и восмь человек от Профессорского собрания удостоены в студенты по строгом экзамене[1]. Введенными мною российскими классами в Гимназии пользуются не токмо россияне, но и чужестранцы. Таким же образом и о Университете крайне стараюсь, но мало к тому моего авторитету. Товарищи мои по Канцелярии, имея в смотрении людей нижних чинов, легко могут с ними управиться. Напротив того, мне в нынешнем чине не сметь и напомянуть профессорам о исполнении должностей, что почитают за обиду и ходят по знатным домам с ложными жалобами. Нынешний отъезд его сиятельства, милостивого государя графа Кирилы Григорьевича необходимо требует особливого учреждения, затем что два иностранные в Канцелярии члены против меня перевес имеют[2], который я чувствую не без остановки приращения ученых россиян.

Великий Академический корпус, состоящий из многих департаментов, неотменно должен иметь вице-президента, ибо оные положены в много меньших командах. К сему ежели кто определен будет извне Академии, то никакой не воспоследует почти пользы, затем что он долго будет должен признаваться ко внутреннему академическому состоянию и между тем чужих умов слушать, которые в Академии коль несогласны, довольно известно. Напротив того, будучи двадцать лет в сем корпусе в разных чинах и уже девять лет советником, три года членом Канцелярии и прежде в нескольких бывших в ней комиссиях быв судьею и сверх того отправляя разных профессоров должности и чрез то вызнав и высмотрев во всей Академии, где есть излишества и недостатки, совершенное право имею всенижайше просить о произведении меня в оное достоинство, представляя притом истинную и врожденную мою любовь и ревность к отечеству и к наукам, которая всего чувствительнее в моем сердце. Для сих причин не сомневаюсь, что ваше сиятельство будете мне в получении оного по древней вашей отеческой милости предстатель и помощник и тем вяще ободрите мое рачение к размножению в отечестве природных ученых людей, в ко-

торых мы видим великий недостаток. В ожидании такой вашей высокой отеческой милости с глубоким высокопочитанием пребываю,

милостивый государь,
вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Декабря 30 дня 1759 г.

Г. Н. Теплову

Неоднократно писал я к его сиятельству и к вашему высокородию от истинного усердия к расширению наук в отечестве в Москву и на Украину и представлял здесь словесно и письменно о исправлении застарелых непорядков. Однако не по мере монаршеской к наукам щедроты воспоследовали решения и успехи, затем что не отнято прежнее самовольство недоброхотам приращению наук в России; а когда злодеи ободряются, а добрые унижаются, то всегда добру вред чинится. Кроме многих недавнейших пример сами довольно помните и в совести своей представить можете, что вы, осердясь на меня по бессовестным и ложным жалобам двух студентов[1], кои отнюдь требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами от Университета вовсе отстали, и из коих, как я после уведомился, один вам сват, сделали неправое дело. Не спрося от меня ответу и оправдания, присоветовали, да и по штилю видно, сами сочинили мне публичный выговор: человеку, который больше достоинств и услуг имеет, нежели за такую мелочь перед командою был обруган. И того еще вам было мало: в досаду мне прибавили Миллеру жалованья, якобы он отправлял три дела исправно, а именно за то, что он, будучи профессором тридцать лет, никогда лекций не читывал и не сочинил ничего, что бы профессора было достойно[2]; 2) что он, будучи конференц-секретарем, задерживает «Комментарии» неисправностию в сочинении сокращений, ведет тайную, непозволенную и подозрительную с иностранными переписку; 3) что в «Ежемесячные сочинения» вносит не токмо вещи, какие студент может и кадеты с похвалою исправляют, но и везде, где только можно, предосудительные нашему отечеству мысли вносит.

Все сие показалось вам заслугами. А мое представление, что я через шестнадцать лет одами, речьми, химиею, физикою, историею делаю честь отечеству и всегда о добре Академии и о праведной, а не подложной чести его сиятельства усердствую, вы приняли за погрешность, для того что я не удовольствовал бесстыдных требований вашего свата. Поверьте, ваше высокородие, я пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведанное слезными опытами академическое несчастие. Я спрашивал и испытывал свою совесть. Она мне ни в чем не зазрит сказать вам ныне всю истинную правду. Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежа-

ния в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже.

Некогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы к нашему: L'Academie sans académiciens, la Chancel[l] erie sans membres, l'Université sans étudians, les régles sans autorité, et au reste une confusion jusgue á présent sans reméde (Академия без академиков, Канцелярия без членов, Университет без студентов, правила без власти, и в итоге беспорядок, доселе безысходный). Кто в том виноват, кроме вас и вашего непостоянства? Сколько раз вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно, мне? В том больше вы следовали стремлению своей страсти, нежели общей академической пользе, и чрез таковые повседневные перемены колебали, как трость, все академическое здание. Тот сегодня в чести и в милости, завтре в позоре и упадке. Тот, кто выслан с бесчестием, с честию назад призван. Из многих примеров нет Миллерова чуднее. Для него положили вы в регламенте быть всегда ректором в Университете историографу, сиречь Миллеру; после, осердясь на него, сделали ректором Крашенинникова[3]; после примирения опять произвели над ним комиссию за слово Academie phanatique (Академия фанатичная), потом не столько за дурную диссертацию, как за свою обиду, низвергнули вы его в адъюнкты и тотчас возвели опять в секретари конференции с прибавкою вдруг великого жалованья, представили его в коллежские советники, в канцелярские члены; и опять мнение отменили; потом прибавили 200 рублей жалованья и еще с похвалами в ту самую пору, когда его должно было послать на соболиную ловлю. Все сие производили вы по большей части под именем охранения президентской чести, которая, однако, не в том состоит, чтобы делать вышеупомянутые перевороты, но чтобы производить дело божие и государства постоянно и непревратно, приносить обществу беспрепятственную истинную пользу и содержать полученное правление в непоколебимом состоянии, и в неразвратном и беспрерывном течении. Представьте себе, что знающие думают, а знают все; представьте, что говорят? Миллер, штрафованный за вздорную диссертацию о российском народе и оному предосудительную и за то в определении подозрительным признанный, имеет уже позволение писать и печатать на немецком языке российские известия безо всякой опасности. Изобличенный в непозволительной переписке и за то арестованный, учинен секретарем конференции и пишет, что хочет, без ее ведома! Всеваятель недоброхотных и занозливых мыслей в «Месячные сочинения» получает за то похвалы и награждения. Все сие происходит чьим старанием? — Вашего высокородия. И надеясь на вас, не хочет и не думает отстать от своих наглых глупостей и презирает указы, посылаемые из Канцелярии.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько раз вы мне на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и российскому народу предосудительное «Сибирской истории» предис-

ловие, которое вы сами опровергли; представьте его споры в комиссиях с Шумахером, со всеми профессорами, с вами, с президентом[4]; вспомните, с другой стороны, ваши споры с Шумахером, между тем письмо о моем уничтожении к Эйлеру и ответ, что вы мне сообщили. Вспомните сто рублев перед вашею первою свадьбою и между множеством подобных дел вспомяните, что вам благоразумный муж, ваш благодетель, князь Алексей Михайлович Черкаский говаривал о сапожнике: не бывать-де добру, пока он[5]... А ныне его наследник и подражатель то ж и еще дерзновеннее делает. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обесславленную Академию вывесть из нарекания отпущен был Бургав в чужие края, и нарочный пункт о том написан в его инструкции.

На все несмотря, еще есть вам время обратиться на правую сторону. Я пишу ныне к вам в последний раз, и только в той надежде, что иногда приметил в вас и добрые о пользе российских наук мнения. Еще уповаю, что вы не будете больше ободрять недоброхотов российским ученым. Бог совести моей свидетель, что я сим ничего иного не ищу, как только чтобы закоренелое несчастие Академии пресекалось. Буде ж еще так все останется и мои праведные представления уничтожены от вас будут, то я забуду вовсе, что вы мне некоторые одолжения делали. За них готов я вас благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю. Итак, ныне изберите любое: или ободряйте явных недоброхотов не токмо учащемуся российскому юношеству, но и тем сынам отечества, кои уже имеют знатные в науках и всему свету известные заслуги! Ободряйте, чтобы Академии чрез их противоборство никогда не бывать в цветущем состоянии, и за то ожидайте от всех честных людей роптания и презрения или внимайте единственно действительной пользе Академии. Откиньте льщения опасных противоборников наук российских, не употребляйте божиего дела для своих пристрастий, дайте возрастать свободно насаждению Петра Великого. Тем заслужите не токмо в прежнем прощение, но и немалую похвалу, что вы могли себя принудить к полезному наукам постоянству.

Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолоду, на старость не покину.

Вашего высокородия

Января 30 дня 1761 г.

Примерная инструкция отправляющимся обсерваторам для определения астрономическими наблюдениями долготы и широты нужнейших мест для географии Российского государства

1

В обеих экспедициях для помянутых наблюдений определенным главным обсерваторам иметь в команде данных им на вспоможение геодезистов и прочих, с ними отправленных, чтобы оные были в их полном повиновении в исполнении предпринятого дела. В противном случае о состоящих в прапорщичьем ранге геодезистах, ежели будут ослушны или станут поступать неприличным образом или лениться, репортовать Академической канцелярии, а гимназистов по рассмотрению наказывать; при сем наблюдать справедливую умеренность.

2

Приехав в который-нибудь город, для наблюдения назначенный, тотчас отыскать удобную квартеру, где бы без новых построек для наблюдения обойтись можно было, но как можно, однако ж, без скудного утеснения не заводить излишних затей, дабы тем не учинить обиды и ненадобных убытков, лишь бы только наблюдения хорошо исправить; а учинив оные, излишно на однех местах не медлить, чтобы скорее окончить сие нужное дело.

3

Наблюдения чинить прежде все ж те, кои от Академии наук за лучшие и способнейшие к сему за благо изобретены и им предписаны будут, а прочие употреблять тут же, ежели не требуют долговременного ожидания, каковы суть закрытия от Луны знатных звезд или когда, для приближения Юпитерова к лучам солнечным, затмения спутников его наблюдать нельзя.

4

Учинив верные и надежные наблюдения, не терять обсерваторам времени выкладками, но частые и обстоятельные обсервации присылать немедленно в Академию, оставив у себя точную копию, ибо выкладки могут быть учинены от здешних астрономов и математиков и употребляться скорее в дело при сочинении «Российского атласа», не ожидая их возвращения, а оные обсерваторы могут свое время положить на другие наблюдения и на переезды.

5

Будучи в городах, где наблюдения чинить должно, описывать все, что требуется в географических запросах, разосланных по всему государству; особливо стараться отыскать тех городов летописцы, отдавая переписывать или в оригинале покупая, на что им сумму назначить и дать из казны.

6

Будучи в городах, где определить должно долготу и широту, записывать метеорологические наблюдения, к чему их снабдить довольством дорожных метеорологических инструментов.

7

Для будущей впредь пользы от метеорологии примечать им в оных городах людей любопытных и им раздавать (особливо постоянным церковникам) метеорологические инструменты для наблюдения хотя на всякий день пооднажды, около полудни, состояния погод, к чему давать также и белые таблицы, кои здесь заготовить в дорогу для раздачи примерные.

8

В городах, где учинятся наблюдения, буде есть хорошие проспекты, снимать их в камере-обскуре, которых инструментов по два дать в дорогу для каждой экспедиции. Гор великих и знатных проспекты снимать же, но все сие и №7 производить без потеряния времени, которое должно употреблять на главное дело.

9

Проезжая от места до места по дороге водою и посуху, записывать натуру мест; то есть лесистые ли они или полевые или гористые и прочее; также устья впадающих рек и повороты знатные, при которых весьма полезно брать хотя одну широту места.

10

Всего путешествия содержать повсядневный верный журнал, где можно вмещать знатные приключения и обстоятельства, особливо кои в пути и в деле поспешествовали или препятствовали, и оный журнал каждые два месяца присылать в Академию, дабы оная усмотреть могла, где можно чинить вспоможения и поправления.

Михайло Ломоносов

Не позднее сентября 10 дня 1764 г.

Дидактические идеи М. В. Ломоносова

Утреннее размышление о Божием Величестве

1

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой от земли
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам!

2

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть.
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

3

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

4

Сия ужасная громада —
Как искра пред тобой одна.
О, коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

5

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
«Велик Зиждитель наш, Господь!»

6

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

7

Творец! Покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный Царь.

1743 г.

Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния

1

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас склонялись прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

2

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

3

Уста премудрых нам гласят[1]:

«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

4

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

5

О вы[2], которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

6

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозны туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

7

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал Зефир,
И гладки волны бьют в ефир[3].

8

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?

1743 г.

Из «Краткого руководства к красноречию»

Часть I

О изобретении

Глава 1

О изобретении вообще

<...> § 3. Изобретение риторическое есть собрание разных идей, пристойных предлагаемой материи. Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем; например, мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме изображаем; также имеем идею о движении, когда видим или на мысль приводим вещь, место свое беспрестанно переменяющую.

§ 4. Идеи суть простые или сложенные. Простые состоят из одного представления, сложенные из двух или многих, между собою соединенных и совершенный разум имеющих. Ночь, представленная в уме, есть простая идея, но когда себе представишь, что ночью люди после трудов покоятся, тогда будет уже сложенная идея, для того что соединяется пять идей, то есть о дне, о ночи, о людях, о трудах и о покое.

§ 5. Все идеи изобретены бывают из общих мест риторических, которые суть: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобия, 15) противные и несходные вещи, 16) уравнения.

§ 6. Родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие видим Невы с Двиною, Днепром, Волгою и другими в моря протекающими великими водами и оное называем однем словом — река, которая есть род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла и прочие суть виды оного.

§ 7. Целое есть то, что соединено из других вещей, а части называются оные вещи, которые то составляют, например, город есть целое, а стены, башни, домы, улицы и прочая суть его части.

§ 8. Свойства материальные суть те, которые чувствительным вещам животным и бездушным приписуются, как величина, фигура, тягость, твердость, упругость, движение, звон, цвет, вкус, запах, теплота, стужа, внутренние силы.

§ 9. Жизненные свойства принадлежат к одушевленным вещам, из которых, во-первых, суть главные душевные дарования: понятие, память, совоображение, рассуждение, произволение. Второе — страсти: радость и печаль, удовольствие и раскаяние, честь и стыд, надежда и боязнь, упование и отчаяние, гнев и милосердие, любовь и ненависть,

удивление и гнушение, желание и отвращение. Третие — добродетели: мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, тщивость, благодарность, великодушие, терпение, праводушие, незлобие, простосердечие, искренность, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, уклонность, скромность. Четвертое — пороки: безумие, нечестие, роскошь, нечистота, лютость, скупость, неблагодарность, малодушие, нетерпеливость, лукавство, злоба, лицемерство и ласкательство, продерзливость, непостоянство, леность, сварливость, упрямство, грубость, самохвальство. Пятое — внешнее состояние: благородие и неблагородие, счастие и несчастие, богатство и убожество, слава и бесславие, власть и безвластие, вольность и порабощение. Шестое — телесные свойства и дарования: возраст, век, пол, сила, красота, здравие, проворность. Седьмое — чувства: зрение, слышание, обоняние, вкушение, осязание.

§ 10. Имя есть свойственное или приложенное. Свойственное есть, которым что обыкновенно называют, как: небо, Москва, август и прочая. Приложенные имена даются сверх свойственных, что бывает следующим образом: 1) когда имя иностранное с другого языка на природный переведено будет, например: Мельхиседек с еврейского по-российски — царь правды, Андрей с греческого — мужественный, Квинт с латинского — пятый; 2) когда по особливым делам или свойствам дано кому будет проименование, так: Александр от великого мужества назывался великий, Аттила от строгости — бич божий; 3) когда чрез преложение письмен, имя составляющих, будет составлено речение, другое знаменование имеющее, например: Рим чрез преложение письмен может назваться мир; 4) когда слово будет взято в знаменовании другой вещи, ежели она сходное имя имеет, наприклад: речение свет (вселенная) принято будет в знаменовании света, чрез который мы видим; 5) когда к имени приложено будет речение, от которого оно происходит, например: Владимир назовется владетель мира.

§ 11. Действие и страдание есть всякая перемена, которую одна вещь в другой производит. Перемену производящее называется действующим, а то, в чем перемена производится, страждущим. Например: сильный ветр море волнует — сильный ветр есть действующее, а море есть страждущее. Самое волнование есть действие в рассуждении ветра, страдание в рассуждении моря. С действием и страданием совокуплены бывают инструменты, вспоможения, воспрящения, удобность или неудобность, возможность или невозможность, пристойность или непристойность, польза или вред, угодность или неугодность, честность или гнусность, также действие имеет иногда свое воспоследование и удачу, а иногда уничтожение свое и неудачу.

§ 12. Время есть указательное и количественное: указательное познавается чрез вопрошение *когда*? Например: плоды собираются в осень. Количественное время познавается чрез вопрошение *коль долго*? Например: Август, цесарь римский, царствовал сорок четыре года.

§ 13. Место разделяется на одержимое и проходимое. Первое назначается вопрошением *где*? Например: остров Сицилия лежит на Посре-

диземном море. Второе показано бывает на вопрошение *по чему*? Например: молния блещет по воздуху. При месте наблюдать должно оного пространство, близость, далекость, вышину, низкость, стороны и прочая, также и наречия и предлоги: куда, откуда, доколе, вне, внутрь, у, за, пред, против, под, над, около, вплоть, до и прочие, до места надлежащие. Сюда принадлежит содержащее и содержимое, например: город есть содержащее, а люди, в нем живущие, — содержимое. Содержимое может иногда быть купно и содержащее, так: река в рассуждении животных и судов, в ней плавающих, есть содержащее, а в рассуждении берегов есть содержимое.

§ 14. Происхождение есть начало, от которого что другое происходит и свое бытие имеет, например: металлы происходят от земли, мед — от пчел, бесславие и казни — от худых дел; земля, пчелы и худые дела суть происхождение металлов, меда, худых дел.

§ 15. Причина есть конец, для которого всякая вещь есть или бывает, наприклад: земледелец пашет землю и насевает, чтобы получить себе хлеб на пищу. Получение хлеба на пищу земледельцу есть причина орания и насевания земли.

§ 16. Предыдущее есть что пред вещию необходимо бывает, последующее — что оной последует, так: весна предходит лету, которому осень последует; и потому весна есть в рассуждении лета предыдущее, а осень — последующее; так: младенчество и старость суть мужеского возраста предыдущее и последующее.

§ 17. Признаком называют, чтó другую вещь показывает, когда она сама чувствам не подвержена. Вещи отделяются от чувств местом или временем, прошедшим или будущим, и посему признаки суть трех родов: 1) которые показывают вещь настоящую, так: дым показывает сокровенный огонь, шум дерев изъявляет ветр; 2) которые показывают вещь будущую, как: находящие густые тучи предвещают дождь, заря утренняя предсказывает восхождение солнца; 3) которые объявляют прошедшую вещь: обагренная кровью Тициева шпага, бледное его лицо, отдаление от людей и бег от Семпрониева мертвого тела суть признаки учиненного им убийства. К сему месту принадлежат пророчества, предзнаменования и свидетельства.

§ 18. Обстоятельства суть те вещи, которые хотя с данною вещию не соединены, однако имеют к ней некоторую принадлежность; так, встречающиеся путнику звери, около пути лежащие места, по реке плавающие суда и птицы, пчела, на розе сидящая, суть обстоятельства путника, реки и розы.

§ 19. Подобие риторическое есть снесение двух вещей в свойствах или действиях. Сердце человека, гневом возмущенного, уподоблено быть может волнующемуся морю, скорое течение острых мыслей — стреле. Подобие разделяется на простое и сложенное; в простом сносится только одно свойство или действие одной вещи с однем же свойством или действием другой, как скорость мыслей со скоростию стрелы. В сложенном подобии сносятся два или многие свойства либо действия одной вещи с двумя или многими свойствами либо действиями

другой, например: как подсыхает ветвь, подъеденная от червя, так печалью сокрушенное сердце ослабевает. Здесь сердце с ветвию, печаль с червем, ослабение с подсыханием сносится.

§ 20. Противными называются те вещи, которые вдруг быть не могут вместе, как день и ночь, зной и стужа, богатство и убожество, любовь и ненависть. Несходственные вещи бывают, когда вместо одной противной вещи полагается то, что от ней происходит, например: любить и обидеть (вместо *ненавидеть),* не бояться неприятеля и от него бегать (вместо *бояться),* ибо обида от ненависти, а бегство от боязни происходит.

§ 21. Уравнение есть снесение двух вещей, одну другой за равную, большую или меньшую почитая. Пример первого: Иулий Цесарь завидовал славе Александра Великого, равно как Александр — славе отца своего Филиппа. Пример второго: Фридерик-цесарь несчастливее был в реке Цидне, нежели Александр Великий, ибо сей, умывшись в ней, только разболелся, а оный живота лишился. Пример третиего: войну удобнее начать, нежели к концу привести.

§ 22. Сие описание риторических мест показано здесь вкратце только для одного истолкования оных; употребление и польза их предлагается в следующих главах. В правилах риторических причитается обыкновенно к местам изобретения определение, которое я оттуда выключил, для того что логические точные определения состоят из рода и свойств главных самой определяемой вещи, которые показаны бывают в местах риторических того имени, и, следовательно, такое определение не можно почесть за особливое место, но за идею, сложенную из идей, происшедших от рода и свойств. Сие же должно рассуждать и о наклонении, которое также в иных риториках за особливое место признается. Риторические определения надлежат до украшения, и для того о том предлагается в третией части Риторики. Примеры от уравнениев не разнятся. Молва людская надлежит к жизненным свойствам (§ 9 и 5), свидетели — до признаков (§ 17), закон, присяга, пятка надлежат особливо до судебных речей, о чем смотри в книге второй. Сии шесть последних называются от некоторых авторов внешними местами без довольного основания.

Глава 6

О возбуждении, утолении и изображении страстей

§ 94. Хотя доводы и довольны бывают к удовлетворению о справедливости предлагаемыя материи, однако сочинитель слова должен сверх того учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. Итак, что пособит ритору, хотя он свое мнение и основа-

тельно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону или не утолит противных?

§ 95. А чтобы сие с добрым успехом производить в дело, то надлежит обстоятельно знать нравы человеческие, должно самым искусством чрез рачительное наблюдение и философское остроумие высмотреть, от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается, и изведать чрез нравоучение всю глубину сердец человеческих. Из сих источников почерпнул Демосфен всю свою силу к возбуждению страстей, ибо он немалое время у Платона учился философии, а особливо нравоучению. Также и Цицерон оттуда же имел чрезвычайную свою власть над сердцем слушателей, которой и самые жестокие нравы не могли противиться. Для сего предлагаются здесь правила к возбуждению страстей, которые по большой части из учения о душе и из нравоучительной философии происходят.

§ 96. Страстию называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, причем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении и утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ритора, 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия.

§ 97. Что до состояния самого ритора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен породою или чином; 5) с важностию знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура. Довольно было Августу к внезапному усмирению замешательства, учинившегося между знатными молодыми дворянами, сказать: «Слушайте, молодые люди, старика, которого во младости старики слушали».

§ 98. Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя главные слушателей свойства, то есть 1) возраст, ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстьми склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых; 2) пол, ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скорее побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет; 3) воспитание, ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома

за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле; 4) наука, ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями важного учения исполненными; напротив того, у простаков и у грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей. При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства. Итак, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать, как искусный боец: умечать в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы там приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

§ 99. Сим следует главное дело, то есть самая сила к возбуждению или утолению страстей и действие красноречия. Оно долженствует быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым токмо стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся. Здесь присовокупить должно крепость голоса и напряжение груди. И таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого. К сему требуется, чтобы ритор имел великое остроумие и рачение для изыскания идей, к сему делу пристойных. Буде же он какую-нибудь страсть утолить хочет, то должен слушателям показать, что оного добра или зла в предлагаемой вещи нет, к которому они толь страстны, или по последней мере изъяснить, что оное добро или зло не толь велико, как они думают. Здесь не меньше надлежит употребить силы и стремления в слове, а притом еще надобно больше иметь предосторожности, нежели в первом случае.

§ 100. Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился. Сему в пример служить может следующее описание. Когда преславный город Смирна от трясения земли разорился, тогда посланный к Антонинам, кесарям римским, Аристид представлял: «Смирна, украшение Азии, честь вашей империи, огнем и трясением земли повержена и сотренна (потом, описав ее бывшую красоту, говорит). Сие все покрыто пепелом, затворилась оная пристань, разрушились прекрасные площади , исчезли преизрядные улицы, училища с учительми и отроками упали, храмы иные рассыпались, иные поглощены землею. Приятнейший зрению город, и по имени своему прекраснейший, стал неприятное позорище, громада разрушенных зданий и трупов. Уже ныне по опустошенному только зефиры провевают».

При сих словах оба кесари не могли от слез удержаться. Во время замешательства, которое между солдатами и чернью в Риме весьма

кровопролитно было, Пупиен-кесарь ни словом, ни властию оного утолить не мог. Но как только сына своего Гордиана, младенца, бунтующим показал, то немедленно все смятение утолилось. Обнаженная раненых солдатов грудь, сетующие их родители, жены и малые дети, в слезах и рыдании представленные, великую силу имеют к возбуждению жалости и милосердия. Искусный ритор при возбуждении и утолении страстей должен стараться, как бы подобные случаи так живо слушателям в слове изобразить, чтобы они предлагаемое дело как перед глазами ясно видели.

§ 101. Сии суть общие правила, учащие возбуждению и утолению страстей. Им следуют правила особливые о знатнейших страстях, которые от риторов чаще других употреблены бывают. Из них мягкие и нежные суть радость, любовь, надежда, милосердие, честь или любочестие и стыд. Напротив того, печаль, ненависть, гнев, отчаяние, раскаяние и зависть суть жестокие и сильные страсти. Прочие между сильными и нежными посредственны.

§ 102. Радость есть душевное услаждение в рассуждении настоящего добра, подлинного или мнимого. Сия страсть имеет три степени. В самом начале производит немалое, однако свободное движение и играние крови, скакание, плескание, смеяние. Но как несколько утихнет, тогда пременяется в веселие, и последует некоторое распространение сердца, взор приятный и лице веселое. Напоследи, как уже веселие успокоится, наступает удовольствие мыслей и перестают все чрезвычайные в теле перемены.

§ 103. К возбуждению радости в слушателях должно представить: 1) что они великое добро или много оного получили; 2) что оное полученное добро есть то, которое они любят; 3) что они того долго искали; 4) притом предложить употребленные на снискание оного труды, попечения и беды, которых воспоминание всегда приятно бывает; 5) упомянуть, что того добра другие желали, но не получили; 6) что неприятели слушателей в том им завидуют и весьма печальны, ибо о печали недругов натурально радуемся; 7) ежели слушатели к приобретению оного добра показали, какие заслуги или искусство употребляли, то приложить к тому их похвалу, ибо всяк, слыша себя похваляема, радуется; 8) буде же по случаю или по милости великой особы получили, то должно сказать, что они того достойны; 9) представить, что полученное добро будет долговременно и безопасно.

§ 104. В сем случае должно употребить предложения, которыми обыкновенно слушатели увеселяются, то есть новые, неслыханные, полезные, словом чистым, мягким, витиеватым и наподобие весны цветущим. Надлежит высматривать склонность слушателей, чувствами ли они больше увеселяются или разумом; последних хотя и мало бывает, однако для них должно вмещать при возбуждении радости важные и ученые предложения. В рассуждении последних надобно смотреть, чем оне больше увеселяются, и по тому представлять им радость о данной материи.

§ 105. Примеров на все правила о сей страсти краткости ради не

предлагаем, как и в описании других страстей поступаем, однако несколько избранных прикладов для удовольствия учащихся как здесь, так и у прочих присовокупляем. Цицерон по изгнании Катилины, возбуждая радость в римском народе, говорит: «Уже мы, наконец, римляне, Катилину, дерзостию бесящегося, беззаконием дышащего, язву на отечество злобно нанести хотящего, вам и граду сему мечем и пламенем грозящего, из града или извергнули, или выпустили, или хотя словами проводили. Выступил, ушел, вырвался, убежал. Ужасное сие чудовище уже никакого разорения стенам сим, в них же будучи, приуготовлять не будет. Нет сомнения, что мы сего внутренния войны предводителя победили. Меч сего злодея между нашими ребрами обращаться не будет. Ни в поле, ни на площади, ни в Сенате, ни в собственных наших домах его бояться не станем. Уже он искоренен, когда из града выгнан. Явно с ним, как с неприятелем, законную войну иметь будем. Без сомнения мы сего человека низложили и великолепно победили, когда его из коварного вора учинили явным разбойником. Но что он вынес не по желанию своему меч, еще не окровавленный, что, не убив нас, вышел, что ему оружие мы из рук исторгли, что он стоящий в целости град и невредимых граждан оставил, о том как вы чаете? Коликою печалию удручен, мучится? Лежит повержен, римляне, и часто, искосив глаза, оглядывается на сей город, о котором, из челюстей своих исхищенном, плачет. Но он, как видно, радуется, что изблевал толикую язву и вон извергнул».

В сем примере возбуждается радость больше чрез воспоминание прошедших бед и страху и чрез представление печали и зависти неприятельской, что мы в четвертом и шестом правиле (§ 103) показываем. Но довольно всяк видеть может пример и силу к возбуждению сея страсти в прекрасном слове Златоустого на святую Пасху, печатанном в службе на сей великий день.

§ 106. Радости противная страсть есть печаль, которая состоит в жестокой скуке о настоящем зле, и так происходит она, когда в уме представляется лишение великого добра или терпение великого несчастия. Для того, ежели кто хочет в слушателях печаль возбудить, то должен он представить, 1) что они великое, нужное и полезное добро потеряли; 2) потеряли то, что они любили; 3) чего толь долго искали; 4) для чего столько трудов и попечения положено и бед претерплено; 5) потеряли то, что прежде у других с трудом перехватили; 6) что неприятели их о том радуются; 7) что того несчастия давно было должно остерегаться, однако оно небрежением их учинилось, и что уже о том стараться поздно; 8) представить те времена и места, в которые и на которых они добром тем увеселялись; 9) припомнить посторонние обстоятельства, которые, соединившись с потерянным добром, их радость умножали; 10) упомянуть о признаках, которые оное несчастие предвозвещали. Пример предлагается из надгробного слова маршалу французскому де Тюренну, которое говорил Флешье, епископ Низмский:

Едва не прихожу в замешательство и едва могу слово выговорить.

Тюренн умер! Все пришло в беспорядок: счастие колеблется, победа утружденна, мир отделяется, добрые намерения союзников ослабевают, храбрость солдатская печалию угнетается и купно ободряется мщением. Весь стан стоит неподвижно. Раненые больше думают о сей великой утрате, нежели о своих ранах. Умирающие отцы посылают сынов своих оплакивать усопшего своего генерала и прочая.

§ 107. Печали следует утешение, в котором представляются средствия, печаль утоляющие. Для сего должно представлять слушателям: 1) что им за потеряние оного добра другое возвратится, равное или еще большее; 2) что от лишения оного будет им честь или вечная слава; 3) что они имеют в той печали себе товарищей; 4) что жизнь человеческая таким переменам подвержена и что большие, знатнейшие и сильнейшие то же часто претерпевают; 5) что в печали великодушие весьма похвально; 6) что печалью и сокрушением потерянного добра возвратить невозможно; 7) особливо должно ободрять надеждою, о чем ниже предлагается. Пример утешения к сродственникам убиенных на войне солдатов из 14-го слова Цицеронова против Антония: «Преславное дело с вами учинилось, прехрабрые в жизни, а ныне блаженнейшие воины, что ваше мужество ни забвением ныне живущих, ни молчанием потомков не помрачится, ибо знак бессмертной памяти вашей почти своими руками построил Сенат и народ римский. Часто многие воинства во время карфагенских, гальских и италийских браней были славны и велики, однако некоторым толь великая честь воздана не бывала. О, дабы мы воздать вам могли еще больше, ибо мы от вас превеликое благодеяние получили! Вы бесящегося Антония от града отвратили, вы силящегося паки на нас возвратиться отогнали. За сие построим вам великолепную громаду с надписанием о божественном вашем мужестве, свидетельствущем вовеки. Никогда не умолкнет о вас сладчайшая беседа видящих вашу гробницу или об ней слышащих. Так вы за временную жизнь бессмертия достигли! Но понеже, господа сенаторы, в славу добрым и мужественным гражданам воздаем публичный знак памяти, то должно утешать и их сродников, которым лучшее всех утешение есть сие: родителям, что толиких защитителей отечества родили, детям, что имеют домашние примеры мужества, женам, что оне таких мужей лишились, которых больше должно хвалить, нежели оплакивать, братьям, что они как лицом, так и мужеством им подобными быть надеяться могут. О, дабы всем сим могли мы приговорами и советами нашими отереть слезы или бы можно было употребить такое всенародное слово, для которого бы радовались о том, что хотя род человеческий различным смертям подвержен, однако ближним их прекраснейшая приключилась».

§ 108. Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости назваться может мать других страстей, ибо часто для любви веселимся, плачем, уповаем, боимся, жалеем, стыдимся, раскаиваемся и прочая. Любовь сильна, как молния, но без грому проницает, и самые сильные ея удары приятны. Когда ритор сию страсть в послушателях возбудит,

то уже он в прочем над ними торжествовать может.

§ 109. Возбуждать любовь к слушателям должен ритор таким образом: 1) представить надлежит, что человек, о котором слово, весьма добродетелен, где добродетели его обстоятельно и живо описать должно, а особливо показать, что он доброго и честного нраву; 2) объявить оного взаимную к ним любовь, ибо мы любящих нас обыкновенно любим; 3) склонность и любовь двоих к одной вещи между ими любовь рождает, для того и сие представлять должно; 4) показывать подобие оного с ними, ибо подобные подобных и любят; 5) сказать, что он купно с ними радуется о счастии, печалится о несчастии; 6) что часто с ними бывал в однех случаях и обстоятельствах; 7) что они получили от него благодеяние или впредь того ожидать должны; 8) что он приятен в обходительстве и ведет себя честно; 9) что их за очи хвалит; 10) что никого не осуждает и не переговаривает; 11) что никогда не злобствует и обид, себе учиненных, не помнит; 12) что гневным уступает; 13) что удивляется знатным их делам; 14) что, в одном с ними деле упражняясь, им же подражает, не для того чтобы их превзойти, но только чтобы им последовать; 15) что открывает им свои тайны и поступает нескрытно; 16) что в дружбе поступает верно, в очи и за очи, в счастье и несчастье; 17) что их почитает; 18) удостоверить, что его не должно бояться, ибо любовь и боязнь вместе быть не могут; 19) что их сродники и приятели в любви его содержали или содержат; 20) предложить о его искусстве и о науке. Цицерон в слове за Архию-стихотворца, возбуждая к нему любовь в судиях, говорит: «Коль часто я видал, что он, не написав ни единого слова, множество прекрасных стихов, не готовясь, говорил о той вещи, которая тогда была в действии? Коль часто, возобновив то же другими словами и речами, при мне говаривал? Но что он, надумавшись, с рачением писал, оное так одобряли, что и древних писателей похвалы почитали быть достойным. Сего ли мне не любить? сему ли не удивляться? сего ли не защищать мне всеми силами? Мы прияли от великих и ученых мужей, что другие науки состоят в правилах и в учении, но стихотворцы от натуры силою ума бодры и якобы некоторым божественным духом вдохновенны бывают. И для того по справедливости наш Енний стихотворцев называет священными, ибо кажется, что они даются нам как некоторое божие дарование. Итак, почитайте, вы, судии, вы, люди учтивейшие, имя стихотворца свято, которого никогда и варвары не озлобляли. Камни и пустыни гласу их ответствуют, свирепые звери часто пением склоняются и удержаны бывают, то нам ли, наученным добрым нравам, не почувствовать гласа стихотворцев? Гомера колофоняна гражданином своим называют, хиана себе присвояют, саламиняна того же требуют, смирняна в том утверждают, что он их собственный, и для того капище в честь его в своем городе построили. Сверх сего многие другие о нем прение имеют. Итак, когда они чужого и уже по смерти в свое гражданство принять желают, для того что он был стихотворец, то нам ли надлежит сего гражданина отвергнуть, который по своему произволению и по законам наш есть, а особливо, что Архия прежде сего свое рачение и все свое остроумие

употребил на возвышение славы и на похвалу римского народа?»

§ 110. Сей страсти противна ненависть, которая рождается из многих противных и неприятных свойств или действий, в ком-нибудь примеченных. Посему, ежели кто хочет возбудить против кого-нибудь ненависть, то должен он показать, какие в нем есть недостатки, как он зол, вредителен, нечистив, неправнодушен и прочая (смотри § 9). Однем словом, можно предложить все противное тому, что показано к возбуждению любви; например, Златоуст, возбуждая ненависть против неправильной клятвы, говорит: «И как я прежде вас просил, чтобы, усеченную главу Иоаннову, теплую кровь еще изливающую, взяв, каждый из вас в дом свой возвратился и думал бы, что она пред его очами глас свой испускает и вопиет: имейте в ненависти клятву моего убийцы; чего обличение не учинило, то учинила клятва, и чего не мог гнев мучительский, то произвела боязнь клятвопреступления. Когда пред всем народом был обличаем, обличение великодушно стерпел мучитель, но, когда обязал себя клятвою, тогда блаженную ту главу усекнул. Итак, о сем прошу и просить не престану, чтобы мы, куда только пойдем, повсюду главу сию с собою носили и всем бы показывали вопиющую и клятву укоряющую».

§ 111. Надежда есть услаждение о получении будущего добра. Движением сея страсти бедные утешаются и ободряются ослабевшие. Ритор, когда оную в ком возбудить хочет, то должен он представить: 1) что оное добро получить возможно; 2) что в получении оного хотя есть препятствия и затруднения, однако преодолеть их не весьма трудно; 3) что к получению оного есть довольные способы; 4) что есть примеры, как другие прежде подобным образом то же достали или он и сам прежде сего получал; 5) что время, место или обстоятельства к тому способны; 6) что есть признаки божией помощи, на которую уповать должно. У Тацита, в житии Агриколы, Галгак, ободряя солдатов своих к получению победы, говорит: «Не устрашайтесь тщетного вида и сияющего серебра и золота, которое не вредит и не ранит. Середи самых неприятелей найдем наших помощников. Британцы узнают, что мы за них воюем. Галлы вспомнят прежнюю свою вольность, оставят их и прочие германцы, равно как недавно узипияна от них отступили. Больше сего нет никакого страху: крепости пусты, переведенцы все старые люди. Между владеющими неправедно и невольно повинующимися нет ни бодрости, ни согласия».

И Димосфен в первом слове против Филиппа: «Того ради, афинеане, ежели вы впредь так поступать будете, чего вы прежде сего отнюдь не делали, ежели каждый из вас без умедления и без обегания для пользы республики тем спомоществовать будет, чего нужда требует и кто сколько может: богатые довольными вспомогательными деньгами, молодые люди военною службою, и, словом сказать, ежели вы впредь употреблять будете собственные ваши силы и перестанете на других надеяться, которые между тем одне воевать должны, когда вы дремлете, то с помощию божею все свое вскоре возвратите, что вы небрежением потеряли, и своим неприятелем по желанию вашему от-

мстить можете. Не думайте, афинеане, что Филипп был бог, которому неотменно всегда счастие служить будет, и что его благополучие не переменилось. Нет, афинеане, есть такие люди, которые его ненавидят, боятся и ему завидуют, и еще между теми, которые ныне себя приятельми показывают».

Так же Александр Великий ободряет своих солдатов у Курция, в книге 6: «Коль удобнее низложить еще устрашенного и едва ум свой имеющего неприятеля! Только на четыре дни пути нам осталось, тем, которые перешли столько снегов, через столько рек переправились, столько верхов высоких гор преодолели. Не удержало нас оное море, которое, наводнившись волнами своими, путь покрывает. Не заключил нас и узкий проход Киликийский. Все нам открыто и отворено. Стоим в преддверии у самой победы, и только немногие беглецы и убийцы государя своего остались».

§ 112. Противная надежде страсть — боязнь есть скука от ожидания приближающегося зла. Итак, ежели кого в боязнь привести хочешь, то должно представить: 1) такие приближающиеся вещи, от которых смерть приключается, как гром, пожары, наводнения, звери, неприятельские нападения, язва, мор, трясение земли, бури и прочая; или 2) которые великую печаль наводят, как лишение родителей, супругов, детей, богатства, чести, также поношение, наказание, темница, заточение и прочая; 3) сказать, что есть приходящего зла признаки или предзнаменования, как кометы и другие чрезвычайные явления на небе, сновидения и прочая; 4) особливо смотреть, чтобы представить опасность в том, кто что больше любит, ибо сие место очень мягко и самому легкому движению уступает; 5) предложить примеры, как другие в том пострадали; 6) что наступающее зло еще не имеет себе подобных; 7) что с ним другие беды соединены; 8) что силы столько не будет оное вытерпеть; 9) что оное зло весьма долго не окончится; 10) что его уже отвратить нельзя; 11) что к тому способствуют те, которые во всем власть имеют и притом озлоблены; 12) ежели боязнь состоит в сомнительном получении желаемой вещи, которой также и другие ищут, то предложить, что они к получению оной сильнее и лучше способы имеют. Мозгейм, рассуждая о смерти, говорит: «День приближается, в который я уже не буду господин тому, что ныне имею, и с досадою увижу, что я семена свои для других посеял. Скоро, скоро пойму ясно, что располагал я богатством, которое есть не мое собственное, и что заемные пожитки называл своими. Час придет, и кто знает: коль скоро? Час придет, когда я любезнейшим моим буду причиною страха, печали, тесноты и плача. Каково мне на сердце будет, когда моя вдова, мои сироты, мои сродники и мои откровенные друзья станут около моей постели и то о себе, то обо мне и о моей скорби плакать станут? Как возмогу я стерпеть взгляды и слезы тех, которые для моего отлучения, может быть, в бедности останутся? Теперь живу я в радости и наслаждаюсь богатством сего света. Но время приближается, в которое от всех роскошей отвращение иметь буду. День недалече, в который, может быть, нынешние мои забавы

умножат мое мучение и неспокойство. Как стерплю я таковое состояние? Каково мне тогда будет, когда от меня врач скрывать, а служитель слова божия ясно смерть предвозвещать станет? Что тогда буду я думать, когда мне объявят, что я уже должен от сего света отказаться, позабыть свою честь, сложить чины и только помышлять об одной вечности? И как я готов буду, когда мне скажут, что час уже при дверях, в который бог меня судить станет? О господи! Коль страшно предстоять пред твоим престолом! О господи! Како трепещет естество человеческое, когда о твоем взоре помышляет, который отнюд мрака не причастен? О господи! Како грешник возмущен будет, который нечист от чрева матери своея, на сем свете не стяжал себе ничего, кроме беззаконий, когда пред престолом твоим поставлен будет, на котором седит правосудие и святость?

§ 113. Гневом называется великая скука, нанесенная досадою или обидою и соединенная с ненавистью того, кто обидел. Сия страсть напрягается, когда стыд, раскаяние, страх или отчаяние с нею соединены будут по обстоятельствам; в высокой своей степени называется яростию. Когда ритор в ком сию страсть против кого-нибудь возбудить хочет, должен он представить: 1) что ему от того нанесена великая беда, обида или досада; 2) что он притом еще его презирает и осмехает; 3) что тою учиненною им обидою хвастает; 4) что грозится еще и впредь больше изобидеть; 5) что от него чинятся во всех добрых предприятиях препятствия; 6) или ежели он подчинен, то показать, что чинятся от него преслушания и пустые отговорки; 7) буде же власть имеет, то сказать, что он незаконно и неправильно повелевает и излишно трудами отягощает; или 8) что обида учинилась от того, от кого оной надеяться не можно было по сродству или по дружеству; 9) что оная обида нанесена вместо благодарения за учиненные благодеяния; 10) или что она касается до тех, кого он любит; 11) что учинена от такого, кто много хуже породою, чином, учением, заслугами или возрастом и летами; 12) что тот, кому нанесена обида, много честнее и достойнее того, кто изобидел; 13) что сия обида и другим, которые хуже его, была бы нестерпима; 14) что и меньшей обиды снести невозможно; 15) ежели сему обидчику уступить, то и другие, на него смотря, нападать станут; 16) ежели бы в его силе было, то бы он еще и больше изобидел; 17) также на гнев побуждает представление о непочтении; 18) или ежели кто радуется о чьем несчастии; 19) либо кто ругается тем, чего другой с великим трудом доступает; 20) сердимся и на тех, которые нерадостную весть приносят. В пример служить может Демосфеново побуждение на гнев афинеян в первом слове против Филиппа: «Вы видите, что делается, афинеяна, и сколь предерзостен стал человек сей. Он не дает вам воли ни войны иметь, ни мира, но угрожает гордыми словами. Он тем недоволен, что уже имеет, но предприемлет еще большие дела и окружает вас сетьми своими в нерадении вашем и непроворстве».

И Александр Великий, хотя солдат своих подвигнуть на гнев против Бесса, Дариева убийцы, говорит у Курция, в книге 6: «Погрешили мы,

любезные мои солдаты, ежели Дария для того только победили, чтобы холопу его отдать государство, который дерзнул учинить крайнее беззаконие и государя своего, уже от чужих помощи требующего, как пленника держал во узах, которого бы мы, победители, пощадили. Наконец убил, чтобы он нами сохранен не был. Сему ли вы царствовать попустите, которого я на виселице видеть поспешаю во отмщение нарушения верности за всех народов и государей?»

§ 114. Гневу противно сожаление или милосердие, которое есть скука для несчастия или бедности того, кому мы добра желаем, происходит от любви к тому, кто такое противное состояние терпеть принужден. Итак, для возбуждения сея страсти должно: 1) страждущего учинить любимым (по § 108); 2) бедное его состояние живо представить; 3) показать, что он такое зло терпит безвинно; 4) или по последней мере излишно страждет; 5) что с ним родители, жена и дети тоже сносить принуждены; 6) чтобы всяк по себе рассудил, ежели бы ему такое зло приключилось; 7) что он в вине своей признается и сожалеет; 8) что в том прощения просит, а впредь делать того не станет; 9) что он то сделал от нестерпимой досады в гневе; 10) что то учинилось ненарочно и не с умыслу; 11) что лета и возраст, то есть младенчество, молодость или старость, к тому привели; 12) что он другой надежды ко спасению не имеет. Сверх сего можно употреблять предложения, противные тем, которыми гнев возбуждается. Пример из Цицеронова слова за Лигария: «Когда ты сохранишь Лигария, кесарь, то сделаешь ты многим своим приятелям угождение. Притом рассуди еще, о чем ты обыкновенно рассуждаешь. Я могу тебе представить сабинян, которым ты столь много веришь, и весь сабинский уезд, цвет Италии и крепость республики. Ты знаешь их довольно; то посмотри на всех их печаль и сокрушение. Сего Т. Броха, которого, не сомневаюсь, что почитаешь, видишь ты и с сыном его в слезах и в горести. Но что сказать еще о его братьях? Не думай, что сие дело до одной головы касается. Три Лигария должно тебе удержать в городе или три искоренить из оного. Всякая ссылка вожделеннее им будет дому своего и отечества, ежели один сослан будет. Итак, когда они в сем по-братски благочестиво и толь печально поступают, то умилосердись над их слезами, над их добродетелью и над братской их любовию. Ежели ты его помилуешь, то три предобрые и беспорочнейшие братья не токмо сами друг другу, не токмо сим присутствующим толиким сановитым мужам, не токмо нам, ближним их сродникам, но и всей республике тобою подарены будут».

Уликс, утоляя гнев Ахиллесов на Агамемнона, налив чашу вина и хотя пить, говорит у Гомера, в «Илиаде», Иота:

За здравие твое. Мы как бы у Атрида;
Твоею, Ахиллес, здесь пищею довольны.
Ты нас столом своим довольно угостил.
Не ради пиршества к тебе мы нынь пришли:
Нас греческих полков погибель устрашает,
И наши корабли едва ли уцелеют.
Уже тебе пора во крепость облещись:

Трояна близ судов поставили свой стан,
И их союзники зажгли в полках огни,
Грозятся купно все, что с брегу не отступят,
Пока до кораблей ахейских не достигнут,
И, грянув, сам Зевес дает им добрый знак.
Надеясь на него, Приямов храбрый сын
В ужасной ярости всех греков презирает
И в бешенстве своем богов не почитает.
Желает, чтоб заря скорее началась,
И хвастает отсечь все носы у судов,
И флот весь истребить, возжегши хищный пламень,
И греков всех убить, смятенных в мрачном дыме.
Сего весьма страшусь, и чтоб сему Зевес
Так быть не попустил, и не судил бы рок
Под Троей умереть далече от Еллады.
Как если хочешь ты, то стань за нас хоть поздно
И греческих сынов избавь от сей беды.
Ты будешь сам тужить, как нам случится зло,
И рад бы пособить, да способов не будет.
Подумай, чтобы нынь избыть от злой годины.
Приятель, вспомни, что родитель приказал,
В который день тебя к Атриду посылал:
Дадут тебе, сказал, Юнона и Минерва
Победу на врагов, ты будь великодушен.
Всего похвальнее добросердечным быть.
Блюдись всегда вражды и ссоры начинать,
То будут тебя чтить и стары, и младые.
Он так тебя учил, а ты позабываешь.
Покинь свой лютый гнев и будь спокоен духом.
За то Агамемнон почтит тебя дарами.

§ 115. Честь или честолюбие есть услаждение добрым мнением, которое об нас люди имеют. Сия страсть рождается, когда кому честь как нечто особливое и великое представлена бывает, и после того показывается, что он такую честь имеет. Итак, ежели понадобится возбудить в ком честолюбие, то надлежит: 1) похвалить его поступки и по обстоятельствам, по времени и по месту оные увеличить; 2) в некоторых пристойных вещах можно его предпочтить другим, ему равным; 3) упомянуть, что почтение есть самое лучшее награждение великодушия и благородного поведения; 4) что все великие люди честь и похвалу любили; 5) что без сей страсти не чинились бы на свете знатные предприятия, и великие дела к концу бы не приходили; 6) и для того ничего нет, что бы толь велико и трудно было, чего бы честолюбивый не мог привести в состояние. Так возбуждает сию страсть Цицерон в слове за Архию-стихотворца: «Что я во время своего консульства купно с вами для благополучия сего града и правления, к сохранению граждан и для пользы всей республики учинил, тое начал сей Архия стихами описывать. И коль скоро я о том уведомился, советовал ему в оном далее простираться, для того что сие казалось мне важно и приятно. Добродетель не требует никакого иного награждения, кроме похвалы и чести. Ежели сих не будет, то какая в том и прибыль, что мы в жизни сей толикими трудами отягощаемся? И по правде, ежели мы предбудущего ничего видеть не можем и ежели конец жития

нашего всем нашим помышлениям предел полагает, то не почто бы удручать себя толикими трудами и мучить толикими бедами, в ночь сна лишаться и повергать жизнь свою в бедствия. Однако во всякой благородной душе есть некоторая потаенная сила, которая днем и ночью сердце на честь побуждает и ободряет и всегда сие на память приводит, что воспоминание своего имени не должно окончать с жизнию, но оное распростерть до самых позднейших потомков.

Или мы все толь малодушны, которые в республике, в уголовных бедах и трудах обращаемся и даже до последнего часа в тишине и в покое отдохнуть не можем, или мы все думаем, что все умрем купно с нами? Когда истуканные изображения, которые не души, но тела подобие представляют, многие великие люди по себе оставить старались, то не больше ли нам должно стараться, чтобы оставить по себе изображение ума и добродетелей наших, составленное и красноречием украшенное от людей, в том искусных?»

§ 116. Стыд есть немалая скука от худа, которое кто на себе имеет и которое другим известно. И так происходит он, когда кто о своих недостатках рассуждает или о худых своих поступках, которые людям известны. Посему для возбуждения сея страсти должно представить, 1) кто что на себе худо имеет или что непристойное сделал, 2) показать, что другие, которые много хуже, того на себе не имеют или не делают, 3) что он от своих предков в том далече остался и еще, может быть, впредь много хуже будет, 4) что об нем другие весьма худое мнение имеют и в том осуждают, 5) что в том ему уже извиниться нельзя, для того что оное дело всем очевидное, 6) и ежели положить, чтобы того никто не знал, то надобно, однако, и своей совести стыдиться, 7) а особливо от того утаиться нельзя, кто знает сердца и помышления человеческие, 8) еще для приведения в больший стыд можно сказать, что про то знают люди разумные и знатные или для своей старости почтенные. Так, Нуман приводит в стыд троян, приехавших с Енеем в Италию, у Вергилия в Енеиде, книга 9:

Не стыдно ли уж вам в осаде снова
И смерти ждать в стенах? вы дважды взяты в Трое.
Улисса нет у нас, у нас Атридов нет.

* * *

Жестокий наш народ от роскоши бежит,
Мы хладною водой младенцев укрепляем,
Подрослые в лесах всегда зверей гоняют.

* * *

Но вас багряная одежда украшает,
Вы любите плясать и в роскошь отдаваться.

* * *

Подите по горам Диндимским за свирельми:
Венера вас зовет тимпаном и трубами;
Оружие свое мужчинам, нам отдайте.

§ 117. Зависть есть скука, которая происходит от благополучия

того, кого мы ненавидим. Сию страсть хотя не надлежит ритору как человеку, добрым делам и нравам учащему, в слушателях возбуждать, однако способы к движению оныя знать надобно тем, которые хотят кого-нибудь описать, в других зависть возбуждающего, или кого завидующего представить. Для себя предлагают: 1) что тот человек (на которого зависть подвигнуть должно), хотя ему (в ком зависть возбуждать надлежит) летами, породою или искусством, либо заслугами равен, или еще и меньше, однако много большее награждение, похвалу или чин имеет; 2) что, хотя он искал богатства, чести или какого-нибудь добра, однако другой у него перехватил; 3) что другой в кратком времени стал толь счастлив; 4) что другого честь — утрата его славы и другого прибыток есть его убыток, 5) что его добро другому достается; 6) что кому он желает несчастия, тому счастие приключилось. Алекта, возбуждая зависть в Турне, короле рутулском, к Енею, говорит у Вергилия в Енеиде, книга 7:

Что? Разве ты понес, о Турн, труды вотще?
Уступишь ты свой скиптр троянским беглецам?
Латин уж не тебе, но им отдать намерен,
Лавинию свою, придано и наследство,
Что все ты заслужил сам кровию своей.

§ 118. Зависти сродна есть ревность и разнится от ней в том, что завидующий желает, дабы другой не имел того или такого же добра, какого он желает или имеет, а ревнующий желает только, чтобы и себе получить такое же посильное добро, какое другой имеет. Посему ревность есть похвальна, а зависть, напротив того, за порок почитается. Кто ревность в ком возбудить хочет, должен представить: 1) что он достоин того же добра, что другой имеет; 2) что ему будет стыдно, ежели он того же не получит; 3) что предки или родители его то же имели; 4) что ревность возводит на высокие степени достоинства, приобретает богатство и бессмертную славу; 5) что ревновать не зазорно такой особе, которая его не хуже или еще и лучше; 6) что к оной особе, и другие не хуже его ревность имеют. Противно сей страсти есть презрение и возбуждается противными представлениями вышепоказанным. Цицерон о риторе к Бруту приводит сему пример из потерянной своей речи за Корнелия: «Не привлекает меня богатство, чем всех Африканов и Лелиев многие продаваемые раби и купцы превзошли, ни платье, ни резное серебро и золото, чем наших древних Маркеллов и Максимов многие сирские и египетские евнухи превысили, ни украшения градские, каковыми сей град и всю Италию Павел и Муммий наполнили, ибо они могли легко в том быть превышены от какого-нибудь делианина или сирина».

§ 119. Раскаяние есть скука, происшедшая от учиненного нами дела, которое мы после за злое почитаем. Итак, рождается оно, когда мы о наших худых поступках рассуждаем; для того, кто сию страсть в другом возбудить хочет, должен: 1) предложить обстоятельно все его худые дела; 2) что в сих делах запереться нельзя, для того что всем явны; 3) что он первый такое зло учинил или большее, нежели другие;

4) что от него не надеялись такого злого поступка; 5) что оное злое дело вредит больше ему, нежели другим; 6) что для того все люди от него отвращение имеют; 7) что следствия худых своих дел скоро он чувствовать будет; 8) что очень бы хорошо было, ежели бы то злое дело не учинилось. Цицерон, изобличая Катилину, говорит в первом против него слове: «Чего ожидаешь ты еще, Катилина, когда уже ни ночь злобных твоих сборов покрыть и голоса заговору твоего, ни стены приватного дому удержать не могут, когда уже все ясно и наружу вышло? Перемени свои мысли, поверь мне, позабудь о убийстве и о зажжении. Со всех ты сторон пойман. Все твои предприятия яснее полуденного света. Что ты ни делаешь, что ни предприемлешь, что ни замышляешь, то все я не токмо слышу, но ясно вижу и почти руками щупаю. Вспомни со мною оную прошедшую ночь, то уразумеешь, что я тщательнее бодрствую для спасения республики, нежели ты для погубления оныя. Я сказываю всем явно, что ты прошлой ночи между косцами пришел в дом Марка Лекки, и собрались туда же многие согласники того же безумия и беззакония. Что? Не хочешь ли в том запереться? Что молчишь? Изобличу, ежели отрицаться станешь, ибо я вижу некоторых и здесь в Сенате, которые с тобой вместе были. О вы, бессмертные боги! В каком мы теперь народе? В каком мы живем городе? Какую республику имеем? Здесь, здесь между нами, господа сенаторы, в сем преименитом и святейшем всего земного круга совете есть такие люди, которые думают погубить меня и всех нас, истребить сей град и, следовательно, всю вселенную. Сих я, консул, вижу и от республики прошу приговора, и которых мечом погубить долженствовало, тех ниже словом уязвляю. Итак, был ты, Катилина, у Лекки в доме, разделил Италию на части, положил по своему хотению, куда кому идти, выбрал, кому в Риме остаться и кого с собою вывесть, расписал части града к зажжению. В таких обстоятельствах, Катилина, поступай далее в начатом твоем деле, выйди наконец из города; ворота отворены, поезжай; уже чрез меру долго ожидает манлианское войско тебя, своего предводителя; выведи с собою всех своих сообщников или хотя большую часть оных, очисти город; от великого меня избавишь страху, сколь скоро между мною и тобою стена будет; с нами быть тебе больше невозможно. Не снесу, не стерплю, не попущу».

§ 120. Прочие страсти обстоятельно и особливо не предлагаются здесь, для того что 1) возбуждаются оне по большой части чрез вышепоказанные, как желание — чрез возбуждение любви и надежды, отвращение — движением ненависти и боязни, 2) что не толь часто у авторов употребительны. Итак, остается еще упомянуть о смехе и о слезах. Первое происходит от представления таких вещей, которые в себе прекословие заключают, то есть которые в натуре быть не могут или нравам и обыкновениям человеческим весьма противны и общему понятию странны кажутся, как:

О волк, овец изрядный пастырь! —

о чем смотреть должно в третией главе вторыя части сея книги, также

и в следующей главе сея части. Возбуждают авторы смех особливо в комедиях, сатирах и эпиграммах, где главное и нужное сего употребление. Но в прозаичном, а особливо в важном слове должно оного остерегаться и не употреблять, как только соединив с некоторою осанкою и удаляясь от подлости, в чем Цицерон имел великое искусство. Пример из его слова за Мурену о стоическом учении: «Понеже сие слово предлагаем не перед простым народом, не в собрании сельских людей, для того несколько посмеляе о нравоучении поговорим то, что вам и мне приятно. Преизящные и божественные добродетели, которые мы видим в Марке Катоне, за собственные его почитайте, но примеченные в нем недостатки не от натуры, но от учителя происходят. Был некто превеликого остроумия человек, именем Зенон. Ревнители его изобретений называются стоики. Мнения и законы его таковы суть: не должно премудрому склоняться на милость, никому не прощать в преступлении. Никто не может быть милостив, кроме безумных и легкомысленных. Мужу неприлично удерживать гнев и на просьбу склоняться. Одне премудрые суть прекрасны, ежели они изуверы; богаты, ежели отнюдь ничего не имеют; короли, ежели живут в порабощении, а нас, непремудрых, называют они беглецами, ссыльными, неприятельми и безумными. Все согрешения у них суть равны; всякий порок ставят за превеликое беззаконие. У них не за меньшее преступление почитается, когда кто убьет петуха без нужды, нежели кто отца своего удавит. Премудрый ничего не чает, ни в чем раскаяния не имеет, ни в чем не обманывается, никогда мнения своего не переменяет.

На сие, как говорят, сказал Катон такие слова: Bone deus quam ridiculum habemus consulem! (Боже мой, коль смешного имеем мы консула!). Также, хотя Квинтилиан и другого о сем мнения, то есть чтоб важное слово насмешества в себе не имело, и говорит: Plerique Demostheni facultaten huius rei defuisse credunt, Ciceroni modum (Многие верят, что Демосфен не имел к тому натуральной склонности, а Цицерон — меры), однако в сем Цицерона оправить должно, для того что иногда насмешество много больше действует, нежели самая важная речь, как Гораций говорит:

. . . . . ridiculum acri
Fortius et melius magnas plerumque secat res.
(Насмешка остротой скорее проницает
И знатные дела свободно пресекает)».

§ 121. Слезы слушателей суть похвала риторов, которую, однако, немногие получают, ибо к сему не одно токмо сильное и сердца человеческия преклоняющее красноречие приводит, но не меньше того свойства и вид самого ритора, обстоятельства, время, место и состояние самой предлагаемой материи действуют. Хотя краткое слово Флавия, епископа антиохийского, предложенное к Аркадию, греческому императору, для испрошения оному городу прощения состоит из важных и сердце человеческое движущих идей, как то Златоуст изображает в одном слове к народу антиохийскому, однако помянутый государь не меньше побужден был к слезам плачевным видом того, сединами укра-

шенного и слезами обливающегося архиерея, нежели жалостными его словами.

§ 122. Часто с немалым успехом для движения одной страсти возбуждают риторы другую, как: для радости — надежду или честолюбие, для печали — боязнь или стыд, для милосердия — любовь и прочая. Цицерон в последнем слове против Верреса, чтобы на него возбудить гнев в судьях, движет в них милосердие к Гавию, которого Веррес в Сицилии мучил: «Били розгами середи мессинской площади гражданина римского. Между тем никакого стенания, никакого крику от бедного сего человека не было слышно, кроме сего: Я — римский гражданин. Он чаял, что воспоминанием сего гражданства отвратит все удары и отторгнет все мучения от своего тела. Но чрез сие не токмо не получил себе никакой помощи, но, еще когда часто призывал в помощь и употреблял имя сего града, сверх того виселицу приуготовляли несчастливому и оскорбленному сему человеку, который никогда не видал такой власти. О, сладчайшее имя вольности! О, преизящнейшее право нашего града! и прочая».

И Уликс у Гомера, приводя Ахиллеса к милосердию, возбуждает в нем гнев против Гектора и других троян, что смотри в § 114.

§ 123. К утолению страстей служат еще сверх вышепоказанного (§ 99) следующие два правила: 1) каждая страсть имеет себе противную; то для утоления оныя сию возбудить должно, и так противное от противного уничтожится; таким образом, печаль утолить можно возбуждением радости, любовь — возбуждением ненависти и прочая; 2) каждую страсть можно представить силлогизмом и потом одну или и обе посылки опровергнуть, например, кто радуется, тот думает так: кто такую вещь получил, тот нажил великое добро и посему имеет причину, чтобы радоваться, но я такую вещь получил, следовательно, имею великое добро, и потому мне радоваться должно. Здесь надлежит показать, что в оной вещи нет никакого добра или оно весьма мало, или хотя бы оно подлинно было, однако он того не имеет, или оно ненадежно.

§ 124. Предложенными о движении и утолении страстей правилами следует учение о том, как себя или кого-нибудь другого представить страстным, что весьма нередко употребляют сочинители слова. Немало служит сие и к возбуждению и утолению страстей, ибо кто хочет в одном возбудить любовь или утолить ненависть, тот может представить и описать живо, как другой его любит, или кто хочет солдат своих возбудить к надежде и смелости, тот может изобразить, в какой робости неприятели их находятся. Или, возбуждая радость, представить неприятелей печальных, как Цицерон Катилину в слове 2.

§ 125. Правила, которые служат к изображению страстных людей, суть те же, по которым страсти возбуждены бывают, и вся разность в том состоит, что сочинитель слова, возбуждая страсти, слушателям показывает и внушает оных причины, а изображаемый страстный человек представляется так, что он свою страсть показывает, изъявляя те же причины, которые его в страсть приводят. Например, чтобы

представить кого в радости, то должно сказать: 1) как он тем услаждается, что получил великое добро; 2) а особливо, что он оное любил и ныне любит; 3) как он в радости воспоминает положенные труды, преодоленные препятства и беды в снискании оного; 4) как ему то приятно, что он сие добро один получил, хотя и другие то же достать старались, и прочая (смотри § 103). Амвросий святый, изъявляя печаль и любовь о умершем брате своем Сатире, говорит в надгробном слове: «Я тебя, любезный мой брат, учинил наследником, но ты меня наследником оставил. Я тебя желал после себя в жизни оставить, но ты меня после себя жива покинул. Что мне, наследнику своего наследника? Что мне делать, оставшемуся после своей жизни? Что мне делать, лишившись света, которого желаю? О тебе ли мне, любезный мой брат, не жалеть? О тебе ли позабыть? Какое благодарение, какой дар тебе воздам? Кроме слез ничего не могу. Или, может быть, надеясь на свои заслуги, и слез не требуешь, которые мне одне остались, ибо еще при своей смерти запрещал ты о себе плакать и удостоверивал, что смерть тебе сноснее, нежели печаль наша. Имею себе залог, которого ни едино странствование от меня не отторгнет, имею оставшуюся для объятия плоть твою, имею гроб, который телом своим покрою. О, дабы возмог я противу твоей смерти повергнуть свое тело! Когда бы мечи устремлялись на твое заколение, то бы я себя за тебя представил. Ничего не помогло мне почерпание последнего твоего дыхания, ни мои тебе, умирающему, вдохновения, ибо я чаял чрез сие восприятие в себя смерть твою или жизнь свою тебе вдохнуть».

Сенека представляет честолюбие Геркулесово в трагедии, называемой «Геркулес Етейский», таким образом:

Зевес, богов отец, его же сильный гром
Страшит восток, и юг, и дальний солнцев дом,
Я мир тебе принес, ты царствуй безопасно:
Что было на земли и в тартаре ужасно,
То все я сокрушил геройской сей рукой
И свету показал, что я рожден тобой.
Уж некуда тебе бросать гремящи стрелы;
Я спас от лютых бед вселенныя пределы.

И Калфурний в буколических своих стихах говорит в любовной страсти:

Ах, жалко! Без тебя лилеи почернели,
И ясные струи, и вина мне противны.
Но если придешь ты, лилеи побелеют,
И ясные струи, и вина будут сладки.

§ 126. В изображении страстного человека представляют при словах его купно и движение тела, как взгляды, махания и плескания руками, трясение членов и прочая, что дает великую живность слову и умножает силу красноречия. Так представляет Цицерон печального Катилину, о чем смотри в примере § 105:

«Лежит повержен, римляне, и часто, искосив глаза, оглядывается

на сей город, о котором, из челюстей своих исхищенном, плачет».

И Овидий, представляя гневного Аякса в словопрении с Уликсом о оружии Ахиллесове, говорит в 13 кн. о превращениях:

Он, гневом воспален, возвел свирепый взор
На Илионский брег, где гречески суда,
И, руки протянув, вскричал: «О, сильный Боже!
Пред флотом я в суде, и мне Уликс соперник!»

§ 127. Весьма возвышается слово смешением страстей, и для того славные авторы нередко представляют одного человека, двумя разными или и противными страстями объятого. Так, Вергилий изображает Дидону, королеву карфагенскую, одержимую яростию, раскаянием и отчаянием, при отъезде Енея, генерала троянского, в 4 книге своея Енеиды:

Уже всходя заря на землю сыплет блеск,
Восстав с багряного Тритонова одра.
Дидона на свету с высокого чертога
Узрела, что уж флот отходит парусами
И что на берегу матросов больше нет;
Ударила рукой в свою прекрасну грудь
И, волосы свои терзая, говорит:
О, боже мой! Уйдет пришлец сей насмеявшись?
Или не хочет град за ним бежать в погоню
И карфагенский флот ограбить их судов?
Расправьте парусы, с огнем гребите вслед.
Но что я говорю? Где я? И где мой разум?
Тебя нынь рок постиг, несчастлива Дидона!
Тогда б то говорить, когда давала скиптр.
Таков мне верен тот, что отческих богов
И в старости отца из пламени исхитил.
Не можно ль было мне терзать его на части,
Убить товарищей и сына умертвить
И члены бы его отцу поставить в снедь?
Но счастье на бою сомнительно. Да пусть бы,
Хотящей умереть кого уже бояться?
Зажгла б все корабли, и с сыном бы отца
Истнила, и сама поверглась бы на них.
О солнце, что на всю вселенную взираешь,
И знающая всю тоску мою, Юнона,
Прозерпина, и вы, о мстящие фурии,
И боги умереть желающей Дидоны!
Внемлите и мою услышьте днесь мольбу:
Когда Зевес судил, чтоб лютый сей злодей,
Достигнул до земли и до брегов Гесперских,
Что рок так положил и переменить не можно:
То пусть хотя его жестока мучит брань;
Изгнан и отлучен от сына своего,
Пусть просит помощи, зря злую смерть другов.
И как уж заключит поносный мир с врагами,
То пусть тогда, своим не насладився царством,
Не видев радости, безвременно падет
И будет посреди песку не погребен.
Сего прошу и дух мой с кровью проливаю.

У Сенеки Медея борется с двумя противными страстьми, со гневом и любовию к своим детям, которых она убить хочет за неверность отца их, Язона, следующим образом:

Умножь теперь свой гнев и будь бодра, как прежде,
И стары злы дела почти за добродетель.
Медея ныне я, и дерзость в зле растет,
Весьма полезно мне, что мной убит мой брат,
Что мной растерзан был и на пути разметан;
Полезно, что отец лишен руна златого.
Не знаю, что теперь злый дух мой умышляет
И сам себе едва представить ясно смеет.

* * *

К неслыханному злу рука моя готова.
Примите, дети, казнь за отческу неверность.
Трепещет грудь моя и члены цепенеют!
Отходит лютость прочь: я стала снова мать.
Ах! Как мне кровь пролить драгих своих детей?

* * *

Однако не мои, пускай уже погибнут.
Ах, нет, они мои! и ничему невинны!
Но равно, как они, и брат невинен был.
Что зыблешься, мой дух? И слезы что текут?
Любовь влечет в страну, а гнев влечет в другую.

* * *

Ко мне, дражайший плод, в объятия бегите:
Единых видит вас сей скорбный дом отраду.
Но ненависть кипит, болезнь воспламенилась,
И прежний гнев бодрит мои к убийству руки,
Я следую тебе, куда ни поведешь.

§ 128. О предложенных в сей главе правилах для возбуждения, утоления и изображения страстей может кто подумать, что они не происходят от общего источника изобретения, то есть от мест риторических, как учения, в прочих главах предложенные. Правда, что оне имеют свое основание на философском учении о нравах, однако причины, возбуждающие страсти, должно распространять из помянутых мест риторических, например: когда для возбуждения радости представить хочешь полученное великое добро, то можешь с похвалою предложить пространно его части (§ 57), описать лучшие материальные или жизненные свойства (§ 58 и 59), показать знатные его действия (§ 61) и из прочих мест увеличить и доказать его достоинство. И таким образом можешь поступать и в рассуждении прочих правил как при возбуждении, утолении или изображении сея, так и других страстей.

Март 1744 г. — январь 1747 г.

Из «Введения в истинную физическую химию»

Глава 1

О физической химии и ее назначении

§ 1. Физическая химия есть наука, объясняющая на основании положений и опытов физики то, что происходит в смешанных телах при химических операциях. Она может быть названа также химической философией, но в совершенно другом смысле, чем та мистическая философия, где не только скрыты объяснения, но и самые операции производятся тайным образом.

§ 2. Мы захотели назвать этот труд физической химией потому, что решили, прилагая к тому все старание, включить в него только то, что содействует научному объяснению смешения тел. Поэтому мы считаем необходимым все, относящееся к наукам экономическим, фармации, металлургии, стекольному делу и т. д., отсюда исключить и отнести в особый курс технической химии с тою целью: 1) чтобы каждый легко находил сведения, ему необходимые, и читал без скуки; 2) чтобы не обременить память учащихся таким разнообразием предметов; 3) чтобы безоглядное стремление к наживе не затемняло философского рассмотрения прекрасной природы; но чтобы 4) изучающий прилежно химию, получив ясное представление о смешанных телах, с полным знанием дела приступал к умножению с ее помощью удобств жизни.

§ 3. Мы называем химию наукою в подражание писателям натуральной философии, которые хотя дают объяснение лишь важнейшим явлениям природы, так что остается очень много сомнительного и еще больше неизвестного, тем не менее по праву украшают физику наименованием науки, имея основание для этого не в своих познаниях, но в задачах физики. Итак, никто не будет отрицать, что, как бы мало мы ни преуспели в объяснении химических явлений физическим путем, мы можем в настоящем опыте пользоваться равными правами с физиками.

§ 4. Мы сказали, что химическая наука рассматривает качества и изменения тел. Качества бывают двоякого рода, а именно одни возбуждают у нас точно различимое представление, другие — только ясное. Первого рода качества — масса, фигура, движение или покой и местоположение каждого ощутимого тела; второго рода — цвет, вкус, целебные силы, сцепление частей и т. д. Первые и воспринимаются взором и определяются геометрическими и механическими законами, предметом которых они являются; причина же последних лежит в частях, недоступных остроте зрения, потому сами качества не могут быть определены геометрически и механически без помощи физической химии. Первые по необходимости присущи всем телам, вторые — только некоторым. Поэтому мы считаем целесообразным по почину Бойля называть первые качества общими, вторые — частными.

§ 5. Смешанное тело — это такое, которое состоит из двух или нескольких разнородных тел, соединенных друг с другом так, что

любая чувствительная часть этого тела совершенно подобна любой другой его части в отношении частных предметов. Так, огнестрельный порох состоит из селитры, серы и угля — разнородных тел, и любая часть его, доступная чувствам, совершенно подобна любой другой части цветом, сцеплением частей, взрывной силою и т. д. Тела, составляющие смешанное тело, как здесь селитра, сера и уголь, называются составляющими.

§ 6. Составляющие нередко сами являются смешанными телами, состоящими из других разнородных тел; так, в этом примере сера состоит из кислотной материи и другой, горючей; селитра — из особой кислоты и щелочной соли, уголь — из масла, горького кислотного спирта и золы. Составляющие такого рода мы называем составляющими второго порядка; а если они, в свою очередь, смешанные тела, то составляющие их мы именуем составляющими третьего порядка. Таким путем нельзя, однако, идти до бесконечности, но должны в конце концов существовать составляющие, в которых нельзя отделить друг от друга никакими химическими операциями или различить рассуждением разнородные тела; поэтому такого рода составляющие мы обозначаем как последние, или — на языке химиков — как начала.

§ 7. Так как смешанное тело в любой чувствительной частице подобно самому себе (§ 5), то, следовательно, любая чувствительная частица его состоит из одних и тех же составляющих, поэтому в смешанном теле должны существовать частицы, которые, если подвергнутся дальнейшему делению, распадаются на разнородные частицы тел, из которых состоит смешанное тело. Первые частицы мы называем частицами смешанного тела, вторые — частицами составляющих. Первого рода суть частицы огнестрельного пороха, которые могут распадаться только на серу, селитру и уголь; второго рода — частицы самих селитры, серы и угля, образующие в порохе частицу смешанного тела. Представляется уместным назвать частицы последней составляющей частицами начала.

§ 8. Из определения смешанного тела и примеров явствует, что от смешения разнородных тел происходят различные качества и явления и что поэтому для объяснения частных качеств тел и их изменений обязательно требуется познание их состава. Отсюда задача химии — исследовать как состав доступных чувствам тел, так и то, из чего впервые образуются составные тела, — именно начала. Какими путями и какими химическими средствами и физическими пособиями достигнуть этого, изъясняется в следующих главах.

Глава 2

О частных качествах смешанных тел

§ 9. На первом месте надо поставить те качества смешанных тел, которые зависят от различного сцепления частиц, ибо никакое изменение смешения в химии не может воспоследовать без изменения сцепления частиц.

§ 10. От различного сцепления частиц прежде всего происходят

тела твердые и жидкие. Твердое тело — то, которого фигура не может изменяться без внешней силы, а жидкое — то, части которого от собственной тяжести скользят друг около друга и которое образует верхнюю поверхность, параллельную горизонту, а остальным своим частям придает фигуру содержащей это тело полости.

§ 11. Твердые тела бывают жесткие или ковкие. Жесткие тела под влиянием ударов распадаются на части; ковкие поддаются ударам не ломаясь и вытягиваются в полосы и проволоки. В обоих случаях сопротивление различается соответственно сцеплению между частицами, и его никаким образом нельзя определить, так как степени его бесконечно многочисленны.

§ 12. Жесткое тело бывает крепким или хрупким. Крепкое требует большей силы и орудий для разрушения сцепления частиц; хрупкое распадается от сжатия или надавливания пальцами. Наконец, хрупкое тело может крошиться или раскалываться. Когда тело крошится, то оно от приложения силы распадается на зерна или в порошок, как мы видим на примере мрамора и сухой глины; когда тело колется, то разделяется на пластинки или тончайшие волокна, как мы наблюдаем на примере селенита и асбеста.

§ 13. Жидкое тело бывает либо густым, либо тонким. Тонкое при изменении фигуры полости, заключающей его, быстро следует за поверхностью полости, а густое — медленно. Первого рода тело — воды, второго — смола, мед и т. д.

§ 14. Кроме того, физики различают жидкость и текучее тело. Жидкостью они называют то тело, которое течет и у которого частицы взаимно связаны; оно образует капли, как вода. Текучим же в собственном смысле они именуют тело, частицы которого скользят, свободные от взаимного сцепления. Такого рода тело есть алебастр, обратившийся в порошок во время обжигания.

§ 15. Представляется правдоподобным, что если и не всегда, то в твердых телах упругость обусловлена главным образом сцеплением частей. Упругость есть то качество тел, в силу которого фигура их, измененная внешним давлением, восстанавливается в первоначальную; таковы нити железные, стеклянные и т. д.

§ 16. Как упругость твердых тел происходит главным образом от сцепления частиц, так от самого свойства упругости твердых тел зависит их звонкость, которая определяется как ощутительная продолжительность звука после нанесения удара телу. Обладающее этим свойством тело называется звонким, как бронза, железо и т. д. Из повседневного опыта явствует, что у тел разного рода звонкость различна и на ее усиление и ослабление очень большое влияние оказывают масса и фигура тела.

§ 17. После качеств, зависящих от различия в сцеплении частиц, надо поставить на ближайшее место те, которые действуют на чувство зрения: этого требуют как благородство соответствующего органа чувства, так и почти бесконечное разнообразие этих качеств. Нет ни одного смешанного тела, добытого ли неустанным трудом смертных из

подземного царства природы, полученного ли из блистательнейших сокровищ флоры, приготовленного ли, наконец, из животных частей, которого цвету, сверкающему живым блеском, или приятному суровостью, или удивительному пестротой, не могли бы подражать произведения химии.

§ 18. Прежде всего глаз отличает непрозрачное тело от прозрачного. Непрозрачное тело — это такое, которое, будучи помещено между глазом и каким-либо предметом, не позволяет изображению последнего воспроизводиться в глазе. Тело называется прозрачным, если, помещенное между глазом и предметом, оно пропускает изображение его к глазу ясным и отчетливым. Первого рода тела — мраморы, металлы и т. д., второго — вода, кварц и подобные им. Этого определения прозрачного тела не отменяют его различные фигуры, при которых предметы искажаются или умножаются вследствие преломления лучей: в химии мы рассматриваем смешение прозрачных тел, а не различия поверхности их.

§ 19. Прозрачные тела не всегда пропускают к глазу изображение предмета, помещенного за ними, одинаково ясное, но часто как бы окутанное туманом. Такое затуманивание или затемнение для разных тел наблюдается различное и различается по степени, так что одни менее прозрачны, чем другие, и наконец постепенно приближаются к непрозрачным телам. Те, которые занимают среднее место между прозрачными и непрозрачными и пропускают столь спутанные лучи, что передаваемые глазу очертания предметов сливаются, называются полупрозрачными, как минерал халцедон, рыбий клей и подобные тела.

§ 20. Прозрачные и непрозрачные тела бывают гладкие или шероховатые. Тело гладко, если оно дает в себе изображение поднесенного к нему предмета; шероховатые тела этого не дают. Под гладкими понимаем здесь те тела, которые приобретают без посредства человеческого труда гладкую поверхность, как вода, лед, ртуть, стекла прозрачные и непрозрачные; или шероховатую, как мрамор в месте излома, сухая глина и т. п. От зеркальной гладкости до той шероховатости, которая совершенно препятствует предмету давать изображение на поверхности тела, имеются, очевидно, почти бесчисленные степени гладкости; изображения предметов отражаются с различной ясностью, так же как различно передаются через полупрозрачные тела.

§ 21. Мы заметили, что гладкие тела могут быть ясными или блестящими, и провели различение, определяя ясное тело как такое, которое, будучи выставлено на дневной свет, отражает параллельные лучи белые, какого бы ни было цвета само; а блестящим называем тело, которое, выставленное на дневной свет, отражает параллельные лучи того же цвета, какой имеет само. Первое мы наблюдали в стеклах, второе преимущественно в металлах: поставленная против окна гладкая поверхность стекла, даже самого черного, дает белое изображение окна, а золото — желтое, медь — красноватое.

§ 22. Для цветов, которыми тела действуют на наши глаза, нельзя

ни дать определений, ни перечислить их разновидностей. Но вполне несомненно, что существуют некоторые цвета, происходящие из других, смешанных друг с другом, и такие, которых этим способом получить нельзя. Так, можно составить оранжевый цвет из красного и желтого, зеленый — из желтого и синего, фиолетовый — из синего и красного; но что красный, желтый и синий нельзя создать ни из каких других, это ясно показывает как смешивание окрашенных порошков, так и слияние солнечных лучей, о чем подробнее говорится в теоретической части... Поэтому красный, желтый и синий цвета мы называем простыми, а все остальные цвета, кроме черного, который вообще не есть цвет, — смешанными.

§ 23. Так как смешение простых цветов можно разнообразить почти до бесконечности, то получается почти бесконечное число сложных цветов, для обозначения и ясного различения которых очевидно не хватит ни названий, ни числа, ни меры. Поэтому при описании цветов химических тел, чтобы быть правильно и ясно понятым читателями (и сами мы ничего не сможем установить верного и), будем определять различные изменения качеств цветов по сходству их с вещами постоянной окраски.

§ 24. Итак, чтобы прежде всего точно отличать простые и чистые цвета от других, мы будем называть красным тот цвет, который мы видим в крови, в лепестках гортензии, в шерсти, окрашенной кармином, в сурике; желтым — цвет, наблюдаемый в настое шафрана, в ромашках и в лучшей охре; наконец, синим — цвет, присущий ясному небу, васильками и порошку краски ультрамарина. Итак, первый цвет мы зовем красным, кровяным или карминовым, второй — желтым и шафранным, наконец, третий — голубым, васильковым, ультрамариновым.

§ 25. Средних между этими тремя цветами тоже три: первый состоит из кровяного и шафранного, второй — из шафранного и синего, третий — из синего и кровяного, смешанных поровну. Довольно точное подобие первого цвета находится в корке апельсинов и в лепестках большого африканского цветка; второго — в зеленых лугах, третьего — в бирюзе; поэтому мы называем первый оранжевым, второй — зеленым или травяным, третий — бирюзовым. Из трех простых цветов, соединенных в должной пропорции, получается белый; отсутствие всех цветов есть причина черноты. Обо всем этом ясно говорится в оптике, и мы намерены изложить это подробнее в теоретической части.

§ 25. Как мы установили различия между главными разновидностями цветов по сходству их с вещами, так мы считаем самым целесообразным описывать все другие цвета, происходящие от различного и неравного смешения простых цветов и от различной яркости света, путем сравнения их с общеизвестными вещами и обозначения яркости преобладающего цвета.

§ 26. После того, что открыто чувству глаз, идет то, что различается ощущением языка, именно различные вкусы. Имеющими вкус

называются тела, причиняющие языку приятное или неприятное ощущение; безвкусными — не причиняющие такового. Главные и более отчетливые вкусы таковы: 1) кислый, как в уксусе; 2) едкий, как в винном спирте; 3) сладкий, как в меде; 4) горький, как в смоле; 5) соленый, как в соли; 6) острый, как в редьке; 7) терпкий, как в незрелых плодах. Которые из них простые, которые сложные, можно объяснить не раньше, чем когда будет известна природа начал.

§ 27. Как для цветов, так и для вкусов наблюдается почти бесконе чное разнообразие, происходящее от различного смешения названных выше вкусов и их различной резкости, обусловленной примесью безвкусных веществ. Поэтому в химической практике мы можем обозначать тела, различающиеся по вкусу, не иначе, как и в случае цветов: при помощи указания сходств и обозначения преобладающих вкусов.

§ 28. Запахи, действующие на обоняние, по большей части совмещаются со вкусами, так, например, то, что имеет кислый вкус, действует и на нос кислым запахом. Для обозначения и характеристики бесконечного разнообразия запахов нельзя поступать иначе, чем это было сделано для вкусов.

§ 30. Нам остается сказать кое-что о тех внутренних свойствах смешанных тел, которые могут быть природными или искусственно вызванными, — каковы способности притягивать, отталкивать, производить блуждающие огни, самопроизвольно загораться и т. д., а также лекарственные или ядовитые силы. Обо всем этом достаточно здесь только напомнить: все уяснится в своем месте, когда мы попытаемся исследовать свойства первого рода при рассмотрении смешанных тел, для которых это покажется уместным, способом, описанным ниже, а вторые, где нужно, заимствуем от наиболее славных медиков, ибо опыты для их раскрытия не входят в задачи химиков.

Глава 3

О средствах, которыми изменяются смешанные тела

§ 31. Смешанные тела изменяются от прибавления или потери одной или нескольких составляющих. При этом необходимо, чтобы каждая корпускула смешанного тела приобрела или потеряла одну или несколько корпускул составляющих. А это не может произойти без изменения связи частиц; поэтому необходимы силы, которые могли бы уничтожить сцепление между частицами. Легче всего такое действие производит огонь: нет ни одного тела в природе, которого внутренние части были бы недоступны ему и взаимную связь частиц которого он не мог бы разрушить.

§ 32. Пять обстоятельств химик особенно должен наблюдать относительно огня: 1) степень напряженности; 2) отношение его к телу, подвергаемому его действию; 3) продолжительность во времени; 4) скорость поступательного движения; 5) форму его.

§ 33. Напряженность огня не может быть оценена ни чувством, ни

по различию света, издаваемого воспламененным телом, ни по кипению жидкостей, ни по плавлению или затвердеванию тел, ибо осязание для этого и не всегда применимо, и очень часто обманывает; светящиеся тела нередко оказываются менее горячими, чем темные. Так, пламя горящей пакли менее горячо, чем железо, близкое к калению; смешиваемые жидкости вскипают, будучи гораздо холоднее других, еще не кипящих; наконец, тот же самый огонь, который одни тела плавит, другие переводит из разжиженного состояния в твердое. Единственное вполне достоверное измерение огня найдено в разрежении тел, на чем основаны термометры и пирометры. Эти инструменты чрезвычайно полезны химику для нахождения напряженности огня. Но о них скажем подробнее в своем месте.

§ 34. Однако в природе существуют некоторые изменения тел, заключающие в себе как некие пределы определенное число градусов термометров или пирометров и постоянно отвечающие одним и тем же точкам: нелишне поэтому здесь вкратце указать эти пределы для установления более ясного представления о напряженности огня. Кроме того, представляется удобным ввести название температурной области для известного числа градусов термометра или пирометра, заключающихся между постоянными пределами, чтобы словами, применяемыми непоследовательно, не запутать и не затруднить читателя. Итак, прежде всего теплота или огонь, от наименьшего до наибольшего, какой встречается в природе, разделяется на температурные области, а эти — на градусы.

§ 35. Первая и нижняя температурная область начинается от самого низкого градуса теплоты, или — что то же — от наибольшего градуса стужи, который пока еще никем не отмечен и не показан. Она оканчивается при температуре начинающегося замерзания воды; этот предел всегда постоянен и неизменен и основывается на явлении, которое весьма важно и имеет величайшее значение в природе. Огнем этой температурной области едва ли пользовались когда-либо химики. Мы, однако, намерены сделать здесь некоторые, и может быть немаловажные, химические опыты. Ведь ниже температуры замерзающей воды многие тела остаются еще жидкими и, следовательно, еще не вполне утратили свою силу, необходимую для химического действия. Вторая температурная область начинается там, где кончается первая; а высшим пределом ее мы принимаем ту точку, которой достигает наибольшая наблюдаемая летом жара и около которой находится и теплота здорового человека. Третья температурная область простирается от этой температуры выше до точки кипящей воды. Четвертая устанавливается между кипением воды и кипением ртути. Пятая простирается отсюда до того жара, при котором плавится медь. Наконец, шестая температурная область, начинаясь от плавления меди, ищет себе предела в высшей степени огня, если таковая существует. Все отмеченные здесь пределы температурных областей опираются на важные явления, которые как в природе, так и в самой химии имеют громаднейшее значение.

§ 36. Подобно тому как в соответствии со свойствами каждого тела и каждой химической работы химик должен применять известную степень огня, так нужно очень тщательно соразмерять и количество его, чтобы не употребить слишком большое или слишком малое количество огня по отношению к объему тела, взятого для химического исследования. Действительно, во втором случае мы не достигаем желательного результата, в первом мы понапрасну тратим масло и труд.

§ 37. Также необходимо отметить еще третье обстоятельство, что более слабый огонь нередко гораздо более действителен, чем сильный, для укрощения упорствующих тел, ибо в некоторых случаях известные тела легче поддаются времени, чем силе. Поэтому химик, проводя опыты, должен тщательно следить за тем, где нужен медленный, где сильный огонь.

§ 38. Различная скорость движения, наблюдаемая в распространении пламени, много содействует напряжению силы огня. Так, мы видим у золотых дел мастеров, что железная проволока толщиною около одной линии не может быть накалена в пламени горелки до той температуры, при которой плавится железо, если это пламя не приводится в сильное движение дутьем из паяльной трубки. Поэтому снова надо напомнить химику, чтобы он знал, как возбуждать движение пламени, когда это нужно.

§ 39. Различие формы применения огня состоит в том, что либо к нагреваемому телу проникает только один жар, либо само пламя окружает и непосредственно касается тела. Достаточно известно опытным в практике химии, насколько разнообразные происходят от этого явления, хотя бы применялся огонь одной и той же степени в течение одного и того же времени. Поэтому пусть химик обращает внимание, где надо пользоваться чистым жаром и где пламенем.

§ 40. Для пламени надо учитывать различие горючего материала: является ли таковым дерево, или уголь, и уголь каменный или древесный, и из какого дерева. Ибо от того, каким будет горючее: плотным или рыхлым, жирным или тощим, сухим или влажным, а самое пламя чистым или коптящим, — от этого, при прочих равных условиях, явления часто изменяются.

§ 41. Умножив или ослабив или каким бы то ни было образом изменив силу сцепления между частицами смешанных тел, огонь не может больше ничего сделать, если не окажут содействия вода или воздух, раздельно или совместно; они удаляют друг от друга, переносят и обменивают местами освободившиеся от взаимной связи частицы. Итак, огню свойственно изменять сцепление между частицами, а воздуху и воде — их расположение. Таким образом, первый — как бы орудие, а вторые два — носители. Укажем здесь в немногих словах, с какой осмотрительностью надо ими пользоваться.

§ 42. Воздух соединяется со смешанными телами двояким образом: или обтекая их и налегая на их поверхность, или занимая поры их. В последнем случае его надо назвать внутренним, в первом — наружным. Влияние и того и другого на химические явления немалое.

§ 43. Наружный воздух, как находясь в неподвижности у поверхности тела, нередко изменяет состав тела, после перемещения собственных частиц последнего при помощи огня, так и находясь в движении, приводит к нему посторонние частицы, приносимые с собою, или уносит с собою оторванные собственные частицы тела, или производит одновременно и то и другое. И чем быстрее движение воздуха, тем больше приходит посторонних частиц или уходит собственных частиц тела.

§ 44. Частицы, которые приносят движущийся воздух смешанному телу, или берутся из самой атмосферы, или искусственно доставляются химиком. Первые различаются в зависимости от погоды, природы и положения места, населенности его и нахождения вблизи фабричных заведений; вторые зависят от природы горючего, применяемого для поддерживания огня, или от природы тела, специально взятого для опыта. Необходимо, чтобы химик был в обоих случаях осмотрителен: 1) чтобы не считал одинаковым действие воздуха болотистых мест летней порою или мест, по соседству с которыми выжигается много серы из металлов, и действие более сухого и чистого воздуха; 2) чтобы не принимал того, что присоединилось из горючего материала или из другого соседнего тела, за присущее самому телу.

§ 45. Внутренний воздух, задерживаясь в порах тела, по необходимости должен напитываться более тонкими частицами его, особенно если тело будет пахучим. Поэтому, как только частицы тела освобождаются от взаимного сцепления, рассеиваются и внутренний воздух смешивается с наружным, более тонкие частицы должны улетать из смешанного тела, и отсюда должны воспоследовать значительные изменения качеств.

§ 46. Затем внутренний воздух, освободившийся из распавшихся тел и наполненный тонкими парами, нередко занимает поразительно громадное пространство и обладает большой силой воздействия на встречаемые препятствия. Пусть поэтому химик остерегается, чтобы заключенный и ищущий выхода воздух не разорвал сосуды с ущербом для труда, денежных средств и даже здоровья.

§ 47. Опыт показывает, что существует несколько видов воды, различающихся находящимися в них телами. У дождевой воды наблюдаются одни свойства, у речной — другие, у родниковой — третьи. Когда дождь с высоты падает через атмосферу, то принимает в себя встречающиеся сернистые и соляные пары. Поэтому если вода постоит летом несколько дней на солнце, то производит зеленеющую тину; она доставляет также пищу растениям и т. д. Речная вода содержит соляные частицы, вымытые из земли, из бродящих, гниющих и сгоревших тел, принесенные текущими отовсюду ручьями; много этих частиц обнаруживается в остатке, когда чистый водяной пар от теплоты рассеялся в воздухе. Родниковая вода очень часто, почти всегда, несет с собою растворенные в горах минералы, которые нередко можно открыть по вкусу, иногда даже по запаху.

§ 48. Сколько эти примеси причиняют нарушений в химических

действиях, достаточно известно из технической химии: так, красильщики, пивовары и другие ремесленники жалуются, что в их искусстве нельзя достигнуть одинаковой степени совершенства, пользуясь любой водою. Нам надлежит поэтому при химическом исследовании, предпринимаемом для физического познания составных частей, применять самую чистую воду, какую только можно найти или приготовить, если мы не желаем обмануться при раскрытии природных тайн.

§ 49. Какими способами надо очищать воды, будет преподано ниже. Из природных вод чище прочих приготовленная из снега, не загрязненного пылью, особенно из того, который падает после жестокого мороза при тихой погоде, ибо поверхность земли, скованная свирепостью зимы и покрытая снегом, испускает соляные и горючие пары, как летом. На втором месте стоит речная вода, текущая подо льдом в средине зимы. В это время ни порожденные дождями ручьи содержащимся в них загрязнением, ни ветры поднятой ими пылью не делают ее мутной, насыщенной соляным веществом; но мы ее черпаем вышедшею из земли и процеженной через песчаные берега. Третье место занимает дождевая вода. Прочие воды нельзя применять без исследования и очищения.

§ 50. Действие, производимое водою при изменении состава тел, еще значительно усугубляется оттого, что она сама в очень многих телах — главнейшая составная часть, так что после ее удаления они совершенно меняют свой вид. Поэтому вода, применяемая в качестве средства, должна строго различаться от той, которая существует в самом теле как составная часть и имеет немалое значение среди остальных составных частей, вместе с которыми она образует смешанное тело.

§ 51. Таковы действительные и настоящие средства, без которых — всех или по крайней мере двух из них — не может произойти никакое изменение в смешении тел. Сверх них, другие авторы называют гораздо большее, почти бесконечное число химических средств, именно столько, сколько имеется разновидностей смешанных тел, которые действуют друг на друга при помощи огня, воздуха и воды. Но описывать и объяснять их все мне представляется тем же самым, что излагать всю химию в предисловии к ней до изложения ее самой. Поэтому мы решили, что описать взаимодействие смешанных тел и различных составных частей надо для каждого в своем месте.

Глава 9

О способе изложения физической химии

§

Изложив в предыдущем коротко то, что касается собственно химии, — а это сделано для того, чтобы, приступая к исследованию смешанных тел, вы имели в уме как бы картину их общих свойств, важнейших родов их, средств и способов обращения с ними и прочего,

сюда относящегося, — мы переходим к тому, что надо призвать из физики в химию, что можно к ней присоединить, чтобы обе науки благодаря взаимной помощи.получили большее развитие и в каждой пролился бы более яркий свет.

§

После ознакомления со смешанными телами при помощи химических операций химики обыкновенно довольствуются тем познанием составных частей тела, которое дается этим способом, и не ищут многих других путей в их сокровенные глубины; а между тем физика, вооруженная законами математики, указывает их множество. Частные качества, как мы показали (§ 8), происходят от смешения, и химики обычно поглощены тем, что создают новые частные качества в телах, изменяя смешение. Так как химическими операциями изучается именно смешение, то разум требует не проходить мимо качеств, не исследовав их, когда требуется ясное познание вещей; ведь бессмысленно допытываться причины вещей, недостаточно познакомившись с самими вещами. Необходимо поэтому ясно познавать частные качества каждого смешанного тела, подвергаемого химическому исследованию, и, насколько возможно, точно определить и отметить, чтобы — когда будут познаны при помощи операций составные части — можно было наблюдать, в чем, насколько и каким образом изменяется данное качество от перемены известной составной части, и чтобы из взаимного соответствия того и другого уяснилась природа одного и истинная причина другого.

§

Среди частных качеств первым является проявляющееся различно в каждом теле это удельный вес. Наиболее известные физики оставили уже достаточно точные его определения; однако до сих пор остается очень много тел, еще не подвергнутых гидростатическому взвешиванию, которые, однако, заслуживают этого предпочтительно перед другими, уже взвешенными. А затем у некоторых взвешенных тел осталась под сомнением чистота их и не отмечены некоторые обстоятельства. Поэтому мы должны всё, что будет нам встречаться в этом курсе, — и смешанные тела, и их составные части, всё, что можно помещать в сосуды и трогать руками, — гидростатически взвешивать и тщательно отмечать при этом все обстоятельства и присоединять это к каждой операции, которой будет подвергнуто тело.

§

После удельного веса идет сцепление частей, из которых состоят смешанные тела. Это, правда, изучено для некоторых тел, особенно ковких, путем подвешивания грузов. Но насколько различная степень теплоты производит изменение сцепления частей, можно совершенно ясно видеть по плавлению твердых тел и из следующих наших опытов; поэтому прежние опыты не свободны от некоторой недостоверности.

К тому же не отмечалось время, которое протекло между наложением последнего груза и моментом разрыва, а это было очень важно отметить, так как если наложенный последний груз чуть больше, чем требуется, то проволока мгновенно обрывается, а если чуть меньше, то проволока последовательно утончается и потом уже разрывается. Какие приемы и какие инструменты мы придумали для того, чтобы более точно, чем до сих пор, определять сцепление между частями смешанных тел всякого рода, будет видно в следующей главе <...>

Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее, в публичном собрании императорской Академии наук июля 1 дня 1756 года говоренное Михайлом Ломоносовым

Испытание натуры трудно, слушатели, однако приятно, полезно, свято. Чем больше таинства ее разум постигает, тем вящее увеселение чувствует сердце. Чем далее рачение наше в оной простирается, тем обильнее собирает плоды для потребностей житейских. Чем глубже до самых причин толь чудных дел проницает рассуждение, тем яснее показывается непостижимый всего бытия строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей мир есть первый, общий, неложный и неумолчный проповедник. Небеса поведают славу божию. Селение свое положил он в солнце, то есть в нем сияние божества своего показал яснее, нежели в других тварях. Оно, по неизмеримой обширности всемирного строения, за далечайшие планеты сияет беспрестанно, распростирая превосходящею мечтание человеческое скоростию непонятное лучей множество. Сии беспрестанные и молний несравненно быстрейшие, но кроткие и благоприятные вестники творческого о прочих тварях промысла, освещая, согревая и оживляя оные, не токмо в человеческом разуме, но и в бессловесных, кажется, животных возбуждают некоторое божественное воображение. Что ж о таковом безмерном света океане представлять себе те должны, которые во внутреннее натуры святилище взирают любопытным оком и посредством того же света большую часть других естественных таинств усердствуют постигнуть? Свидетельствуют многочисленные их сочинения в разных народах, в разные веки свету сообщенные. Много препятствий неутомимые испытатели преодолели и следующих по себе труды облегчили: разогнали мрачные тучи и в чистое небо далече проникли. Но как чувственное око прямо на солнце смотреть не может, так и зрение рассуждения притупляется, исследуя причины происхождения света и разделения его на разные цветы. Что ж нам оставить ли надежду? Отступить ли от труда? Отдаться ли в отчаяние о успехах? Никак! Разве явиться желаем нерадивыми и подвига толиких в испытании натуры героев недостойными? Посмотрим, коль великую громаду

материй на сие дело они собрали или, как о древних сказывают исполинах, гору великую воздвигли, дерзая приближиться к источнику толикого сияния, толикого цветов великолепия. Взойдем на высоту за ними без страха, наступим на сильные их плечи и, поднявшись выше всякого мрака предупрежденных мыслей, устремим, сколько возможно, остроумия и рассуждения очи для испытания причин происхождения света и разделения его на разные цветы.

В начале сего предприятия рассмотрим основание толикия громады, поставленныя от толь многих, то согласных, то разномысленных строителей; и где оное непорядочно и нетвердо, потщимся исправить и укрепить по возможности орудием собственных своих мыслей. Наконец начнем сограждать свою систему.

Цветы происходят от света; для того должно прежде рассмотреть его причину, натуру и свойства вообще; потом оных происхождение исследовать. Минув потаенные качества древних, приступаю ко мнениям времен наших, яснейшими физическими знаниями просвещенных. Из оных два суть главнейшие: первое — Картезиево, от Гугения подтвержденное и изъясненное[1], второе — от Гассенда начавшееся и Невтоновым согласием и истолкованием важность получившее. Разность обоих мнений состоит в разных движениях. В обоих поставляется тончайшая, жидкая, отнюдь не осязаемая материя. Но движение от Невтона полагается текущее и от светящихся тел наподобие реки во все стороны разливающееся; от Картезия поставляется беспрестанно зыблющееся, без течения. Из сих мнений которое есть правое и довольно ли к истолкованию свойства света и цветов, о том со вниманием и осторожностию подумаем.

Для ясного и подробного понятия должно рассмотреть все возможные материй движения вообще. Итак, положив жидкую, тончайшую и неосязаемую материю света, о чем ныне уже никто не сомневается, три возможные движения в оной находим, которые действительно есть или нет — после окажется. Первое движение может быть текущее или проходное, как Гассенд и Невтон думают, которым эфир (материю света с древними и многими новыми так называю) движется от Солнца и от других великих и малых светящихся тел во все стороны наподобие реки беспрестанно. Второе движение может в эфире быть зыблющееся, по Картезиеву и Гугениеву мнению, которым он наподобие весьма мелких и частых волн во все стороны от Солнца действует, простирая оные по исполненному материю океану всемирного пространства, подобно как тихо стоящая вода от впадшего камня на все стороны параллельными кругами волны простирает, без текущего своего движения. Третье движение быть может коловратное, когда каждая нечувствительная частица, эфир составляющая, около своего центра или оси обращается. Сия три возможные эфира движения могут ли быть в нем действительно и производить свет и цветы, о том начнем порядочно и вникательно исследовать.

Мнение, полагающее причину света в текущем движении эфира, есть одно только произволенное положение, никаких оснований и

доказательств не имеющее. Два только обстоятельства некоторый вид вероятности показывают: первое — правила преломления лучей, Невтоном изобретенные, второе — чувствительное время, в которое свет от Солнца к нам приходит. Но правила основаны на подобном произвольном положении о притягательной тел силе, которое знатнейшие ныне физики по справедливости отвергают как потаенное качество, из старой аристотельской школы к помешательству здравого учения возобновленное. Того ради, хотя они довольно показывают остроумие авторово, однако мнения его отнюдь не утверждают. Чувствительное, но весьма краткое время, в которое свет от Солнца к Земле простирается, еще меньше утверждает текущее движение эфира, нежели продолжение времени в простерии голоса после ударения в знатном расстоянии уверяет о течении воздуха. Ежели кто скажет, что свет от Солнца происходит течением эфира наподобие реки..., когда свет от Солнца достигает до нашего зрения, тот должен заключить подобным следствием, что воздух от звенящих гуслей течет на все стороны такою же скоростию, какою проходит голос к уху. Однако я представляю себе скорость сильного ветра, когда воздух в одну секунду 60 футов провевает..., и рассуждаю, что если бы от струн так скоро двигался проходным течением воздух, как голос, то есть больше тысячи футов в секунду, то бы от такой музыки и горы с мест своих сринуты были.

Но хотя обе помянутые догадки, к постановлению оного мнения употребляемые, ниже маловероятным доказательством служить могут, однако уступим на время и, положив, что свет от Солнца простирается во все стороны течением эфира, посмотрим, что последовать будет.

Из механических законов довольно доказано, утверждено повседневными опытами и от всех общепринято, что чем какое тело меньше и легче, тем меньше движущей силе противится, меньше получает стремление; также чем большее имеет себе встречное сопротивление, тем течение оного тела скорее прекращается. Например, если бы кто кинул песчинку из пращи, полетела ли бы она такою скоростию и на толь далекое расстояние, как соответствующий силам руки человеческой камень? Что ж можно представить тоне и легче единой частицы, эфир составляющия? И коль ужасно расстояние от нас до Солнца? И кое течение скорее мечтать себе можно, как эфира по вышепомянутому мнению? И кое сопротивление сильнее быть тягости к солнцу, которая не токмо нашу землю, но и другие большие тела к нему понуждает, совращая с прямолинейного движения? В таковых ли неудобностях можем положить происхождение света текущим эфира движением?

Поставим на солнечное сияние через двенадцать часов малую, черную и непрозрачную песчинку. Во все то время потекут к ней беспрестанно лучи от всего видимого солнечного полукружия, заключающиеся в конической обширности, которая вместо дна имеет круг солнца, вместо острого конца оную песчинку. Кубическое содержание пока-

занного конического пространства, по исчислению, содержит в себе около семисот двадцати миллионов кубических земных полудиаметров. В каждые осмь минут совершается распростертие света до Земли от Солнца; следовательно, в двенадцать часов перейдет от него к оной песчинке эфирной материи восмь тысяч шестьсот сорок миллионов кубичных земных полудиаметров. Взяв с солнечного сияния песчинку, положим в малую, темную и холодную камеру; тотчас приобретенная от солнца теплота исчезнет, света ни малейшего не окажется. Сей опыт хотя бы кто повторял целый год или век свой в том упражнялся, всегда черная его песчинка останется черною и в темноте не подаст ни малого света. Черные материи приходящих к себе лучей ни назад не отвращают, ни сквозь себя не пропускают. Скажите мне, любители и защитители мнения о текущем движении материи, свет производящия, куда оная в сем случае скрывается? Сказать инако не можете, что собирается в песчинку и в ней вовсе остается. Но возможно ли в ней толикому количеству материи вместиться! Знаю, что вы разделяете материю света на толь мелкие частицы и толь редко оную по всемирному пространству поставляете, что все оное количество может сжаться и уместиться в поросжих скважинах одной песчинки. Сие разделение ваше хотя никакого основания и доказательства не имеет, однако вам уступаю с таким условием, чтобы и мне позволено было по вашему праву разделять материю на толь же мелкие части. Отказать мне в том никак не можете. Итак, я разделяю поверхность черной и непрозрачной песчинки на многочисленные миллионы частей, из которых каждая от целого видимого солнечного полукружия освещается; к каждой оное ужасное количество эфирной материи притекает, в ней умещается, остается. Где покажете столько места? Разве мельче еще материю разделять станете? Но таким же образом и я свои частицы на поверхности песчинки разделять право имею и на каждую столько же свету требовать. Видите, какими затруднениями отягощено произвольное ваше мнение!

Однако скажете еще, что правда, хотя неудобности видим, не видим невозможности, которая единственно показана быть может произведением прекословных заключений из нашего мнения. Ответствую: неудобность часто живет в соседстве с невозможностию, которую больше, нежели одним путем, в сем вашем мнении сыскать мне случилось.

Между известными вещами что есть тверже алмаза? Что есть его прозрачнее? Твердость требует довольной материи и тесных скважин — прозрачность едва из материи составлену быть ему позволяет, ежели положим, что лучи простираются текущим движением эфирной материи. Ибо от каждого пункта его поверхности и всего внутреннего тела к каждому ж пункту всея поверхности и всего ж внутреннего тела проходят лучи прямою линиею. Следовательно, во все оные стороны прямолинейные скважины внутрь всего алмаза простираются. Сие положив, алмаз не токмо должен состоять из редкой и рухлой материи, но и весь должен быть внутри тощий. От твердости следует сложение

его из частиц, тесно соединенных, от прозрачности заключается не токмо рухлость, но и почти одна полость, утлой скорлупой окруженная. Сии следствия понеже между собою прекословят, следовательно, произвольное положение, что свет от Солнца простирается текущим движением эфира, есть неправедно.

Еще положим, что свет простирается от Солнца и от других светящихся тел текущим движением эфира. Новая невозможность, новые прекословные заключения воспоследуют. В прозрачном отовсюду алмазе от каждого пункта его поверхности и всего внутреннего тела к каждому пункту всея поверхности и всего внутреннего тела простираются прямолинейные скважины по всему алмазу; по оным скважинам проходит материя света, как выше показано. Свет сообщается с одной стороны на другую без препятствия равною силою. Поставим алмаз между двумя свечами. Лучи с обеих сторон пройдут сквозь алмаз равною силою, и одна свеча с одной стороны в то же время сквозь алмаз таково ж явственно, как с другой стороны другая, видна будет. Что ж здесь? Уничтожить ли нам механику? Положить ли, что когда с обеих сторон равною силою и равным количеством жидкие материи встречаются в узкой скважине, каковы сквозь алмаз быть должны, чтобы одна с другою не встретились и оную не удержала?

Но только ли еще? Сквозь все алмаза скважины, поставленного между многими тысячами свеч горящих, сколь многим должно быть встречным и поперечным течениям материи света по неисчетным углов наклонениям; но притом нет препятствия и ниже малейшего в лучах замешательства! Где справедливые логические заключения? Где ненарушимые движения законы?

Довольно бы сих опровержений было; однако, дабы и последнюю сего мнения отнять вероятность, следующее предлагаю.

Возможно ли быть тому в натуре, чтобы одна и та же самая вещь была самой себя больше? Непреложные математические законы утверждают, что та ж и одна вещь всегда равна сама себе величиною. Противное неправедно и прекословит повседневному искусству... Из положения и мнения Гассендова и Невтонова, конечно, сие следует. Лучи солнечные возвращаются извнутрь от боку стеклянныя призмы так сильно, что положенные вещи таково же явственно изображают, как бы кто глядел на самые вещи прямо. Из сего искусства следует, что все лучи от помянутого боку отвращаются и едва малое число их сквозь проходит. С другой стороны, сквозь тот же бок толь явственно предлежащие вещи видеть можно, как бы они беспосредственно зрению предлежали. Из чего также неспоримо следует, что все лучи солнечные сквозь оный бок проходят и едва малое оных число отвращается. Не явствует ли здесь, что из помянутого мнения следует? Столько ж лучей от оной поверхности отвращается, сколько на нее падает, и столько ж сквозь проходит, то есть лучей солнечных материя будет самой себя вдвое больше. Ныне должно одного из двух держаться и утверждать, что мнение о простертии лучей текущим движением эфирной материи есть ложно или, что оно право, и купно верить, что одна

и та же самая вещь в то же время самой себя больше.

Рассмотрев невозможность сего движения эфирной материи, обратимся ко второму, то есть коловратному, движению и посмотрим, может ли оно быть причиною света.

Доказано мною в «Рассуждении о причине теплоты и стужи», что теплота происходит от коловратного движения частиц, самые тела составляющих. На что хотя бывших возражений несправедливость ясно показана, однако не должно преминуть, чтобы вкратце оное еще не утвердить новыми доводами из самого искусства.

Железо, когда куют, нагревается, собственная его материя плотнее сжимается, посторонняя вон выходит, ясно доказывая, что внешняя материя, умаляясь, не прохлаждает, собственная, стесяясь трением и обращением частиц, разгорается.

Когда медь или другой металл в крепкой водке[2] растворяется или известь водою будет помочена, тогда без всякого согревающего тела теплота в них производится сама собою. По мнению защитителей теплотворной материи, должно ей тут из других ближних тел собраться, и, следовательно, оным телам надлежит простынуть. Но сие всем опытам является противно. Итак, принятая произвольно теплотворная материя содержит равновесие и не содержит: содержит равновесие, когда из теплого тела выходит в холодное, согревая оное и сама простывая до равного теплоты градуса; не содержит, когда известь согревается без прохлаждения вещей, близ ее лежащих, — явное прекословие.

Свинец в кипящей воде сколь бы долго ни держался, однако больше теплоты в себя не принимает, как сама кипящая вода показывает оную термометром. По мнению патронов теплотворной материи, встает она из огня в нагревающиеся материи, входит в нечувствительные скважины и оные по мере их величины наполняют. Тот же свинец вне воды несравненно больший градус теплоты на себя принимает, растопляется, разгорается и в стекло претворяется. Здесь, по мнению выходящия и входящия материи, следовать должно, что тот же свинец вне воды больше скважины имеет, нежели внутрь оныя, и сам себе бывает неравен и неподобен в то самое время, когда свинцом остается.

Кипящею водою угашается раскаленное железо. Следовательно, по мнению тех, которые причину теплоты и стужи полагают в материи огненной, из одного тела в другое происходящей, выходит оная из железа в кипящую воду. Но по известным опытам и неоспоримым заключениям явствует, что вода, когда кипит, горячее быть не может. Следовательно, по тому же мнению, и теплотворной материи в себя больше отнюдь не принимает. Видите — явное прекословие! В одно и то же самое время от того же одного железа вода теплотворную материю принимает и не принимает.

Из животных беспрестанно теплота простирается и нагревает приближенные к ним вещи. Многие из оных никогда теплой пищи не принимают. Поборники и защитники теплотворной материи, истолкуйте: какою дорогою входит она в животные нечувствительно, чувстви-

тельно выходит? Разве она, когда входит, холодна бывает? То есть теплота студеная, равно как свет темный, сухость мокрая, жесткость мягкая, круглость четыреугольная!

Все сии затруднения, или, лучше сказать, невозможности, уничтожатся, когда положим, что теплота состоит в коловратном движении нечувствительных частиц, тела составляющих. Не нужно будет странное и непонятное теплотворной некоторой материи из тела в тело прехождение, которое не токмо не утверждено доказательствами, но ниже ясно истолковано быть может. Коловратное движение частиц на изъяснение и доказательство всех свойств теплоты достаточно. Для большего о сем уверения отсылаю охотников к Рассуждению моему о причинах теплоты и стужи и к ответам на критические против оной рассуждения.

Ныне время рассмотреть, может ли коловратное движение эфирных частиц быть причиною света.

Солнце хотя светит крупно и согревает, однако много таких есть случаев, что с великим жаром нет ни малейшего света, и с ясным светом теплоты не находим. Вынятое из горна железо, когда уже погаснет, в темноте нимало не светит, однако такой жар в себе содержит, что воду кипеть принуждает, зажигает дерево, олово и свинец растопляет. Напротив того, собранные зажигательным зеркалом лучи солнечные, от полного месяца отвращенные, светят весьма живо и ясно, но теплоты чувствительной не производят. Не упоминаю электрического света фосфора и других, в темноте без жару свет испускающих материй. Итак, когда без света огонь и без огня свет быть может, следовательно, оба от разных причин происходят. Эфиром сообщается земным телам свет и теплота от солнца. Потому заключить должно, что оба тою же его материею, но разными движениями производятся. Текущего движения невозможность доказана; коловратное есть огня и теплоты причина. Того ради, когда эфир в земных телах теплоту, то есть коловратное движение частиц производит, сам должен иметь оное. Посему когда эфир текущего движения иметь не может, а коловратное теплоты без света причина, следовательно, остается одно третье, зыблющееся движение эфира, которое должно быть причиною света.

Хотя сие уже довольно доказано, однако еще посмотрим: первое, нет ли в простертии света зыблющимся движением прекословных следствий, таких же, каковы произведены из мнения о текущем движении эфира; второе, можно ли толковать разные свойства света.

Что до первого надлежит, то имеем ясный пример в зыблющемся движении воздуха, которым голос от места на место простирается. Сколько есть разных голосов, всяк себе удобно представит, как только подумает о разных музыкальных тонах, разной громкости, от разных инструментов, также о голосах птиц и других животных; еще о громе, звоне, стуке, тряске, свисте, визге, скрыпении, журчании и разных их напряжениях и возвышениях, сверх того, о разных букв выговорах на разных языках. Все сии бесчисленные различия голоса простираются

прямою линиею, друг друга пересекают не токмо по всякому возможному углу, но и прямо встречаются, один другого не уничтожая. Стоя близ звенящих гуслей, слышу в одной стороне пение соловья, в другой — певцов голос и речи; там звон колокольный, инде топот конский; все голосы к моему слуху и к других многих приходят, и которому из них больше внимаем, тот яснее слышим. Итак, имеем доказательство, что натура к великим и многим делам употребляет зыблющееся движение жидких тел, каков есть воздух. Подобным образом представив показанную выше невозможность текущего эфирного движения, без сомнения, принять мы должны зыблющееся его движение за причину света, ибо из вышереченного зыблющегося движения прекословия не следует. Не надобно в одну песчинку вместить материи, которая между ею и между солнцем ужасной обширности пространство толь много крат занимает. Не надобно, чтобы алмаз был ничего больше, как одна тощая рухлая скорлупка. Не надобно принимать других прекословных мнений.

Второе — удобность сея системы, что оное весьма служит к ясному истолкованию действий и обстоятельств света, неоспоримо подтверждает разные движения как причины теплоты и света.

Показано выше, что лучи от лунного полукружия, стесненные зажигательным зеркалом, не показывают теплоты чувствительной, свет имеют, зрению едва сносный. Сие чудное свойство ясно и понятно будет по вышедоказанным положениям. Эфирная материя между Солнцем и Луною движется частиц своих зыблющимся и коловратным движением. Коловратным согревая Луны поверхность, оное притупляет; зыблющееся, которое не для согрения, но для освещения служит, меньше силы своей теряет, так что отвращенные лучи от нашей Земли к Луне достигают и от ней паки возвращаются, показывая часть темныя ее стороны вскоре послеполуния.

Ртуть в стеклянном сосуде, воздуха в себе не имеющем, падая мелкими каплями, свет без теплоты производит. Всем знающим известно, что круглая жидкая капля после удару о твердое тело трясется, сжимаясь и расширяясь, таким образом приводит эфир в трясущееся движение, которое свет рождает. Так светятся фосфор и другие ему сродные материи, без жару сияющие. Сих явлений истолкование для краткости времени может быть ныне довольно.

Наступает по порядку, чтобы объявить мое мнение о причине цветов и оное доказать по вероятности. Но прежде, нежели представлю, покажу основание, которое во всей физике поныне неизвестно, и не токмо истолкования, но еще имени не имеет, однако толь важно и обще во всей натуре, что в произведении свойств, от нечувствительных частиц происходящих, первейшее место занимает. Я называю оное совмещением частиц. Сила оного основания зависит от сходства и несходства поверхностей частиц одного и разных родов первоначальных материй, тела составляющих.

Представьте себе всемирного строения пространство, из шаричков нечувствительной, но разной величины состоящее; поверхность их,

наполненную частыми и мелкими неравностями, которыми оные частицы наподобие зубцов, каковы на колесах бывают, друг с другом сцепиться могут. Из механики известно, что те колеса сцепляются и друг с другом согласно движутся, которых зубцы равной величины и одного расположения, лад в лад приходят; а которых величина и расположение разны, те не сцепляются и друг с другом согласно не движутся. Сие нахожу в нечувствительных первоначальных частицах, все тела составляющих, от премудрого архитектора и всесильного механика устроено и утверждено между непреложными естественными законами, и называю сцепляющиеся согласно друг с другом частицы совместными, не сцепляющиеся и не движущиеся согласно — несовместными.

Вообразив сие основание, ясно себе представить можете всех чувств действия и других чудных явлений, перемен, в натуре бывающих.

Жизненные соки в нервах таковым движением возвещают в голову бывающих на концах их перемены, сцепясь с прикасающимися им внешних тел частицами. Сие происходит нечувствительным временем для беспрерывного совмещения частиц по всему нерву от конца до самого мозгу. Ибо по механическим законам известно, что многие тысячи таковых шаров или колес, когда они стоят в совместном сцеплении беспрерывно, должны с одним повернутым внешнею силою вертеться, с остановленным остановиться и с ним купно умножать или умалять скорость движения.

Таковым образом кислая материя, в нервах языка содержащаяся, с положенными на язык кислыми частицами сцепляется, перемену движения производит и в мозге оную представляет. Таким образом рождается обоняние. Так происходят химические растворы, спуски, кипения. Сим путем бывает восхождение жидких материй в узкие трубки. Сим орудием электрическая сила действует и ясно представлена, истолкована и доказана быть может без помощи непонятного вбегающих и выбегающих без всякой причины противным движением чудотворных материй. Представим только, что чрез трение стекла производится в эфире коловратное движение его частиц отменною скоростию или стороною от движения прочего эфира. От поверхности стекла простирается оное движение по удобным к тому особливо водяным или металлическим скважинам. Не требуется здесь непонятное текущее движение частиц эфира, но токмо легкое вертение оных. Там понять не можно, как текущий эфир от малой точки электрической в нечувствительное время толь далече проходит; здесь явствует, что чрез приложение электрованной руки к неэлектрованному телу обращающиеся коловратным движением совместные частицы, в порах оного сцепляясь одна с другою, во всем том теле в один миг электрическое коловратное движение производят, умножив его скорость или переменив сторону. В то ж самое время скорость коловратного движения тише становится в электрованном человеке, для того что все тела, сообщая движение другим, от своего уделяют; следовательно, оное в

них убывает. Там механическим законам противно, когда текущий эфир по весьма долгой и в разные стороны изогнутой многочисленными образами проволоке, не наблюдая никаких отвращения и сражения правил, во многих миллионах углов движения своего отнюдь не теряет; здесь все сии неудобности коловратным движением совместных частиц эфирных уничтожаются, ибо оное, невзирая ни на углы, ниже на какие сгибы и стороны проволоки, беспрепятственно производиться может. Электрическая искра и чувствие болезни, громовые удары и другие явления и свойства по бывшим доныне толкованиям еще больше чудны, нежели ясны остались. По сей системе совмещения частиц представляются легко понятным механическим образом. Однако здесь краткость долее толковать не позволяет, и прекрасные цветы от громовых электрических туч слово мое к себе отзывают.

Всё помянутых эфирных частиц несказанное множество разделяю на три рода разной величины, которые все суть сферической фигуры. Первого рода частицы суть самые большие в беспрерывном взаимном прикосновении в квадратном положении. Посему, считая кубичное тело против шара одного диаметра вдвое, останется порожнего места между оными частицами почти столько же, сколько оные шары занимают. В оных промежутках полагаю эфирные частицы второго рода, которые, будучи оных много мельче, знатным числом в каждом умещаются и квадратным положением и беспрерывным прикосновением друг к другу подобным образом занимают половину места оных промежутков, следовательно, количеством материи суть в половину против первых. Также полагаю и третий род самых мелких частиц таким же порядком расположены и по вышепоказанному геометрическому размеру будут количеством материи к количеству материи вторых, как один к двум, к количеству материи первых, как один к четырем. К дальнейшему разделению еще тончайших частиц ни причины, ни нужды, ни виду не имею. Сии три рода эфирных частиц каждая с другою своего рода совместны, с частицами прочих родов несовместны; так что, когда одна частица первого рода обращается коловратным движением, сцепясь с прочими своего рода, силою совместия многое число в знатном круг себя расстоянии движет. Второго и третьего рода частицы оного движения не причастны будут. Сие ж разумеется и о прочих двух родах частиц. Кратко сказать, что два рода частиц могут стоять без обращения, когда один коловратно движется; и когда два обращаются, один быть может неподвижен, равно как и все передвигаться и быть все в покое могут, не завися один от другого.

Чувствительные тела по разделению и по согласию знатнейших химиков состоят их первоначальных материй, действующих и страждущих, или главных и служебных. Во-первых полагают соляную, серную и ртутную материю; во-вторых — чистую воду и землю. Обыкновенную соль, серу и ртуть не почитают они самым первоначальным простыми и несмешанными материями, но токмо имена от них заимствуют для преимущества в них оных первоначальных материй.

Я приметил и чрез многие годы многими прежде догадками, а после

доказательными опытами с довольною вероятностию утвердился, что три рода эфирных частиц имеют совмещение с тремя родами действующих первоначальных частиц, чувствительные тела составляющих, а именно первой величины эфир с соляною, второй величины — со ртутною, третьей величины — с серною или горючею первоначальною материею; а с чистою землею, с водою и воздухом совмещение всех тупо, слабо и несовершенно. Наконец, нахожу, что от первого рода эфира происходит цвет красный, от второго — желтый, от третьего — голубой. Прочие цветы рождаются от смешения первых.

Видев строение сея системы, посмотрим на ее движение. Когда солнечные лучи свет и теплоту на чувствительные тела простирают, тогда зыблющимся движением эфирные шарички к поверхности оных прикасаются и прижимаются, коловратным движением об оную трутся. Таким образом совместные эфирные частицы сцепляются с совместными себе частицами первоначальных материй, тела составляющих. И когда сии к коловратному движению неудобны для какой-либо причины, тогда притупляется коловратное движение эфира того роду; зыблющееся движение остается еще в силе. В таковых обстоятельствах следующие явления бывают.

Когда какого-нибудь чувствительного тела смешанные частицы так расположены, что каждая первоначальная материя имеет место на его поверхности, тогда всех родов эфирные частицы к ним прикасаются, чрез совмещение теряют коловратное движение, и для того лучи солнечные без оного не производят никаких цветов в глазе, не имея силы побуждать в коловратное движение на дне составляющие его части. Итак, тела показываются тогда черными. Положим смешение чувствительного тела такое, что из господствующих первоначальных материй ни одной нет на поверхности смешанных его частей, но оную объемлют частицы чистые земляные или водяные. Тогда все роды эфирной материи должны иметь с ними слабое совмещение, и коловратное движение едва какое препятствие претерпевает, следовательно, с трясущимся движением на дно ока действует, производит всех цветов в зрении чувство, и такого рода смешанные тела имеют цвет белый.

Потом пускай на поверхности частиц смешанной материи первоначальная кислая материя; прочих или нет в смешении, или оною кислостью покрыты. Тогда первого рода эфирная материя, для совмещения с оным лишась коловратного движения, не будет в глазе производить чувствия красного цвета, и только желтый и голубой эфир, обращаясь, свободно действовать станут в оптических нервах на трудную и горючую материю, произведут чувствие желтого и голубого цвета в одно время, отчего таковые тела должны быть зелены. Равным образом на поверхности одна материя — ртутная — вишневый, одна — горючая — рудожелтый цвет в телах производят.

Когда же две материи на поверхности смешанных частиц место имеют, тогда от кислой и ртутной чувствителен остается цвет голубой, от кислой и горючей — желтый, от ртутной и горючей — красный,

затем что в первом случае нет на поверхности материи горючей для воспящения эфира голубого, во втором нет ртутной для удержания желтого, в третьем нет кислой для воспящения красного эфира.

Уже видите целую систему моего о происхождении цветов мнения; надлежит, наконец, предложить на то доказательства и уверить, что предложенная моя идея есть больше, нежели простая выдумка или произвольное положение.

Во-первых, что до тройственного числа цветов надлежит, уверяют всякого от предупрежденных мыслей свободного человека многочисленные оптические опыты, от славного физика и трудолюбивого испытателя натуры цветов Мариотта учиненные, который не опровергнуть, как некоторые думали, но исправить Невтонову теорию о разделении света преломлением лучей на цветы старался и только утвердить, что в натуре три, а не семь главных цветов.

Разной величины частиц и вышепоказанного их расположения требует сама натура, которой равное оных повсюду разделение необходимо нужно, дабы повсюду одна пропорция была трех родов эфира и чтобы оная никаким стремлением или сопротивлением оныя не потеряла, и каждый бы род непрерывного совмещения не лишился. Сие изъясняю простым и весьма понятным примером. Представьте себе некоторое место, наполненное пушечными ядрами, так что больше оным уместиться в нем не можно. Однако будут меж ними места праздные, которые могут в себе вместить пулей фузейных великое множество. Меж пулями промежутки пускай будут наполнены мелкой дробью. В таковом состоянии пускай придут ядра, пули и дробь в движение, какое только представить можно. Ядра останутся повсюду в одной пропорции; таким же образом пули по пропорции меж ядрами свое место всегда займут; промеж пулями дробь по равной мере останется. И таким образом беспрерывное прикосновение между тремя родами шариков пребудет. Сей способ, и только один, возможен к сохранению повсюду равной пропорции в смешении трех родов эфира. Ибо в прочем ежели б эфир разнился фигурою или тягостию, то бы невозможно было ему стоять в равномерном смешении повсюду. Посмотрим на движение воздуха, на волны морские, на течение земли годовое и повседневное, на планет и комет обращения; всегда остается от них эфир в равной пропорции своего смешения, невзирая на их стремление и силу. Не соберется каждый род в одно место, выключая другие. И быть тому невозможно, по вышеписанному расположению. В иных обстоятельствах быть бы тому надлежало.

Натура тем паче всего удивительна, что в простоте своей многохитростна и от малого числа причин произносит неисчислимые образы свойств, перемен и явлений. На что ж ей особливые роды эфиров для рудожелтого, для зеленого, для вишневого и других смешанных цветов, когда она рудожелтый из красного и желтого, зеленый из желтого и голубого, вишневый из красного и голубого, другие роды смешанных цветов из других разных смешений сложить может? Живописцы употребляют цветы главные, прочие чрез смешение составляют; то в

натуре ли положить можем большее число родов эфирной материи для цветов, нежели она требует и всегда к своим действиям самых простых и коротких путей ищет?

Кроме сего, что преломленный свет призмами с надлежащею точностию показывает тройственное число первообразных простых цветов, явствует оное в телах, огнем разрушаемых. Когда горит свеча, дерево или другое тело, которое живым и свободным пламенем воспаляется, тогда видим в углях огонь красный, в самом пламени желтый, между углями и желтым пламенем голубой, то есть трех первоначальных материй частицы, тело оное составляющие, в коловратное движение приведенные, жаром самого горящего тела движут эфир троякого рода. В углях кислая материя движет совместный себе эфир красный; в самом пламени ртутная — желтый, над углем горючая — голубой, ибо она, удобнее и прежде ртутной в пламени обращаясь, голубой эфир в коловратное движение приводит. Сие все приобретает от следующих большую вероятность.

Чистая двойная водка[3] большую часть горючей материи в себе содержит, и, кроме малой кислости, никто ничего меркулиального в ней не приметил. Загоревшись, пылает голубым пламенем, ясно показывая, что горючая первоначальная материя, обращаясь в нем коловратным движением, третьего рода эфир, себе совместный, обращает и производит чувство цвету голубого. Минеральная сера кроме горючей материи содержит в себе кислую, ртутной не имеет и для того, возгоревшись пламенем, дает цвет вишневый, чему по сей системе быть должно. Ибо, обращаясь, частицы кислой материи приводят в коловратное движение эфир красный, который купно с голубым к воображению вишневого цвета способен. Ртутная первоначальная материя должна по вышеписанному производить пламень желтый. Сие явствует из искусства артиллеристов, которые в увеселительных огнях для произведения желтого пламени употребляют сурьму — изобилующее ртутною материю тело.

Фосфор, когда светится или пламенем загорается, цвет показывает зеленоватый, что смешению его явно соответствует, ибо фосфор состоит из горючей материи и соляной кислости, которая смешана со ртутною материею.

Золото, когда после растопления простужается и приступает к состоянию твердого тела, тогда сияет светом зеленым, весьма приятным. Что тогда происходит в его смешении? Кислая материя теряет прежде всех коловратное движение (ибо она больше жару требует), прочие две, горючая и ртутная, еще к вертению частиц жару имеют довольно, обращаются коловратным движением, вертят эфир второго и третьего роду и тем чувствие желтого и синего вместе, то есть зеленого цвета, производят.

Пламень зеленого цвета хотя показывается от многих горящих тел, но больше всего от меди. Причем сие примечания достойно, что при ее плавлении пламень весь зелен становится, когда накинут новое холодное уголье. Синь от той же причины, от которой зелень простыва-

ющего золота происходит, то есть от холодного уголья жар пламени убывает, кислая материя горячей меди коловратного движения силу теряет, горючая и ртутная от слабого жару довольно скоростию движутся. Таковым образом без движения красного эфира желтый и голубой представляет зелень в чувстве зрения.

Сии искусства, утверждающие мое мнение своим согласием, показывают действие первоначальных материй, когда оне, обращаясь в пламени, коловратным движением движут эфир и чрез совместность производят в чувстве зрения разные цветы. Ныне следует показать, как он от поверхности освещенных тел в око отвращается и чрез разное совмещение разные цветы производит. Для сего посмотрим, во-первых, на черность и на белость тел осязаемых, потом к цветам приступим.

Вода, когда кипит, больше теплоты на себя не принимает. Следовательно, оных частиц совмещение с прочими, приведенными в окружное движение материями, не может прийти в равную скорость. Так, эфирные частицы, не имея точного совмещения с водяными, на поверхности смешения чувствительных тел положенными, приходят к зрению с окружным движением всех трех родов эфира и возбуждают чувство всех цветов, то есть цвета белого. Но когда к белой горючей материи, например к бумаге или дереву, огонь прикоснется, тотчас она почернеет и в уголь обратится. Отчего сие последует? Вода, бывшая в смешении, отгоняется жаром, и действующие первоначальные материи, оставшись обнаженными, удерживают совмещением эфир от коловратного движения, которое, не достигая нашего ока, ни единого цвета чувства в нем не производит, и для того черность нам представляется. Отсюда происходит, что белые вещи меньше, черные больше от солнца нагреваются. Ибо все три рода эфирной материи за частицы черных тел по совмещению зацепляются и их к коловратному движению побуждают; с белыми противное тому происходит.

Зажигательное сильное зеркало, покрытое черным лаком, производит в зажигательной точке свет превеликий, жару — ни мало, ясно показывая, что коловратное движение эфира в черной материи утомилось, зыблющееся беспрепятственно осталось.

Здесь меня не без основания вопросить можете: не поставлю ли я для теплоты и цветов одной причины, явлений толь разных? Отвествую, что движение, теплоту и цветы производящее, есть коловратное, материи — разные. Теплоты причина есть коловратное движение частиц, чувствительные тела составляющих. Цветов причина есть коловратное движение эфира, которое теплоту купно сообщает земным телам от солнца. Немалое теплоты и цветов сродство из сего явствует, но больше увидим, ежели далее в натуру обоих сил свойств углубимся. Для нынешнего случая довольно быть может новое примечание, что цветы холодных тел живее представляются зрению, нежели теплых.

Возьмите одноцветной материи, особливо красной, того же куска две части. Одну положите на горячем камне или железе, только чтобы

она не загорелась; другую — на холодном, особливо зимою в великие морозы. Увидите ясно, что на холодном камне часть материи очевидно краснее, нежели на горячем. Сию правду можно изведать, переменяя части материи с горячего камня на холодный и с холодного на горячий, сколько раз будет угодно. Другие цветы не так чувствительно переменяются.

Здесь ясно видеть можно, что в студеных телах частицы, их составляющие, тише коловратным движением обращаются, сильнее эфир воспящают. А те, которых нет на поверхности смешения, свободен оставляют тот, который не имеет на поверхности совмещения; для того он, отделен от других, яснее кажется. Напротив того, в горячих телах частицы скорее движутся; эфирных частиц так сильно от коловратного движения не удерживает; для того остальным их движением главный цвет заслепляется и не так жив к зрению приходит. Сие заключил я сперва по своей теории и после искусством нашел истинно.

Ныне время уже взглянуть во все три владычества многообразные натуры, дабы хотя вкратце показать, коль велико есть сходство в сложении животных, произрастающих и минеральных вещей с сею системою.

Из химических опытов известно, что в смешении животных весьма мало открытой кислоты находится; потому мало в них и зелени. Итак, части животных когда разрушаются, не киснутье, но согнитие следует. Киснутьем кислая и горючая, согнитием ртутная первоначальная материя из смешения освобождается. Посему явствует, что кислая первоначальная материя закрыта в животных другими и мало производит кислого вкуса и зеленого цвета.

Напротив того, в произрастающих зеленость и кислота преизобилуют: во всех частях, где зелень, тут и кислота чувствительна; в цветах килота и зелень теряются. Незрелые плоды кислы и зелены, зрелые синевою, румянцем, желтостью или багряностью одеваются и разные роды сладости получают, которою кислость или умаляется, или вовсе заглушается.

Когда дерево гнило или листы с дерев опали, тогда показывают на себе цвет желтый: чрез согнитие ртутная материя от смешения разделяется, рассыпается по воздуху. Следовательно, второго рода эфир, то есть желтый, не имеет совмещения на поверхности оных, не теряет коловратного движения и, простираясь до нашего ока, производит оное в совместной себе ртутной материи в черной перепонке на дне глаза и в оптическом нерве и чувствие желтого цвета возбуждает.

В минеральном владычестве натуры, имев большое обращение через химию, мог бы я представить примеров великое множество, которыми утвердить справедливость сего моего мнения, изъясняя разные в горных вещах и в химических действиях цветов свойства и явления. Однако все в нынешнее мое слово вмещены быть не могут. Для того малую часть оных представлю.

Вода и чистые земли и камни не имеют никакого иного цвету, кроме белого, то есть все три рода эфиров отвращают, не отняв колов-

ратного их движения. Сие сходствует с вышепоказанным, что они с эфиром имеют мало совмещения. Напротив того, черные тела всегда бывают из многих разных материй смешаны, и с эфирами всех родов будучи совместны, коловратное их движение препятствует, без которого не может в оке изображено быть чувствие какого-нибудь цвета.

Не могу умолчать здесь о противном повседневному искусству мнении тех, которые, полагая простертие света в течении эфира, черность производят от множества скважин, которые они черным телам приписывают, и утверждают, что свет, вшед в оные, исчезает. По сему их мнению, чем какое тело больше скважин имеет, тем чернее, чем меньше, тем белее быть должно. Посему белый мел плотнее должен быть черного мрамора, краски — темнее тертые, нежели нетертые, чему все противное в натуре находим.

Не сходственное с сим, а вышепоказанной моей системе соответствующее явление показывает делание чернила. Составляющие его материи, когда еще в разделении частицы их свободно в воде движутся коловратным движением, эфирных шаричков почти нимало не воспящают, и для того цвет их знатной черности не имеет. Но когда вместе слиты соединятся в едино смешение частицы, тогда смешанные будут крупны и к коловратному движению мало удобны; тогда все три рода эфира в коловратном движении воспящаются и, не приходя с оным в око, никаких цветов чувствия не производят и смешение черно представляют. Прилитием крепкой водки белеет чернило, для того что кислость соединение смешанных материй разделяет и тем дает большую свободность к движению; от алкалической соли[4] черность в чернило возвращается, затем что кислая материя, взяв в смешение свое оную, дает свободу снова соединиться материям, чернило составляющим.

Таковое соединение в крупные смешанные частицы первоначальных частиц, тела составляющих, происходит во всех химических спусках[5], когда, из жидких растворов отделясь, растворенные материи между собою в грубые частицы соединяются, на дно опускаются и производят разные цветы, по тому, какие материи поверхность их большим количеством занимают.

Отсюду происходит, что самые кислые минеральные жидкие материи зеленого цвету не имеют, ибо свободно в воде движутся и эфира красного в коловратном движении не воспящают. Но как скоро кислые их частицы от какой-нибудь причины к коловратному движению станут неудобны, тогда, воспящая эфир первого рода, красный цвет угашают и, оставляя голубой и желтый на свободе, производят цвет зеленый, например: когда купоросное так называемое масло[6] (материя, все другие кислотою превосходящая) в великие морозы огустеет и частицы его весьма малое коловратное движение имеют, тогда рождается в нем цвет зеленый. Равным образом медь и железо, перед прочими металлами с кислыми материями сродные, которые не токмо в них самих скорее других растворяются, но и в парах их разрушаются, показывая взаимное совмещение частиц одного рода, чрез соединение

для крупности частиц потеряв удобность коловратного движения, кислотою удерживают эфир красный; и для того растворы их, хрусталли[7] и опуски в чистом кислом купоросном масле больше к зеленому цвету склоняются.

Желал бы я показать для утверждения сея системы все примеры из многочисленных опытов, которые особливо мною учинены в изыскании разноцветных стекол к мозаичному художеству; хотел бы я изъяснить все, что о цветах чрез пятнадцать лет думал, между другими моими трудами. Но сие требует, во-первых, весьма долгого и больше, нежели для публичного слова позволенного, времени. Второе, к ясному всего истолкованию необходимо предложить всю мою систему физической химии, которую совершить и сообщить ученому свету препятствует мне любовь к российскому слову, к православлению российских героев и к достоверному изысканию деяний нашего отечества.

Итак, ныне прошу сие изъявление моих мыслей о происхождении цветов принять за благо и терпеливо обождать, ежели бог совершить судит, всей моей системы. Особливо ж тем представляю, которые, обращаясь с похвалою в одной химической практике, выше углей и пеплу головы своей поднять не смеют, дабы они изыскания причин и натуры первоначальных частиц, тела составляющих, от которых цветы и другие чувствительных тел свойства происходят, не почитали тщетным и суемудренным. Ибо знание первоначальных частиц толь нужно в физике, коль сами первоначальные частицы нужны к составлению тел чувствительных. Для чего толь многие учинены опыты в физике и в химии? Для чего толь великих мужей были труды и жизни опасные испытания? Для того ли только, чтобы, собрав великое множество разных вещей и материй в беспорядочную кучу, глядеть и удивляться их множеству, не размышляя о их расположении и приведении в порядóк?

Итак, когда простые вымыслы без всяких доказательств и трудным неудобностям подверженные положения служили многим к славе во всем ученом свете, то и я от него ожидаю, что сия моя система их внимания удостоена будет. Важность материи к тому побудит. Большая часть прохладов и утех в жизни нашей от цветов зависит. Красота лица человеческого, одежды и другие украшения и утвари, приятность многоразличных минералов и драгоценных камней, потом животных разного рода, наконец, все сияние благоприятного и прекрасного солнца, все, что оно в своем великолепии по расцветающим полям, в лесах и в морях производит, — всё сие не достойно ли внимания нашего?

Предложив мое мнение вкратце о сей трудной, но веселой и нынешнему торжеству приличествующей материи, от солнечного света к осиянным радостию сердцам вашим обращаюсь, слушатели, которая, не вмещаясь в тесноте оных, на лицо и на очи ваши преизобилует. Обращаются в мыслях ваших бывшие для нынешнего праздника восклицания и плески во дни Петровы, ныне божеским благословлением и счастием великия Елисаветы возвращенные и умноженные сугубым тезоименинством пресветлейших государей и великих князей Петра и

Павла. С вашими, слушатели, и с общенародными к ним поздравлениями приносит императорская Академия наук чрезвычайным публичным собранием всенижайшее изъявление благоговения и радости. О, коль прекрасное и в полном великолепии господствующей весне подобное имеем воображение посреде утех наших! Воображение величества, могущества, славы и всех добродетелей несравненныя монархини нашея! Воображение ко всем снисходительства, взаимной любви и прочих великих дарований благословенных супругов, их императорских высочеств! Воображение возлюбленной младой их отрасли, сладчайшего чаяния и упования сердец наших! Всех вас желания, слушатели, и всего отечества с нашими согласно взывают. Цвет прекрасный, дражайший, вселюбезный, от благороднейшего во всей Европе корене произращенный, пресветлейший государь великий князь Павел Петрович, расцветай посреде изобилия пространного сада Всероссийского государства, обновленного и крепкими оплотами огражденного чрез бессмертные труды твоего великого прадеда, украшенного прехвальными добротами и божественными благодеяниями законныя его наследницы, ревностныя подражательницы, достойныя толикого отца дщери, всемилостивейшая государыни нашея. Возрастай в сиянии милости безначального солнца; услади всех нас благоуханием всеобщия радости; возвесели очи и сердца наши неувядающею красотою своего неоцененного здравия; достигни беспрепятственно полной зрелости; размножь вожделенные плоды наследства к вечному удовольствию отечества.

Май — июнь 1756 г.

Гимн Бороде

1

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере[1]
В гимнах жертву воздаю:
Я похвалну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.
Борода предорогая,
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

2

Попечительна природа
О блаженстве смертных рода

Несравненной красотой
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первый взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.
Борода предорогая...

3

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы[2].
Керженцам[3] любезный брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит[4]
И с поклоном низким просит
В вечной пропустить покой
Безголовым с бородой.

4

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы[5]:

Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.
Борода предорогая...

5

О, коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы;
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.
Борода предорогая...

6

Если правда, что планеты
Нашему подобны светы.
Нонче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,

Что нас нет здесь головою[6].
Скажет кто: мы вправду тут,
В струбе там того сожгут[7].
Борода предорогая...

7

Если кто невзрачен телом
Или в разуме не зрелом,
Если в скудости рожден,
Либо чином не почтен, —
Будет взрачен и разсуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ея плоды!
Борода предорогая...

8

О, прикраса золотая,
О, прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О, завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?
Борода предорогая...

9

Чрез многие расчесы
Заплету тебя я в косы
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу.
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи[8]:
Дайте ленты, кошельки
И крупитчатой муки[9].
Борода предорогая...

10

Ах, куда с добром деваться?
Все уборы не вместятся:
Для их многаго числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти!

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Конец 1756 — начало марта 1757 г.

Из «Явления Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской императорской академии наук майя 26 дня 1761 года»

Прибавление

Сие редко встречающееся явление требует двоякого объяснения. Первым должно отводить от людей, не просвещенных никаким учением, всякие неосновательные сомнительства и страхи, кои бывают иногда причиною нарушения общему покою. Нередко легковерием наполненные головы слушают и с ужасом внимают, что при таковых небесных явлениях пророчествуют бродящие по миру богоделенки, кои не токмо во весь свой долгий век о имени астрономии не слыхали, да и на небо едва взглянуть могут, ходя сугорбясь. Таковых немысленных прорекательниц и легковерных внимателей скудоумие ничем, как посмеянием, презирать должно. А кто от таких пугалищ беспокоится, беспокойство его должно зачитать ему ж в наказание за собственное его суемыслие. Но сие больше касается до простонародия, которое о науках никакого понятия не имеет. Крестьянин смеется астроному, как пустому верхогляду. Астроном чувствует внутреннее увеселение, представляя в уме, коль много знанием своим его превышает, человека себе подобно сотворенного.

Второе изъяснение простирается до людей грамотных, до чтецов писания и ревнителей к православию, кое святое дело само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишеством высоких наук приращению.

Читая здесь о великой атмосфере около помянутой планеты, скажет кто: подумать-де можно, что в ней потому и пары восходят, сгущаются облака, падают дожди, протекают ручьи, собираются в реки, реки втекают в моря, произрастают везде разные прозябания, ими питаются животные. И сие-де, подобно Коперниковой системе, противно-де закону.

От таковых размышлений происходит подобный спор о движении и о стоянии Земли. Богословы западныя церкви принимают слова Иисуса Навина, глава 10, стих 12, в точном грамматическом разуме и потому хотят доказать, что Земля стоит.

Но сей спор имеет начало от идолопоклоннических, а не от христианских учителей. Древние астрономы (еще задолго до рождества

Христова): Никита Сиракузянец признал дневное Земли около своей оси обращение, Филолай — годовое около Солнца. Сто лет после того Аристарх Самийский показал Солнечную систему яснее. Однако эллинские жрецы и суеверы тому противились и правду на много веков погасили. Первый Клеант некто доносил на Аристарха, что он по своей системе о движении Земли дерзнул подвигнуть с места великую богиню Весту, всея Земли содержательницу, дерзнул беспрестанно вертеть Нептуна, Плутона, Цересу, всех нимф, богов лесных и домашних по всей Земли. Итак, идолопоклонническое суеверие держало астрономическую Землю в своих челюстях, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дело и божие повеление всегда исполняла. Между тем астрономы принуждены были выдумывать для изъяснения небесных явлений глупые и с механикою и геометриею прекословящие пути планетам, циклы и эпициклы (круги и побочные круги).

Жаль, что тогда не было таких остроумных поваров, как следующий:

Случились вместе два астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: Земля, вертясь, круг Солнца ходит;
Другой — что Солнце все с собой планеты водит;
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: — Ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?
Он дал такой ответ: — Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров, такого,
Который бы вертел очаг кругом жаркого?

Коперник возобновил, наконец, Солнечную систему, коя имя его ныне носит, показал преславное употребление ее в астрономии, которое после Кеплер, Невтон и другие великие математики и астрономы довели до такой точности, какую ныне видим в предсказании небесных явлений, чего по земностоятельной системе отнюдь достигнуть невозможно.

Несказанная премудрость дел божиих хотя из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и могущества его понятия больше всех подает астрономия, показывая порядок течения светил небесных. Воображаем себе тем явственнее создателя, чем точнее сходствуют с нашими предсказаниями; и чем больше постигаем новых откровений, тем громче его прославляем.

Священное писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом. Пример подает святый Василий Великий, как оное с натурою согласует и в Беседах своих на шестодневник ясно показывает, каким образом в подобных местах библейские слова толковать должно. Беседуя о Земли обще пишет: «Аще когда во псалмах услышиши: Аз утвердих столпы ея; содержательную тоя силу столпы речени быти возмни» (беседа 1). Рассуждая слова и повеления

божия в миросоздании «И рече бог» и другие, следующее объявляет: «Кая потреба слова могущим от самаго ума общити друг другу советы» (беседа 2), явно изъявляя, что слова божеские не требуют ни уст, ни ушей, ни воздуха к сообщению взаимному своего благоволения, но ума силою разглагольствуют. И в ином месте (беседа 3) то ж о изъяснении таковых мест подтверждает: «В проклятстве Израилю будет тебе, — глаголет, — небо медяно: Что сие глаголет? Всеконечную сухость и оскуднение воздушных вод». Упоминающиеся часто в Библии божие чувства толкуя, так пишет: «И виде бог, яко добро: не само тое утешное некое зрение моря слово показует богу явити. Не очима бо зрит доброты здания творец; но неизглаголанною премудростию видит бывающая». Не довольно ли здесь великий и святый сей муж показал, что изъяснение священных книг не токмо позволено, да еще и нужно, где ради метафорических выражений с натурою кажется быть не сходственно?

Правда и вера суть две сестры родные, дщери одного всевышнего родителя: никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклеплет. А благоразумные и добрые люди должны рассматривать, нет ли какого способа к объяснению и отвращению мнимого между ними междоусобия, как учинил вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви. Которому согласуясь, Дамаскин святый, глубокомысленный богослов и высокий священный стихотворец, в Опасном издании православныя веры (кн. 2, гл.6), упомянув разные мнения о строении мира, сказал: «Обаче аще же тако, аще же инако; вся божиим повелением быша же и утвердишася». То есть: физические рассуждения о строении мира служат к прославлению божию и вере не вредны. То же и в следующих утверждает: «Есть убо небо небесе, первое небо повыше тверди суше. Се два неба: и твердь бо назва бог небо. Обычно же Священному писанию и воздух небом звати, за еже зретися горе. Благословите бо, глаголет, вся птицы небесныя, воздушныя глаголя, воздух бо летательных есть путь, а не небо. Се три небеса, яже божественный рече апостол. Аще же и седмь поясы седмь небеса прияти восхощеши, ничто же слову истины вреждает». То есть: хотя кто и древние эллинские мнения о седми небесах примет, Священному писанию и Павлову сказанию не вредно.

Василий Великий, о возможности многих миров рассуждая, пишет: «Яко же бо скудельник, от того же художества тминные создав сосуды, ниже художество, ниже силу изнутри, тако и всего сего содетель, не единому миру соумеренную имея творительную силу, но на бесконечногубое превосходящую, мгновением хотения единем во еже быти приведе величества видимых».

Так сии великие светильники познание натуры с верою содружить старались, соединяя его снискание с богодохновенными размышлениями в однех книгах по мере тогдашнего знания в астрономии. О, если бы тогда были изобретены нынешние астрономические орудия и были бы учинены многочисленные наблюдения от мужей, древних астроно-

мов знанием небесных тел несравненно превосходящих, если бы тогда открыты были тысячи новых звезд с новыми явлениями, каким бы духовным парением, соединенным с превосходным их красноречием, проповедали оные святые риторы величество, премудрость и могущество божие!

Некоторые спрашивают: ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им евангелие? Крещены ли они в веру Христову? Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавательми, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведениями от нас отменные, какой веры? И кто им проповедовал евангелие? Ежели кто про то знать или их обратить и крестить хочет, тот пусть по евангельскому слову («не стяжите ни злата, ни сребра, ни меди при поясех ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла») туда пойдет. И как свою проповедь окончит, то после пусть поедет для того ж и на Венеру. Только бы труд его не был напрасен. Может быть, тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно. «Многи пути ко спасению. Многи обители суть на небесах».

При всем сем христианская вера стоит непреложна. Она божиему творению не может быть противна, ниже ей божие творение, разве тем чинится противность, кои в творении божия не вникают.

Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество по мере себе дарованного понятия. Вторая книга — Священное писание. В ней показано создателево благоволение к нашему спасению. В сих пророческих и апостольских богодохновенных книгах истолкователи и изъяснители суть великие церковные учители. А в оной книге сложения видимого мира сего суть физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных, в натуру влиянных действий суть таковы, каковы в оной книге пророки, апостолы и церковные учители. Нездраворассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулем. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по псалтирю научиться можно астрономии или химии.

Толкователи и проповедники Священного писания показывают путь к добродетели, представляют награждение праведным, наказание законопреступным и благополучие жития, с волею божею согласного. Астрономы открывают храм божеской силы и великолепия, изыскивают способы и ко временному нашему блаженству, соединенному с благоговением и благодарением ко всевышнему. Обои обще удостоверяют нас не токмо о бытии божием, но и о несказанных к нам его благодеяниях. Грех всевать между ими плевелы и раздоры!

Сколько рассуждение и внимание натуральных вещей утверждает в вере, следует тому примеры не токмо из эллинских стихотворцев, но и

из великих христианских первых учителей.

Клавдиян о падении Руфинове объявляет, коль много служит внимание к натуре для познания божества:

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на Землю от высоты смотренье,
Или по слепоте без ряду все течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премену дней, ночей, явления Луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.

Больше не остается, как только коротко сказать и повторить, что знание натуры, какое бы оно имя ни имело, христианскому закону не противно; и кто натуру исследовать тщится, бога знает и почитает, тот с Василием Великим согласится, коего словами сие заключается (беседа 6, о бытии светил): «Аще сим научимся, себе самыя познаем, бога познаем, создавшему поклонимся, владыце поработаем, отца прославим, питателя нашего возлюбим, благодетеля почтим, началовожду жизни нашея насущия и будущия поклоняющеся не престанем».

26 мая — 4 июля 1761.

Из «Вольфианской экспериментальной физики, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, императорской Академии наук член и химии профессор»

(Предисловие)

Мы живем в такое время, в которое науки, после своего возобновления в Европе, возрастают и к совершенству приходят. Варварские века, в которые купно с общим покоем рода человеческого и науки нарушались и почти совсем уничтожены были, уже прежде двухсот лет окончились. Сии наставляющие нас к благополучию предводительницы, а особливо философия, не меньше от слепого ко мнениям славного человека, нежели от тогдашних неспокойств претерпели. Все, которые в оной упражнялись, одному Аристотелю последовали и его мнения за неложные почитали. Я не презираю сего славного и в свое время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые про смертного человека думали, будто бы он в своих мнениях не имел никакого погрешения, что было главным препятствием к приращению философии и прочих наук, которые от ней

много зависят. Чрез сие отнято было благородное рвение, чтобы в науках упражняющиеся один перед другим старались о новых и полезных изобретениях. Славный и первый из новых философов — Картезий осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу. Мы кроме других его заслуг особливо за то благодарны, что тем ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению. На сие взирая, коль много новых изобретений искусные мужи в Европе показали и полезных книг сочинили! Лейбниц, Кларк, Локк, премудрые рода человеческого учители, предложением правил, рассуждение и нравы управляющих, Платона и Сократа превысили. Малпигий, Боил, Герик, Чирнгаузен, Штурм и другие, которые в сей книжице упоминаются, любопытным и рачительным исследованием нечаянные в натуре действия открыли и теми свет привели в удивление. Едва понятно, коль великое приращение в астрономии неусыпными наблюдениями и глубокомысленными рассуждениями Кеплер, Галилей, Гугений, де ла Гир и великий Невтон в краткое время учинили: ибо толь далече познание небесных тел открыли, что ежели бы ныне Иппарх и Птолемей читали их книги, то бы они тое же небо в них едва узнали, на которое в жизнь свою толь часто сматривали. Пифагор за изобретение одного геометрического правила Зевесу принес на жертву сто волов. Но ежели бы за найденные в нынешние времена от остроумных математиков правила по суеверной его ревности поступать, то бы едва в целом свете столько рогатого скота сыскалось. Словом, в новейшие времена науки столько возросли, что не токмо за тысячу, но и за сто лет жившие едва могли того надеяться.

Сие больше от того происходит, что ныне ученые люди, а особливо испытатели натуральных вещей, мало взирают на родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи, но больше утверждаются на достоверном искусстве. Главнейшая часть натуральной науки физика ныне уже только на одном оном свое основание имеет. Мысленные рассуждения произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов. Для того начинающим учиться физике наперед предлагаются ныне обыкновенно нужнейшие физические опыты, купно с рассуждениями, которые из оных непосредственно и почти очевидно следуют. Сии опыты описаны от разных авторов на разных языках, то на всю физику, то на некоторые ее части.

В числе первых почитается сия книжица, в которой все опыты, к истолкованию главных натуральных действий нужнейшие, кратко описаны. Описатель оных есть господин барон Христиан Вольф, королевский прусский тайный советник, в Галлском университете канцлер и в оном старший профессор юриспруденции, здешней императорской Академии наук, также и королевских Академий наук Парижской и Берлинской и королевского ж Лондонского ученого собрания член, который многими изданными от себя философскими и математическими книгами в свете славен. Сочиненная им экспериментальная

физика на немецком языке состоит в трех книгах в четверть дести. Профессор Тиммиг, его ученик, сократил всю его философию на латинском языке и купно с нею, как оныя часть, экспериментальную физику, которая вся содержится в сей книжице.

Я уповаю, что склонный читатель мне сего в вину не поставит, ежели ему некоторые описания опытов не будут довольно вразумительны: ибо сия книжица почти только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты; и потому она на латинском языке весьма коротко и тесно писана, чтобы для удобнейшего употребления учащихся вместить в ней три книги немецких, как уже выше упомянуто. Притом же сократитель сих опытов в некоторых местах писал весьма неявственно, которые в российском переводе по силе моей старался я изобразить яснее. Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут.

Оканчивая сие, от искреннего сердца желаю, чтобы по мере обширного сего государства высокие науки в нем распространились и чтобы в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножились.

Репорт в Канцелярию АН об успехах студентов, занимавшихся под руководством Ломоносова поэзией и химией

В Канцелярию Академии наук

Репорт

В прошлом, 1751-м году августа 30 числа порученные мне студенты, по ордеру его сиятельства Академии наук президента, для наставления в поэзии Николай Поповский, а в химии Василей Клементьев, Иван Братковский, Иван Федоровский имеют в науках следующие прогрессы. Николай Поповский задаванные ему от меня разные материи стихами сочинял и переводил весьма изрядно и ныне имеет опыт своего искусства в переводе стихами, который уже по соизволению Канцелярии Академии наук к печатанию отдан. Того ради по моему рассуждению весьма достоин, чтоб его, Поповского, за его особливую в красноречии способность отличить от прочих студентов чином и жалованьем и отделить квартерою от их общежития, чтобы он, с хорошими людьми обращаясь, привык к пристойному обхождению, ибо между студентами, которые пристойного воспитания не имели и для своей давней фамилиарности не без грубостей поступают, учтивых поступков научиться нельзя. Что ж до моих химических лекций касается, то имеют оные быть окончены около майя месяца сего 1753 года, и по

окончании оного явится успех каждого. Между тем могу засвидетельствовать, что на чинимые на лекциях мои вопросы способнее других ответствует Степан Румовский, который по соизволению Канцелярии с прочими студентами на мои лекции прилежно ходит; Иван Братковский также бы мог иметь равный успех, если бы не часто лекции прогуливал. Василей Клементьев всех прилежнее и, как по обстоятельствам примечаю, изрядно понимает и помнит, однако на вопросы ответствовать застенчив, так что иногда сказать не может того, что ему, конечно, весьма памятно быть должно. Иван Федоровский хотя нарочитое понятие имеет, однако приметил я в нем невеликую к химии охоту.

Коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов

Февраля 5 дня 1753 г.

Проект регламента московских гимназий

Регламент московских гимназий

Глава первая

О приеме школьников в Гимназию

§ 1. Науки благороднейшими человеческими упражениями справедливо почитаются и не терпят порабощения. Того ради в первую Гимназию принимать только детей дворянских или которых отцы дворянского рангу дослужились. В другую Гимназию принимать разночинцев, кроме тех, которые, состоя в синодальном ведомстве, имеют нарочно для них учрежденные училища. Не принимать никаких крепостных помещичьих людей, кроме того, когда помещик, усмотрев в ком из них особливую остроту, пожелает его обучать в Московской гимназии и в Университете свободным наукам; должен его прежде объявить вольным и, отказавшись от своего права и власти, которую он над ним имел прежде, дать ему увольнительное письмо за своею рукою и за приписанием свидетелей. Данное отпускное письмо хранить в университетском архиве при директории, а иного школьника производить с прочими разночинцами по его учению и пользоваться ему теми ж с ними привилегиями; когда ж явится негоден, отдать его помещику обратно по-прежнему.

§ 2. Сие все разумеется о приеме на определенное жалованье в комплект. А на своем коште позволяется всякого чина людям отдавать детей своих для обучения в оные гимназии, выключая крепостных помещичьих людей без отпускного письма, как выше показано.

§ 3. В обоих гимназиях на жалованье в комплекте не должно быть иностранных больше пятой доли, но и тем, которых отцы обязались быть вечными российскими подданными. Без жалованья вольных ино-

странных принимать кто лишь только похочет.

§ 4. Всяк, кто желает детей своих или поверенных себе под опеку отдать для обучения в Московскую гимназию из дворян или из разночинцев, должен оных представить в университетской директории при доношении, в котором объявить представляемого ученика лета и чему он обучился или нет, на казенном ли жалованьи или на своем коште содержать его намерен. В первом случае имеет быть принят в комплект и введен по свидетельству ректорскому в пристойную школу, ежели будет порожнее место; когда ж того не будет, ожидать по порядку времени, как кто подал доношение, между тем обучаться может на своем коште. Во втором случае принимать и обучать по свидетельству в пристойных школах тому, чего кто пожелает.

§ 5. Для сего инспектору Гимназии иметь четыре списка для представления в директорию, во всякую треть: первый — о дворянских детях на жалованье, второй — для таковых же без жалованья учащихся, третий — учащихся на жалованье разночинцев, четвертый — таковых же, которые учатся на своем коште, с показанием, в котором году, месяце и числе приняты в Гимназию.

§ 6. Ежели родители не похотят детей своих обучать латинскому языку, но токмо французскому или немецкому либо арифметике, геометрии и географии, о том при доношении объявить в директории, дабы по тому учения их расположить можно было. Сие разумеется о тех, которые обучаются на своем коште.

§ 7. Когда принят будет школьник в комплект на жалованье, обучаться ему четыре месяца, не получая жалованья и не вступая с прочими жалованными в сообщество, дабы усмотреть можно было, уповательны ли от него в учении успехи, чего учителям смотреть накрепко и репортовать ежемесячно инспектору Гимназии, а оный имеет представлять в директории. За записку безжалованных школьников в реестре брать в казну по рублю с каждого и давать им вид письменный за малою университетскою печатью.

Глава вторая

О содержании жалованных школьников

§ 8. Которые школьники содержатся на своем коште, о тех поведении и честных нравах будут вне Гимназии иметь попечение на дому родители или те, которым они даны под опеку. Которые ж на жалованье обучаются, должны иметь особливое содержание и присмотр не токмо в учении, но и в порядочных поступках.

§ 9. Итак, для содержания в каждой Гимназии 50 человек жалованных школьников должен быть дом, в котором 12 жилых покоев и зал, 10 покоев для школьников, по 5 в каждой, один покой для надзирателя, один для двух сторожей. Зал для стола и для утренней и вечерней молитвы. Притом поварня с другими принадлежностями.

§ 10. Для стола не можно точно определенного денежного расхода,

затем что всех съестных припасов цена часто переменяется. Того ради, не теряя времени, купить надлежит из остальной от первого года суммы подмосковную деревню около трехсот душ, с которых никаких других доходов не требовать, кроме съестных припасов, дров и работников для Университета и Гимназии.

§ 11. Каждый день быть в зале общему для 50 учеников обеду в двенадцатом часу, также и ужину в осьмом часу, где за столом с ними быть надзирателю для наблюдения пристойных поступков. В обед ставить три, в ужин два кушанья, также должно давать надлежащую меру квасу или кислых щей.

§ 12. В надзиратели над школьниками в их камерах и в зале на молитве и у стола выбирать людей старых, постоянных, не имеющих никакого другого, кроме школьников, о ком бы стараться должны были, и смотреть их порядка, поступков и чистоты, не выпускать их из гимназического дому без инспекторского или ректорского позволения.

§ 13. Когда школьники из гимназического дому пойдут в школы, тогда идти за ними надзирателю и смотреть, чтобы по дороге не делали никаких резвостей и шли бы порядочно. Таким образом поступать и по выходе из школ в дом гимназический. Ежели кто в чем дома или на дороге проступится, надзиратель должен объявить ректору или инспектору гимназии, за что по мере преступления наказывать должно.

§ 14. Определенные 15 рублев в год каждому школьнику употребить на их одеяние и на другие потребности, чему всему реестр положен с ценами в следующей табели на два года.

	Рубли	Копейки
Кафтан с камзолом суконный и с лосиными штанами	8	
Шуба баранья, покрытая крашеною льняною материею	2	
Епанча	3	
Две шляпы по 30 копеек	—	60
8 пар башмаков по 25 копеек	2	
Шапка	—	50
Сапоги		50
6 рубашек по 30 копеек	1	80
На черные флоровые галстуки		50
Тюфяк		50
Одеяло		40
Две простыни	—	80
Кровать	—	15
Две подушки	—	35
Прачке	1	
Платки, полотенца, мыла	1	—
На баню	—	50
Запонки, пряжки, подвязки	—	50
Всего	24 рубля	10 копеек

§ 15. Остальные от каждого школьника 3 рубля 60 копеек, а от 50-ти 180 рублей в два года употреблять им на свечи, на бумагу, на перья и чернило и на покупку самых нужнейших книг, по которым должны они обучаться.

§ 16. Надзиратель должен репортовать каждые сутки поутру, пока школьники в Гимназии учатся, о их состоянии и о добре кушанья, не было ли в нем недостатка, ректору или инспектору Гимназии, а они по обстоятельствам репортовать будут директору.

Глава третия

О наставлении школьников

§ 17. Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство. Итак, ежели принятый школьник еще российской грамоте не знает, должен только в российском первом классе потоле обучаться, пока читать и писать искусен не будет.

§ 18. Ежели который школьник грамоте российской довольно искусен в Гимназию вступил, того, обучив первым основаниям российской грамматики в нижнем классе, обучать в латинской школе в нижнем классе, что показано четыре дни в неделю; а прочие два дни в школе первых оснований наук показывать арифметику.

§ 19. Потом по произведении обучать в российской школе во втором классе два дни в неделю; во втором же классе латинском — три дни, да геометрии и географии — один день.

§ 20. В верхнем классе в латинской школе три дни, в российской — один день, в философии — два дни.

§ 21. Для ясного изображения присовокупляется здесь табель по школам и классам, где разумеется поутру и ввечеру по три часа:

Школы / Классы	Российская школа	Латинская школа	Первых оснований в науках школа
Верхний класс	В среду	В понедельник, вторник, четверток	В пятницу, субботу
Средний класс	В понедельник и в среду	Во вторник, в четверток и в пятницу	В субботу
Нижний класс	Учиться все дни, не ходя в другие школы	В понедельник, — вторник, — четверток, — пятницу	В середу, в субботу

§ 22. Арифметику, геометрию и географию показывать на российском языке, философии первые основания — на латинском.

§ 23. Сие разумеется о жалованных и о нежалованных учениках вообще, которые хотят происходить порядочно в науках. По окончании сих необходимо нужных школ учиться немецкому, французскому, английскому и итальянскому языку, смотря по остроте, по летам и по охоте.

§ 24. Сим языкам обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикой, но показывать и грамматические правила. Притом излишних оных множеством не отягощать, особливо сначала практику употреблять прилежно, слова и разговоры твердить, упражняться в переводах и сочинениях.

Глава четвертая

О экзерциях гимназических

§ 25. Экзерции суть двояки, школьные и домашние. Школьные бывают в Гимназии приватно при одном учителе или при собрании других школ, а иногда и публично в ректорском классе. Домашние экзерции на дом от учителя задаются.

§ 26. Первая школьная экзерция есть чтение изусть заданного урока в первый час по входе в школу, прежде приходу учительского, который урок слушать должен старший школьник того же классу и, знает ли кто урок свой или нет, записывать в таблице и класть на стол перед учителя, что учитель сам освидетельствовать может.

§ 27. Вторая школьная экзерция: короткие задачи переводить какие сентенции или переменять фразисы стихами и прозою, не пишучи. Материи выбирать по тому, в каком то будет классе. Сие служить будет к немалому в учении поощрению, однако чинить тогда, ежели учителю по окончании своей лекции времени до выходу останется.

§ 28. При собрании школ обоих гимназий быть экзерциям на каждый месяц при окончании: один день поутру и пополудни, где учители обще имеют всем задавать материи для переводу или преложения фразисов прозою и стихами, чтобы то делали школьники, не смотря в книги и не пишучи.

§ 29. Публичным экзерциям быть по каждому полгода только в верхнем классе, где некоторые школьники имеют говорить речь своего сочинения под ректорским присмотром на российском и латинском языках, прозою и стихами.

§ 30. Домашние экзерции, которые между школьными лекциями кроме уроку что выучить должно, от учителей на дом задаются, должны быть короткие переводы с российского на латинский, с латинского на российский или преложения с прозы на стихи, смотря по классам. Оные задавать трижды в неделю на ночь, а в обеднее время для краткости времени того не делать. Позволить школьникам по своей

охоте для показания каждому своего особливого рачевания и понятия. Сии могут быть подобны вышеписанным задачам, или, кто хочет, имеет выучить сверх уроку несколько стихов или краткую речь в прозе из классических авторов.

§ 31. Сие всё будет служить не токмо к скорому обучению, но и к обстоятельному познанию остроты и прилежания каждого школьника, что все дабы ясно и подробно видеть можно было, должно иметь помесячные таблицы, в которых показывать каждого школьника повседневное поутру и ввечеру поведение в школах и исправление домашних экзерциций.

§ 32. Что кто исполнил или пропустил и прочее, назначивать в клетках против каждого дня и имени первыми буквами слов знаменующих:

В. И. — всё исполнил.
Н. У. — не знал уроку.
Н. Ч. У. — не знал части уроку.
З. У. Н. Т. — знал урок нетвердо.
Н. З. — не подал задачи.
Х. З. — худа задача.
Б. Б. — болен.
Х. — не был в школе.
Ш. — шабаш.

§ 33. Для помесячных экзерциций должно быть общей табели у ректора, в которой записывать каждого прилежание, остроумие, разделяя на три статьи — на лучших, посредственных и последних.

§ 34. Для тех, которые в ректорском классе полгодичные экзерции публично имели, иметь особливые записки со мнением о их искусстве Гимназии инспектора и ректора.

§ 35. Все школьные табели помесячно, а записки в каждую полгода взносить в директорию на рассмотрение, где по обстоятельствам директор с инспектором Гимназии распределять будут, а особливо того смотреть, чтобы остроумные и прилежные отличены были от тупых и нерадивых.

Глава пятая

О экзаменах, произведениях и выпусках школьников

§ 36. На каждый год быть двум произведениям из нижних классов в высшие, а из верхнего в студенты; первому произведению быть после недели святыя пасхи, второму — в первые числа месяца сентября.

§ 37. Для сего чинить прежде каждого произведения в обоих гимназиях и во всех школах и классах строгие экзамены, первый — на шестой неделе великого поста, второй — в последних числах месяца августа, перед рекреациею, в месяце августе позволенною.

§ 38. В нижнем и среднем классах экзамен должен происходить в присутствии директора, инспектора Гимназии и ректора и при учите-

лях. В верхнем классе экзаменовать в присутствии кураторском, директорском, всех профессоров и ректора.

§ 39. Прежде экзамена сочинить для каждой школы и класса общие на целую полгода табели, чтобы вдруг можно было видеть экзаменаторам понятие, прилежание и поступки каждого школьника как следует.

Имена	В. И.	Н. У.	З. У. Н. Т.	Н. З.	Х. З.	Б. Б.	Х.	В. И. С.	Наказан	Паки
№№										
№№										
№№										
№№										

§ 40. Потом спрашивать каждого школьника особливо изо всех тех книг, по которым он чему изусть учился или которые от учителя толкованы. Задавать к решению переводы краткие или сочинения по рассуждению школы и класса. Кто каково ответствовал, записывать в особливые экзаменаторские табели.

§ 41. После экзамена сличить помесячные табели с теми, в которых при экзамене записаны успехи каждого школьника. Производить их по достоинству из нижних классов в высшие, из верхнего класса в студенты для слушания в оном профессорских лекций, причем наблюдать следующее.

§ 42. Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того твердо, что в оном классе, в котором учился, положено для изучения.

§ 43. Не разделять учения одного школьника по разным классам. Так, кто нижний класс русской и латинской школы знает твердо, а не выучил как надлежит в нижнем классе арифметики, того не производить в средний класс ни русской, ни латинской, пока арифметику довольно знать будет. Таким образом, ежели кто арифметику выучил, однако нетверд в первых основаниях латинского языка, того не переводить во второй класс латинской школы. Сие наблюдать и в прочих классах, дабы один с другим не мешались.

§ 44. При выпуске из Гимназии студентов смотреть сверх сего лет, чтобы кто ради малолетства, вышед из строгого гимназического содержания, не испортил нравов, но приобрел бы вместо того и успехи в других языках. Итак, ежели кто к 15 летам своего возраста пройдет все классы российской, латинской и первых оснований нужнейших наук, того перевести в немецкую, французскую и других языков школы по рассуждению его понятия.

§ 45. Напротив того, когда кто в помянутых классах трех школ окончает учение в летах, например около двадцати лет, также и способность к учению нынешних европейских языков посредственную имеет, такового производить в студенты, дабы, не теряя напрасно времени, мог достигнуть в Университете такой науки, которою, помяну-

тых языков не зная, отечеству полезен быть может.

§ 46. Ежели который школьник за какими-нибудь извинительными причинами, как то за долговременными болезнями или за недовольною способностию, в Гимназии долго пробыл и уже в немалых летах, однако всегда учился по силе своей прилежно и вел себя порядочно, такого должно из Гимназии выпустить в другую команду по пристойности с рекомендациею или определить в учители нижних классов.

§ 47. Которые учатся на своем содержании, тех выпускать по тем условиям, на которых они в Гимназию приняты. Но ежели в ком усмотрена будет особливая острота и склонность к наукам, для тех употреблять всякие пристойные способы, чтобы склонить родителей к совершению таких детей их в науках.

Глава шестая

О книгах, по которым обучать в школах

§ 48. В российской школе в первом классе обучать российской грамоте обыкновенным старинным порядком, то есть азбуку, часослов и псалтырь, потом заповеди просто. Толкование оных слушать могут по воскресным дням в синодальных школах. Потом учить писать по предписанному доброму великороссийскому почерку и приучать читать печать гражданскую.

§ 49. Во втором и третьем классах читать, а знатные места изусть твердить в прозе и в стихах российские сочинения, те особливо, которые при благополучном владении е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны к знатному исправлению российского штиля на свет вышли.

§ 50. Но притом прилежно читать славенские книги церковного круга и их держаться как великого сокровища, из которого знатную часть великолепия, красоты и изобилия великороссийский язык заимствует.

§ 51. В латинском первом классе употреблять «Латинскую грамматику» с российским переводом, при Академии наук печатанную (которую для московских гимназий с надлежащим исправлением вторым тиснением издать можно), учить правильные деклинации и конюгации, показывать общие и самые нужные правила о сложении речений, разговоры латинские учить по печатным на четырех языках при Академии, потом учить несколько Ерасмовых разговоров по выбору учительскому, с апробацией ректора и Гимназии инспектора, особливо те, которые содержат разные речей формулы, притом толковать силу их по-грамматически и изъяснять по-российски. Вокабулы латинские учить двояким образом: первое, натуральным порядком по свойству разных материй, второе, по алфавиту речения первообразные или коренные. Для сего должно немедля сделать и напечатать особливый вокабулар с российским переводом.

§ 52. Во втором латинском классе по той же «Грамматике» учить неправильные склонения и спряжения, показывать все труднейшие правила синтаксические, толковать избранные Цицероновы письма, Корнелия Непота, Светония и Курция и из них задавать переводы, читать и учить изусть Ерасмовы пословицы.

§ 53. В третьем латинском классе учить прозодию, толковать и читать Вергилия, или Горация, или Овидия; в прозе — Флора, Ливаевы некоторые книги и речи, Тацита и других.

§ 54. В школе первых сочинений нужнейших наук, в первом и во втором классах употреблять из Волфова сокращения «Арифметику» и «Геометрию» (которые нарочно с немецкого перевесть и напечатать), географию употреблять Курасову, логику, метафизику и практическую философию учить по Тиммигову сокращению Волфианской философии на латинском языке.

§ 55. Немецкому языку учить по «Грамматике» Готшедовой и по «Разговорам немецким», печатанным с российским переводом; в прозе читать и толковать сочинения Мосгеймовы, в стихах Каница и Гинтера и других.

§ 56. Французскому языку обучать по «Грамматике» Пеплиеровой; читать и толковать в прозе «Телемака», в стихах Мольера и Расина.

Глава седьмая

О награждениях и наказаниях

§ 57. Награждения и наказания должны быть приватные и публичные: приватные награждения — за излишние в школе изучения и преимущества перед другими; публичные — за оказанные при собрании школ чрезвычайные преимущества в экзерциях; приватные наказания — за неисправление школьной должности или за непристойные в доме и школе поступки; публичные — за великие пренебрежения школьных должностей, за чрезвычайную резвость или за важные преступления законов.

§ 58. Приватные награждения к поощрению молодых людей могут быть довольны: 1) похвальные слова; 2) повышение места перед другими; 3) чтоб им те кланялись в школе, которые то должны делать вместо штрафа; 4) давать грыдорованные картинки, тетрадки, книжки.

§ 59. Публичные награждения могут состоять: 1) в книгах чисто переплетенных; 2) в математических инструментах; 3) в медалях серебряных, которые должен отдавать им директор при всем собрании, похвалив показанные успехи.

§ 60. Приватные наказания к удержанию от непристойных поступков и злых дел могут употреблены быть: 1) выговоры и угрозы; 2) понижение места; 3) чтоб тем кланяться в школе, которые себя хорошо оказали; 4) ставить среди школы на колени; 5) бить по рукам ферулею; 6) лозами по спине.

§ 61. Публично наказывать за великие пренебрежения школьных должностей и за чрезвычайную резвость: 1) отлучать от общего стола

прочих школьников и кормить за особливым столом хлебом и водою; 2) надевать дурное платье в заплатах и ставить при выходе всех школьников из Гимназии; 3) садить в тюрьму, где бы, кроме голого полу, ни сидеть, ни спать было не на чем, и кормить хлебом с водою; 4) давать на каждое утро по нескольку разов лозами.

§ 62. За важные преступления законов держать до определения в тюрьме скованных, потом из Гимназии отсылать к суду гражданскому, куда надлежит.

§ 63. Публичных наказаний за великие пренебрежения школьных должностей не чинить без директорского ведома, а из Гимназии не выключать и к гражданскому суду не отдавать без соизволения кураторов.

Января 12 дня — апреля 26 дня 1755 г.

Выписка из журнала Канцелярии АН о награждении некоторых студентов шпагами

Вторник мая в 27 день 1757 года.

В канцелярию Академии наук гг. присутствующие прибыли г. коллежский советник Ломоносов, г. надворный советник Штелин... г. коллежский асессор Тауберт.

Академические студенты Василий Крамаренков, Алексей Разумов, Иван Шишкарев, Илья Аврамов, Семен Веденский, Алексей Поленов, Самсон Волков, Иван Прыткой, Александра Леонтьев, итого девять человек, поданным доношение просят для поощрения их к наукам дать бы им шпаги. А по справке в Академической канцелярии из оных студентов трое по экзамену оказались, Шишкарев, Прыткий и Леонтьев, к наукам неприлежны, чего ради приказали: оным Шишкареву, Прыткову и Леонтьеву шпаг не давать, прочим шести человекам, а именно Крамаренкову, Разумову, Аврамову, Веденскому, Поленову, Волкову шпаги дать. И понеже комиссар Панкратьев справкою показал, что у него купленных для студентов шпаг с портупеями в наличности имеется только две, которые для запасу потребны впредь, того ради для оных студентов шести человек шпаги с портупеями и пряжками купить новые комиссару Панкратьеву ценою не свыше, как прежние шпаги куплены, и деньги за оные выдать, записав в расход с распискою, и по покупке шпаги взнести в Канцелярию при репорте; о чем к комиссару Панкратьеву послать ордер, а по взносе шпаги раздать оным студентам каждому с распискою и накрепко им подтвердить, чтоб они те шпаги носили во всякой целости, и, ежели кто шпагу утратит, и у оного не токмо вычет двойной последует, но и жестоко штрафован будет...

Михайло Ломоносов,
И. Штелин,
Иван Тауберт.
Регистратор *Дмитрей Тимофеев*

Мая 27 дня 1757 г.

Определение Канцелярии АН о прибавке жалованья гимназисту И. Лепехину

Сего февраля 13 дня поданным в Канцелярию Академии наук гимназии ученик Иван Лепехин челобитьем объявляет, что он в той Гимназии находится с прошлого 1751 года и обучил там арифметику, геометрию, тригонометрию и их практику, также в 1756 году вступил в верхний латинский класс, а в прошлом 1757 году переведен в верхний немецкий класс, где и по сие время находится, а жалованья получает только по двенадцати рублев в год, а прочим-де ученикам того класса производится жалованья по тридцати рублев, и просит, чтоб ему прибавить жалованья и сравнять с прочими. А о успехах своих в науках приложил данный ему от учителей Назара Герасимова, Якова Кожика и Павла Веденского аттестат, которым оные засвидетельствовали, что оный Лепехин в науках понятен и прибавки жалованья достоин. А по справке в Академической канцелярии верхнего немецкого класса ученикам жалованья производится по тридцати рублев в год. Того ради приказали: ему, Лепехину, за его понятие прибавить жалованья к ныне производимому годовому двенадцатирублевому окладу осмнадцать рублев, и тако он получать имеет против прочих учеников по тридцати рублев в год, которые и начать генваря с первого числа, о чем в списке против имени его отметить, а ему, Лепехину, объявить, дабы он учился с прилежанием, за что и впредь оставлен не будет.

И. Д. Шумахер,
Михайло Ломоносов,
И. Штелин,
Иван Тауберт,
Регистратор *Дмитрей Тимофеев*

Февраля 18 дня
1758 г.

Из «Проекта регламента Академической гимназии»

Глава III

Обучение гимназистов

§ 21. При обучении гимназистов следует, во-первых, наблюдать главным образом за тем, чтобы не отягощать и не приводить в замешательство различных способностей. Если, например, какой-нибудь гимназист еще не умеет в совершенстве читать и писать по-русски, то он должен оставаться в первом классе, пока не научится читать и писать в совершенстве. При этом нужно следить и за тем, чтобы они учились

писать буквы красиво, в чем должен быть искусен и сам учитель этого класса.

§ 22. Если гимназист умеет хорошо читать и писать, его следует обучать в низших классах, а именно в русском классе — орфографии и русской грамматике, в латинском — основным началам латинского языка, то есть склонениям, спряжениям, вокабулам и разговорам; в классе первых оснований наук должна проходиться арифметика.

§ 23. Если кто переведен во второй класс, то в русском классе он должен обучаться переводу с латинского языка на русский чистым стилем и перефразировке стихотворений и нестихотворной речи. Во втором же латинском классе даются переводы с русского языка на латинский, толкуются легкие авторы, заучиваются наизусть латинские фразы и пословицы. В классах первых оснований наук должны проходиться геометрия, тригонометрия, планиметрия и география.

§ 24. В высшем русском классе преподается о красоте русского языка в стихотворной и нестихотворной речи и русская история. В латинском толкуются трудные авторы, даются наставления по ораторскому искусству и поэзии, а также проходится введение во всеобщую историю. В классе первых оснований должна вкратце преподаваться философия.

§ 25. Арифметика, геометрия и география должны преподаваться на русском языке, первые же основания философии — на латинском.

§ 26. Все это общее относится к тем гимназистам на жалованье и без жалованья, которые хотят основательно изучить науки. После того как они пройдут эти необходимо нужные классы, они могут учиться немецкому и французскому языку, смотря по способностям, возрасту и желанию, а также рисованию и танцам, когда перейдут в низший класс студентов.

§ 27. Каждый гимназист обязан вести особые дневники для переписки набело своих сочинений, переводов и упражнений в том виде, как они были выполнены им самим и как были исправлены учителем, чтобы можно было судить и об его успехах, и об усердии учителя.

§ 28. В классах должен соблюдаться следующий порядок: утром с 7 до 9 часов должно вестись преподавание во всех латинских классах, с 9 до 11 — в русских, а с 2 до 4 пополудни — в классах первых оснований наук.

§ 29. В высших латинских классах гимназисты в последний час, а именно с 10 часов, должны три раза в неделю знакомиться с началами греческого языка с тем, чтобы по переводе в низший студенческий класс быстрее преуспевать у профессоров.

§ 30. Тем, кто поступил в Гимназию без жалованья, чтобы изучать современные европейские языки, должны преподаваться также математика, рисование и танцы в те часы, когда студенты низших классов не заняты с профессорами. Для этого Университет и Гимназия должны составлять каждые полгода особое расписание.

§ 31. В низших классах должны проходиться основные начала немецкого и французского языков, а именно склонения, спряжения,

главнейшие правила синтаксиса, вокабулы и разговоры; математика и арифметика. Во втором же классе переводы, стиль во французском и немецком языке, а также математика, геометрия, география и фортификация, рисование же — в Академии художеств.

§ 32. По воскресеньям и в большие церковные и государственные праздники гимназисты должны отстоять в гимназическом зале утреню и вечерню, а также и обедню. Перед обедней священник должен обучать катехизису[1].

§ 33. В субботу после обеда до начала всенощной им должно ходить на танцы, однако же без принуждения, только тем, у кого есть к этому охота[2].

§ 34. Когда они научатся в первом русском классе чисто читать и правильно произносить, им следует выучить наизусть 10 заповедей и все, что требуется для истинного христианина; при этом нужно читать Новый завет и другие церковные заповеди[3], что также весьма полезно для упражнения в чтении. Грамматика должна быть пройдена вкратце, и по хорошим русским прописям должны быть преподаны наставления относительно чистого и красивого почерка. При обучении чтению теперешней печати следует пользоваться новейшими шрифтами.

§ 35. Во втором русском классе следует учить: 1) чистоте русского языка по правилам, которые должны заучиваться наизусть; 2) нужно выбрать лучшие из писем Цицерона и переводить их на русский язык, показывая при этом, какими приемами пользуются теперь в различных родах писем; 3) нужно выбрать лучшие главы из Корнелия Непота, Юстина, Курция и Сенеки и переводить их; 4) должны быть преподаны указания касательно русского стихосложения и выполнены переводы русскими стихами лучших эпиграмм Марциала и басен из «Метаморфоз»; 5) русские переводы в стихах и прозе должны делаться перифрастически; 6) при исправлении всего этого следует указать, против какого правила допущена ошибка.

§ 36. В третьем русском классе должны даваться наставления относительно произнесения речей и писания русских писем, а также должна проходиться вкратце русская история с хронологией.

§ 37. В низшем латинском классе должна быть употреблена «Латинская грамматика» с русским переводом, а также «Латинские разговоры» с русскими переводами[4]. После этого с одобрения инспектора и ректора можно взять некоторые диалоги из Эразма, в особенности те, содержание которых заключает разнородный материал. При этом диалоги должны разбираться грамматически и излагаться по-русски. Латинские вокабулы должны изучаться двояким способом: во-первых, по разделам, связанным с теми или иными вопросами и, во-вторых, по алфавиту первообразных слов. Таких вокабуляриев в печатном виде должно быть в Гимназии большое количество.

§ 38. Во втором латинском классе должны проходиться по той же самой грамматике исключения в склонениях и спряжениях и все труднейшие правила синтаксиса. Далее должно толковать избранные письма Цицерона, Корнелия Непота, Светония и Курция, а также

должны читаться и заучиваться наизусть пословицы Эразма и переводиться на латинский язык новые русские сочинения.

§ 39. В высшем латинском классе при обучении просодии следует толковать и читать Вергилия или Горация, в прозе Флора, некоторые книги и произведения Ливия, а также избранные произведения Тацита и Цицерона.

§ 40. В классе первых оснований нужнейших наук, в частности во втором и третьем классах следует преподавать арифметику и геометрию по Вольфову «Сокращению», объяснять географию на глобусе и в атласе по изготовленному для этой цели описанию, обучать логике, метафизике и практической философии по Тюммигову «Сокращению» Волфианской философии на латинском языке.

§ 41. Немецкий язык должен изучаться по «Грамматике» Готшеда и при этом пользоваться «Разговорами» с русским переводом; в прозе следует читать и толковать произведения Мосгейма, в стихах — Каница, Гинтера и другие.

§ 42. Французский язык следует учить по «Грамматике» Пеплие, по прозе нужно читать и толковать «Телемака», в стихах — Мольера, Расина и Вольтера.

§ 43. Упомянутые здесь авторы могут быть заменены другими. С надлежащего разрешения можно подбирать себе и иных, но такую замену следует производить не часто и по зрелом размышлении.

Глава IV
Об упражнениях в Гимназии

§ 44. Упражнения бывают двоякого рода: одни выполняются в школе, другие задаются на дом. Школьные упражнения выполняются в Гимназии приватно, в присутствии одного учителя или при других классах, а иногда и публично в ректорском классе. Другие же упражнения задаются учителем на дом.

§ 45. Первое школьное упражнение заключается в устном ответе заданного урока в первый час по приходе учителя в класс; однако еще до прихода учителя аудитор должен проверить, знает ли кто свой урок или нет, отметить это в табели и положить ее учителю на стол, чтобы тот сам мог посмотреть и вызвать того или другого для ответа.

§ 46. Второе школьное упражнение состоит в переводе коротких заданий и в переложении фраз стихами и прозой, но не в письменном виде. Материал для этого учитель должен подбирать в соответствии со способностями класса. Это послужит немалым поощрениям к учению, однако упражнение следует задавать лишь в том случае, если у учителя по окончании лекции остается свободное время.

§ 47. Упражнения в присутствии других классов должны производиться в конце каждого месяца в один день, до и после обеда, причем преподаватели дают всем сразу небольшой материал для перевода или заставляют перелагать фразы прозой и стихами с тем, чтобы гимназисты выполняли это, не заглядывая в книгу и ничего не записывая.

§ 48. Публичные упражнения должны производиться каждые полгода в присутствии всей Академии, однако лишь в высшем классе, причем некоторые гимназисты должны произносить речи, составленные ими самими под наблюдением ректора на русском и латинском языках, в стихах и в прозе.

§ 49. Домашние упражнения, задаваемые учителем на дом сверх обычных уроков, заключаются — в зависимости от особенностей класса — либо в кратком переводе с русского на латинский язык и с латинского на русский, либо в переложении прозы на стихи. Они должны задаваться дважды в неделю к следующему дню, а не в обеденное время к вечеру, каковой срок слишком краток. Гимназистам разрешается выполнять подобные упражнения и по собственной охоте, чтобы показать особые способности и усердие. В таком случае упражнения могут быть либо точно такого же рода, что и упомянутые выше, либо, если кто пожелает, может в течение недели выучить наизусть сверх заданного урока еще несколько стихов или же краткую речь в прозе из классических авторов с тем, чтобы в субботу произнести выученное перед учителем.

§ 50. Это будет способствовать не только более быстрым успехам в науках, но и точному выяснению способностей и прилежания каждого гимназиста. Чтобы все это было ясно видно, следует вести месячные табели, в которых отмечается поведение каждого гимназиста в классах утром и вечером, а также выполнение им домашних упражнений.

§ 51. Всё, что кем-либо сделано или упущено, должно быть обозначено в определенных клетках против каждого дня и каждого имени начальными буквами:

В. И. — всё исполнил.
Н. У. — не знал урока.
Н. Ч. У. — не знал части урока.
З. У. Н. Т. — знал урок нетвердо.
Н. З. — не подал задачи.
Х. З. — худа задача.
Б. Б. — болен.
Х. — не был в классе.
В. И. С. — всё исполнил с избытком.
Ш. — шабаш.

§ 52. Для помесячных упражнений ректор должен вести общую табель, отмечая в ней прилежание и способности каждого и разделяя на лучших, средних и худших.

§ 53. На тех, кто участвовал в полугодичных публичных упражнениях, должно вести особый список, куда инспектор и ректор вносят свои суждения о способностях каждого.

§ 54. Все классные табели должны ежемесячно, а список — каждые полгода, представляться в Канцелярии, которая в зависимости от обстоятельств отдает соответствующие распоряжения, обращая особенное внимание на то, чтобы способные и прилежные были отличены от неспособных и нерадивых.

Глава V

Об экзаменах, переводах и выпуске гимназистов

§ 55. Каждый год должны производиться дважды переводы из низших классов в высшие и из высших в студенческий класс. Первый должен происходить в начале нового года, второй — в начале июля.

§ 56. Каждому переводу во всех классах должен предшествовать строгий экзамен, первый за 8 дней до Рождества, второй — в исходе июня, до каникул, которые предоставляются в июле.

§ 57. В низших и средних классах экзамен должен производиться в присутствии инспектора и ректора Гимназии, а также и учителей. Высшие классы экзаменуются в присутствии одного из членов Канцелярии, специально для этого назначенных профессоров Университета, а также инспектора и ректора Гимназии.

§ 58. Перед экзаменом для каждого класса должна быть составлена общая табель за полугодие, чтобы экзаменаторы могли разом обозреть способности, прилежание и поведение каждого школьника, по следующей форме[5].

Число означает, сколько раз в течение полугодия ученик выполнил то, что ему полагалось, и чего он не выполнил.

§ 59. Затем каждому гимназисту задаются вопросы, в особенности из книг, из которых он что-либо заучил наизусть или которые толковал учитель. В заключение задаются краткие переводы или сочинения, в зависимости от особенностей каждого класса. О том, как кто выдержал испытание, записывается в особую экзаменаторскую табель.

§ 60. После экзамена месячные табели сопоставляются с экзаменаторскими. Соответственно способностям, гимназисты должны переводиться из низших классов в высшие или из высшего класса производиться в студенты для слушания лекций у профессоров. При этом нужно соблюдать следующее.

§ 61. Никто не должно быть переведен из одного класса в другой, если не усвоил полностью всего того, что преподается в классе, где он находится.

§ 62. Гимназист не должен посещать различные классы. Так, если кто изучил все необходимое в низшем русском и латинском классе, но еще не вполне усвоил арифметику низшего класса, не должен переводиться в средний класс. Точно так же, если кто знает арифметику, но еще нетверд в основах латинского языка, тот не должен быть переведен во второй латинский класс. Это должно соблюдаться и по отношению к другим классам, чтобы не получилось беспорядка.

§ 63. При выпуске гимназистов из гимназии и при производстве их в студенты следует обращать внимание на возраст. Так, если кто до 15 года своей жизни прошел все русские и латинские классы и класс первых оснований нужнейших наук, тот непременно должен изучать в Гимназии немецкий и французский языки, сидя между дворянами. И

притом заодно с остальными студентами лекции профессоров.

§ 64. Если же, наоборот, кто в возрасте примерно 20 лет пройдет упомянутые три класса, но обладает лишь посредственными способностями к нынешним европейским языкам, то его не следует, вопреки его требованию, задерживать для их изучения, чтобы мог он заняться такой наукой, при посредстве которой мог бы принести пользу отечеству и без знания языков.

§ 65. Если гимназист по известным причинам, например из-за длительной болезни или по недостатку способностей, долго пробыл в Гимназии и уже не так юн, однако же неизменно проявил посильное прилежание и хорошо себя вел, то его следует отпустить с рекомендательным свидетельством, соответствующим его заслугам, в другое ведомство или же, если есть вакансия, назначить учителем в низшие классы.

§ 66. Те, кто учится на свой счет, должны быть выпускаемы так, как были приняты. Если же у тех или у других обнаруживаются особые способности или склонность к учению, то следует применять все надлежащие меры к тому, чтобы склонить и их родителей к дальнейшему усовершенствованию их в науках.

Глава VI

О награждениях и наказаниях

§ 67. Награждения и наказания должны производиться приватно и публично: приватно награждается тот, кто выполнил больше, чем ему задано, и превзошел других; публично он награждается, если своими упражнениями в собрании классов заслужил особого преимущества. Приватно наказывается тот, кто в классе не выполнил того, что ему полагалось, или вел себя неподобающим образом в школе или дома; публично наказываются за постыдные шалости или проступки против религии.

§ 68. В качестве приватной школьной награды для поощрения юношества можно считать достаточным: 1) похвальный отзыв; 2) более высокое по сравнению с другими место за столом; 3) другие в наказание должны ему кланяться; 4) гравюры и книги.

§ 69. Публичные награждения в присутствии всей Гимназии могут состоять: 1) в красиво переплетенных книгах; 2) в математических приборах; 3) в серебряных медалях, которые раздаются перед всем собранием с упоминанием об оказанных успехах.

§ 70. Чтобы бороться с плохим поведением и пороками, можно приватно наказывать в школе: 1) выговорами и угрозами; 2) понижением места; 3) чтобы кланялись тем, кто хорошо себя ведет; 4) стоянием на коленях перед всем классом; 5) сечением розгами, смотря по важности проступка.

§ 71. Публичное наказание перед всей Гимназией должно производиться следующим образом: 1) их отлучают от общего стола прочих гимназистов и сажают за другой стол на хлеб и на воду; 2) их одевают

в плохое рваное платье и выставляют напоказ при выходе всех гимназистов из Гимназии; 3) сажают на некоторое время в карцер, где им приходится сидеть и лежать на голом полу и получать только хлеб и воду; 4) их каждое утро секут розгами.

§ 72. За тяжелые преступления, направленные против религии, и впредь до осуждения, держат взаперти в карцере, а по исключении из Гимназии отсылают в надлежащий суд.

§ 73. Никакое публичное наказание, в особенности же исключение из Гимназии и предание другому суду, не может быть наложено без ведома президента или Канцелярии.

§ 74. Инспектор должен вести книгу, куда записываются гимназисты, получившие награды, с указанием, какова была награда, а также и те, кто был наказан, с указанием, каково было наказание.

Марта 24 дня — мая 27 дня
1758 г.

Выписка из журнала Канцелярии АН о приеме в Гимназию куростровского крестьянина П. О. Дудина

Среда мая 27 дня 1758 года.

В Канцелярию Академии Наук г. г. присутствующие прибыли г. коллежский советник Ломоносов, г. канцелярии советник Тауберт, г. надворный советник Штелин.

По челобитью Архангелогородской губернии Двинского уезда Куростровской волости крестьянина Осипа Дудина приказали: сына его Петра Дудина математике, рисовальному художеству и французскому языку обучать в Академической гимназии на его коште и для того его отослать к г. адъюнкту и Гимназии инспектору Модераху при ордере...

И. Д. Шумахер,
Михайло Ломоносов,
Иван Тауберт.
Регистратор Дмитрей Тимофеев

Мая 27 дня
1758 г.

Представление в Канцелярию АН о выпуске для нужд Гимназии серии брошюр, излагающих основные задачи всех наук

В Канцелярию Академии наук от коллежского советника Михайла Ломоносова

Представление

При выпуске гимназистов из Гимназии надлежит иметь им краткое понятие о всех науках, которым в Академии обучают, дабы они могли себе избрать всяк по своей склонности, в которой употребит главное свое упражнение. Для того должно в помянутых верхних классах иметь сокращенное ясное представление и общее понятие обо всех оных науках в небольшой книжке. А как известно, что такого общего понятия одному человеку сочинить невозможно, того ради Канцелярии Академии наук представляю, дабы определено было в Академическое и Историческое собрание приказать послать указ, чтоб гг. профессоры, каждый по своей профессии, сочинили краткое и ясное понятие о своей науке, токмо в дефинициях и в главных разделениях состоящее, так, чтобы каждая в печати полулиста не превосходила, будучи набрана ведомостными литерами[1]. И сие учинить им, гг. профессорам, без всякого умедления, которые в сокращении общим советом расположены и напечатаны быть могли.

Михайло Ломоносов

Февраля 25 дня
1759 г.

Выписка из журнала Канцелярии АН об обучении студента И. Аврамова и учеников Географического департамента геометрии, тригонометрии и астрономии

1763 года сентября 3 числа среда.

В Канцелярию Академии наук г. статский советник Тауберт прибыл и слушав нижеобъявленных дел.

Репорта г. адъюнкта Шмита, которым представил, чтоб находящимся в Географическом департаменте студенту Илье Аврамову и четырем ученикам[1] приказано было упражняться в практической геометрии, тригонометрии плоской и сферической, также в астрономии

сферической и в употреблении астрономических инструментов. Приказали: оных студентов и учеников показанным наукам обучать в означенные от Географического департамента часы адъюнкту и майору г. Красильникову, а так употреблять астрономические инструменты, оное показывать им на Академической обсерватории экстраординарному г. профессору Румовскому, когда он на обсерватории бывает. И о том к г. Красильникову и Румовскому послать ордеры, а в Географический департамент сообщить с сего копию...

Иван Тауберт,
Михайло Ломоносов.
Секретарь Михайло Гурьев

Сентября 3 дня
1763 г.

Из «Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии»

§ 8. Петербургский университет, друг, более того — единокровный брат Академии наук, который составляет с нею единую плоть и будет заодно с нею трудиться на пользу отечества, должен был бы получить нижеследующее устройство.

Во избежание ненужного размножения должностей, для уменьшения расходов, для повышения жалованья академикам и ради поощрения в ученых ревности к занятиям следует выбирать и утверждать университетских профессоров из числа академиков с тем, чтобы они поучали студенческую молодежь путем публичных и частных лекций. По существующему обыкновению, их надобно распределить по факультетам. Представляется уместным, чтобы то, что в Академии именуется классами, называлось там по-университетски — факультетами. Так как во всех университетах деление на факультеты бывает сообразно с государственными учреждениями, то и здесь, отказавшись от богословского круга наук в пользу Святейшего Синода, каковые науки преподаются только в подведомственных ему школах, необходимо от гражданской части для отправления правосудия и для ограждения прав каждого учредить факультет юридический. Для сохранения людского здоровья и для попечения о нем нужно основать факультет медицинский. Для увеличения общественного благосостояния и для создания разных жизненных благ необходимо устроить факультет философский. На юридическом факультете должны быть лекции: 1) исторические, для ознакомления с правом народов, что в других местах напрасно относят к ведению факультета философского; 2) по практической философии; 3) по политике; 4) по публичному и частному праву; 5) русское право. На медицинском факультете должны читаться: 1) анатомия с физиологией; 2) химия; 3) ботаника; 4) практическая медицина. На философском факультете следует обучать слушателей: 1) обоим красноречиям[1]; 2) должен быть прочитан курс всеобщей фило-

софии; 3) также математики; 4) должна быть изложена экспериментальная и догматическая физика; 5) механика; 6) астрономия. Академики и адъюнкты, которые занимаются чтением лекций, должны получать увеличенное жалованье, сверх того, что следует им как академикам и адъюнктам.

Бразды университетского правления должны быть вручены проректору, который избирается ежегодно из числа профессоров и которого за его особые труды следует почтить более значительным повышением жалованья против обычного. О порядке его избрания, об его обязанностях и почетных преимуществах будет сказано там, где пойдет речь об академических уставах и правилах.

Число студентов, которые добровольно приступят к занятиям в Петербургском университете, будет, можно надеяться, немалым, если при инавгурации Университета будут торжественно объявлены, как мы того хотим, милости, преимущества и льготы, даруемые императрицей Университету. Опорой нашим надеждам служат также великолепие города, величественность двора, многолюдство рынка, удобство порта и, наконец, громкие имена учителей. Все это обещает приток студенческой молодежи даже из чужих краев. Подражая, однако, похвальному примеру других университетов, где любознательные юноши питаются от щедрот государей, мы не может не выделить некоего числа студентов, которые, получая содержание из академических средств, были бы заняты только слушанием профессорских лекций и научной работой. И хотя, ввиду обширности государства и малого числа университетов, следовало бы довести количество студентов, содержимых на казенный счет, до нескольких сотен, однако же академическая казна не выдержит этого, а потому для начала достаточно будет, если установим число таких студентов в сорок человек.

§ 9. Кормилицей Университета, или его кладовой и поставщицей, является Академическая гимназия. Здесь следует воспитывать более нежный возраст, преподавая школьные предметы так, чтобы вышедшие оттуда были способны приступить к занятиям высшего порядка в Университете. Число такого рода подростков должно быть по крайней мере вдвое больше, чем число студентов, т. е. будет 80 человек, воспитывающихся на академические средства. Будут, конечно, сверх того. как и ныне, такие, которых будут содержать сами родители.

Предметы школьных занятий будут разделяться, как и теперь, на обыкновенные и дополнительные. Первые совершенно необходимы, и тот, кто ими не занимался, не может поступить в Университет. Ко вторым относятся те, без которых, хотя они и полезны, могут обойтись великовозрастные или менее одаренные, но оказавшие достаточные успехи в предметах обыкновенных, в качестве каковых преподается латинский язык, изучается русский и излагаются начатки математики и философии. Предметы, преподаваемые сверх обыкновенных, суть языки греческий, немецкий и французский. Обыкновенные предметы распределяются по трем классам: низшему, среднему и высшему; дополнительные — по двум, кроме греческого языка, для которого

представляется достаточным один класс. Вот таблица всех предметов и классов:

Предметы обыкновенные			
	Русский язык	Латинский язык	Начатки философии и математики
1	2	3	4
Старший класс	Стилистические упражнения в прозе и в стихах и толкование текстов	Стилистические упражнения в прозе и в стихах	Излагаются правила логики
Средний класс	Грамматика и риторика	Заканчивается грамматика, толкование авторов	Преподаются геометрия и география
1	2	3	4
Низший класс	Упражнения в быстром и правильном чтении и письме	Первые основы латинского языка	Изучаются арифметические действия

Предметы дополнительные			
Греческий	Немецкий	Французский	
Обучение греческому языку. После, в университете, каждый по собственному почину может завершить его у профессора	Занимаются стилистикой и переводами на немецкий язык	Стилистика и переводы	Высший класс
	Излагается немецкая грамматика	Грамматика	Низший класс

По числу предметов и классов надо назначить четырнадцать преподавателей, из коих один будет учителем латинского языка в старшем классе и ректором Гимназии. Второй и третий будут учителями русского языка и логики в старшем классе, и один из них будет исполнять обязанности конректора. Обязанности остальных ясны из самой таблицы.

Мая 21 дня — сентября 10 дня
1764 г.

М. В. Ломоносов о проблемах воспитания юношества

Показание о своем происхождении, данное при допросе в Московской Синодального правления канцелярии

В Московскую Синодального правления канцелярию из прежней Камер-коллегии потребно известие: города Холмогор церкви Введения пресвятыя богородицы поп Василий Дорофеев и при нем, попе, сыне его Михайло во время переписи мужеска полу душ при той церкви действительными ль написаны и коликих он, Михайло, лет? Сентября 4 дня 1734 года. № 931. Секретарь Павел Протопопов. Канцелярист Алексей Морсочников.

А при отдаче в Камер-коллегию вышеписанной справки означенный Ломоносов сказал, что-де он не попович, но дворцовый крестьянский сын, о чем значит обстоятельно в последующем его допросе.

Рождением-де он, Михайло, Архангелогородской губернии Двинского уезда дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василия Дорофеева сын, и тот-де его отец и поныне в той деревне обретается с прочими крестьяны и положен в подушный оклад. А в прошлом 730-м году декабря в 9-м числе с позволения оного отца его отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем дан был ему и пашпорт (который утратил он своим небрежением) из Холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григорья Воробьева, и с тем-де пашпортом пришел он в Москву и жил Сыскного приказу у подьячего Ивана Дутикова генваря до последних чисел 732-го году, а до которого именно числа, не упомнит. И в тех-де числах подал он прошение Заиконоспасского монастыря архимандриту (что ныне преосвященный архиепископ Архангелогородский и Холмогорский) Герману, дабы принят он был, Ломоносов, в школу, по которому его прошению он, архимандрит, его, Михайла, приняв, приказал допросить, и допрашиван, а тем допросом в Академии показал, что он, Ломоносов, города Холмогор дворянский сын. И по тому допросу он, архимандрит, опре-

делил его, Михайла, в школы, и дошел до риторики. А в экспедицию с статским советником Иваном Кириловым пожелал он, Михайло, ехать самоохотно. А что он в Ставленническом столе сказался поповичем, и то учинил с простоты своей, не надеясь в том быть причины и препятствия к произведению во священство. А никто его, Ломоносова, чтоб сказаться поповичем, не научал. А ныне он желает по-прежнему учиться во оной же Академии. И в сем допросе сказал он сущую правду без всякия лжи и утайки, а ежели что утаил, и за то учинено б было ему, Ломоносову, что Московская Синодального правления канцелярия определит.

К сему допросу
Михайло Ломоносов
руку приложил

Сентября 4 дня
1734 г.

Из «Краткого руководства к красноречию.

Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки»

Вступление

§1. Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2. К приобретению оного требуется пять следующих средствий: первое — природные дарования, второе — наука, третие — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

§ 3. Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо устроумие и память к получению сего искусства, толь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени, ибо как семя на неплодной земле, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно. И для того Аполлоний Алабенденский, славный в древних временах красноречия учитель, по свидетельству Цицерона, тех, которые от родителей своих к нему в училище присылались, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал и которых приметил к тому быть неспособных немедленно назад отсылал, чтобы они напрасными трудами себя не изнуряли. Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражня-

ющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно.

§ 4. Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изусть учением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, порядочны, для того чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третие, удовольствованы примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений. Мы будем стараться, чтобы в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям.

§ 5. Изучение правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащиеся едва не больше нужно, нежели самые лучшие правила. Всяк знает, что и в художествах того миновать нельзя, например: кто учится живописту, тот старается всегда иметь у себя лучшие рисунки и картины славных мастеров и, к ним применяясь, достигнуть совершенства в том художестве. Красноречие коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов. Но о сем пространнее предложено будет на конце сея книги особливо.

§ 6. Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих авторов, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отвратить не могли, ибо генералы, сенаторы и сами консулы, как Ирций и Панса, будучи на высочайшей степени римския власти, у Цицерона приватно в красноречии обучались и в домах своих в произношении слова упражнялись. Азиний Поллион, славный генерал римский, презрев печаль о умершей своей дочери, в четвертый день после ея смерти обучался в произношении слова. Отсюду последовало, что таковые трудолюбивые люди не готовясь говорили публично прекрасные речи. Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самую высочайшую степень. Такие речи, без приготовления пред народом произнесенные, назывались божественными, ибо оне казались быть выше сил человеческих. Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречию старались сим образом разум свой острить чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не полагаться на одне правила и чтение авторов, ежели при всяком случае и о всякой материи готовы быть желают к предложению слова.

§ 7. Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете, откуда явствует, что ежели кто имеет большее познание настоящих и предшедших вещей, то есть чем искуснее в науках, у того большее есть изобилие материи к красноречию. Итак, учащиеся оному великое будут иметь в своем искусстве вспоможение, ежели они обучены по последней мере истории и нравоучению.

§ 8. Слово двояко изображено быть может — прозою или поэмою. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры

и порядка складов, ни согласия, в произношении точно назначенного, но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим составляются гимны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи.

§ 9. Но хотя проза от поэмы для отменного сложения разнится, а потому и в штиле должна быть отлична, однако в рассуждении общества материи весьма с оною сходствует, ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами. Итак, оба сии красноречия роды имеют в себе купно обоим общее и особливо каждому отменное.

§ 10. Мы предлагаем здесь вкратце руководство к обоему красноречию и для того, поступая по натуральному порядку, показываем, вопервых, учение о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается, и затем при правилах полагаются в нем примеры прозою и стихами. Потом сообщаем наставление к сочинению речей в прозе и примеры присовокупляем прозаичные из славных авторов. Наконец, прилагается о стихотворстве учение с приложенными в примеры стихами.

Сии три учения составляют три книги сего руководства: Риторику, Ораторию и Поэзию.

Март 1744 г. — январь 1747 г.

Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михайлом Ломоносовым

Рассуждая о благополучии жития человеческого, слушатели, не нахожу того совершеннее, как ежели приятными и беспорочными трудами пользу приносит. Ничто на земле смертному выше и благороднее дано быть не может, как упражнение, в котором красота и важность, отнимая чувствие тягостного труда, некоторою слабостию ободряет, которое, никого не оскорбляя, увеселяет неповинное сердце и, умножая других удовольствие, благодарностию оных возбуждает совершенную радость. Такое приятное, беспорочное и полезное упражнение где способнее, как в учении, сыскать можно? В нем открывается красота многообразных вещей и удивительная различность действий и свойств, чудным искусством и порядком от всевышнего устроенных и расположенных. Им обогащающийся никого не обидит затем, что неистощимое и всем обще предлежащее сокровище себе приобретает. В нем труды свои полагающий не токмо себе, но и целому обществу, а иногда и всему роду человеческому пользою служит. Все сие коль справедливо и коль много учение остроумием и трудами тщательных людей

блаженство жития нашего умножает, ясно показывает состояние европейских жителей, снесенное со скитающимися в степях американских. Представьте разность обоих в мыслях ваших. Представьте, что один человек немногие нужнейшие в жизни вещи, всегда перед ним обращающиеся, только назвать умеет, другой не токмо всего, что земля, воздух и воды рождают, не токмо всего, что искусство произвело чрез многие веки, имена, свойства и достоинства языком изъясняет, но и чувствам нашим отнюдь не подверженные понятия ясно и живо словом изображает. Один выше числа перстов своих в счете происходить не умеет, другой не токмо через величину тягость без весу, через тягость величину без меры познавает, не токмо на земли неприступных вещей расстояние издалека показать может, но и небесных светил ужасные отдаления, обширную огромность, быстротекущее движение и на всякое мгновение ока переменное положение определяет. Один лет своея жизни или краткого веку детей своих показать не знает, другой не токмо прошедших времен многоразличные и почти бесчисленные приключения, в натуре и в обществах бывшие по летам и месяцам располагает, но и многие будущие точно предвозвещает. Один, думая, что за лесом, в котором он родился, небо с землею соединились, страшного зверя или большое дерево за божество малого своего мира почитает, другой, представляя себе великое пространство, хитрое строение и красоту всея твари, с некоторым священным ужасом и благоговейною любовию почитает создателеву бесконечную премудрость и силу. Поставьте человека, листвием или сырою звериною кожею едва наготу свою прикрывающего, при одеянном златотканными одеждами и украшенном блистанием драгоценных камней. Поставьте поднимающего с земли случившийся камень или дерево для своей от неприятеля обороны при снабденном светлым и острым оружием и молнию и гром подражающими махинами. Поставьте заостроватым камнем тонкое дерево со многим потом едва претирающего при употребляющем сильные и хитросложенные махины к движению ужасных тягостей, к ускорению долговременных дел и к точному измерению и разделению величины, весу и времени. Воззрите мысленными очами вашими на плывущего через малую речку на связанном тростнике и на стремящегося по морской пучине на великом корабле, надежными орудиями укрепленном, силою ветра против его же самого бегущем и вместо вожда камень по водам имеющим. Не ясно ли видите, что один почти выше смертных жребия поставлен, другой едва только от бессловесных животных разнится; один ясного познания приятным сиянием увеселяется, другой в мрачной ночи невежества едва бытие свое видит? Толь великую приносит учение пользу, толь светлыми лучами просвещает человеческий разум, толь приятно есть красоты его наслаждение! Желал бы я вас ввести в великолепный храм сего человеческого благополучия, желал бы вам показать в нем подробно проницанием остроумия и неусыпным рачением премудрых и трудолюбивых мужей изобретенные пресветлые украшения, желал бы удивить вас многообразными их отменами, увеселить восхищающим изряд-

ством и привлещи к ним неоцененною пользою, но к исполнению такового предприятия требуется большее моего разумение, большее моего красноречие, большее время потребно, нежели к совершению сего намерения позволяется. Того ради прошу, последуйте за мною мыслями вашими в един токмо внутренний чертог сего великого здания, в котором потшусь вам кратко показать некоторые сокровища богатыя натуры и объявить употребление и пользу тех перемен и явления, которые в них химия производит. В показании и изъяснении оных ежели слово мое где недовольно будет, собственною ума вашего остротою наградите.

Учением приобретенные познания разделяются на науки и художества. Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенные действий и свойств причины; художества к приумножению человеческой пользы оные употребляют. Науки довольствуют врожденное и вкорененное в нас любопытство; художества снисканием прибытка увеселяет. Науки художествам путь показывают; художества происхождение наук ускоряет. Обои общею пользою согласно служат. В обоих сих коль велико и коль необходимо есть употребление химии, ясно показывает исследование натуры и многие в жизни человеческой преполезные художества.

Натуральные вещи рассматривая, двоякого рода свойства в них находим. Одни ясно и подробно понимаем, другие хотя ясно в уме представляем, однако подробно изобразить не можем. Первого рода суть величина, вид, движение и положение целой вещи, второго — цвет, вкус, запах, лекарственные силы и прочие. Первые чрез геометрию точно размерить и чрез механику определить можно; при других такой подробности просто употребить нельзя, для того что первые в телах видимых и осязаемых, другие в тончайших и от чувств наших удаленных частицах свое основание имеют. Но к точному и подробному познанию какой-нибудь вещи должно знать части, которые оную составляют. Ибо как можем рассуждать о теле человеческом, не зная ни сложения костей и составов для его укрепления, ни союза, ни положения мышцей для движения, ни распростертия нервов для чувствования, ни расположения внутренностей для приуготовления питательных соков, ни протяжения жил для обращения крови, ни прочих органов сего чудного строения? Равным образом и вышепоказанных второго рода качеств подробного понятия иметь невозможно, не исследовав самых малейших и неразделимых частиц, от коих они происходят и которых познание толь нужно есть испытателям натуры, как сами оные частицы к составлению тел необходимо потребны. И хотя в нынешние веки изобретенные микроскопы силу зрения нашего так увеличили, что едва видимой пылинке весьма многие части ясно распознать можно, однако сии полезные инструменты служат только к исследованию органических частей, каковы суть весьма тонкие и не видимые простым глазом пузырьки и трубочки, составляющие твердые части животных и растущих вещей, а тех частиц, из которых состоят смешанные материи, особливо зрению представить не могут. Например, через химию известно, что в киновари есть ртуть и в квас-

цах — земля белая, однако ни в киновари ртути, ни в квасцах земли белой ни сквозь самые лучшие микроскопы видеть нельзя, но всегда в них тот же вид кажется. И посему познания оных только через химию доходить должно. Здесь вижу я, скажете, что химия показывает только материи, из которых состоят смешанные тела, а не каждую их частицу особливо. На сие отвечаю, что подлинно по сие время острое исследователей око толь далече во внутренности тел не могло проникнуть. Но ежели когда-нибудь сие таинство откроется, то подлинно химия тому первая предводительница будет, первая откроет завесу внутреннейшего сего святилища натуры. Математики по некоторым известным количествам неизвестных дознаются. Для того известные и неизвестными слагают, вычитают, умножают, разделяют, уравнивают, превращают, переносят, переменяют и наконец искомое находят. По сему примеру рассуждая о бесчисленных и многообразных переменах, которые смешением и разделением разных материй химия представляет, должно разумом достигать потаенного безмерною малостию виду, меры, движения и положения первоначальных частиц, смешанные тела составляющих. Когда от любви беспокоящийся жених желает познать прямо склонность своей к себе невесты, тогда, разговаривая с нею, примечает в лице перемены цвету, очей обращение и речей порядок, наблюдает ее дружества, обходительства и увеселения, выспрашивает рабынь, которые ей при возбуждении, при нарядах, при выездах и при домашних упражнениях служат, и так по всему тому точно уверяется о подлинном сердца ее состоянии. Равным образом прекрасныя натуры рачительный любитель, желая испытать, толь глубоко сокровенное состояние первоначальных частиц, тела составляющих, должен высматривать все оных свойства и перемены, а особливо те, которые показывает ближайшая ее служительница и наперсница и в самые внутренние чертоги вход имеющая химия, и, когда она разделенные и рассеянные частицы из растворов в твердые части соединяет и показывает в них фигуры, выспрашивать у осторожной геометрии, когда твердые тела на жидкие, жидкие на твердые переменяет и разных родов материи разделяет и соединяет, советовать с точною и замысловатою механикою, и когда чрез слитие жидких материй разные цветы производит, выведывать чрез проницательную оптику. Таким образом, когда химия пребогатыя госпожи своея потаенные сокровища разбирает, любопытный и неусыпный натуры рачитель оныя чрез геометрию вымеривать, через механику развешивать и через оптику высматривать станет, то весьма вероятно, что он желаемых тайностей достигнет. Здесь, уповаю, еще вопросить желаете, чего ради по сие время исследователи естественных вещей в сем деле столько не успели? На сие ответствую, что к сему требуется весьма искусный химик и глубокий математик в одном человеке. Химик требуется не такой, который только из одного чтения книг понял сию науку, но который собственным искусством в ней прилежно упражнялся, и не такой, напротив того, который хотя великое множество опытов делал, однако, больше желанием великого и скоро приобретаемого

богатства поощряясь, спешил к одному только исполнению своего желания и ради того, последуя своим мечтаниям, презирал случившиеся в трудах своих явления и перемены, служащие к истолкованию естественных таин. Не такой требуется математик, который только в трудных выкладках искусен, но который, в изобретениях и в доказательствах привыкнув к математической строгости, в натуре сокровенную правду точным и непоползновенным порядком вывесть умеет. Бесполезны тому очи, кто желает видеть внутренность вещи, лишаясь рук к отверстию оной. Бесполезны тому руки, кто к рассмотрению открытых вещей очей не имеет. Химия руками, математика очами физическими по справедливости назваться может. Но как обе в исследовании внутренних свойств телесных одна от другой необходимо помощи требуют, так, напротив того, умы человеческие нередко в разные пути отвлекают. Химик, видя при всяком опыте разные и часто нечаянные явления и произведения и приманиваясь тем к снисканию скорой пользы, математику, как бы только в некоторых тщетных размышлениях о точках и линеях упражняющемуся, смеется. Математик, напротив того, уверен о своих положениях ясными доказательствами и, чрез неоспоримые и беспрерывные следствия выводя неизвестные количеств свойства, химика, как бы одною только практикою отягощенного и между многими беспорядочными опытами заблуждающего, презирает и, приобыкнув к чистой бумаге и к светлым геометрическим инструментам, химическим дымом и пепелом гнушается. И для того по сие время сии две, общею пользою так соединенные сестры толь разномысленных сынов по большой части рождали. Сие есть причиною, что совершенное учение химии с глубоким познанием математики еще соединено не бывало. И хотя в нынешнем веку некоторые в обоих науках изрядные успехи показали, однако сие предприятие выше сил своих почитают и для того не хотят в испытании помянутых частиц с твердым намерением и постоянным рачением потрудиться, а особливо когда приметили, что некоторые, с немалою тратою труда своего и времени, пустыми замыслами и в одной голове родившимися привидениями натуральную науку больше помрачили, нежели свету ей придали.

Исследованию первоначальных частиц, тела составляющих, следует изыскание причин взаимного союза, которым они в составлении тел сопрягаются и от которого вся разность твердости и жидкости, жесткости и мягкости, гибкости и ломкости происходит. Все сие чрез что способнее испытать можно, как через химию? Она только едина то в огне их умягчает и паки скрепляет, то, разделив, на воздух поднимает и обратно из него собирает, то водою разводит и, в ней сгустив, крепко соединяет, то, в едких водках растворяя, твердую материю в жидкую, жидкую в пыль и пыль в каменную твердость обращает. Итак, толь многими образы в бесчисленных телах умножая между частьми союзную силу взаимного сцепления, великое множество разных путей любопытному физику отверзает, по которым бы достигнуть сего хитрыя натуры великого искусства. Но в коль широкое и коль прият-

ною пестротою украшенное поле натуры испытателей химия вводит, показуя чрез разные действия толикое цветов множество, толикое различие и применение! Ибо одна медь не токмо все чистые цветы, которые призматическими стеклами оптика показывает, но и всякого рода смешанные в разных обстоятельствах производит. Что же смешение и разделение прочих минералов, также растущих и животных материй в переменах сего приятного тел свойства зрению представляет, того краткое мое слово обнять не может, но все сии, подобно некоторым пантомимам или молчащим изображателям на пространном естества театре, разновидными изменениями сокровенные свои причины догадливому смотрителю объявить и как бы некоторым безгласным разговором истолковать тщится.

Животные и растущие тела состоят из частей органических и смешанных. Смешанные суть твердые или жидкие. Жидкие твердыми содержатся, твердые от жидких питаются, возрастают, цветут и плод приносят. В исполнении сего переменяется натура в разных к тому устроенных сосудах свойства соков, а особливо вкус и дух оных, отделяет от них сладкое млеко и горькую желчь из одной пищи и на одной земли кислые и пряные плоды и травы неприятного запаху купно с благовонными рождает. Во всех сих коль многие отмены произведены бывают, довольно известно знающим строение одушевленного тела и множества земных прозябаний. Во всех сих химия натуре точно подражать тщится: коль часто сильные вкусы умягчает и изощряет слабые; из противного на языке свинцу и из острого уксусу производит мед превосходящую сладость и чрез смешение минералов испускает тонкое благоухание приятныя розы; напротив того, из селитры, которая духу никакого и вкусу сильного не имеет, рождает проницательную и твердые металлы разъедающую кислость и смрад, отъемляющий дыхание. Не ясно ли из сего понимаете, что изыскание причины разных вкусов и запахов не инако с желаемым успехом предприять можно, как, последую указанию предыдущия химия и применяясь по ее искусству, угадывать в тонких сосудах органических тел закрытые и только вкушению и обонянию чувствительные перемены.

Великая часть физики и полезнейшая роду человеческому наука есть медицина, которая чрез познание свойств тела человеческого достигает причины нарушенного здравия и, употребляя приличные к исправлению оного средства, часто удрученных болезнию почти из гроба восставляет. Болезни по большей части происходят от повреждения жидких материй, к содержанию жизни человеческой нужных, обращающихся в теле нашем, которых качества, составляющие части и их полезные и вредные перемены и производящие и пресекающие их способы без химии никак испытаны быть не могут. Ею познается натуральное смешение крови и питательных соков, ею открывается сложение здоровых и вредных пищей, ею не токмо из разных трав, но из недра земного взятых минералов приуготовляются полезные лекарства. И словом, медик без довольного познания химии совершен быть не может, и всех недостатков, всех излишеств и от них происходящих

во врачебной науке поползновений дополнения, отвращения и исправления от одной почти химии уповать должно.

Долго исчислять и подробну толковать будет, что чрез химию в натуре открылось и впредь открыто быть должно. Того ради одно только самое важнейшее в сем ея действие ныне вам представляю. Огонь, который в умеренной своей силе теплотою называется, присутствует и действием своим по всему свету толь широко распростирается, что нет ни единого места, где бы он не был, ибо и в самых холодных, северных, близ полюса лежащих краях середи зимы всегда оказывает себя легким способом. Нет ни единого в натуре действия, которого бы основание ему приписать не было должно, ибо от него все внутренние движения тел, следовательно, и внешние происходят. Им все животные и зачинаются, и растут, и движутся. Им обращается кровь и сохраняется здравие и жизнь наша. Его силою производят горы во внутренностях своих всякого рода минералы и целительные слабостей тела нашего воды проливают. И вы, приятные поля и леса, тогда только прекрасною одеждою покрываетесь, ободряете члены и услаждаете чувства наши, когда любезная теплота, кротким своим пришествием разогнав морозы и снеги, питает вас тучною влагою, испещряет сияющими и благоговонными цветами и сладкими плодами обогащает; кроме сего увядает красота ваша, бледнеет лице земное, и во вретище сетования вселенная облекается. Без огня питательная роса и благорастворенный дождь не могут снисходить на нивы; без него заключатся источники, прекратится рек течение, огустевший воздух движения лишится, и великий океан в вечный лед отвердеет; без него погаснуть солнцу, луне затмиться, звездам исчезнуть и самой натуре умереть должно. Для того не токмо многие испытатели внутреннего смешения тел не желали себе почтеннейшего именования, как философами, чрез огонь действующими, называться, не токмо языческие народы, у которых науки в великом почтении были, огню божескую честь отдали, но и само священное писание неоднократно явление божие в виде огня бывшее повествует. Итак, что из естественных вещей большие испытания нашего достойно, как сия всех созданных вещей общая душа, сие всех чудных перемен, во внутренности тел рождающихся, тонкое и сильное орудие? Но сего исследования без химии предпринять отнюдь невозможно, ибо кто больше знать может огня свойства, измерить его силу и отворить путь к потаенным действ его причинам, как все свои предприятия огнем производящая химия? Она, не употребляя обыкновенных способов, в холодных телах внезапно огонь и в теплых великий холод производит. Известно химикам, что крепкие водки, растворяя в себе металлы, без прикосновения внешнего огня согреваются, кипят и опаляющий пар испускают, что чрез слитие сильной селитряной кислости с некоторыми жирными материями не токмо страшное кипение, дым и шум, но и ярый пламень в мгновение ока воспаляется, и, напротив того, теплая селитра, в теплой же воде разведенная, дает толь сильную стужу, что она в пристойном сосуде середи лета замерзнет. Не упоминаю здесь разных фосфоров, химическим искусством изобретен-

ных, которые на свободном воздухе от себя загораются и тем купно с вышепомянутыми явлениями ясно показывают, что свойства огня ничем толь не способно, как химиею, исследовать. Никто ближе приступить не может к сему великому алтарю, от начала мира пред вышним вожженному, как сия ближайшая священница.

Сия есть польза, которую физика от химии почерпает. Сей есть способ, который ясным вещей познанием открывает свет и прямую стезю показывает художествам, в которых сия наука коль непреминуема и коль сильна, кратко показать ныне постараюсь.

Между художествами первое место, по моему мнению, имеет металургия, которая учит находить и очищать металлы и другие минералы. Сие преимущество дает ей не токмо великая древность, которая, по свидетельству Священного писания и по самим делам рода человеческого, неспорима, но и несказанная и повсюду разливающаяся польза оное ей присвоит. Ибо металлы подают укрепление и красоту важнейшим вещам, в обществе потребны. Ими украшаются храмы божии и блистают монаршеские престолы, ими защищаемся от нападения неприятельского, ими утверждаются корабли и, силою их связаны, между бурными вихрами в морской пучине безопасно плавают. Металлы отверзают недро земное к плодородию; металлы служат нам в ловлении земных и морских животных для пропитания нашего; металлы облегчают купечество удобною в сему монетою, вместо скучныя и тягостныя мены товаров. И кратко сказать, ни едино художество, ни едино ремесло простое употребления металлов миновать не может. Но сии толь нужные материи, а особливо большее достоинство и цену имеющие, кроме того что для одобрения нашего к трудам глубоко в земли закрыты, часто внешним видом таятся. Дорогие металлы, смешавшись с простою землею или соединясь с презренным камнем, от очей наших убегают; напротив того, простые и притом в малом и бесприбыточном количестве часто золоту подобно сияют и разностию приятных цветов к приобретению великого богатства неискусных прельщают. И хотя иногда незнающему дорогой металл в горе ненарочно сыскать и узнать случится, однако мало ему в том пользы, когда от смешанной с ним многой негодной материи отделить не умеет или, отделяя, большую часть неискусством тратит. В сем случае коль проницательно и коль сильно есть химии действие! Напрасно хитрая натура закрывает от нея свои сокровища толь презренною завесою и в толь простых ковчегах затворяет, ибо острота тонких перстов химических полезное от негодного и дорогое от подлого распознать и отделить умеет и сквозь притворную поверхность видит внутреннее достоинство. Напрасно богатство свое великою твердостию тяжких камней запирает и вредными жизни нашей материями окружает, ибо, вооруженная водою и пламенем, химия разрушает крепкие заклепы и все, что здравию противно, прогоняет. Напрасно сие руно златое окружает она хоботом толь лютого и страшного дракона, ибо искатель оного, научен незлобивою нашею Медею, ядовитые зубы его выбьет и данными от ней лекарствами от убивающих паров оградится. Сия от

химии польза начинается и в нашем отечестве, и подобное событие в нем исполняется, каковое воспоследовало в Германии, о которой некогда рассуждал древний римский историк Корнилий Тацит. Не могу сказать, написал он, чтобы в Германии серебро и золото не родилось, ибо кто искать их старался? И как там в последовавшие веки великое богатство обретено, что свидетельствуют славные миснийские и герцинские заводы, так и в России того же ожидать должно, а особливо имея к тому не токмо довольные опыты, но и очевидную прибыль. Напрасно рассуждают, что в теплых краях действием солнца больше дорогих металлов, нежели в холодных, родится, ибо по нелживым физическим исследованиям известно, что теплота солнечная до такой глубины в землю не проницает, в которой металлы находятся. И знойная Ливия, металлов лишенная, и студеная Норвегия, чистое серебро в камнях своих содержащая, противное оному мнению показывают. Все различие в том состоит, что там металлы лежат ближе к земной поверхности, чему причины ясно видеть можно. И во-первых, проливаются там часто превеликие дожди и в некоторых местах по полугоду беспрерывно продолжаются, умягчают и размывают землю и легкий ил сносят, оставляя тяжкие минералы; для того тамошние жители всегда после дождливой части года ищут по пристойным местам золота и дорогих камней. Второе, частые земли трясения раздробляют и оборачивают горы и, что во внутренности их произвела натура, выбрасывают на поверхность. Итак, следует, что не большим количеством, но свободнейшим приобретением металлов жаркие места у наших преимущество отъемлют. Но сие северных жителей прилежанием, которым они под жарким поясом живущих превосходят, награждать должно. Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает: простирайте надежду и руки в мое недро и не мыслите, что искание ваше будет тщетно. Воздают нивы мои многократно труды земледельцев, и тучные поля мои размножают стада ваши, и лесы и воды мои наполнены животными для пищи вашей; все сие не токмо довольствует мои пределы, но и во внешние страны избыток их проливается. Того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои драгими сокровищами поту лица вашего не наградили? Имеете в краях моих, к теплой Индии и к Ледовитому морю лежащих, довольные признаки подземного моего богатства. Для сообщения нужных вещей к сему делу открываю вам летом далеко протекающие реки и гладкие снеги зимою подстилаю. От сих трудов ваших ожидаю приращения купечества и художеств, ожидаю вящего градов украшения и укрепления и умножения войска, ожидаю и желаю видеть пространные моря мои покрыты многочисленным и страшным неприятелю флотом и славу и силу моея державы распростереть за великую пучину в неведомые народы. Спокойна буди о сем, благословенная страна, спокойно буди, дражайшее отечество наше, когда в тебе толь щедрая наук покровительница государствует. Изыскал в тебе и умножил великий твой просветитель к защищению твоему твердые металлы; августейшая дщерь

его изыскивает и умножает драгоценные к твоему украшению и обогащения, распространяет с прочими науками и химическое искусство, которое, матерним сея великая монархини попечением утвердясь и ободрясь великодушием, в средину гор проникнет и, что в них лежит без пользы, очистит для умножения нашего блаженства и, сверх сего своего сильного в металлургии действия, иные полезные тебе плоды принести потщится.

Широко распростирает химия руки свои в дела человеческие, слушатели. Куда ни посмотрим, куда ни оглянемся, везде обращаются пред очами нашими успехи ея прилежания. В первые времена от сложения мира принудили человека зной и стужа покрывать свое тело; тогда по первом листия и кож употреблении домыслился он из волны и из других мягких материй приготовлять себе одежды, которые хотя к защищению тела его довольно служили, однако скучливое одним видом человеческое сердце и непостоянная охота требовали перемены, гнушались простою белизною и, пестреющими полями завидуя, подобного великолепия и в прикрытии тела искали. Тогда химия, выжимая из трав и цветов соки, вываривая коренье, растворяя минералы и разными образы их между собою соединяя, желание человеческое исполнять старалась, и тем сколько нас украсила, не требуете слов моих к доказательству, но очами вашими завсегда ясно видите.

Сии химические изобретения не токмо увеселяющие взор наш перемены в одеяниях производят, но и другие склонности наши довольствуют. Что вящее усердие к себе и почитание в нас возбуждает, как родители наши? Что собственных детей своих любезнее в жизни человеку? Что искренних другов приятнее? Но их часто отсутствие в дальних местах или от света отшествие отъемлет из очей наших. В таком состоянии что нас больше утешит и скорбь сердечную умягчить может, как лица их подобие, живописным искусством изображенное? Оно отсутствующих присутствующими и умерших живыми представляет. Все, что долготою времени или расстоянием места от зрения нашего удалилось, приближает живопись и оному подвергает. Ею видим бывших прежде нас великих государей и храбрых героев и других великих людей, славу у потомков заслуживающих. Видим отстоящие в дальних землях пространные грады и великолепные и огромные здания. Обращаясь в полях пространных или между высокими горами, взираем и во время тишины на волнующуюся пучину, на сокрушающиеся корабли или способными зефирами к пристанищу бегущие. Середи зимы услаждаемся видением зеленеющих лесов, текущих источников, пасущихся стад и труждающихся земледельцев. Все сие живописту мы должны. Но его совершенство от химии зависит. Отними искусством ея изобретенные краски, лишатся изображения приятности, потеряется с вещами сходство, и самая живность их исчезнет, которую от них имеют. Правда, что краски не сохраняют своей ясности и доброты толь долго, как мы желаем, но в краткое время изменяются, темнеют и наконец великия части красоты своея лишаются. К кому же для отвращения сего недостатка должно было прибегнуть? Кто изобрести мог к

долговременному и непременному пребыванию живописных вещей средства? Та же химия, которая, видя, что от строгих перемен воздуха и от лучей солнечных нежные составы ее увядают и разрушаются, сильнейшее искусства своего орудия, огонь употребила и, твердые минералы со стеклом в великом жару соединив, произвела материи, которыя светлостию и чистотою прежних в деле превосходят, а твердостию и постоянством воздушной влажности и солнечному зною так противятся, что чрез многие веки нимало красоты своея не утратили, что свидетельствуют прежде тысячи лет мусиею наведенные в Греции и в Италии храмы. И хотя еще в древнейшие времена употреблены были к тому природные разных цветов камни, для того что тогда и в обыкновенной живописи служили натуральные разные земли за неимением красок, искусством составленных, но великие преимущества, которые стеклянные составы перед камнями имеют, привлекли в нынешнее время искусных римских художников к их употреблению. Ибо, во-первых, редко и весьма трудно прибрать можно тени толь многих цветов из натуральных камней, какие в составах выходят по произволению художника. Второе, хотя иногда с великим трудом и приберутся, однако немалые и к другим делам угодные дорогие камни должно портить. Третие, из составов для их большей мягкости отделить и выплавливать части желаемой величины и фигуры, к чему природные камни много поту и терпеливости требуют. Наконец, искусством выкрашенные стекла добротою цвета природных камней много выше изобретены и впредь старанием химиков большего совершенства достигнуть могут. Правда, что камни стеклянную материю твердостию превосходят, но она в сем деле бесполезна, в котором требуется только на солнце и на воздухе цветов постоянно. Итак, не тщетно нынешние мастера в сем деле художество натуре предпочитают, которое меньшим трудом и иждивением лучшее действие производит. Предложив сие едино употребление стекла в живописном художестве, едва могу преминуть, чтобы не показать кратко и другие многие пользы, происходящие от великого сего химического изобретения. Но предложение его требует целого особливого слова, что в сем моем предприятии невместно. Того ради к другим действиям нашей науки, в художествах силу свою являющимся, поспешаю. Но коль широкое пред собою вижу пространство! Еще разные предложат вещи, которые слово мое одна перед другою к себе привлекают. И когда хочу вам представить, сколько в приуготовлении приятных пищей и напитков химия нам способствует, предваряет рассуждение о самих сосудах, из которых мы оными наслаждаемся. Воображается их чистота, прозрачность, блистание и разные украшения, которыми сие искусство вкушаемых сладость усугубляет, соединяя языка и очей удовольствие. Итак, подробным всего исчислением не хочу преодолеть вашу терпеливость, но заключу единым спасительным роду человеческому благодеянием, от химии учиненным.

Коль плачевные приключения и перемены в древние времена по разным странам и коль часто бывали, то не без жалости читаем в истори-

ях, которые повествуют дальних и неведомых народов внезапное нашествие, великих и славных городов в дым и пепел превращение, опустошение сел и целых народов, которые скорому неприятелю не успевали противиться, конечно, разорение и расточение, так что от великого могущества и славы одно только имя осталось. Повествуют наполненные поля многими тысячами побитых и широкие реки кровию и трупами огустевшие, что превосходит вероятность времен наших, в которые толь ужасных примеров не имеем. Однако таковых знатных писателей важность и самые развалины древних городов о справедливости слезных оных позорищ сомнение отъемлют. Откуда же видим вселившуюся между смертными толикую умеренность? Не Орфей ли какой умягчил сладким пением человеческие нравы? Но имеем и в нынешние веки злобною завистию терзающиеся сердца к похищению чужих владения. Не Ликург или Солон строгими законами связал страсти? Но и ныне нередко почитается сильного оружие вместо прав народных. Не великий ли древнего Креза имением многократно превосходящий богач насытил алчное сребролюбие? Но сие подобно пламени, которое, чем больше дров подлагается, тем сильнее загорается. Кто же толь великое благодеяние нам сделал? Кто умалил толь свирепое кровопролитие? Человек простой и убогий, который, убегая своей скудости, следовал издалеча химии к получению достатков неведомыми себе дорогами и в намерении отворить себе вход во внутренность дорогих металлов соединил с угольем серу и селитру и на огонь в сосуде поставил. Внезапно страшный звук и крепкий удар воспоследовал! И хотя сам не без повреждения остался, однако больше того был обрадован надеждою, что он получит сильную и нерушимый металл разрушающую материю. Для того запирал и заклепывал состав свой в твердые железные сосуды, но без успеха. Отсюда произошло огнестрельное оружие, загремели полки и городские стены, и из рук человеческих смертоносная молния блеснула! Что же сие, скажете, не оживляет, но убивает, достигает далее прежнего и сильнее поражает. Отвечаю: тем больше и спасает. Рассудите о сражении, в котором воин против воина, меч против меча, удар против удара в близости устремляются; не в едино ли мгновение ока пасть должно многим тысячам побитых и смертно раненных? Сравните сие с нынешним боем и увидите, что скорее можно занести руку, нежели зарядить ружье порохом и металлом: удобнее ударить в досягаемого неприятеля на ясном воздухе, нежели сквозь дым густой трясущимися от блистания и воздушного стенания руками в отдаленного уметить; ярче возгорается сердце на супостата, которого прямо против себя идущего видеть можно, нежели на закрытого. Сие есть причиною, что нет в нынешние веки Ганнибалов, оному подобных, который с убиенных в едином сражении дворян римских снятые золотые перстни четвериками мерил. Нет бесчеловечных Батыев, которые бы, в краткое время от Кавказских до Альпийских гор протекая, многие земли в запустении полагали. Не смеет внезапный неприятель тревожить покоящихся народов, но боится, чтобы, построенные и снабденные новым сим изобретением

крепости за собою оставив, не токмо своей добычи, но и жизни не лишиться. Напротив того, кто имеет силу такие укрепления разрушать подобным изобретением химии, тот к далеко отстоящим местам нечаянно достигнуть не может; не может увесистым снарядом отягощенное войско долговременным шествием сравниться скороспешному слуху, приходящую беду возвещающему и собирающему народы к своему защищению. Так химия сильнейшим оружием умалила человеческую пагубу и грозою смерти многих от смерти избавила! Веселитесь, места ненаселенные, красуйтесь, пустыни непроходные: приближается благополучие ваше. Умножаются, очевидно, племена и народы и поспешнее прежнего распространяются; скоро украсят вас великие городы и обильные села; вместо зверей диких наполнится пространство ваше глазом веселящегося человека и вместо терния пшеницею покроется. Но тогда великой участнице в населении вашем, химии, возблагодарить не забудьте, которая ничего иного от вас не пожелает, как прилежного в ней упражнения, к вящему самих вас украшению и обогащению. Предложив о пользе химии в науках и художествах, слушатели, предостеречь мне должно, дабы кто не подумал, якобы все человеческой жизни благополучие в одном сем учении состояло и якобы я с некоторыми нерассудными любительми одной своей должности с презрением взирал на прочие искусства. Имеет каждая наука равное участие в блаженстве нашем, о чем несколько в начале сего моего слова вы слышали. Великое благодарение всевышнему человеческий род воздавать должен за дарованную ему к толиким знаниям способность. Большее того приносить должна Европа, которая паче всех таковыми его дарами наслаждается от прочих народов. Но коль горячего усердия жертву полагать на алтарь его долженствует Россия, что он в самое тое время, когда науки после мрачности варварских веков паки воссияли, воздвигнул в ней премудрого героя, великого Петра, истинного отца отечеству, который удаленную от светлости учения Россию принял мужественною рукою и, окружен со всех сторон внутренними и внешними супостатами, дарованною себе от бога крепостию покрывался, разрушил все препятствия и на пути ясного познания оную поставил. И по окончании тяжких трудов военных, по укреплению со всех сторон безопасности целого отечества первое имел о том попечение, чтобы основать, утвердить и размножить в нем науки. Блаженные те очи, которые божественного сего мужа на земли видели! Блаженны и треблаженны те, которые пот и кровь свою с ним за него и за отечество проливали и которых он за верную службу в главу и в очи целовал помазанными своими устами. Но мы, которые на сего великого государя в жизни воззреть не сподобились, сие ныне имеем сильное утешение, что видим на престоле его достойную толикого отца дщерь и наследницу, всемилостивейшую самодержицу нашу. Видим отца боголюбивого дщерь благочестивую, отца-героя дщерь мужественную, отца премудрого дщерь прозорливую, отца, наук основателя, дщерь — щедрую их покровительницу. Видят науки матернее ея о себе попечение со благоговейным усердием желают, чтобы во время благослове-

ния ея жизни и благополучного владения не токмо сие собрание, но и все отечество учеными сынами своими удовольствовано было.

И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Милостивое вашего превосходительства меня письмом напоминовение уверяет к великой моей радости о непременном вашем ко мне снисходительстве, которое я чрез много лет за великое между моими благополучиями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашим отеческим представительством имею, может ли меня отвести от любления и от усердия к наукам, когда меня крайняя бедность, которую я для наук терпел добровольно, отвратить не умела. Не примите, ваше превосходительство, мне в самохвальство, что я в свое защищение представить смелость принимаю. Обучаясь в Спасских школах[1], имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей, кроме меня, не имея, говорил, что я, будучи один[2], его оставил, оставил все довольство (по тамошнему состоянию), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын[3] в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться! После того вскоре взят я в Санкт-Петербург и послан за море, и жалованье получал против прежнего в сорок раз[4]. Оно меня от наук не отвратило, но по пропорции своей умножило охоту, хотя силы мои предел имеют. Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том быть обнадежену, что я все свои силы употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны, и помнили б, что музы не такие девки, которых всегда изнасильничать можно. Оне кого хотят, того и полюбят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны — Невтона, богатого лорда Бойла, который всю свою славу получил употреблением великой суммы, Вольфа, который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство, Слоана в Англии, который

после себя такую библиотеку оставил, что никто приватно не был в состоянии купить, и для того парламент дал за нее двадцать тысяч фунтов штерлингов[5]. По приказанию вашему все исполнить не примину, с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санкт-Петербурга Мая 10 дня 1753 г.

Из письма к И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученное вчерашнего числа от 24 мая письмо вашего превосходительства, в котором я чувствую непременный знак особливой вашей ко мне милости, премного меня обрадовало, особливо тем, что вы объявить изволили свое удостоверение о том, что я наук никогда не оставлю. В рассуждении других не имею я никакого особливого удивления, затем что они имеют примеры в некоторых людях[1], которые только лишь себе путь к счастию учением отворили, в тот час к дальнейшему происхождению другие дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсем оставили, имея у себя патронов, которые у них наук мало или и ничего не спрашивают, и, не как ваше превосходительство в рассуждении меня дел требуете, довольствуются только однем их именем. В помянутых оставивших в своем счастии учение людях весьма ясно видеть можно, что они только одно почти знают, что в малолетстве из-под лозы выучились, а будучи в своей власти, почти никакого знания больше не присовокупили. Я, напротив того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславия, но ради моего оправдания объявить истину), имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы. Ныне, имея к тому по высочайшей е.и.в. милости совершенное довольство вашим отеческим предстательством и трудов моих одобрение ваше и других знателей и любителей наук и почти общее в них удовольствие и, наконец, уже не детское, несовершенного возраста рассуждение, могу ли я ныне в моем мужестве дать себя посрамить перед моим детством ⟨...⟩

Мая 31 дня 1753 г.

Из «Российской грамматики»

Пресветлейшему государю,
великому князю Павлу Петровичу,
герцогу голстейн-шлезвигскому,
сторманскому и дитмарсенскому,
графу олденбургскому
и делменгорстскому и прочая,
милостивейшему государю

Пресветлейший государь, великий князь,
милостивый государь!

Повелитель многих языков, язык российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение в том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности — Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую. Сие невеликое дело в.и.в. принести в дар весьма бы я усумнелся, если бы оно, не считая моего посильного и к отечеству усердного труда, само своею надобностию не подало к тому

смелости. Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак, когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желая, дабы она сиянием, от пресветлого имени в.и.в. приобретенным, привлекла российское юношество к своему наставлению, всеуниженнейше приношу оную в.и.в., преисполнен усердного желания о многолетнем оного продолжении. Всевышний промысл, споспешествующий попечению о вас, великия Елисаветы и дражайших родителей в.и.в., да благоволит укрепить ваше младенчество, просветить отрочество, возвеселить юношество, прославить мужество и продолжить в бодрости премудрую старость. И, когда под вышнего рукою лета ваши процветая купно с общею нашею радостию возрастают, да возрастает и российского слова справность в богатстве, красоте и силе, к описанию славных дел предков наших, к прославлению благословенного дома Петрова и всего отечества, к удовольствию в.и.в. и ваших потомков, которых число да продолжит господь непрерывно вовеки, от искренней верности желаю, пресветлейший государь, великий князь, в.и.в. всенижайший раб

Михайло Ломоносов

Сентября 20 дня
1755 г.

Выписка из журнала Канцелярии АН об устранении «непорядков» в студенческом общежитии

Среда, октября 8 дня, 1757 года.

В Канцелярию Академии наук гг. присутствующие прибыли г. статский советник Шумахер, г. коллежский советник Ломоносов, г. надворный советник Штелин, г. коллежский асессор Тауберт.

Господин коллежский советник и профессор Ломоносов объявил: сего-де числа он, г. Ломоносов, ездил в дом Свято-Троицкой Сергиевой лавры для осмотру академических студентов, в каком оные распоряжении находятся, и усмотрел, что те покои, в которых студенты жительство имеют, в крайней нечистоте, да и студенты содержат себя в непорядке, а понеже они в смотрении поручены г. адъюнкту и Гимназии инспектору Модераху, чего для ему в том доме и отведены покои, и тако происходит оное от несмотрения его, того ради приказали: к нему, Модераху, послать ордер, в котором написать, дабы студентские покои были в чистоте и оные б студенты содержали б себя порядочно, и в том иметь ему крепкое смотрение, а ежели впредь что от несмотре-

ния его произойдет, и за то он, г. Модерах, имеет штрафован быть вычетом из жалованья...

И.Д. Шумахер,
Михайло Ломоносов,
И.Штелин,
Иван Тауберт.
Регистратор *Михайло Фирсов*

Октября 8 дня 1757 г.

Из «Проекта регламента Академической гимназии»

Глава VII

Об узаконениях для гимназистов

§ 75. Каждому гимназисту при поступлении в Гимназию должен быть вручен напечатанный лист, где изложены гимназические узаконения; такой же лист должен иметься в каждом классе для общего сведения, а также должен быть вывешен на стене в каждой комнате гимназистов и в зале, чтобы они не могли отговариваться неведением. Кроме десяти заповедей и церковных заповедей эти узаконения состоят в следующем.

§ 76. При наблюдении заповедей божиих в десятисловии и заповедей церковных, коими обеими любви к богу и ближнему и началам премудрости страха господня научаемся, следует первая гимназистов должность, чтобы к наукам простирать крайнее прилежание и никакой другой склонности не внимать и не дать в уме так усилиться, чтобы рачение к учению урон или малое ослабление потерпело.

§ 77. Учителям оказывать себя весьма вежливо и уклонно, не упрямиться и ни в чем с ними не спорить, а особливо не досаждать грубыми словами, помня, сколько их за наставление почитать должны.

§ 78. Отбегать от ссор междоусобных, а особливо от бесчестных браней и от драк, не попрекать другого природными недостатками и не злобствовать.

§ 79. Весьма беречься, чтобы меж товарищами своими не смущать и не производить ссор и шуму.

§ 80. Не мешать другим в ученьи криком, играньем, стуком, шумом или каким другим образом, чем рассуждение и память в беспорядок приведены быть могут.

§ 81. Гордостию и грубостию никого не огорчать, но больше учтивостью и снисходительством привлекать к своему люблению.

§ 82. Пустых слов, подлых и соромских в разговоре остерегаться, зная, что довольно есть материи говорить о школьном учении и примечания о достопамятных вещах и приключениях.

§ 83. Остерегаться самохвальства, хвастовства, а паче всего лганья, которое часто служит к закрытию злых дел.

§ 84. Когда кто другого изобидит и за то наказан будет, а после снова тому же сделает обиду, показав знак неправедного мстительства, тот двойному наказанию подвержен.

§ 85. Хотя взаимная приязнь гимназистов похвальна и один то изъяснить, чего другой не разумеет, свободно может, однако, когда задана будет школьная экзерциция от учителя или экзаменатора для того, чтобы знать в успехах каждого разность, тогда никто друг другу помогать не должен. Равно как и в то время, когда по спросу учительскому говорит кто свой урок изусть и не знает твердо, близ его сидящий товарищ не должен ему тихонько подшептывать и тем помогать его лености. Такой помощник равному наказанию с незнающим подвержен.

§ 86. Чистоту наблюдать должно не токмо в делах беспорочных, но и при столе, в содержании книг, постели и платьях. Кто внешним видом ведет себя гадко, тот показывает не токмо свою леность, но и подлые нравы.

§ 87. В церкви и в зале на молитве, также и у стола за кушаньем ничего не разговаривать и отнюдь не шуметь, но быть тихим и внимать прилежно пению и чтению.

§ 88. Без инспекторского позволения из Гимназии никуда не выходить и по отпуске приходить на показанный срок точно.

§ 89. Леность всего вреднее учащимся; того ради всячески должно преодолевать оную послушанием, воздержанием, бдением, терпением.

§ 90. Весьма должно блюстись лакомства и гулянья и больше удаляться от неприличного и худого сообщества, которое подать скоро может повод к бездельному и праздному житью, прогуливать школы, не исправлять заданного уроку и, словом, терять золотое младых лет время без приобретения той пользы, которая зрелым и престарелым летам большую приятность и веселие принести может чрез науки, нежели в юношестве игры и праздность.

Марта 24 дня — мая 27 дня 1758 г.

М.В. Головиной

Государыня моя сестрица, Марья Васильевна, здравствуй на множество лет с мужем и детьми.

Весьма приятно, что Мишенька[1] приехал в Санкт-Петербург в добром здоровье и что умеет очень хорошо читать и исправно, также и пишет для ребенка нарочито. С самого приезду сделано ему новое французское платье, сошиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как бы век у нас жил, не показал никакого виду, чтобы тосковал или плакал. Третьего дня послал я его в школы здеш-

ней Академии наук, состоящие под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет у меня обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошенько писать и танцевать. Вчерашнего вечера был я в школах нарочно смотреть, как он в общежитии со школьниками уживает и с кем живет в одной камере. Поверь, сестрица, что я об нем стараюсь, как должен добрый дядя и отец крестный. Также и хозяйка моя и дочь его любят и всем довольствуют. Я не сомневаюсь, что он через учение счастлив будет. И с истинным люблением пребываю брат твой

Михайло Ломоносов

Марта 2 дня 1765 г.
Из Санкт-Петербурга

Я часто видаюсь здесь с вашим губернатором и просил его по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил. В случае нужды или еще и без нужды можете его превосходительству поклониться, Евсей Федорович или ты сама.

Жена и дочь моя вам кланяются.

М. В. Ломоносов об учителе

Выписка из журнала Канцелярии АН о представлении К.-Ф. Модерахом сведений о состоянии гимназии

Понедельник, марта в 3 день 1957 года.

В Канцелярию Академии наук прибыли гг. присутствующие г. статский советник Шумахер, г. коллежский советник и профессор Ломоносов, г. коллежский асессор Тауберт.

В инструкции, которую его сиятельство Академии наук г. президент граф Кирила Григорьевич Разумовский при отъезде своем в Малороссию присутствующим ныне в Академической канцелярии членам оставить изволил, между прочим, написано в 9-м пункте: «При Гимназии всячески наблюдать, чтоб учители были люди способные и рачительные и должности свои исполняли прилежно; которые же явятся неспособны, ленивы и положенные для учения дни и часы прогуливать будут, о таковых так, как и генерально о состоянии Гимназии, инспектору Модераху репортовать в Канцелярию для надлежащего к тому определения, а дабы как учители, так и учащиеся сведомы были о их должностях, то рассмотреть прежний регламент Гимназии, и что в оном по нынешним обстоятельствам требовать будет перемены или пополнения, оное немедленно исправить и, таким образом поставя на твердом основании, прислать ко мне для апробации»; в 18-м: «Приходы и выходы как в Канцелярии, так и во всех академических и художественных департаментах, Университете и Гимназии в положенные дни и часы записывать тем, кому сие поручено будет от Канцелярии, и которые явятся неисправны, о таковых репортовать Канцелярии, которая в учинении за то штрафа поступать имеет по генеральному регламенту без всякого послабления»; в 20-м: «По окончании каждого месяца изо всех академических департаментов подать в Канцелярию обстоятельные репорты обо всем, что в оных происходило, из которых, учиня краткие экстракты, присылать ко мне, дабы я о состоянии всей Академии и о трудах и прилежании каждого известен был»; в 22-м: «Никому из академиков, профессоров и прочих чинов при Академии мимо Канцелярии о делах, до их должности и службы касающихся, прямо ко мне не адресоваться, а представлять о том прежде Канцеля-

рии, которая не должна ничего предать забвению, но ко мне о том писать немедленно»; в 23-м: «В прочем по силе академического регламента всякому надлежит быть в послушании Академической канцелярии, а в противном случае ослушники по указам е. и. в. штрафованы быть имеют». Того ради приказали: к адъюнкту и Гимназии инспектору Модераху послать указ и велеть о вышеписанном объявить ему всем учителям Гимназии, а притом немедленно подать в Канцелярию: 1) список всем учителям в Гимназии с прописанием, кто которого году определен при Гимназии, в каком классе, по скольку дней в неделе и по скольку часов каждого дня учит, каким порядком в учении поступает и каких авторов употребляет, тако ж прилежен ли в должности своей и не прогуливает ли часто положенных для обучения дней и часов; 2) такой же список всем обретающимся в Гимназии ученикам, расписав академических особо, а вольных особо[1] и показав притом, кто с какою наукою вступил в Гимназию, сколько лет во оной учится, какие по сие время успехи показал, каков в поступках, не наказыван ли часто за какие вины, и имеет ли остроту и понятие в науках; все сие представить ему, г. Модераху, Канцелярии по самой правде, как он сам признает, не норовя и не похлебствуя никому; 3) расписание всех классов Гимназии и кто в котором классе в какие дни и часы чему учит, тако ж каким образом из одного класса в другой произвождение чинится; 4) копии со всех инструкций, касающихся до учреждения наук в Гимназии, которые как ему особливо даны, так и от прежних инспекторов ему оставлены; ежели же он имеет при том какие особливые напоминания о нынешних недостатках гимназии и каким образом оные наилучше поправлены быть могут, оное тут же обстоятельно представить. И для скорейшего представления всего вышеписанного употреблять ему в помощь для письма из университетских студентов или учителей Гимназии, кого он за благо рассудит…

И. Д. Шумахер,
Михайло Ломоносов,
Иван Тауберт
Регистратор *Дмитрей Тимофеев*

Марта 3 дня 1757г.

Определение Канцелярии АН о наблюдении за своевременным приходом и уходом учителей гимназии

Его сиятельство Академии наук г. президент в оставленной при отъезде своем присутствующим в Канцелярии инструкции, между прочим, определить изволил, чтобы во всех академических департаментах, в том числе и в Гимназии, приходы и выходы учителей в положенные дни и часы записывать тем, кому сие поручено будет от Канцелярии. А понеже определенному в Университете и Гимназии педелю[1] Горнаку

для лучшего отправления его должности дана нарочно квартера в доме Университета и Гимназии, того ради приказали: 1) к адъюнкту и Гимназии инспектору Модераху послать указ, в котором написать, чтоб он приказал оному педелю ежедневно записывать тех учителей, которые в указанные дни и часы к учению приходить не будут или вовсе оные прогуляют, не объявя ему, Модераху, заблаговременно законной отлучению своему причины, дабы он о смотрении над тем классом мог немедленно учинить надлежащее учреждение; 2) с таких оного педеля записок подавать ему, Модераху, при окончании каждой недели репорт формою табели в Канцелярию, а оную записку чинить по сущей правде и без всякого пристрастия, не затевая ни на кого напрасно, но и не норовя никому и не принимая в отговорку незнания точного времени или часов, ибо всегда лучше, чтоб учитель за полчаса ранее пришел в класс, нежели чтоб ученики в ожидании его праздны находились; 3) доколе учители все не придут в классы, переходить педелю беспрестанно из одного класса в другой и смотреть, чтоб собравшиеся к учению ученики содержали себя благочинно и каждый делал то, чему учится, также и на двор выбегая, не резвились как во время самого учения, так и в праздные между утренним и полуденным учением часы; 4) которые учители живут за рекою, тем объявить, чтоб они во время опасного переходу при вскрытии реки и когда лед становится, переходили на Васильевский остров, ибо сие от них в отговорку принято не будет, когда за таким их отлучением классы праздны останутся; 5) наблюдать всячески чистоту в классах и педелю подтвердить, чтоб он в том за сторожами имел крепкое смотрение.

И. Д. Шумахер,
Михайло Ломоносов,
Иван Тауберт.
Регистратор *Дмитрей Тимофеев*

Марта 6 дня 1757 г.

Указ Канцелярии АН конференц-секретарю Г.-Ф. Миллеру о недостаточно внимательной проверке знаний иностранных домашних учителей

Указ е. и. в. самодержицы всероссийской из Канцелярии Академии наук г. конференц-секретарю и профессору Миллеру. Во оной Канцелярии усмотрено: 1) что многие учители приходят, которые ничего, кроме своего природного языка не знают и правил грамматических никогда не учились, и таким учителем всякому легко быть можно, и ежели так экзаменовать, то все получат аттестаты и от Академии будут учительми больше утверждены, нежели в силу указа по достоинству рассмотрены; 2) аттестаты даются весьма нетвердые и в сомни-

тельных терминах, так что из аттестату можно заключить, что один человек достоин и недостоин; 3) примечено, что вы экзаменуете во французском языке, которое б надлежало г. профессору Штрубу, и так каждый в своем природном языке, и кто в чем сильнее — экзаменовал бы и в кратких терминах каждый г. экзаменатор дал свое мнение письменно, с которых вам подавать в Канцелярию репорт с своим мнением. И г. конференц-секретарю в Канцелярию репорт с своим мнением. И г. конференц-секретарю и профессору Миллеру чинить о том по сему е. и. в. указу.

Михайло Ломоносов.
Регистратор *Дмитрей Тимофеев.*
Канцелярист *Александр Посников*

Июня 17 дня 1757 г.

Из «Проекта регламента Академической гимназии»

Глава VIII

Об обязанностях учителей

§ 91. Учителям следует прежде всего заботиться о том, чтобы в течение каждого полугодия, а именно с Нового года до Петрова дня и с 20 июля до Нового года, доводить свои лекции до конца, не прерывая экзаменами и переводами ни заучивания школьниками текстов, наизусть, ни своих объяснений по учебникам и по авторам и не прекращая этого раньше срока. Учителя должны поэтому перед началом каждого полугодия распределить лекции и рассчитать время так, чтобы и не перебременять учащихся выше меры и не создавать им слишком легких условий.

§ 92. Учителя обязаны приходить в классы вовремя и в начале каждого урока спрашивать гимназистов, знают ли они заданное, принесли ли с собой приготовленные уроки, и наказывать приватно тех, кто не выполнил положенного ему. Если в классе так много гимназистов, что спрашивать уроки у всех отняло бы слишком много времени, то учитель может вызвать кого-нибудь одного по своему выбору, причем каждый должен быть готов к тому, что его неожиданно спросят и ему нужно будет отвечать.

§ 93. Из числа лучших и исправнейших учеников своего класса учитель может выбрать себе в помощь аудиторов, которые спрашивают у других заданные уроки и указанным выше способом отмечают это в месячных табелях еще до прихода учителя. Последний должен сразу же просмотреть их записи, а нерадивых спросить и наказать.

§ 94. Спросив уроки, они должны сразу же отчетливо объяснить дневное задание, следя за тем, чтобы ученики точно его записали.

§ 95. Если после объяснения урока остается еще время, учителя

должны задавать гимназистам, смотря по особенностям класса, короткие задания с тем, чтобы они выполняли таковые в их присутствии, не спрашивая друг друга и не заглядывая в книгу. При этом учитель должен присматриваться к способностям учеников и знать их успехи, чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого.

§ 96. В низших классах учителя должны больше налегать на практику и не перегружать слабых умов трудными правилами; в средних нужно объяснять более легкие правила, в высших — более трудные.

§ 97. Если гимназист, в особенности такой, который подает надежды, пропустит что-либо по болезни, то должен учитель повторить толкование тех лекций, которых он не слушал, что и прочим учащимся не вредно. Сие чинить он еще паче должен ради двух или многих, однако такой репетиции не делать, ежели пропустил кто больше двух недель, и в таком случае должен гимназист просить учителя, чтоб он для него потрудился приватно.

§ 98. В нижних классах принятых учеников не с начала лекциям обучать особливо.

§ 99. Учители с учениками не должны поступать ни гордо, ни фамильярно. Первое производит к ним ненависть, второе — презрение. Умеренность не даст места ни тому, ни другому, и, словом, учитель должен не токмо словами учение, но и поступками добрый пример показывать учащимся.

§ 100. Что здесь вообще предписано учителям, то надлежит наблюдать и самому ректору, поелику он есть учитель.

Глава IX

О должности инспекторской и ректорской

§ 101. Первая должность инспекторская и ректорская — наблюдать во всей Гимназии учрежденный по регламенту порядок: для того осматривать или, ходя по школам, по камерам гимназическим и в столовый зал во время обеда или ужина, прилежание учеников и учителей, чистоты в камерах, и кушанья и питья у стола. Ректору дважды в неделю, первый раз в понедельник, а другой раз, когда сам себе по произволению день выберет, чтобы гимназисты, не зная его прихода, всегда оного чаяли и поступали исправно. А когда обстоятельства потребуют, то и больше, раз смотр ректорский полезен. Прилежное и частое его надзирание всегда нужно. Инспектор на каждую неделю должен все вышеписанное осмотреть трижды в те часы и дни, когда он рассудит, один или с ректором. Сверх положенного числа инспекторские смотры чем чаще, тем полезнее.

§ 102. Приходя для осмотру школы, должны прилежных учеников похвалять и ободрять, ленивых и неисправных журить и грозить наказаниями. А кто из них провинился так, что действительно на теле наказан должен быть, тому учинить школьное наказание лозами через сторожа по инспекторскому и ректорскому рассмотрению. А самому учи-

телю на теле наказывать умеренно, а особливо не бить по лицу и по голове и не драть за волосы и за уши. Сие все для того запрещается, что запальчивые учители по горячности легко переходят границы и могут причинить вред здоровью юноши. Учитель может наказывать словами и достаточно убедительно ставить на вид ученикам их ошибки и плохое поведение, но не должен пускать в ход постыдные или непристойные слова.

§ 103. Ни инспектор, ни ректор не управомочены делать выговоры учителям, а в особенности бранить их в присутствии учеников, чтобы последние не потеряли должного к ним уважения. Поэтому, если они заметят у учителя какие-либо недостатки, они должны потребовать от него объяснения у себя дома приватно, а если не последует улучшения, доложить об этом Канцелярии.

§ 104. Им нужно наблюдать за тем, чтобы учителя являлись в точности к назначенному времени и вовремя уходили, для чего в Гимназии должны звонить: первый раз — в 7 часов, второй раз — в четверть 8-го, 3-й раз — в 11 часов, в знак того, что классы расходятся. Ректор должен отмечать тех, кто приходит после второго звонка, о чем ему обязан докладывать сторож. Если ректор заметит, что с каким-нибудь учителем это случается часто, он должен приватно поставить ему на вид; а если тот не исправится, доложить Канцелярии, которая накажет его за это вычетом из жалованья.

§ 105. Состояние гимназистов во многом зависит от состоящих при Гимназии надзирателей, а поэтому и ректор, и даже инспектор должны наблюдать за их поведением, не предаются ли они пьянству или другим порокам, и, если такое за ними замечается, немедленно докладывать Канцелярии, которая их удалит, дабы они не соблазняли юношей.

§ 106. Если у гимназистов в классах, в комнатах или за столом происходят непорядки или шум, об этом сейчас же должно быть доложено инспектору, чтобы он мог это прекратить, а затем вместе с ректором выяснить дело и наказать; если же того требуют обстоятельства, он должен сообщить об этом Канцелярии.

§ 107. Если кто из учителей заболеет, ректор должен назначить в этот класс другого учителя или потребовать из Университета способного студента; в случае нужды даже гимназист старшего класса может давать уроки в младших и средних классах, если ректор сочтет это полезным. При этом, однако, нужно следить за тем, чтобы никому не преграждалась дорога.

§ 108. Материалы для публичных упражнений выбираются инспектором при участии ректора. Таким же образом выбираются для этой цели и гимназисты, которые представляются затем на утверждение Канцелярии. Награды должен раздавать инспектор с согласия Канцелярии.

§ 109. Инспектор должен при содействии ректора сличать табели истекающего полугодия с табелями предшествующего полугодия, чтобы ознакомиться таким образом с успехами и способностями учеников и с тем, кто из них стал лучше или хуже, кто заслуживает перевода

и кто оставления в классе, кого можно принять в комплект на жалованье и кого совсем исключить из Гимназии; а затем на экзаменах убедиться, кто может исполнить то, что отмечено в табелях.

§ 110. На экзамене инспектор должен вместе с назначенными для того профессорами задавать вопросы гимназистам, и ректор тоже экзаменует их, но не по своему, а по другим классам, так как свои классы не должен экзаменовать ни он, ни другие, подчиненные ему учителя.

§ 111. В первый день следующего полугодия инспектор и ректор должны переводить учеников из одного класса в другой и передавать их учителям.

§ 112. Дружба и единение являются при всех совместных действиях сильнейшими средствами к благополучному их выполнению. Поэтому инспектор и ректор должны стараться поддерживать между собою доброе согласие. Инспектор в качестве высшего лица может, не поступаясь своими правами и старшинством, оказывать ректору услуги, а ректор хоть ему и подчинен, однако предоставленная ему в Гимназии власть не терпит от того никакого урона.

Марта 24 дня — мая 27 дня 1758 г.

Определение Канцелярии АН об утверждении преподающих в гимназии студентов в должности учителей

Академии наук адъюнкт и инспектор г. Модерах репортом представляет, что некоторые из студентов находятся при Гимназии в должности учителей и обучают разные классы, а именно: Игнатей Терентьев — арифметический, Семен Веденский — средний российский, Иван Прыткой — нижний российский класс; оные же студенты желают и просят, чтоб их из числа студентов выключить и определить настоящими при Гимназии учителями с произвождением жалованья против прочих учителей, дабы они тем побуждаемы были к наивящей ревности и прилежанию в отправлении положенной на них должности. А по мнению его, оных студентов справедливо и для Гимназии полезнее, чтобы они определены были учителями, также, смотря на их состояние, кажется, что большой в том надобности нет, что им остаться далее в студентах, ибо от Терентьева и Прыткова как по их летам, так и по природным их дарованиям нельзя ожидать дальних и великих в науках успехов, а Семену Веденскому, хотя ныне и определен будет учителем, сия должность не помешает упражняться далее в науках, к которым он по остроте его ума пред другими способен. А по справке в Академической канцелярии объявленные студенты при Академии находятся: Терентьев — с 1748 года, Веденский — с 1749, Прыткой — с 1748 года, а жалованье производится им помесячно. А понеже оным

студентам вновь учрежденные г. коллежским советником и профессором Ломоносовым классы необходимо обучать должно, того ради приказали: им всем троим быть Гимназии учителями и из студентов их выключить, а жалованье производить им, Терентьеву и Веденскому, каждому по сту по двадцати рублев, Прыткому по сту рублев в год по третям, начав будущего 1759 года генваря с первого числа, и привесть их к присяге. И о том к г. Модераху и к комиссару Панкратьеву о непроизвождении более помесячно жалованья послать ордеры, а адъюнкту Модераху подтвердить, чтоб он за ними имел крепкое завсегда смотрение, чтоб оные вели себя порядочно и о прилежании их всегда Канцелярию репортовать.

Граф К. Разумовский
И. Д. Шумахер,
Михайло Ломоносов,
Иван Тауберт,
И. Штелин.
Регистратор *Дмитрей Тимофеев*

Декабря 12 дня 1758 г.

М. В. Ломоносов как организатор науки и просвещения

К. Г. Разумовскому

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Кирила Григорьевич!

Ведая, что ваше сиятельство имеете к наукам любовь и ревность, равную той власти, которая вам поручена от всемилостивейшей монархини нашей к правлению и распространению оных, принимаем дерзновение утруждать ваше сиятельство вторичным поданием нижайшего нашего прошения о рангах. И как мы надеемся, что наше нижайшее прошение справедливо, так и уповаем несомненно, что вашего сиятельства праведное изволение на то к совершенному нашему удовольствию воспоследует. Ваше сиятельство чрез особливую е. и. в. к вам высочайшую милость имеет случай в рассуждении сего сделать два великие дела, то есть, исходатайствовав нам ранги, умножить в российском народе почтение и охоту к наукам, а себе тем приобрести вечную славу. Что честь Академии наук вашему сиятельству любезна и что оная по вашем сиятельстве, яко главе, состоит в ее членах, сего никто не оспорит. Того ради отнюдь не сомневаемся, что ваше сиятельство долее не допустит, чтобы мы почитались в однех рангах с теми, которые и с адъюнктами нашими учением сравниться не могут, каковы Морской академии учители. Все природные и чужестранные в службе е. в., кроме нас, почтены пристойными рангами. Того ради вашему сиятельству приносим всепокорнейшее прошение, чтобы и мы вашего сиятельства милостивым предстательством той же е. в. высочайшей милости наслаждаться удостоены были. За такое вашего сиятельства милостивое ходатайство благодарность членов Академии дотоле продолжится, пока Академия наук здесь процветать будет, а наша искренняя к вашему сиятельству ревность в том непрестанно простираться будет, чтоб мы достойны всегда были вашего великодушия.

Сиятельнейший граф,
милостивый государь,
вашего сиятельства
всепокорнейшие и послушные слуги
Академии наук профессоры

Июля 12 дня — сентября 3 дня 1748 г.

В. К. Тредиаковскому

Государь мой Василий Кирилович!

Вы изволили мне объявить словесно, что в Собрании требуют от меня мнения о университетском регламенте. То я оное кратко объявляю и думаю, что в Университете неотменно должно быть трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых бы производились в магистры, лиценциаты и докторы. А ректору при нем не быть особливому, но все то знать эфору или надзирателю, что в внесенном в Историческое собрание регламенте на ректора положено, ибо ректор в Университете бывает главный командир, а здесь он только будет иметь одно имя. Не худо, чтобы Университет и Академия имели по примеру иностранных какие-нибудь вольности, а особливо, чтобы они освобождены были от полицейских должностей.

Что ж надлежит до стихов Александра Петровича[1], то, не имея к себе прямо ордера, в Канцелярию репортовать не могу; но только на ваше письмо вам ответствую и думаю, что г. сочинителю сих эпистол можно приятельски посоветовать, чтобы он их изданием не поторопился и что не сыщет ли он чего-нибудь сам, что б в рассуждении некоторых персон отменить несколько надобно было. Присылая его стихи, остаюсь

ваш государя моего
на подлинном подписано
тако:
Михайло Ломоносов

Октября 12 дня 1748 г.

Дополнение к мнению о проекте нового университетского регламента

Прибавление к моему мнению о университетском регламенте

Студентов разделить на три класса: первого класса студенты ходят на все лекции, для того чтобы иметь понятие о всех науках и чтобы всяк мог видеть, к какой кто науке больше способен и охоту имеет; второго класса студенты должны ходить на лекции только того класса, в котором их наука; третьего класса студенты те, которые определены уже к одному профессору и упражняются в одной науке. Сим последним должно, по моему мнению, определить ранг армейского прапорщика, а производить их в временные переводчики в поручический ранг, а из них — в адъюнкты.

Профессор *Михайло Ломоносов*

Декабря 7 дня 1748 года

И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату, к великой моей радости, я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради, ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

1. Главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план Университета служил во все будущие роды. Того ради, несмотря на то что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно проняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберется. Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели, сделав ныне скудный и узкий план по скудости ученых, после как размножатся, оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2. Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах.

В юридическом три

I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи.

II. Профессор юриспруденции российской, который кроме вышеписанных должен знать и преподавать внутренние государственные права.

III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прешедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В медицинском три

I. Доктор и профессор химии.

II. Доктор и профессор натуральной истории.

III. Доктор и профессор анатомии.

В философском шесть

I. Профессор философии.
II. Профессор физики.
III. Профессор оратории.
IV. Профессор поэзии.
V. Профессор истории.
VI. Профессор древностей и критики.

3. При Университете необходима должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян. О ее учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу, непременно с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Июня-июля 1754 г.

Всенижайшее мнение о исправлении Санкт-Петербургской императорской Академии наук

1

Е. и. в. всемилостивейшая государыни нашея о благополучии наследного государства попечение и великодушная щедрота простирается как всеобще чрез целое отечество, равным образом и на каждое из государственных дел отправлению учрежденное место; кроме многих других свидетельствует императорская Академия наук, которую, дабы восстановить от прежнего испорченного состояния и мало полезного поведения, матерним милосердием и щедролюбием движима, прибавлением великой суммы оную снабдеть и регламентом утвердить всемилостивейшее попечение возыметь благоволила.

Успехи толь великодушного и беспримерного снабжения весьма бы должны быть через семь лет чувствительны и очевидны. Правда, что некоторые вначале стали было отказываться, однако так малы, что не токмо толь великой сумме не могут соответствовать, но и в сравнении с уронами, с другой стороны приключившимися, едва ли оные наполнить могут. Словом, по оказании толь высокой и бесприкладной милости е. в. академическое состояние ни мало не исправилось, но больше прежнего к падению и конечному разрушению приближалось, что необходимо требует наискорейшего исправления. Сие как бы в дело произвести с желаемым успехом:

1) должно рассмотреть самые недостатки и упадку;

2) показать оного упадку и недостатков происхождение и причины;

3) дать способ к оных отвращению и к исправлению всего корпуса.

1. Главное дело и самое основание и начало к происхождению ученых россиян — Гимназия пришла в худшее состояние, нежели прежде. Ясное сему есть доказательство, что по сие число в семь лет ни един школьник в достойные студенты не доучился. Аттестованные приватно прошлого года семь человек латинского языка не разумеют, следовательно, на лекции ходить и студентами быть не могут, что на экзамене в собрании оказалось.

2. Набранные из синодальных школ — из Спасской, Новгородской и Невской студенты 1748 года ни единого не чинят Академии преимущества перед набранными прежде нового штата в 1732 и 1736 годах. Для всех лекции только на время начинались и без продолжения прекратились, всех происхождение и произведение есть равное.

3. Академические собрания были полнее и порядочнее. Ныне для недостатка нужных профессоров весьма неполны и беспорядочны, ибо нет высшего математика, географа, физика, ботаника, механика.

4. Печатание книжное и торг едва может ли с прежним худым сравниться.

5. Старых долгов не токмо многие тысячи не заплачены, но и вновь беспрестанно прирастают, а особливо неплачение обещанного награждения чужестранным членам, что именным е. в. указом особливо повелено было.

6. Библиотека и Кунсткамера имеют расположение толь же худо, как и прежде. Не упоминаю о недостатках, которые воспоследовали от пожара, крайним небрежением воспоследовавшего.

7. Художества, а особливо грыдорование немалое имеет приращение. Однако не токмо положенная на то в регламенте чрезвычайно великая сумма исходит, но и сверх оной вся прибыль, что от художеств собирается, употреблена бывает, что в рассуждении несравненной пользы, от Академии и от Университета ожидаемой, весьма непропорционально.

Сии недостатки никогда бы не были столь велики и никаким бы партикулярным пристрастием или интересом желанное приращение наук не могло бы пресекаться и приходить в непорядок, когда бы в Академическом регламенте узаконения были на все случаи довольны и утверждены толь неподвижно, чтобы их никто не мог переменять или толковать по своему произволению.

Правда, что Академический регламент апробован и подписан высочайшею е. и. в. рукою, и ради того почитать должно оный свято и во всех академических поведениях ему согласоваться, но 1-е, многие примеры не токмо вне, но внутрь России имеем, что премудрые государи, усмотрев лучшее, узаконения свои отменяли; 2-е, в последнем пункте Академического регламента позволяется президенту чинить отмены, из чего явствует, что оный регламент за совершенный не признается; 3-е, что в оном учреждении Университетского регламента и Гимназии ничего не содержится, что необходимо нужно и медления отнюдь не

терпит; не упоминаю, что он без предписания высочайшего титула е. и. в. напереди, как все прочие регламенты и узаконения; 4-е, яснее всего доказывают сие многие важные отмены пунктов в разных случаях. Сие рассуждая и видя, что толикое множество казны е. в. без желаемого успеха исходит, а паче всего высочайшее благоволение и матернее намерение и желание по надлежащему не исполняется, по всеподданнической моей должности и по усердной любви к отечеству приемлю дерзновение предложить: 1) недостатки Академического регламента; 2) как он исправлен и в требуемое совершенство приведен быть может.

2

Для всякого предприемлемого важного дела должно полагать наперед непоколебимые основания и предписывать неложные правила, дабы в произведении оных не подвергнуться каким преткновениям, не просмотреть ничего нужного и не употребить бесполезного. Учреждение императорской Академии наук простирается не токмо к приумножению пользы и славы целого государства, но и к приращению благополучия всего человеческого рода, которое от новых изобретений происходит и по всему свету расширяется, о чем внешние академии довольно свидетельствуют. Того ради, приступая к оному, должно положить вначале общие основания, на которых утвердить и расположить всю сего великого государственного и полезного учреждения систему, ибо без оных все должно быть зыблемо и к старому падению и разрушению склонно.

Оные основания в следующих пунктах кратно предлагаются.

1. Регламент академический таким образом сочинен и расположен быть должен, чтобы он всегда имел свою силу и всякому будущему времени был приличен и согласен и везде полезен. Того ради не должно смотреть на лицо, заслуги и недостатки тех, которые находятся в Академии при нынешнем состоянии, ниже на поведения и поступки или обстоятельства.

2. Дабы Академия не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оных и распространять по всему государству.

3. При сочинении регламента должно прилежно смотреть на учреждения славных академий в других государствах, из давних времен процветающих, как добрые примеры, выключая то, что с прочими узаконениями Российского государства не согласуется.

4. Между равными, а особливо между вышними чинами были бы всегда дружба и согласие, от нижних к высшим — пристойное почтение, от подчиненных к начальникам — законное послушание. Все сие к беспрепятственному приращению наук и к приобретению от народа к ним почтения и любления необходимо нужно.

5. Дабы добрые имели одобрение, а злые — страх, должно определить по мере заслуг награждения, по мере преступлений наказания, но так, чтобы излишеством воздаяний не привести к высокоумию и лености, безмерным истязанием — к подлости и отчаянию.

6. Да бы Академический регламент был наблюдаем строго и порядочно, для того положить учреждения, никогда и никем не отменяемые без высочайшего монаршеского повеления, по примеру других команд, и предписать точно пределы, до которых главные командиры в потребных обстоятельствах отмену учинить могут и что с общего членов согласия, что сами собою.

7. Дабы в произведении и содержании разных академических департаментов и наук было полагаемо равномерное попечение и наблюдалась бы надлежащая пропорция. В противном случае будет Академия подобна некоторому безобразному телу, которое от болезни, неровное питание в членах производящей, имеет те части больше и тучнее, которые в здравом состоянии должны быть равны или еще и меньше.

3

Сочинитель апробованного Академического регламента, о котором профессоры не знали, при начинании оного не имел пред собою таковых необходимо нужных оснований, что из следующих ясно усмотреть можно.

1. Большая часть штата расположена по бывшему прежде в Академии, до прибавления суммы, по большей части испорченному состоянию. Например:

В департаментах

1. Канцелярия вовсе излишна. В других государствах отнюдь их нет при таковых корпусах. Однако была и затем не токмо оставлена, но и больше власти получила к уничтожению профессорского достоинства.

2. Российского собрания, нужного весьма учреждения, тогда не было; следовательно, в регламенте и не упомянуто.

В персонах

1. В астрономическом классе положен калкулатор только для того, что был тогда профессор Винсгейм, который только к тому и способен. В других академиях и имени того нет.

2. Ректором университета положен историограф, то есть профессор Миллер, затем что он тогда был старший. И если бы Миллер был юрист или стихотворец, то, конечно, и в штате ректором был бы положен юрист или стихотворец. После перемен и сделан ботаник.

3. Историографу придан переводчик китайского и манчжурского языков, то есть переводчик Россохин. Но если бы он знал вместо китайского и манчжурского языков, например, персидский и татарский, то бы, конечно, положен был в штате переводчик персидского и татарского языков.

4. В Канцелярии члены положены советник и асессор, которые в науках и в языках некоторое понятие имеют, то есть Шумахер и Теплов. Но если б оба они были люди великого учения и Теплов бы был уже тогда советником, то б, конечно, в стате положены были в Канцелярии два советника, в высоких науках весьма искусные.

5. В европейских государствах, которые ради отдаления меньшее сообщение с азиатскими народами имеют, нежели мы по соседству, содержатся при университетах профессоры ориентальных языков. Но

в академическом стате оный не положен, затем что тогда его в Академии не было.

В жалованье

1. Каждая наука в Академии имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство знания и неравенство. Итак, вообще рассуждая, должно всем положить в штате равное жалованье, ибо для неравности положенного жалованья студенты больше будут стараться о тех науках, где профессору больше жалованья положено, что уже и примером оказалось, ибо, ведая что и высшему математику жалованья положено 1800 рублев, а химику — 860, и притом алгебраист, сидя в своей камере или в саду, может свое дело исправлять, а химик, напротив того, должен в дыму, в пыли и вредных парах обращаться, все лучшие студенты к математике прилагают старание, от химии удаляясь. Причина сего, что сочинитель в определении жалованья, положенного в штате, смотрел на тогдашние обстоятельства. И алгебраисту положено жалованье 1800 рублев для Ейлера или Бернуллия, астроному — 1200, чтоб славного человека приласкать в Россию, анатому — 1000 рублев для Бургава, прочим — по 860 и 660 рублев не по достоинству и трудности самой науки, но по обстоятельствам особ, которые тогда оные профессии имели. Однако если бы Ейлер (или Бернуллий) был таков химик, каков он математик, то, без сомнения, было бы химику положено жалованья в штате 1800 рублев.

Из сих примеров явствует, что академический штат сочинен по большей части, взирая на персоны и обстоятельства тогдашнего времени. Следовательно, во все будущие времена служить не может, что весьма противно первому основанию.

2.Основание о произведении и размножении ученых людей в России не токмо весьма мало наблюдаемо было, но и совсем оному в противность поступано быть кажется. Например:

1) Во всех европейских государствах позволено в академиях обучаться на своем коште, а иногда и на жалованье всякого звания людям, не выключая посадских и крестьянских детей, хотя там уже и великое множество ученых людей. А у нас в России при самом наук начинании уже сей источник регламентом по 24[1] пункту заперт, где положенных в подушный оклад в Университет принимать запрещается. Будто бы сорок алтын толь великая и казне тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобретение ученого природного россиянина и лучше выписывать! Довольно бы и того выключения, чтобы не принимать детей холопских.

2) Профессоры в других государствах, невзирая на их великое довольство, имеют, во-первых, чины знатные и всегда выше или по последней мере равно коллежским асессором считаются, второе, ободряются к прилежному учению не токмо произведением в чины, но и возвышением в знатное дворянство, так что нередко бывают за особливое достоинство произведены по первому в тайные советники, по второму в фрейгеры или в бароны. Здесь правда, что ободрение от произведения по высочайшей милости е.в. с радостию видим, однако,

что до первого надлежит, капитанские чины профессорам малы, а адъюнктам и никаких нет, о чем в регламенте и в штате не токмо по-прежнему оставлено, но и почти вся надежда отнята к их происхождению в высшие чины по 10-му пункту. Напротив того, канцелярским членам и другим чинам положены пристойные ранги к унижению профессорского достоинства и, следовательно, и к помешательству в размножении учения. Сие также немало препятствует, что дворяне больше записывают детей своих в кадеты, нежели в Академию, ибо, положив многие труды и годы на учение, не имеют почти никакой надежды произойти как только до капитана, да и то с трудом.

3) Каждому академику положено упражняться в своей профессии, а в чужую не вступаться. Сие ограничено весьма тесно, ибо иногда бывает, что один академик знает твердо две или три науки и может чинить в них новые изобретения. Итак, весьма неправильно будет, ежели когда астроному впадает на мысль новая физическая махина или химику труба астрономическая, а о приведении оной в совершенство и описании стараться ему не позволяется и для того о том молчать или другому той профессии уступить и, следовательно, чести от своего изобретения лишиться принужден будет. Сие немало распространению знаний может препятствовать и для того некоторыми правилами изъяснено быть должно.

4) Больше всего препятствуют приращению наук и размножению людей ученых весьма малое число студентов и школьников в рассуждении толь великой суммы, на Академию положенной, и беспропорциональное разделение студентов и школьников, ибо всех их только 50 человек, которых число по примеру кадетских корпусов много больше быть должно. Сверх сего, школьников много меньше, нежели студентов, что совсем противным образом быть должно, затем что не всякий школьник произойти может в студенты, как не всякий студент — в профессоры. Посторонние вольные школьники тому не замена, затем что должны быть и студенты вольные и посторонние, безжалованные.

5) Таковые студенты числятся по университетам в других государствах не токмо стами, но и тысячами из разных городов и земель. Напротив того, здесь почти никого не бывает. Причина сего весьма видна и явственна, ибо здешний Университет не токмо действия, но и имени не имеет. Но когда бы здешнему Университету учинена была инавгурация, то есть торжественное учреждение, как то в других государствах водится, и на оном бы программою всему свету объявлены были вольности и привилегии, которыми Университет пожалован: в рассуждении профессоров, какую имеют честь, преимущество и власть и какие нужные науки преподавать и в какие градусы аттестовать и производить имеют, в рассуждении студентов, какие имеют увольнения, по каким должны поступать законам, и как могут происходить в градусы и какие преимущества обученные в Университете перед неучеными в произвождении иметь будут, — все сие когда б учинено было, то, конечно, Университет Санкт-Петербургский был бы доволен и вольными студентами, которые купно с содержащимися на жало-

ванье могли вскоре не токмо Академию удовольствовать, но и по другим командам распространяться.

3. Хотя из вышеписанных уже ясно видеть можно, что при сочинении Академического регламента и стата мало смотрено на достохвальные учреждения академий и университетов в чужестранных государствах, однако еще немало других есть сего доказательств.

1) В европейских государствах университеты разделяются на 4 факультета: богословский, юридический, медицинский, философский. Здесь, хотя богословский оставляется Святейшему Синоду, однако прочих трех порядочное учреждение необходимо нужно: 1) для обучения студентов прав вообще, также европейских и российских, для умножения в России российских докторов и хирургов, которых очень мало, для приумножения прочих ученых, которые в философском факультете заключаются; 2) для порядочного произведения в градусы, чтобы произведенный в Санкт-Петербургском университете порядочным и обыкновенным у других образом, например доктор медицины, признаваем был за доктора во всех государствах, 3) чтобы в трудных судебных, медицинских и других делах можно было в другие команды из Академии требовать по факультетам мнения, как то обыкновенно в других государствах трудные судебные, медицинские и другие дела по академиям и университетам для совета сообщаются. О сем нужном и полезном учреждении в академическом штате и регламенте ничего не упомянуто.

2) В университетах ректорам как велика власть дается, так и недолго поручается. Ректор имеет власть живота и смерти над студентами и на всякую полгода переменяется по избранию. Здесь должно или имя иное оставить, или учинить по-иностранному, однако из сих ни одного не сделано. Я предложу о сем в другой части, что и с иностранными обыкновениями сходствовать, и российским узаконениям не противно будет.

3) О произвождении в градусы, о публичных экзерциях студентов и о лекциях профессорских в регламенте ничего не предписано, что, однако, необходимо нужно и, в других государствах происходя порядочно, великое ободрение наукам и честь приносит.

4) Академический корпус составляется, 1) ради того чтобы изобретать новые вещи, 2) чтобы об них рассуждать вместе с общим согласием. Но рассуждения быть общие не могут, ежели о достоинстве изобретения один только знание имеет. Например, во всем собрании только один ботаник, следовательно, что он ни предложит, то должно рассудить за благо, как бы оно худо ни было; затем что один только ботанику разумеет. Следовательно, и собрания академиков тщетны. Итак, в других академиях каждая профессия имеет в одной науке двух или трех искусных, чего в новом регламенте отнюдь не упомянуто и ни самого дела, ниже примеров в рассуждение не принято.

4. Штат академический хотя сам положенной суммы не превосходит, однако для недостаточных узаконений и для данной великой свободы оные переменять по произволению к тому дали причину, что не

токмо без нужды набранными людьми сумма отягощена, а годных положенного числа нет, но и старые долги не выплачены и новые прирастают. Что ж до прибыли надлежит, которая от художеств, а особливо до типографии надлежит, о том, как умножить, расположить и получать великую пользу, нет в регламенте никаких учреждений. Коль великая государственная от сего прибыль, польза и слава оставлена в небрежении, о том в учреждении Академии художеств[2]. Имея одну типографию во всем государстве, могло бы много остаться суммы в 7 лет: хотя бы по 10000, было б уж 70000...

Против 6-го основания

Для дружбы, для повелительства, для послушания должны служить: 1) всегда взаимно соответствующие и общими силами производимые труды; 2) известные каждому ранги и команды; 3) члены и другие служители, всяк в своем деле искусные.

В Академическом регламенте положено, что профессору одной профессии нет дела до другой. Сей пункт разрушает общество академических конференций: 1) в советах и рассуждениях; 2) в трудах тех профессоров, которые больше, нежели одну науку, знают; ибо ежели астроном знает физику или химию или ботанику, не должен сочинять диссертаций физических, химических или ботанических, хотя что новое найдет, затем что по сему пункту могут по зависти тех наук профессоры спорить, отчего ссоры и препятствия в распространении наук; 3) малое число профессоров: по одному в науке. Что скажет, то и ладно, как бы худо не было.

Января-февраля 1755 г.

Из «Проекта регламента Академической гимназии»

Регламент Академической гимназии

Гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук. Из нее, следует ожидать, выйдет просвещенное юношество: молодые люди должны приучаться там к правильному образу мышления и добрым нравам. Правила и примеры прилежания, постоянства и честности, в особенности же внушения страха божия, как начала премудрости, столь же необходимы в Гимназии, как и ежедневная пища. Это может быть с желаемым успехом приведено в исполнение и введено в круг обычной жизни не иначе, как при помощи твердо установленных основных правил и точного их соблюдения. Когда закон не исполняется, он бесполезен: сила законов не в их множестве, а в точном их усвоении.

Глава I

О приеме гимназистов в Гимназию

§ 1. Всякий, кто желает отдать для обучения в Академическую гимназию своего сына или ребенка, находящегося под его опекой, должен, независимо от того, дворянин он или нет, представить его в Канцелярию Академии наук при доношении, в котором указать имя представляемого, пол, место и год рождения, а также то, чему он желает обучаться, на казенный или на свой счет и чему обучался до этого. В первом случае он должен быть принят в комплект и по освидетельствовании определен в соответствующий класс, если будет свободное место; если же такового нет, то должен ожидать его в порядке очереди, причем может обучаться тем временем на свой счет. Во втором случае не получающие жалованья должны быть приняты и по освидетельствовании определены для обучения в соответствующий класс.

§ 2. Сообразно этому, инспектор Гимназии должен вести три списка: один — для находящихся на жалованье, другой — для обучающихся сверхкомплектно в ожидании вакансии и третий — для обучающихся на свой счет, чтобы можно было каждые полгода представлять эти списки в Канцелярию и показывать, сколько времени обучались школьники и каковы их успехи, способности и поведение.

§ 3. Если кто не хочет обучаться латыни, а только французскому или иному европейскому языку, преподаваемому в Гимназии, либо арифметике, геометрии и географии, либо чистоте русского языка, то ему надлежит заявить об этом в доношении, чтобы в соответствии с этим можно было установить распорядок преподавания. Это относится к тем, кто учится на свой счет, ибо казеннокоштные ученики должны основательно проходить все школьное обучение, чтобы стать исправными студентами и приобрести возможность слушать высшие науки у университетских профессоров. Поэтому латинские и русские классы, а также классы первых оснований нужнейших наук должны называться ординарными, все же остальные — экстраординарными.

§ 4. В Академическую гимназию не должны быть принимаемы лица, положенные в подушный оклад, и в особенности крепостные люди; если же помещик захочет отдать кого-либо из своих людей в Гимназию по причине его особой сообразительности и одаренности, то он должен освободить его навечно и дать Академии подписку, что отныне не имеет на него никаких прав, однако же подушные деньги он должен платить за него до следующей ревизии; и принятый ученик должен также дать подписку, что ни во время учения, ни позднее до конца своей жизни не захочет пойти в холопы ни к своему прежнему помещику, ни к какому-либо другому. Точно таким же образом должны приниматься в Гимназию на жалованье и положенные в подушный оклад дети посадских людей, государственных и дворцовых крестьян при наличии особых способностей и охоты к учению и если посадское общество, округ ли родственники обязуются уплачивать за

них подушную подать до новой ревизии, при которой они должны быть вычеркнуты из подушных списков. Дети посадских людей, государственных и дворцовых крестьян могут проходить обучение на свой счет, если проявят особые способности и охоту к ученью. Крепостные крестьяне не должны приниматься, если только их господа, как сказано выше, не отпустят их на волю. Против этого не должны быть предубеждены обучающиеся в упомянутой Гимназии юные дворяне, ибо науки являются путем к дворянству, и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство. А затем все принятые и не принадлежащие к дворянству должны в отношении обращения с ними, как и в смысле одежды, быть на том же положении, какое подобает принадлежащим к дворянству. На военной службе числятся и дворяне, и недворяне, так нечего стыдиться этого и при обучении наукам.

§ 5. Число принимаемых на жалованье великороссов должно составлять не менее четырех пятых. Те же, кто хочет учиться на свой счет, могут быть принимаемы независимо от национальности, являются ли они русскими подданными или имеющими разрешение свободно здесь жить.

§ 6. Не умеющие ни читать, ни писать по-русски не должны быть принимаемы, чтобы не переполнять Гимназию; однако тех, кого можно скоро усовершенствовать в чтении и письме, следует принимать.

§ 7. Не должны быть принимаемы слабые здоровьем, особенно же имеющие поврежденное зрение, страдающие падучей или другими продолжительными болезнями, а равно взрослые, которые еще никогда не ходили в школу.

§ 8. Если гимназист принят в Гимназию в комплект на жалованье, не побывав за недостатком жалованных гимназистов в сверхкомплектных, то он должен два месяца учиться на свой счет и не вступать в общение с остальными жалованными гимназистами, чтобы можно было убедиться, можно ли ожидать от него некоторых успехов в учении, за чем преподаватели должны тщательно наблюдать и сообщать об этом ежемесячно инспектору Гимназии, последний же обязан докладывать от этом Канцелярии.

§ 9. При поступлении в Гимназию каждому гимназисту, принят ли он на жалованье или без жалованья, дается книга, в которой содержатся десять заповедей с присовокуплением церковных заповедей и академических узаконений.

Глава II

О содержании гимназистов

§ 10. О тех гимназистах, которые учатся на свой счет, должны заботиться вне Гимназии их родители или те, кому поручен надзор за ними: в Гимназии же за их поведением должны следить их начальники и учителя. Для тех из них, кто учится на жалованье, должно быть установ-

лено особое содержание и надзор не только за учением, но и за поведением их.

§ 11. Итак, для 60 жалованных гимназистов требуется дом из 14 комнат с залом: 12 комнат для гимназистов, каждая на 5 человек, одна комната для надзирателей, одна для 4 сторожей, зал для еды и для утренней и вечерней молитвы, а также церковь, погреб и кладовая для припасов.

§ 12. На стол, одежду и другие нужды должна расходоваться часть сумм, ассигнованных Гимназии, но так, чтобы сами гимназисты не получали никаких денег на руки, а содержались единственно из кассы, ибо они, когда живут дома, часто имеют случай предаваться мотовству, что представляет много препятствий при обучении. Кроме того, некоторые видят дома много дурных примеров. По этой причине их следует лишь весьма редко отпускать домой и в случае необходимости отпускать их с надзирателем.

§ 13. Ежедневно в зале должен накрываться стол на 60 человек, днем в 11 или 12 часов, вечером в 7; при этом должен присутствовать надзиратель для наблюдения за их нравами и поведением; за столом они должны сидеть в порядке классов; при этом гимназисты по очереди должны читать — при соблюдении другими полной тишины — полезные исторические и нравственные книги, русские и славянские, что весьма способствует распространению добродетели и упражнению в чтении.

§ 14. К обеду должно подаваться 3, к ужину 2 блюда с достаточным количеством браги домашнего изделия.

§ 15. В случае заболевания гимназиста, состоящего на жалованье, его лечит доктор, вызываемый из Академии, хирург же должен утром и вечером, если болезнь требует, то и днем заходить к нему. Для больных должна иметься особая комната, и, смотря по ходу болезни, больным должна даваться соответствующая пища. В случае опасной болезни доктор должен сам ежедневно посещать пациентов. Доктор может быть назначен из числа академических с увеличением его жалованья.

§ 16. Для надзора за гимназистами в их комнатах, в зале за молитвой и за столом нужно выбирать старых почтенных людей, которым не следует делать ничего иного, как только следить за порядком, поведением и опрятностью гимназистов, а также за тем, чтобы никто из них не выходил из Гимназии без разрешения инспектора.

§ 17. Когда гимназисты приходят из дому в классы, при этом должен присутствовать надзиратель, чтобы они по дороге не шалили, а шли в порядке. Тот же порядок соблюдается и при выходе из класса. Если кто-либо провинился дома или по дороге, то надзиратель должен заявить об этом инспектору Гимназии, и виноватый, смотря по тяжести проступка, должен быть наказан.

§ 18. В каждую комнату на 5 человек назначается, по усмотрению ректора, аудитор, причем к гимназистам первого класса аудитор назначается из второго, к гимназистам второго класса из третьего, к гимна-

зистам третьего класса один из старших гимназистов, лучших по учению и поведению. Обязанности аудитора состоят в том, что он наблюдает за своими товарищами, приготовили ли они заданные им уроки и не проводят ли время в праздности.

§ 19. Надзирателям надлежит смотреть за тем, чтобы ученики не ходили в другие комнаты, а в своих комнатах не затевали шума и драк, чтобы берегли свои книги, одежду и постели и держали их в чистоте, а также надлежит не позволять им играть в низменные или вредные игры.

§ 20. Ежедневно по утрам, когда гимназисты находятся в классе, надзиратель должен об их состоянии и о качестве пищи, чтобы ни в чем не ощущался недостаток, репортовать ректору и инспектору Гимназии, которые в свою очередь, в случае надобности, доводят об этом до сведения Канцелярии.

Глава X

О педагогии при Гимназии[1]

§ 113. Часто случается, что некоторые знатные особы, которые, желая обучать своих детей наукам, не имеют возможности пригласить приватных учителей по причине их отсутствия, или по недостатку надзора, либо по иным обстоятельствам, однако не хотят отдавать своих детей в Гимназию, где они должны жить со всеми вместе при весьма умеренном содержании и в силу этого оказываются лишены радостей, доставляемых родителям детьми, прошедшими обучение. Ввиду этого при здешней Гимназии должна быть учреждена по образцу некоторых заграничных педогогия для знатных дворян на следующих началах.

§ 114. Дети знатных родителей принимаются, содержатся и учатся без жалованья. 1) Они пользуются бесплатно квартирой, дровами и освещением, 2) учением во всех гимназических классах и школах без платы, 3) готовым столом за умеренную цену, 4) надзиранием добрым в поступках.

§ 115. Того ради поручены они будут инспектору или ректору Гимназии в особливое содержание или какому учителю верхних классов по охоте и по обстоятельствам, который для них особливый стол содержать имеет по договоренной с их родителями оплате.

§ 116. Ежели кто сверх гимназических без платы учений в классах пожелает учиться приватно у коего-нибудь учителя, тому позволяется выбрать часы особливые за уговоренную цену.

§ 117. Принятым в педагогию дворянам жить по два или, смотря по обстоятельствам, и по одному в комнате, и в классах сидеть наряду с другими гимназистами, и никакого от них отличия не иметь, как по прилежанию, и наблюдать им ту же с ними должность. Служителей при себе больше одного иметь не должны.

§ 118. Число принимаемых в педагогию дворян не должно простираться выше двенадцати, затем что многие из дворянства, как выше помянуто, имея в Санкт-Петербурге родителей, родственников или

опекунов, могут быть содержаны под присмотром их над собою вне Гимназии.

§ 119. При вступлении в педагогию каждый заплатить должен в казну 50 рублев на педагогические расходы, после чего может учиться сколько лет пожелает без платы в казну.

§ 120. При выпуске из педагогии не быть никакой в казну от них платы и давать аттестаты по силе сего регламента и гимназических привилегий.

Марта 24 дня — мая 27 дня 1758 г.

Записка о необходимости преобразования Академии наук

Приступление

В благословенное время государствования всемилостивейшия самодержицы нашея, наслаждаясь многочисленными ея к нам, подданным, благодеяниями, с радостною надеждою ожидаем полного благополучия, то есть всесовершенного установления непоколебимых и ясных законов, которыми отвратятся все вредительные в судах беспорядки и пагубные ухищрения.

Высочайшее повеление е. и. в. из Правительствующего Сената о рассмотрении и исправлении всех российских законов по справедливости касается и до имп. Академии наук. Того ради высокопомянутый Правительствующий Сенат повелел учинить Академического регламента рассмотрение[1]. Всевожделенный случай к исправлению бедного состояния Академии! Однако вскоренившееся и застарелое в ней злочастие чинит препоны и сему великому матернему и божественному попечению и желанию всемилостивейшия монархини нашея, ибо все оное рассмотрение пресеклось коварными происками и наглыми поступками, которыми самозванный сочинитель[2], а следовательно, и защититель оного регламента старался от него отвести высочайший указ е. в., данный из Правительствующего Сената о исправлении законов.

Стоя за пользу и важность высокопомянутого указа, принужден я был претерпеть неправедное и несносное огорчение[3], однако как прочих поношений и гонений, мною претерпенных, так и сего не упоминаю обстоятельно. Ныне в рассуждении Академии предпринял я отдать отечеству последнюю должность, ибо, ежели сим ничего не успею, твердо уверен буду, что нет божия благоволения, дабы по мере желания и щедролюбия великия нашея государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процветали в отечестве.

Сим предприятием побуждаю на себя, без сомнения, некоторых негодования, которых ко мне доброжелательство прежнее чувствительно, однако совесть и должность оного несравненно сильнее. Чем могу я перед правосудием извиниться? Оно уже заблаговременно мне предвещает и в сердце говорит, что, имея во многих науках знание,

ведая других академий поведение, видя великий упадок и бедное состояние здешней Академии, многие недостатки и неисправности в регламенте и бесполезную трату толикой казны е. в., не представлял по своей должности. Что ответствовать? Разве то, что я боялся руки сильных? Но я живота своего не жалеть в случае клятвою пред богом обещался.

Итак, ежели сим истинной своей ревности не удовольствую и, может быть, себя опасности подвергну, однако присяжную должность исполню.

Для лучшего изыскания способов, как исправить Академию наук, должно, во-первых, предложить ее состояние, потом показать причины такового оныя упадку; наконец, объявить способы к исправлению и к приведению ея в цветущее состояние.

Часть первая

О худом состоянии Академии наук

Глава первая

О состоянии Академии наук прежде нового регламента.

1) С начала Академии наук, от 1725 по 1733 год, ни единого российского студента при ней не было, который бы лекции у профессоров слушал. А приехавшие из Москвы тогда 12 человек из Спасских школ лучшие посланы в Камчатскую экспедицию, и там, кроме Крашенинникова, стали негодными, будучи без всякого призрения; оставшиеся в Санкт-Петербурге, скитавшись несколько времени в бедности, для худого содержания определились по художествам и в Канцелярию.

2) Взяты из Москвы в Академию из Спасских школ в 1736 году 12 человек, из которых Ломоносов и Виноградов посланы для науки за море. Оставшиеся принуждены были немалое время терпеть крайнюю нужду и не иметь долгое время в науках наставления. Затем просили о том в Правительствующем Сенате, и библиотекарю Шумахеру учинен был сильный выговор. После того лекции начались студентам, и деньги кормовые в малом числе выдавались. По окончании лекций некоторые определены в переводчики, прочие остались студентами и по большей части без призрения и доброго смотрения, будучи в уничтожении, от уныния и отчаяния опустились в подлость и тем потеряны. Ломоносов и Виноградов с третьим, Рейзером, определены были кабинетским указом 1736 года марта 18 дня учиться за морем на сумме особливой, из Статской конторы, сверх академической. Однако Канцелярия академическая, получив оную, употребила на другие расходы, а оные три студента принуждены были жить в Санкт-Петербурге с 19 марта до половины сентября месяца, затем что денег на дорогу долго ждали и в осень глухую на море едва не потонули. За морем будучи, претерпевали великую нужду за удержкою жалованья и, живучи в долг и беручи деньги в проценты, великие понесли убытки. Наконец, как

они в Фрейберге горным делам учились, и советник Генкель не получил наперед шестисот рублев обещанных, половины своей за них платы; так же и им, студентам, весьма скудно деньги и то через него, Генкеля, присылались, которые он у себя стал удерживать и, не надеясь от Академии себе награждения, по прошествии десяти месяцев, при окончании химического курса совсем оным студентам отказал в деньгах. В таких обстоятельствах принужден был Ломоносов искать случая в Россию возвратиться и по прошению оного, а по ордеру Академии президента фон Бреверна в Санкт-Петербург приехал. Оставшие после его товарищи близко три года не могли для долгов в отечество возвратиться, пока их Горная коллегия по представлению вице-президента Рейзера выкупила, хотя между тем в Академию сумма на троих оных студентов каждый год наперед отпускалась[4].

6) В Гимназии каково расположение было, из того видно, что ни един школьник в студенты из ней не выпущен, кроме одного или двух, которые прежде в других школах доброе положили основание.

7) Набрано было столько художников, и по приватным причинам приняты были люди, к определенным делам не способные или совсем негодные. Кроме других примеров принят был в академическую службу егерь якобы для стреляния птиц и зверей в Кунсткамеру, а подлинно для удовольствия чьей-то поварни. Сим множеством излишних и негодных служителей так отягощена была Академия, что не токмо определенной суммы 25 тысяч и доходов от типографии и от книжной лавки, но и чрезвычайных прибавлений недоставало, которых до ста десяти тысяч рублев сверх положенной суммы блаженныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна в разные времена Академии пожаловала. Итак, была в деньгах всегдашняя нужда, и не токмо нижние академические служители, но и профессоры нередко принуждены были брать жалованье книгами и оные продавать весьма дешевою ценою, уступая рублевую книгу за 70 копеек и меньше, отчего пришли в убытки и в бедность. Иностранные почетные члены, которым обещано именем Академии жалованье, не получали того многие годы. Не упоминаю здесь о типографии и о книжной лавке, где с самого начала никакого надлежащего счету не бывало, о чем ясно свидетельствуют на то учиненные от разных академических служителей протесты и доносительства.

Подарки от Канцелярии книгами как здесь, так и за морем в дорогих переплетах принесли казне несказанный убыток и всегдашней академической скудности были не последнею причиною и крайним препятствием обучению природных россиян.

Сие все только один пример. Еще многого не упоминаю, однако думаю, сие может подать некоторую идею о бедном состоянии Академии прежде нового стата.

Какое из сего Академии бесславие учиниться должно было, то как здравым рассуждением заключить можно, так и само искусство показало. В самое то время, когда политическое состояние России почиталось у иностранных еще сомнительным, когда они думали, что просве-

щение Петр Великий только лишь вводить в наше отечество начинает, многие славнейшие ученые люди во всей Европе, иные уже в глубокой своей старости, в Россию приехать не обинулись. Ныне, когда почти весь свет уверен о нашем большем прежнего просвещении, а особливо, что несравненная монархиня наша высокоматернею щедротою и богатым снадобием и высочейшим покровительством наук повсюду прославлена, когда милосердие, человеколюбие и великодушие сияет на престоле всероссийском, не токмо знатные профессоры, но и те, которые недавно из студентов вышли, не хотят к нам в академическую службу, невзирая на знатную сумму, которая им предлагалась. Близ десяти человек из Германии призваны были, однако все отказались. Итак, посылан был от Канцелярии Тауберт и Бургав в чужие краи не столько для других причин, сколько для того, чтобы иностранных ученых уверить, якобы академическое состояние было в лучшем цвете.

Адъюнктов хотя девять числилось, однако действительно едва одного имели. Пять за морем обучались, здесь Красильников только лишь геодезист и обсерватор добрый, Трескот у географического дела, еще Шестаковский — все и первых оснований в словесных и высоких науках не знают, один — Клейнфельд, который по большой части переводил Бургаву при больных и в науке своей анатомической далее простираться не имел времени.

В Университете хотя по стату недоставало только одного профессора математики и физики, однако не было в нем ни подобия университетского по примеру других государств, не было факультетов, ни ректора, по обычаю выборного повсягодно, не было студентов, ни лекций, ниже лекциями каталогов, ни диспуты, ниже формальные промоции в лиценциаты и в докторы, да и быть не могут, затем что Санкт-Петербургский университет и имени в Европе не имеет, которое обыкновенно торжественною инавгурациею во всем свете публикуется; и словом, главного дела не было — университетского регламента.

Не меньшего сожаления было достойно бедное состояние Гимназии. Учители русские были только латинского языка в нижних классах, да и те недостаточны. Французского языка и немецкого учители по большей части ленивы и недостаточны и часто переменялись по приватным причинам. Школьников хотя число и нарочито было, однако пользы от них, как прежде, не было, ибо, как показано, 1) учителей надлежащих не имелось; 2) ученики все жили по своим домам и не имели доброго смотрения и, будучи заочью, извиняли свою леность и гулянье то отдалением дому, то болезнию притворно и другими случаями; 3) не бывали строгие экзамены настоящим образом и в установленное время; 4) словом, никакого в Гимназии распорядку не было[5].

Каково состояние типографии и книжной лавки, то показывают долговременное печатание книг, высокие их цены. О исправлении типографии и книжной лавки в бывшей прошлого 1754 года комиссии довольно мы рассуждали, однако все без успеху осталось.

Художества хотя имели некоторые успехи, однако ученому корпусу тягостны, ибо по табели академической прошлого, 1754 года исходило

на академиков, на Университет, на Гимназию, на почетных членов, на переводчиков и на библиотеку едва двадцать тысяч рублев, а достальные тридцать две тысячи и сверх того доходы от книжной лавки как по здешней типографии, так и по торгу заморскому книгами и купферштихами, притом продажа математических инструментов и других художных вещей исходит на Канцелярию и на художества. Не упоминаю о тех капиталах, которые на строение от Правительствующего Сената и от других команд получаемы были.

Из помянутых тридцати трех тысяч ежели бы равномерно исходило на Канцелярию и художества, присокупляя к тому другие доходы, осталось бы по последней мере на каждый год по 13 тысяч рублев с лишком, и остаточная сумма с 1747 года июля от 24 числа была бы с лишком сто тысяч рублев, за которую не токмо академическое здание починить, но вновь бы много прибавить и украсить и погорелые книги и вещи в осмь лет наполнить возможно было.

Часть вторая

О причинах испорченного состояния Академии наук

Глава первая

О причинах худого состояния Академии прежде нового стата

Главные причины худого академического состояния две: первая — искание и получение правления Академическим корпусом от людей мало ученых, вторая — недоброхотство к учащимся россиянам в наставлении, в содержании и в произведении. Сии причины не токмо прежде нового стата, но и после оного много вреда принесли благосостоянию академическому.

Когда первые славные профессоры в Россию приехали[6], нашли при тогдашнем президенте Блументросте у библиотеки Шумахера, состоящего у него в поверенности. Вскоре почувствовали, что он столько ж над ними власти требует, сколько президент, и почти все, что вздумает, на то его приводит часто противу добрых намерений профессорских, которые о том негодовали и приносили бесполезные жалобы. Потом, как Блументрост в Москву отъехал, все осталось в руках Шумахеровых, который для своего вспоможения в Канцелярии, без указа учрежденной, и для произведения в действо своих намерений против профессоров принял к себе в Канцелярию студента Миллера (был он тогда за адъюнкта). Его посредством выведывал профессорские на себя советы, всевал между ними ссоры, пользовался их несогласием и чинил всякие им огорчения. Наконец, им же в досаду выпросил у Блументроста, чтобы с Ейлером, Гмелином, Вейтбрехтом

и Крафтом, свидетельствованными и удостоенными, неудостоенный Миллер произведен был в профессоры.

Однако сим своим обманом сам обманулся, ибо Миллер, получив профессорство, больше усилился и стал волю брать у Шумахера, склоняясь на профессорскую сторону. Шумахер, покрыв ласкательством коварство, присоветовал Миллеру ехать в Германию, якобы для заведения корреспонденции с книгопродавцами на академическом коште, притом для получения Миллеровых отцовских пожитков. По возвращении своем из-за моря Миллер увидел, что хитрости, в которые он употреблен был от Шумахера, все профессорам известны, а Шумахер нашел способы его унизить, показав, что Миллер много для своего тщеславия и корысти в не показанные в инструкции места ездил и издержал казенные деньги излишно и прочая. В таких обстоятельствах Миллер притеснен искал случая, как бы ехать в Камчатскую экспедицию, что и учинилось. Между тем Шумахер для приведения профессоров в ссору между собою прибирал себе всегда из них по обстоятельствам партию, вооружал и ободрял молодых профессоров против старых, надобных себе привлекал выдачею наперед или прибавкою жалованья, а других томлением, удерживая оное, сегодня того лаская, кого угнетал вчерась, переменял, как понадобится; президентов и других знатных особ улещая то подарением разных книг в хороших переплетах, грыдорованных листов, на что многие тысячи рублев истрачены, то дачею оных в долг из казенной Книжной лавки, которых, чаятельно, много пропало. Все сие делал для удержания и укрепления своего самовластия, о приращении наук и о чтении лекций не имея ни малого попечения. По приезде Миллеровом из Сибири, где он разбогател и приобрел великую гордость, какие ссоры, споры, тяжбы с Шумахером были, описать невозможно: все профессорские собрания происходили в ссорах. И сие есть первая причина.

Вторая причина отчасти немало соединена с первою, ибо Шумахер ведал, что профессоры, читая российским молодым людям лекции, а особливо детям людей знатных, прийти могут в знакомство в господских домах и чрез то сыщут себе патронов, которым они состояние свое и академическое показать могут. Того ради чтение надлежащих лекций весьма началось поздно, было редко и краткое время без окончания продолжалось.

Кроме того, Шумахеру было опасно происхождение в науках и произвождение в профессоры природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения. Яснее сие понять можно, что Шумахер неоднократно так отзывался: я-де великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессоры. И недавно зять его, имения и дел и чуть не Академии наследник[7], отозвался в разговоре о произведении российских студентов: разве-де нам десять Ломоносовых надобно? И один-то нам в тягость.

Рассуждение о Академическом регламенте и стате

Для желаемого произведения предприемлемых важных учреждений должно полагать и предписывать себе неложные правила, дабы не подвергнуть себя каким преткновениям, не пропустить ничего нужного и не ввести бесполезного или еще и вредного. Учреждение имп. Академии наук простирается не токмо к приумножению пользы и славы целого государства, но и к приращению благополучия всего человеческого рода, которое от новых изобретений происходит и по всему свету расширяется, о чем внешние академии довольно свидетельствуют. Того ради, приступая к рассмотрению Академического стата и регламента, должно положить вначале общие основания, на которых надлежало сочинителю утвердить и расположить всю великого сего государственного и всему свету полезного здания систему, ибо без оных подвержено все колебанию и скорому падению и разрушению.

Оные основания в следующих пунктах кратко прилагаются.

1) Регламент академический таким образом сочинен и расположен быть должен, чтобы он имел свою силу и был приличен в будущем времени и во всяких обстоятельствах мог стоять непременен. Того ради не должно смотреть на настоящие при сочинении оного обстоятельства, ниже на лицо, заслуги и недостатки тех, которые находятся в Академии при худых обстоятельствах.

2) Дабы Академия не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но и размножать оных и распространять по всему государству.

3) При сочинении регламента должно прилежно смотреть на учреждение славных академий в других государствах, из давних времен процветающих, как на добрые примеры, выключая то, что с прочими главными узаконениями Российского государства несогласно.

4) Дабы между равными, а особливо между высшими чинами было всегда согласие, от нижних к старшим — пристойное почтение, от подчиненных к начальникам — законное послушание, для того наблюдать в сочинении регламента все надобные к тому обстоятельства и стараться о добром порядке, ибо сие необходимо нужно к беспрепятственному приращению наук и приобретению от народа к ним почтения и любления.

5) Дабы добрые имели ободрение, а злые — страх, должно определить по мере заслуг награждения, по мере преступлений наказания.

6) Чтоб в учреждении разных академических департаментов положено было пропорциональное разделение. В противном случае будет Академия подобна некоторому безобразному телу, которое от болезни, неравное питание членов производящей, имеет те части больше и тучнее, которые в здравом состоянии должны быть равны или меньше.

7) Дабы Академический регламент был наблюдаем строго и порядочно, для того положить и утвердить, чтоб не делать в противность

оного отмен без высочайшей монаршеской воли по примеру других команд и предписать точные и обстоятельные пределы, до которых главные командиры в нечаянных приключениях отмену чинить могут, и что с общего членов согласия, что сами собою.

Сочинитель Академического стата и регламента[8], приняв сие важное дело на себя, не имел перед собою таковых необходимо нужных оснований, что из следующих явствует.

В противность первого основания большая часть нового стата и регламента сочинена по бывшему прежде, а особливо в краткое время пред оным испорченному академическому состоянию. Например:

1) Канцелярия учреждена таким образом, как тогдашние обстоятельства, а не самая справедливость по приличности ученого корпуса требовала на все будущее время, ибо члены в ней положены советник и асессор, которые в науках и языках некоторое понятие имеют, то есть Шумахер и Теплов. Но если бы оба они были люди великого учения и, как ныне, оба статские советники, то бы, конечно, в стате тогда положены были в Канцелярии два статские советника, оба великого учения.

2) В Астрономическом классе положен калкулатор только для того, что был тогда профессор Винсгейм, который ни к чему больше, как календари сочинять, был способен. В других академиях такие члены под сим именем не бывают, и у нас адъюнкт астрономии то исполнять должен.

3) Ректором университета положен историограф, то есть Миллер, затем что он тогда был старший профессор, и сочинитель был об нем великого мнения. И если б Миллер был юрист или стихотворец, то, конечно, и в стате ректором был бы назначен юрист или стихотворец.

4) Историографу придан переводчик китайского и манчжурского языков, то есть Ларион Россохин. Однако если бы Россохин вместо китайского и манчжурского языков знал, например, персидский и татарский, то бы, конечно, в стате положен был при историографе переводчик персидского и татарского языков.

5) В европейских государствах, которые ради отдаления от Азии меньшее сообщение с ориентальными народами имеют, нежели Россия по соседству, всегда бывают при университетах профессоры ориентальных языков. В Академическом стате о том не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству не токмо профессору, но и целой ориентальной академии быть бы полезно.

6) Каждая наука в Академии имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство и неравенство профессорского знания, ибо иногда может быть в числе их чрезвычайного учения физик, иногда ботаник, иногда механик или другие, иногда в тех же профессиях — пошлые люди, а иногда и один многие науки далеко знает, хотя определен к одной профессии. Итак, вообще рассуждая, должно положить всем профессорам равное жалованье, а прибавку чинить по рассмотрению достоинств и службы, ибо весьма бы обидно было великому бота-

нику, каков ныне Линней, иметь по штату 860 рублев, а высшему математику, каковые нам весьма из посредственных рекомендованы, дать 1800 рублев. Притом для неравности положенного жалованья студенты больше стараются о тех науках, где оное велико, что уже примером оказалось, затем что большая часть студентов к математике старание приложили, ведая, что высшему математику жалованье велико и притом, сидя в своей камере или гуляя в саду, может отправлять свое дело. Химику жалованье положено 860 рублев, и притом должен он в уголье, в саже и в вредных парах обращаться. Сие произведено, смотря на тогдашние обстоятельства, что сочинитель жалованье положил алгебраисту 1800 рублев для Ейлера или Бернулли, астроному 1200 для выписания славного ж человека, анатомику 1000 для Бургава; прочим по 860 и 660. Но если б Ейлер (или Бернуллий) был таков химик или ботаник, каков он математик, то, без сомнения, положено бы жалованья было 1800 рублев химику или ботанику.

7) О небытности президентской весьма часто в регламенте упоминается, яко бы то было нужное и законами утверждено быть достойное дело. Мне кажется, что сочинитель воображал себе твердо тогдашнее самовластие шумахерское, при котором президентов по большей части не было или когда и были, да всегда почти его слушали, что и ныне удержать всякими мерами старается его наследник.

8) Вредительнее всего и поносительнее российскому народу (а напечатан регламент на иностранных языках), что сочинитель в должных постоянными быть российских государственных узаконениях положил быть многим иностранным в профессорских и в других должностях, которые сначала по нужде выписываются, и тем дал повод рассуждать о нас в других государствах, якобы не было надежды везде иметь своих природных россиян в профессорах и в некоторых других должностях, затем что смотрел на тогдашнее состояние, а законы служить должны в будущие роды. Что иное подумать можно, читая в регламенте о выписании высшего математика и других профессоров, о бытии адъюнктов переводчиками у иностранных профессоров, о переводе книг профессорских, о контрактах с иностранными профессорами о иностранных канцеляристов и провизоре типографском (смотри 5, 9, 13, 26, 50 пункты и табель стата). Что можно подумать как сие, что Санкт-Петербургская Академия наук ныне и впредь должна состоять по большей части из иностранных, то есть что природные россияне к тому не способны.

В противность второго основания, против распространения наук в России в регламенте отнята вся надежда к произведению в высшие чины профессоров. В других государствах, несмотря на их множество, ниже на то, что большая часть не из дворянства, производят профессоров в советники правительства, в статские и тайные, и сверх того в знатное дворянство, то есть в бароны, и даются им кавалерии. В регламенте академическом капитанские ранги по-старому профессорам оставлены, адъюнктам и никаких не дано, и словом рангов не расположено, чем бы к учению иметь ободрение. И для того дворяне детей

своих охотнее отдают в кадетский корпус, нежели в Академию, ибо, положив многие годы и труды на учение, не иметь почти никакой надежды далее произойти, как до капитана, есть главное отчаяние всему дворянству и опасность вступить в Академию, а если бы ранги расположены были, то дворяне возымели бы охоту не меньше к наукам, как к военному искусству, и чрез то бы из Академии в статских чинах ученые дворяне размножились и честь наук возвысили.

Хотя ж бы дворяне в академическую службу вступить не похотели, то по последней мере вступали бы охотнее разночинцы; однако размножению наук по силе нового стата быть почти нельзя. Во-первых, студентов положено 30 человек: весьма мало по великой сумме. В немецкой земли университеты наполнены многими тысячьми и хотя по большей части учатся на своем коште, однако и в самых посредственных содержатся на жалованье больше, нежели здесь.

Школьники в Гимназии не по пропорции студентов положены. Сочинитель не рассуждал здесь обще о человеческом роде, 1) что молодых больше умирает, нежели кои старее, так что едва сороковый человек до 30 лет доживет, для чего школьников много больше надобно, нежели студентов; 2) не рассудил того, что не всякий школьник в студенты годен быть может по разности понятия и прилежания; 3) хотя иной остроумен, да по разным обстоятельствам далее произойти не может. По всему сему должно было положить больше школьников, нежели студентов, однако в стате положено студентов 30, а школьников 20 человек. Ежели сочинитель думал о безжалованных школьниках, то должен был думать и о безжалованных студентах, а жалованные школьники должны иметь перед жалованными ж студентами всегда свою пропорцию.

Другие европейские государства наполнены людьми учеными всякого звания, однако ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был, и в университете там студент тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды. Здесь, в Российском государстве, ученых людей мало: дворянам для низкости и неимения рангов нет ободрения; в подушный оклад положенным запрещено в Академии учиться. Может быть, сочинитель думал, что Российскому государству великая будет тягость, ежели оно 40 алтын в год потеряет для получения ученого россиянина, но пусть хотя бы и 40 алтын жаль было, а не жаль бы 1800 рублев, чтобы иноземца выписать; однако чем те виноваты, которые состоя в подушном окладе, имеют такой достаток, что на своем коште детей своих в науку отдать могут? И для чего выключены все глухо, не различив хороших людей посадских от крепостных помещичьих?

В противность третьего основания не смотрел сочинитель на примеры других академий, а больше всего:

1) В расположении академических классов, которое не токмо с чужестранными академиями несходно, но и здравому рассуждению противно и ясно показывает незнание его в науках. Ибо в астрономическом положен калькулятор, которого имени в других Академиях не

слыхано, физический класс разделен на два, физический и на физико-математический, якобы астрономия так же в математике купно и в физике участия не имела, равно как механика! Для алгебраиста одного целый класс сделан.

2) В Университете положил учиться просодии, школьному делу, и точно до Гимназии надлежащему, а опустил разделение профессоров на факультеты: нужное дело.

3) О расположении и содержании Гимназии ничего в регламенте не упомянуто, будто бы голова и верхние части тела могли стоять без ног или лучше все бы тело не требовало для своего питания и содержания пищи.

В противность четвертого основания, первое, запрещено академикам в другие науки вступать, кроме своей профессии, чрез что пресекается не токмо нужное сношение, но и союз наук и людей ученых дружба. Ибо часто требует астроном механикова и физикова совета, ботаник и анатомик — химикова, алгебраист пустого не может всегда выкладывать, но часто должен взять физическую материю, и так далее. Того ради, советуясь друг с другом, всегда должны будут иметь дружеское согласие. Сверх того, разве то противно наук происхождению, чтобы анатомик знал химию и писал свои в ней изобретения? Или, что он выдумал, то отдать химику и чрез то потерять часть своей славы? Вольность и союз наук необходимо требуют взаимного сообщения и беззавистного позволения в том, что кто знает упражняться. Слеп физик без математики, сухорук без химии. Итак, ежели он своих глаз и рук не имеет, у других заимствовать должен, однако свои чужих лучше и нельзя запретить их употребления.

В противность пятого пункта не положено в академическом штате ни добрым ободрения, ни злым наказания, без чего никакое учреждение стоять не может, но всегда к развращению и разрушению клонится, что и самым делом в Академии оказалось, в которой напрасные штрафы наглым образом налагаются; напротив того, заслужившие достойного награждения лишаются, недостойные снабдеваются.

В противность шестого пункта что учинено, то весьма явствует, ибо, ежели кто сличит Академию, Университет и Гимназию с художествами, ясно увидит уродливое тело. О сем обстоятельно показано в приложениях[9].

В противность седьмого пункта позволено главному командиру в отменении пунктов в регламенте, чего в других регламентах и уставах не дозволяется. Ибо таковые пункты, каков есть последний пункт в Академическом регламенте, приписываются только в инструкциях, а особливо в тех, которые даются в дальные посылки, где в трудных и крутых обстоятельствах невозможно спроситься высшей команды или высочайшей монаршеской воли.

По сему дозволению воспоследовало, что от начала сего стата и регламента по сие время едва ли оставлены несколько пунктов в своей силе. Большее число оных отменялись и нарушаемы были отчасти для трудного исполнения, ибо не в силу дела положены, отчасти и по мало-

важным причинам для приватных намерений отменены, что все служило к великим в Академии беспорядкам и к пресечению желаемой пользы.

Глава третия

О неисполнении по новому регламенту и о неправильном употреблении последнего пункта

Хотя некоторые неисполненные пункты в самом деле трудны, чтоб их исполнить, однако сочинителя не извиняют, много меньше его облегчают, но паче отягощают.

1) Актов публичных в год положено три — § 29, однако с нуждою по одному бывает.

2) Три конференции в неделю по три часа назначено, не в силу и некстати, ибо профессоры дома трудятся, а читают свои изобретения только в собраниях. А без чтения напрасны собрания.

3) Опыты, учиненные профессорами, повторять при президенте (§ 22); исполнить невозможно ни президенту, ни профессорам.

4) У книг припечатывать президентскую апробацию (§ 26); никогда не исполнено.

5) Три экзамена в год студентам в президентском присутствии положено (§ 49); никогда не было.

6) Присяга иностранным по силе §; не всегда исполнено.

7) Награждений иностранным за решение задач пять должна Академия ученому свету.

8) Университетский регламент, учреждение типографии и книжной лавки, также и других всех департаментов по 44; 54, 55, 65 пунктам; ничего не исполнено[10].

9) Хотя мало пунктов исполнено по строгости, однако один 55-й наблюден весьма точно, то есть чтобы адмиралтейский регламент до книжной лавки не касался[11], и о приходах и расходах и о числе книг знать только Канцелярии, а в ревизию счетов не посылать. Однако ежели бы по тому ж пункту содержать Книжную лавку по примеру иностранных, то должно бы вести точный расходам и приходам и числу книг расчет, следовательно, не надобно бы было в справедливом деле оного регламента страшиться.

10) Но не токмо пункты многие не исполнены, но многие и в противное отменены, без всякой причины, под однем видом и покрытием последнего пункта, по произволению. И спорные между собою дела происходили, например журналы в Конференции членам подписывать и не подписывать, за прогульные часы вычитать и не вычитать из жалованья, членов производить без академиков и не производить без их согласия. В отсутствии президентском доволен был в Канцелярии один Шумахер, в присутствии — понадобились в ней многие члены[12]. Сколько ж чудных перемен учинено со членами, некоторые примеры то покажут. Профессор Браун против своего желания и напрасно отлу-

чен от Академической конференции и обсерватории, а ныне опять по временам с академиками заседает, как захотят; за долговременные прилежные лекции не получил никакого ободрения. Напротив того, Бургав, не быв в конференции близ четырех лет из упрямки и ничего для Академии не сделав, получил прибавку жалованья 500 рублев. Секретарство конференции взято от Винсгейма к Штрубу, от Штруба опять к Винсгейму, после дано Рихману, Гришеву, от Гришева взято и дано Миллеру — все по пристрастиям, без причин и без совета, и особливо Миллеру, который был изобличен в подозрительных переписках и в недоброхотных рассуждениях о российском народе. Прибавлено ему 500 рублев жалованья, и поверена должность российского географа; сие учинено определением, которое явные само себе противности содержит.

От сего всего не токмо многие академики, не токмо вся Академия, но и все отечество страждет, лишаясь плода, чаемого от бесприкладной щедроты великодушныя монархини нашея.

Все сие рассудив, ясно видеть можно, коль близко стояла Академия при конечном своем разрушении, которое вместо славы российской к посмеянию, вместо пользы к ущербу, вместо радости любящим науки к печали служило.

Часть третия

О исправлении Академии наук

Глава первая

О исправлении Академии вообще

Рассуждая таковое Академии состояние, невозможно сыскать к ее исправлению лучшего способа, как пресечь оные причины, которые привели Академию, то есть: 1) не попустить больше властвовать над науками людям мало ученым, которые, однако, хотят, чтоб их за ученых почитали, каковы показаны выше в первой и второй частях; 2) чтобы не дать великой власти чужестранным тем, в которых некоторое к ученым россиянам недоброжелательство примечено; 3) вышепомянутый регламент отменить, для того что 1) не утвержден на крепких основаниях, как выше показано, 2) что излишествами не по своей краткости наполнен, 3) не внесены самые нужные пункты, и словом во всем недостаточен, 4) нет в нем доброго порядка: часто заднее напереди, переднее назади поставлено, и смешаны материи разного рода, например пункты, до регламента надлежащие, смешаны с статом.

Приступая к важному сему делу, во-первых, должно сверх вышеписанных оснований в уме и в сердце твердо положить, чтобы во всем его произведении наблюдать высочайшее намерение е. и. в., простирающееся к пользе и славе отечества, и всегда иметь в памяти беспримерное ея к наукам щедролюбие, и ради того всячески стараться и блю-

стись, чтобы не дать ни малейшего места какому пристрастию или небрежению, и ничего не упустить, что к скорому распространению наук в России и к сравнению или паче превышению иностранных академий, в Европе процветающих, служить может, ибо нам помыслить нельзя, чтобы когда благополучнейшего времени к совершенному своему возвращению науки могли дождаться, каким ныне под великодушным царствованием великия Елисаветы пользоваться могут. Пропустив без пользы сей от бога дарованный случай, сие несказанное его благодеяние и благоговение, в толь щедрой и человеколюбивой монархине нам дарованное, не токмо в своей совести грызения терпеть принуждены будем, но и перед всем светом, у всех будущих родов прослывем ленивыми, малодушными, неблагодарными и таковых великих благодеяний и щедрот недостойными.

Глава вторая

О стате Академическом

Академические департаменты суть следующие:

1. Канцелярия.
2. Академическое собрание.
3. Университет.
4. Академия художеств.
5. Библиотека и Кунсткамера.
6. Гимназия.
7. Географический департамент.
8. Переводческая экспедиция.

Стат Академического собрания

В Академическом собрании должно быть для высоких наук трем классам: математическому, физическому, историческому. Сие разделение имеет свое основание на познании человеческом, из которых нижнее представляет вещи просто, без изыскания причин и без выкладки, однем историческим описанием, второе или среднее познание представляет вещи с причинами, по физическому рассуждению, третие или высшее познание сверх показания причин утверждает оные математическим исчислением.

Должность сего собрания состоит главное в том, чтобы изобретать новые в высоких науках вещи и изобретенные рассматривать общим советом. Никак не можно тому быть, чтоб всякий профессор мог рассуждать о всех других науках. Для того надлежит быть во всякой науке трем членам, как то по большой части состоит в Парижской академии наук.

Канцелярия

Президент 3000
Вице-президент 1800
Проректор Университета.
Старший академик.
Инспектор Гимназии.
Библиотекарь.
Эконом из профессоров.
Членам заседать по рангам, считая старшинство.
Два секретаря: один — по наукам, другой — по экономии.
Протоколисты.
Регистраторы.
Два канцеляриста.
Два подканцеляриста.
10 копиистов.
Сторожей шесть.
Комиссар.
Счетчик.

Академическое собрание

Математический класс.

Ординарный член высшей математики.
— — — астрономии.
— — — механики.

Физический класс.

Ординарный физик.
— медик.
— химик.

Исторический класс.

Ординарный анатомик.
— ботаник.
— металлург.

Секретарь Конференции не надобен, затем что есть Канцелярия.
У каждого класса по одному экстраординарному.
У каждой профессии по адъюнкту.
Нотариус.
Архивариус.
Канцелярист.
Три копииста.
Два сторожа.
Сверх сего к вышеписанным принадлежат:
Лаборатор.

Садовник.
Просектор из адъюнктов.
Почетных членов 10.

Университет

Проректор.
В юридическом факультете.

Профессор общих прав.
" российских прав.
" истории и политики.

В медицинском факультете.

Три профессора из академиков.

В философском факультете.

Профессор философии и физики.
Профессор математики из академиков.
Профессор красноречия и словесных наук.
Профессор древностей и ориентальных языков.

Тридцать студентов.
Два педеля.
Писарь при университетских собраниях.
Четыре сторожа.

Президенту и вице-президенту	4800
Ординарным	7740
Экстраординарным	5940
Адъюнктам	3340
Юридический факультет 3	2580
Медицинский факультет прибавки по 200 3-м	600
В философском факультете 3 по 860	2580
30 студентам	3000
60 гимназистам	2160
Учителям	2000
	34740

	Географии.
	Астрономии.
Математический	Механики.
	Высшей математики.
	Физики.
	Анатомии.
Физический	Химии.

Ботаники.
Истории.
Юриспруденции.
Исторический Ориентальных языков.
Философии и красноречия.

Академиков 12 по 660	7920
Экстраординарных 3 по 500	1500
Адъюнктов 12 по 360	4320
	13740
Почетных жалованных членов	2000

Президент.

Глава третия

О регламенте Академии наук

Из предложенной табели академического стата довольно явствует, что толь разных департаментов распорядок требует не токмо больше, нежели Теплова, знания и смыслу (которые он притом по большей части в коварства употребляет), но и самому ученому человеку, главное свое старание к пользе отечества простирающему, одному тягостен будет. Итак, не токмо по моему мнению, но и по прехвальному и высочайшему примеру, данному от всемилостивейшей монаршеской воли в сочинении нового российского уложения, надлежит поручить сочинение Академического регламента нескольким ученым людям, в которых смотреть следующего: 1) чтобы они были те, которые порядочно продолжали свое учение здесь и в других государств академиях или университетах и тем приобрели знание состояния оных; 2) чтобы они были природные россияне или отдали себя в российское подданство вечно, ибо от сих больше должно ожидать усердия; 3) чтобы они не были участниками нынешнего испорченного академического состояния, ибо опасно, чтобы не стали защищать своих прежних поведений; 4) чтобы в академической службе не имели своих родственников, для которых бы не стали стараться о должностях и чинах, в Академии негодных, или прибавлять в стате жалованья.

Итак, хотя я имею к Академическому регламенту довольно материи, однако оное до нарочного всемилостивейшего учреждения оставляю. Ныне только предлагаю оного план, или оглавления по департаментам.

Часть 1

О Академическом собрании

Глава 1. О упражнениях всех академиков вообще и каждого особливо.
Глава 2. О должности секретаря конференции и других при ней служителей.
Глава 3. О приватных собраниях.
Глава 4. О «Комментариях» и других сочинениях.
Глава 5. О публичных торжествах.
Глава 6. О задачах и награждениях вне Академии.

Часть 2

О Университете

Глава 1. О ректоре университетском.
Глава 2. О лекциях.
Глава 3. О диспутах.
Глава 4. О произведениях в градусы.
Глава 5. О произведении студентов в Гимназии.
Глава 6. О сочинениях университетских.
Глава 7. О приеме студентов извне Академии.
Глава 8. О посылке студентов в чужие краи на академическом содержании и на их собственном под протекцию и смотрением академическим.

Часть 3

О Академии художеств

Глава 1. О собраниях и заседаниях.
Глава 2. О должности каждого члена и о смотрении над художествами.
Глава 3. О сношениях с академиками.
Глава 4. О произведениях в мастеры.

Часть 4

О Российском собрании

Глава 1. О упражнениях и должностях членов.
Глава 2. О собраниях и заседаниях.
Глава 3. О сочинениях их и изданиях.
Глава 4. О приеме членов извне Академии.

Часть 5

О Гимназии

Глава 1. О учителях.
Глава 2. О расположении часов, в которых учить, и чему, и по каким книгам.
Глава 3. О школьных и домашних задачах.
Глава 4. О приеме школьников.
Глава 5. О содержании школьников.
Глава 6. О свидетельстве школьников и о переводе по классам.

Часть 6

О Библиотеке и Кунсткамере

Глава 1. О содержании и расположении Библиотеки и Кунсткамеры.
Глава 2. О пускании гостей.
Глава 3. О употреблении книг от академических служителей.
Глава 4. О выписке книг и всяких вещей в Библиотеку и Кунсткамеру.

Часть 7

О Канцелярии

Глава 1. О должности канцелярской.
Глава 2. О заседаниях.
Глава 3. О порядках.
Глава 4. О смотрении наук и художеств.
Глава 5. О содержании жалованной суммы.
Глава 6. О содержании и поведении книжной продажи.
Глава 7. О прочих делах, до комиссарства и экономии надлежащих.
Глава 8. О награждениях и штрафах по всем департаментам.

1758—1759 годы

План регламента, проект штата, перечень привилегий и программа инавгурации Академического университета

Регламент университетский

1) Стат университетский

Проректор прибавочного к профессорскому 300

1. Факультет юридический

1. Профессор универсального права 660
2. Профессор российского права 660
3. Профессор истории и политики 660

2. Факультет медицинский

4. Химии профессор	из академиков,	
5. Ботаники профессор	прибавки по	
6. Анатомии профессор	200 р.	600

3. Факультет философский

7. Философии и истории литеральной	660
8. Физики профессор из академиков прибавки[1]	200
9. Математики из академиков прибавки	200
10. Красноречия и древностей	660
11. Ориентальных языков	660
Тридцати студентам по 100 р.	3000
Два педеля по 96 р.	192
Писарь	200
Два сторожа по 24 р.	48
	8700

2) Регламент университетский

Часть 1. О учащих

Глава 1. О произведении и приеме профессоров и о их содержании.
« 2. О профессорских должностях.
« 3. О их сочинениях.
« 4. О диспутах и других экзерциях.
Глава 5. О произведениях в градусы.
« 6. О принятии профессорами должностей в других командах.
« 7. О магистрах учащих.
« 8. О должности проректорской.

Часть 2. О учащихся

Глава 1. О произведении и приеме студентов.
« 2. О разделении их на три класса и о хождении их на лекции.
« 3. О содержании студентов.
« 4. О студентских экзерциях.
« 5. О экзаменах и произведениях.
« 6. О студентских узаконениях, награждениях и наказаниях.
« 7. О выпусках студентов.

3) Привилегии

1. Чтобы Университет имел власть производить в градусы высочайшим монаршеским именем.

2. Чтобы по здешним законам назначить пристойные ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы.

3. Снять полицейские тягости.

4. Уволять на каникулярные дни.

5. Сумму отпускать прежде всех и никакого не чинить изъятия,

разве именным указом точно на оную будет указано.

6. Студентов не водить в полицию, но прямо в Академию.

7. Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях.

4) Порядок инавгурации

Приуготовление

1. Публичный гимназический экзамен гимназистов верхнего класса к произведению в студенты.

2. Экзамен в градусы. Диспуты или речи.
Избрание проректора.

3. Программа.

4. Расположение мест.

Действие

1. Обедня с концертом и с проповедью.
2. Чтение привилегий.
3. Благодарный молебен с пальбою и с музыкою.
4. Речь благодарственная е. и. величеству.
5. Назначение проректора и деканов.
6. Произвождение в градусы.
7. Обед с пальбою и с музыкою.

Следствие

1. Напечатание всего действия.
2. Поздравление на домах.
3. Рассылка копий с привилегий и прочего по всем университетам.

Не позднее июля 23 дня 1759 года

Проект речи в Академическом собрании о переустройстве Университета

〈...〉Вы знаете, почтеннейшие коллеги, что в преподанном Академии уставе постановлено учредить в ней Университет по образцу тех, которые процветают у прочих европейских народов. Тем не менее это дело, до сих пор не осуществленное, слишком долго задерживается на своей начальной стадии. Разбирать причины этого было бы занятием столь же неприятным, сколь и долгим. Поэтому я объявляю вам волю его превосходительства президента, который возложил на меня обязанность предложить вам то, что я по его приказанию написал по вопросу о правильном устроении Петербургского университета, для того чтобы вы вынесли решение сообразно с вашим авторитетом и ученостью. Он пожелал, чтобы, прежде всего, сегодня вы вынесли заключение, удовлетворяют ли вас льготы и прерогативы, которые я счел

соответствующими вашему удобству и интересам успехов отечественной науки; наконец, нужна ли инавгурация Университета и соответствует ли важности этого дела предложенный мною порядок самого акта или нет. Этот вопрос возник потому, что некоторые лица, недоброжелательно относящиеся к моим начинаниям и трудам, косо смотря на все это, нашептывают покровителям наук то, чем думают либо совершенно уничтожить мои старания, либо по крайней мере помешать им. Более всего они настаивают на следующем: Университет возник уже двенадцать с лишним лет тому назад; поэтому смешна будет столь поздняя инавгурация его. Ответить на это очень легко. Скажите, пожалуйста, кто подумает о существовании Университета там, где не было никакого разделения на факультеты, никакого назначения профессоров по отдельным факультетам, никаких выборов проректоров, никаких расписаний, никаких публичных упражнений, никаких присуждений степеней, почти никаких привилегий, даже почти никаких лекций (ведь те, которые, едва начавшись, были прерваны, скомканные и неполные, едва ли, за исключением немногих, заслуживают названия лекций), где не было, наконец, никакой инавгурации, которая, как я полагаю, воодушевляет университеты на успех, ибо без нее остаются неизвестными привилегии, которыми обычно привлекается учащаяся молодежь, скрыты названия наук, которыми ее можно напитать, и не ясно, каких степеней и званий она может домогаться. Кроме того, противники твердят, что число студентов очень мало, а потому открытие Университета будет бесполезно. Но я им отвечаю: 1) виноват был тот, кто в течение стольких лет пренебрегал Гимназией, отдавая преимущество многочисленным незначительным делам, почему число студентов и сократилось до очень незначительного; 2) для нас нет позора в том, что Университет начинает свой курс с немногих студентов, и в том, чтобы серьезно подумать об их умножении, особенно раз есть прекрасная надежда получить из Академической гимназии избраннейших и алчущих учения юношей, обучая которых вы можете с лучшей стороны показать отечеству свое рвение. Ведь до этого учащиеся, рассеянные по обширнейшему городу, тратили большую часть времени на долгий путь или на служение своим родителям, совращались дурными примерами в порочную жизнь, мерзли, голодные, в рваной одежде и были чужды всякой любви к учению; а теперь соединенные в общежитии, прилично одетые, имея достаточное питание, они могут употреблять и употребляют все свое время на занятия. Приняв все это во внимание, славнейшие мужи, вынесите постановление об этом полезном для отечества деле, о вашем собственном удобстве и о той славе и благодарности, которую вы получите от распространения наук в нашем государстве.

Не позднее января 11 дня 1760 г.

Определение Канцелярии АН о передаче Университета и Гимназии в единоличное ведение Ломоносова

Сего генваря 19 числа в полученном от его высокографского сиятельства Академии г. президента в Канцелярию Академии наук ордере написано: понеже-де чрез разные опыты усмотрено, что учреждению и распорядку, а особливо сочинению регламентов Гимназии и Университета от несогласия разных мнений, также и надлежащему происхождению сих департаментов чинится остановка, и уже многие годы минули не с таким успехом и пользою, каковых бы по справедливости ожидать должно было; и сверх того, сумма, определенная на Университет, исходила по сие время по большой части на другие расходы, так что Академическое комиссарство должно стало Университету многие тысячи; того ради прошедшего 1758 году дан был от его сиятельства ордер г. коллежскому советнику Ломоносову, чтобы он сочинил регламенты для Университета и Гимназии, которые им сочинены и по ордеру его сиятельства отданы в Канцелярию для общего рассмотрения, но как-де еще видно, что дело сие по-прежнему от несогласных мнений претерпевает остановку, а г. Ломоносов между тем, по сочиненному от него регламенту Гимназии поступая с позволения его сиятельства, привел своим старанием Гимназию во много лучшее состояние перед прежним, того ради его сиятельство по данной от е. и. в. власти поручил учреждение и весь распорядок Университета и Гимназии единственно оному г. советнику Ломоносову по сочиненным от него регламентам, полагаясь на его знание и усердие и уповая, что он в произведении до цветущего состояния оных двух департаментов по должности сына отечества со всяким прилежанием и усердием поступать будет. И посему Академической канцелярии чинить ему в произведении сей на него единственно положенной должности всякое споможение, чтобы никакой больше остановки не учинилось в сем нужном деле к приращению наук в отечестве, а особливо чтобы определенную на Университет сумму не токмо не употреблять ни на какие другие расходы, но и недоимочную на прошлые годы в случае надобности для помянутого учреждения выдавать по частям из академической суммы или из книжных лавок в разные термины, чтобы в двенадцать лет расход на Университет с прочими департаментами пришел в равновесие против штата, о чем бы он, г. советник, чрез каждую треть года репортовал его высокографскому сиятельству. И по указу е. и. в. Канцелярия Академии наук приказали: 1) О исполнении во всем по тому его сиятельству повелению во все департаменты послать при экстракте из сего за скрепою секретарскою копии. 2) Производимые по Университету и Гимназии дела исправлять особливым повытьем, причем быть канцеляристу Ивану Дандулину, да журналы и протоколы вести особо, не мешая с прочими текущими по Канцелярии делами. 3) Для Университета и аудитории приискав, нанять дом поблизости Академии. 4) Сколько по академическому штату на Университет и

Гимназию на жалованье и на прочие расходы положено суммы и сколько с начала оного на какие расходы употреблено, также и кто профессоры и прочие чины, принадлежащие к Университету и Гимназии, по имяном были и ныне состоят, и сколько кому жалованья произведено и производится, и что за расходами от университетской и гимназической сумм порознь поныне в остатке, о том также и на сколько по цене из Книжной лавки книг и прочего выдано, у счетных дел учиня со обстоятельством ведомость, предложить в самой крайней скорости. 5) С показанного его сиятельства ордера г. советнику Ломоносову сообщить за скрепою секретарскою копию, регистратору Фирсову о учинении ведомости, а канцеляристу Дандулину о исправлении дел сие определение объявить с подпискою.

Михайло Ломоносов,
Иван Тауберт,
И. Штелин.
Секретарь *Михайло Гурьев*

Подписан генваря 19 дня 1760 г.

Объявление о расширенном приеме учеников в Гимназию

Его сиятельство Академии наук г. президент граф Кирила Григорьевич Разумовский за благо рассудил для большего приращения наук в России умножить число содержащихся на жалованье академических гимназистов втрое против положенного в стате, которые по окончании гимназического учения производиться будут далее по наукам, и по своим в них успехам надежду иметь могут со временем ученых градусов и чинов достигнуть; во время ж своего в Гимназии учения будут довольствованы готовою пищею, платьем и всеми потребностями, к содержанию учащихся молодых людей надлежащими, под добрым присмотром в их поступках. Того ради всем дворянам и разночинцам, кои детей своих или сродников и состоящих под их опекою к обучению гимназическим наукам своего достатку на содержание не имеют, сим объявляется, чтобы представляли таких молодых людей при челобитье Академической канцелярии, которая о их определении к гимназическим наукам рассмотрительное попечение иметь будет.

Февраля 14—22 дня 1760 г.

И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Вашему высокопревосходительству довольно известно, что Александр Сергеевич[1] весьма жалует Миллера, который нигде не пропускает слу-

чая, чтобы какое-нибудь зло против меня вселять. Того ради не удивлялся я Александра Сергеевича издавна холодности, вместо которой ко мне для любления наук должен был я ожидать такой горячности, какую вы оказали ко мне и его сиятельство Роман Ларионович, приехав из Москвы. Имея охоту к российским словесным наукам и к минералам, как бы можно было пренебрегать меня, если бы от Миллера предуверение не усилилось. К сему присовокупилось еще новое неудовольствие, что я печатать отсоветываю французскую речь, не ради того, что она весьма нескладна, но для того, что все учиненные в ней похвалы для России тем самым опровергаются, что он, не зная российского языка, рассуждает о российских стихотворцах и ставит тех в параллель, которые в параллеле стоять не могут. Ваше превосходительство праведно рассуждаете по его тихим поступкам, чтобы мог кого изобидеть. И я сам вчерась бранным словам его не верил, пока великой перемены в глазах и во всем его лице не увидел. Всю процессию могу с вашего высокопревосходительства позволения при нем на словах представить. Я сожалею сердечно, что вас принужден представлением утруждать о моей неповинности, а особливо видя из вашего письма, что вы уже моего обидчика защищаете. Едва принимаю смелость послать к вам сии строки и нонче бы не послал, если бы меня общая польза отечества к тому не побуждала. Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы, и для того ваше высокопревосходительство всеуниженно прошу постараться, чтобы из Конференции, при дворе учрежденной, дан был формуляр привилегии по прошению его сиятельства Академии наук г. президента, чего при сем копии сообщаю. Сие будет большее всех благодеяние, которое ваше высокопревосходительство мне в жизнь сделали. По окончании сего только хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть было персон высокородных, которые мне низкою моею породою попрекают, видя меня, как бельмо на глазе, хотя я своей чести достиг не слепым счастием, но данным мне от бога талантом, трудолюбием и терпением крайней бедности добровольно для учения. И хотя я от Александра Сергеевича мог бы по справедливости требовать удовольствия за такую публичную обиду, однако я уже оное имею чрез то, что при том постоянные люди сказали, чтобы я причел его молодости, и его приятель тогда ж говорил, что я напрасно обижен. А больше всего тем я оправдан, что он, попрекая недворянство, сам поступил не по-дворянски. Итак, все позабывая, еще всеуниженно прошу вашим предстательством для пользы учащихся россиян споспешествовать университетской привилегии[2], которая, может быть, и для Московского университета несколько послужит.

Милостивый государь, вашего
высокопревосходительства
всеуниженный слуга
Михайло Ломоносов

Апреля 17 дня 1760 г.

Определение Канцелярии АН об исходатайствовании денежных средств на постройку новых академических зданий

Когда блаженныя и вечнодостойныя памяти государь император Петр Великий в 1724-м учредил Академию наук, то в то же время указать изволил для оной на Васильевском острове, позади новопостроенных тогда палат библиотеки и кунсткамеры и позади отданного под Академию дома блаженныя памяти государыни царицы Параскевии Федоровны сделать наподобие замка каменное строение, в котором бы как профессоры, так и прочие при Академии нужные чины жительство иметь могли, которому строению тогда же сделан был проект полковником Трезиным. Учрежденная после того для порядочного расположения Санкт-Петербургского строения комиссия сочинила вторичный проект о соединении в один корпус всех академических департаментов, который также, за неопределением суммы, остался без исполнения. А понеже Академический корпус с того времени знатно умножился и некоторые департаменты, яко Химическая лаборатория, Театр анатомический, Ботанический огород, Университет и Гимназия, по крайней необходимости учреждены от главного Академического корпуса в отдаленных разных местах, отчасти в купленных, а отчасти в наемных домах, также многие академические чины и служители живут по разным частям города в немалом расстоянии, и от сих обстоятельств происходят следующие затруднения: 1) профессоры университетские для чтения лекций принуждены из квартир своих ходить чрез нарочитое расстояние, а особливо осенью и весною, в ненастные дни не без чувствительной трудности, и в одном том хождении теряют немалую часть определенного для учения времени; равномерно и академики, яко физик, астроном, механик, анатомик и прочие, для удаленных квартир не могут удобно исправлять своей должности; 2) когда они друг от друга в опытах взаимной помощи требуют, то для разделения по разным в знатном расстоянии квартирам того чинить не могут; 3) для найму профессорам квартир, а особливо иностранным, не знающим здешних обрядов, принуждена бывает Канцелярия вступать с хозяевами домов в контракты не без излишней заботы, и оные профессоры, живучи в приватных домах, не редко претерпевают беспокойство для полицейских должностей и помешательство в науках; 4) разных наук и художеств ученики, которые в Академии обучаются и содержатся на академическом жалованье, живут по разным местам у своих родителей или свойственников и для того, поздным приходом и отговариваясь иногда притворною болезнею, много времени прогуливают; 5) художники ради дальнего расстояния приходить не могут в надлежащее время, а хотя и придут, однако усталые и отдыху требуют, отчего чинится та же напрасная трата времени и в работах медление; 6) оные ж художники для дальнего отстояния своих квартир, прогуливая

свои дни, свободно могут извиниться болезнию и что они о той в Академии объявить не могли, не имея кого послать, а когда действительно больны, что нередко многим вдруг случается, то дальности ради по разным частям города академическому лекарю по всем ходить не только для лечения, но и для свидетельства невозможно; 7) в разных местах в знатном расстоянии разделенные академические департаменты весьма препятствуют, что командиры Академии не могут везде осматривать, все ли дела должным порядком происходят; 8) для надзирания и рассылок по толь разнорассеянным департаментам и квартирам должна Академия употреблять излишних служителей и расходы; 9) на квартирные деньги профессорам по их контрактам, на перестройку и починку отдаленных академических и наемных домов изошли из казны е. и. в. многие тысячи и впредь исходить будут, а от вышеписанных великих неудобностей, ежели оные отвращены не будут, всегда происходить будут препятствия в распространении наук и художеств в отечестве. А иным от того избавиться не можно, как только соединением всех академических департаментов в один корпус и всех служителей в одно здание по примеру Сухопутного и Морского шляхетных корпусов и других сему подобных учреждений, почему в прошлом 1757-м году г. коллежский советник Ломоносов вновь представлял в Академической канцелярии о построении академического корпуса на лугу против коллегий и по ордеру его высокографского сиятельства Академии г. президента сочинил он тому строению примерные планы и фасады, также купно с архитектором академическим показал примерный счет, что на оное строение потребно суммы до девяноста тысяч рублев. Того ради по указу е. и. в. Канцелярии Академии наук приказали: в правительствующий Сенат взнесть доношение, которым просить, не соблаговолено ль будет для толь нужного соединения академических департаментов в здание одного корпуса к скорейшему произведению и приращению наук и художеств определить вышепомянутую сумму девяносто тысяч рублев и выдавать разделенно на пять лет по равным частям, а как оное главное строение академического корпуса расположено, тому представить оные примерные планы и фасады со описанием на рассмотрение Правительствующему Сенату.

Михайло Ломоносов,
Иван Тауберт,
И. Штелин.
Секретарь *Михайло Гурьев*

Мая 23 дня 1760 г.

Указ Канцелярии АН в Академическое собрание о представлении всеми профессорами заключений по вопросу об учреждении гимназий и школ

Указ е. и. в. самодержицы всероссийской, из Канцелярии Академии наук в профессорское собрание. Указом е. и. в. из правительствующего Сената Канцелярии Академии наук, по представлению Московского университета куратора, действительного камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова о заведении по городам гимназий и школ велено, в которых именно городах, и сколь великие те гимназии и школы, и в каком числе людей и учителей быть имеют, и на содержание их, по мнению его превосходительства, какая сумма потребна, сочиня статы, подать в правительствующий Сенат. А к тому сочинению штатов, ежели потребны будут Академии какие ведомости или рассуждения от членов академических, оные бы тотчас сообщить его превосходительству. А сего декабря 7 дня его превосходительство сообщением требует, чтоб во исполнение того указа сделать Академии наук гг. членам свое мнение, каким образом оные гимназии и школы учреждены быть должны, и сообщить к его превосходительству. Того ради по указу е. и. в. канцелярия Академии наук приказала: в профессорское собрание послать указ и велеть, чтоб все гг. профессоры, в которых именно городах надлежит быть гимназиям и школам, также каким должно во оных новоучреждаемых гимназиях и школах наукам и учениям преподаваться, о том каждому подать письменное свое мнение в Канцелярию в самом скором времени при репорте. И профессорскому собранию учинить о том по сему е. и. в. указу.

Михайло Ломоносов.
Секретарь *Михайло Гурьев,*
Коллегии-юнкер *Иван Орлов*

Декабря 7 дня 1760 г.

Докладная записка о мерах к приведению Академии наук «в доброе состояние»

Краткий способ приведения Академии наук
«в доброе состояние»

1

Учинить надобно в голосах равновесие между российскими и иноземцами и ради того прибавить в Канцелярию члена российского. По моему мнению, весьма к тому способен г. профессор Котельников, человек ученый, порядочный, смышленый и трезвый.

2

Для известных противоборств и препятствий к приращению наук не иметь никакого дела до наук г. Тауберту, а стараться ему привести в добрый порядок Библиотеку и Кунсткамеру и Книжную лавку и больше попечения иметь о надлежащем числе и расположении нужных книг, коих у нас многих нет, нежели о внешнем виде, чтоб только в глаза бросалось. Порученные мне единственно департаменты — Университет и Гимназия, невзирая на великие соперников противления и хулу, состоят в хорошем порядке, а где г. Тауберт голос имеет, тут ужасные остановки. Я думаю, что можно науки поверить лучше двум россиянам, мне и г. Котельникову: довольно и так иноземцы русскому юношеству недоброхотством в происхождении препятствовали.

3

А для лучшего удовольствия и покоя отделить определенную сумму на науки в особливое комиссарство и учредить особливое повытье, ибо с самого начала Академии науки претерпевали нужду, будучи главное дело, а деньги исходили на пристройки, починки, на ненужные покупки и прочее. И так ныне академическое комиссарство должно наукам около семидесяти тысяч рублев.

4

Секретарь конференции в тех академиях надобен, где нет канцелярии, а у нас он совсем излишен, и, сверх того, нынешний — недобрый человек, с начала Академии возмутитель и недоброхот России. Без него и без всякого протоколы конференции, как и прежде было, может вести актуариус и все члены подписывать. Переписку с иностранными иметь должен каждый академик по своей профессии, равно как каждый — сочинить на свою диссертацию сокращение в «Комментарии», что не токмо Миллеру-невежде, но и полигистору трудно исполнить. Довольно ему работ, чтобы верно и без шиканов писать «Историю сибирскую» и «Ежемесячные сочинения».

Инструментальное художество заведено при Академии для делания инструментов по профессорским изобретениям, а ныне в руках у г. Тауберта. С нуждою и я для опытов достаю позволение, то подумать можно, чего надеяться могут прочие академики. Для того весьма надобно определить некоторых инструментальщиков, кои бы единственно работали изобретения профессорские и принадлежали к департаменту наук. Тогда и ленивые не могут отговориться, что по их идеям ничего не делают, и должны будут дать ответ, ради чего не трудятся, и, словом, будет можно их заставить думать, чтобы напрасно не брали денег.

Таким образом, несумненно уповаю, что Академия придет в цветущее состояние, застарелое зло искоренится, и иная будет — не смех, но пример другим командам.

Января 19 — мая 31 дня 1761 г.

Представление в Канцелярию АН об ускорении выпуска «Комментариев» Академии и о печатании всех диссертаций в русском переводе

В Канцелярию Академии наук

Представление

Известно Канцелярии академической, коль коснительно «Комментарии» здешние в свет издаются, от чего следующий вред происходит: 1) ученый свет не может пользоваться тем, что новое наша Академия найдет; 2) новые изобретения остаются без объявления в свете и нередко в других академиях те же выходят прежде здешнего; 3) академики ради коснения теряют охоту, чтобы в чем трудиться, не надеясь себя скоро показать свету; 4) Академия носит на себе нарекание здесь, затем что здешние охотники не видят прямых трудов академических. Для отвращения и избежания помянутых непристойностей и вреду Канцелярии сим представляю, чтобы 1) диссертации академические издавать на всякую треть по частям, а по прошествии года, сочинив общее предисловие и титул, собирать в один том; 2) сокращения диссертаций должен сочинить сам автор, ибо он свое сочинение лучше, нежели кто другой, разумеет и не сделает остановки печатанью, не имея нужды требовать от других помощи; 3) все диссертации переводить на российский язык и на оном печатать. Чрез сие избежим роптания, и общество российское не останется без пользы. И сверх того, студенты, коих я на то назначу, будут привыкать к переводам и сочинениям диссертаций с профессорских примеров.

Михайло Ломоносов

Февраля 3 дня 1761 г.

Определение Канцелярии АН о расписании обедов и ужинов студентов и гимназистов

Понеже академические студенты и гимназисты приносят жалобу словесно, что им приготовляется пища всегда одинакая, что-де им уже наскучило, и просили, чтоб им впредь приказано было приготовлять ествы разные. И по указу е. и. в. Канцелярия Академии наук приказали: оным студентам и гимназистам ествы приготовлять по приложенному при сем расписанию попеременно, а именно студентам в обед по пяти, в ужин по три, гимназистам в обед по три, в ужин по две. И о том к г. профессору Модераху послать ордер, причем и с расписания сообщить копию.

Михайло Ломоносов

Февраля 20 дня 1761 г.

[Расписание]

Рыбы варить и жарить

1. Осетрину.
2. Белужину.
3. Треску сухую.
4. Лососину.
5. Свежую.

Хлебное

1. Кашу гречневую.
2. « просовую.
2. « овсяную.
4. Пироги с капустою.
5. « с груздями.
6. « с грешневою кашею и снетками.

Студеное

1. Вязигу.
2. Кисель овсяный с сытою [1].
3. Огурцы.
4. Студень.
5. Редьку.
6. Толокно.
7. Свеклу.

Похлебки

1. Шти с соленою рыбою.
2. Шти с сушеными снетками.
3. Кашицу грешневую или овсяную с соленою рыбою.
4. Кашицу с потрохами.
5. Кашицу овсяную с снетками свежими или сухими.
6. Калью[2].
7. Селянку.
8. Горох.
9. Чечевицу.
10. Грибовницу[3].
11. Уху свежую.
12. Репницу[4].
13. Лапшу соковую[5].
14. Лапшу гороховую.
15. Уху с клиотскими[6].

Секретарь *Михайло Гурьев*

Определение Канцелярии АН о новом порядке снабжения студентов и гимназистов учебниками

Сего числа в присутствии Канцелярии Академии наук г. коллежский советник Ломоносов словесно предлагал: инспектор-де Гимназии письменно ему объявил, что у студентов и учеников есть великий недостаток в книгах, ибо-де иным не все, а другим никаких не выдано, отчегоде в учении делается немалая остановка, да и прежде при произвождении из учеников в студенты и при переведении учеников из нижних в верхние классы, а также и когда новые ученики принимаются на казенное иждивение, книги часто надобны бывают, которых иногда одна, а иногда больше, по обстоятельствам смотря, потребно, и чтоб книги выдавать из Книжной лавки, также и выписывать из-за моря по требованию инспектора Гимназии и отдавать ему, в коих от него, инспектора, по окончании года и отчет подаван быть имеет. Того ради по указу е. и. в. Канцелярия Академии наук приказали: какие книги для Уни-

верситета и Гимназии потребны будут отпущать и выписывать из-за моря по требованию инспектора Гимназии и отдавать ему с распискою и сколько по цене в каждый год книг отпущено и выписано будет, подавать в Канцелярию счеты, также от инспектора Гимназии отчет, по которым тогда деньги за оные по окончании года возвращать в Книжную лавку из университетской и гимназической суммы, и о том комиссару Зоромирскому и бухгалтеру Прейсеру дать генеральные ордеры.

Михайло Ломоносов,
Иван Тауберт,
И. Штелин.
Секретарь *Михайло Гурьев*

Мая 18 дня 1761 г.

Проект регламента Академии наук[1]

... писать слов заносительных, подающих причину к ссорам и несогласию, а наипаче касающихся до поношения чести или какой укоризны.

7

Ежели кто в собрании произнесет слово, подающее повод к ссорам или оскорбительное своему товарищу, тому штраф — молчание, ежели же ослушается, то штраф денежный.

8

Чего ради продолжающейся между двумя академиками ученой распре секретарю весьма должно быть внимательну, и когда кто преступит против седьмого пункта, то дать знак тотчас к молчанию и записывать в журнал, объявя наперед преступившему вину его учтивым образом.

9

Все сомнительные распри, не принимающие геометрического доказательства, решить по большинству голосов.

10

Когда же академики не согласятся в своих мнениях, то секретарю записать в журнал все мнения и всякому академику свое подписать особливо. В прочем секретарь должен вести журнал так, как в коллегиях и в канцеляриях.

11

Секретарь должен записывать в журнал все, что в каждом собрании делано со всеми обстоятельствами, и вносить читанные в оном сочинении и письма, по которым было рассуждение. По сему журналу должен сочинять историю с приобщением своего рассуждения, что по ученым делам происходило, и публиковать в начале следующего года на российском языке.

12

Секретарь должен быть один бессменно и когда по какой-нибудь важной нужде отлучится или за болезнию дела своего отправить не возможет, то имеет волю поручить свое дело кому пожелает из академиков.

13

Понеже элевам должно приучаться к делам, по наукам происходящим, то позволяется профессорам приводить своих элевов в собрание, когда пожелают, которым сидеть позади своих профессоров, слушать со вниманием и в разговоры академиков не мешаться, разве о чем спросит президент или в небытность его вице-президент и прикажет дать свое мнение.

14

Никому из посторонних в собрание входить не позволяется, разве с докладу и позволения в собрании, а места не давать, кроме тех, кои полковничий ранг имеют или ученый градус.

15

Имеющего представить Академии своего сочинения книгу или своего изобретения машину для апробации должен секретарь представить собранию академиков с ведома призидентского.

16

В назначенные дни и часы академического заседания должны академики в собрание приходить исправно, разве кому воспрепятствует болезнь или законная нужда, и тогда подать весть секретарю письменно, а оный предложит собранию.

17

На каждое собрание должен по крайней мере один из академиков по очереди принесть какое-нибудь новое сочинение, примечание, представить опыт или наблюдение.

18

Президент может уволить академика для собственных его нужд на шесть недель и объявить правительствующему Сенату.

19

Вакация, или успокоение от трудов академических, по примеру прочих академий имеет продолжиться с 1 майя по пятое-надесят июня, в которое академики от своих трудов уволяются и имеют свободу на сие время отъехать куда пожелают в пределах Российского государства.

20

В награждение прилежного хождения в собрание давать каждый раз присутствовавшим нарочно сделанные на то медали небольшой цены.

21

Дабы в печатании сочинений и переводов академиков не было остановки, ибо тем больше охота авторов к сочинению возрастает, чем скорее на свет выходят дела оных, то должны сочинения академиков в печати иметь первенство.

Глава V

1

Науки академические все разделяются наиспособнее на три класса: математический, физический и философический.

2

По сему наук разделению должны и издаваемые академиков сочинения расположены быть в «Комментариях» в три класса: в математический, физический и философический.

3

«Комментарии» должны выходить погодно, каждый год по одному тому.

4

Выбор сочинений, вносимых в «Комментарии», должны иметь из каждого класса два старшие профессоры: два из математического класса, два из физического, два из философического.

5

Вносить в «Комментарии» сочинения профессоров ординарных, экстраординарных, адъюнктов и почетных членов; корреспондентов — по согласию всех академиков с дозволения президентского, с прописанием достоинства сочинения.

6

«Комментарии» издавать на латинском или на российском языке с присовокуплением академической истории по наукам, в сочинении которой остерегаться от изображений, умаляющих славу Академии и академиков.

Глава VI

О публичных академических собраниях

1

Публичные академические собрания должны быть каждый год по два раза: одно на другой день после нового года — 2 генваря; а другое после торжественного праздника восшествия е. и. в. на всероссийский престол — 1 июля.

2

Во всяком собрании должны читать два академика о разных материях на российском языке. Ежели же между русскими академиками будут иноземцы, российского языка не знающие, то оное чтение расположить так, чтобы один читал на латинском языке, а другой — на российском.

3

Предлагаемые сочинения в публичных собраниях не должны быть о высоких материях и для уразумения требующих глубокого в науках знания, как то тонкие и подробные исследования в астрономии, механике и физике, соединенные с математическими выкладками, но о материях внятных, и привлекающих внимание слушателей.

4

Академики должны отправлять поочередно в публичных собраниях чтение. Ежели же кто из очередных занеможет или в отлучке будет по делам академическим, то имеет заступить его должность тот, кому президент именно прикажет.

5

Ко всякому публичному акту имеют приготовиться два академика из разных классов наук, но, чтоб и в том не было замешательства, кому наперед приготовиться, старшинство наблюдаться должно.

6

Публичный акт более двух часов продолжаться не должен.

7

В публичных собраниях сидеть академикам тем же порядком, как и в приватных.

8

Речи или сочинения, к публичному акту приготовленные, прежде акта должны быть напечатаны, хотя сие и не совсем нужно.

9

В публичное собрание позволяется войти всякому, чин имеющему или в науках упражняющемуся человеку.

Глава VII

О задачах и награждениях

1

Понеже науки процветают побуждением ученых людей, того ради предлагать ежегодно ученому свету по одной задаче с награждением ста червонцев или в оную цену золотой медали тому, чье решение Академия признает за достойное.

2

Задачи предлагать при публичных актах, которые будут отправляться с начала каждого года, генваря втораго дня впредь на восемь месяцев, чего ради имеющие трудиться в решении оных за положенное награждение должны присылать свои сочинения к первому числу ноября; а по прошествии сего срока не примутся.

3

К решению предлагаемых от Академии задач приглашается всяк, выключая академиков, ординарных, экстраординарных и адъюнктов.

4

Задачи оные должно предлагать по классам наук попеременно: раз из математического класса, раз из физического и раз из философического.

5

Всяк свое решение должен адресовать прямо в Академию с надписью по обыкновению и приобщением особливого письма с объявлением своего имени, которое откроется по удостоении сочинения к награждению.

6

Как сии пакеты, так и другие, адресованные в Академию, должен принимать секретарь Академии и распечатывать в собрании, а вне собрания отнюдь не распечатывать.

Июля 1762 года — не позднее марта 4 дня 1764 года.

Отчет о состоянии Университета и Гимназии

О состоянии Университета

Студентов ныне всех состоит семнадцать человек, кроме посланного одного за море, из новых — Лепехина[1], да при Географическом департаменте Ильи Абрамова[2] из старых. По объявлению г. профессора Котельникова ведут себя студенты перед прежним весьма смирно, и я не слыхал от них никаких друг на друга жалоб. О успехах их на бывшем перед новым годом экзамене следующее от гг. профессоров, к тому назначенных, репортовано.

Лекции прошлого года продолжались бесперерывно. И ныне начались по каталогу, который при сем прилагается. Через год из помянутых студентов человеков двух надеяться можно адъюнктов, ежели прежнее употребят прилежание, которые будут действительные академические питомцы, с самого начала из нижних классов по наукам произведенные, а не из других школ выпрошенные[3].

О состоянии Гимназии

Обучение во всех классах происходит по силе апробованного вашим сиятельством нового учреждения[4] с довольным успехом. Минувшего года произведено из шко[л] нижнего урядного класса в одно слово [нрэб] в средний... человек; из школ средних классов в верхние... человек[5]. Из верхнего класса в студенты произвождения не было, затем что учители верхних классов гг. Козицкий и Мотонис с полгода были больны. И хотя между гимназистами верхнего класса есть острые головы, однако еще в оном недавно и летами очень молоды; для того не во вред им будет, когда еще год в оном пробудут.

Что ж до поведения гимназистов надлежит, то легко подумать можно, что малые ребята, как были прежде в вольности и только за неделю до выдачи жалованья в Гимназию прихаживали, ныне в тесных пределах содержания... Однако уже старые, бывшие на воле привыкают к лучшему, а вновь принимающиеся при нынешнем учреждении, прежняго небрежения не зная, ведут себя подобострастнее. И посему твердо надеюсь, когда старая вольница поведениями поправлена или как скоро для затверделого злонравия из гимназии истреблена будет, то не иначе как нынешние студенты, кои все новые, и гимназисты станут себя вести смирно и порядочно. Число жалованных гимназистов простирается до..., следовательно, по новому стату в комплект недостает... Сие происходит от того, что и по новому стату определенная сумма 36 рублев весьма скудна. По моему мнению, весьма бы надобно прибавить еще по 12 рублев, что учинит в год на весь комплект на 60 человек только 720 рублев — сумма, каковых не одна в Академии исходит на тунеядцев.

Такова прибавка будет служить еще к склонению родителей, коих

дети лучше в младенчестве воспитаны, нежели солдатские, большую часть гимназистов составляющие. Ежели ваше сиятельство рассудить изволите оную прибавку за благо, то с вашего ж позволения намерен я объявить сие печатною программою, показав наук пользу и ваше благонамеренное изволение[6].

Января 28 дня — февраля 5 дня 1763 г.

Отчет о завершенных и незавершенных научных и литературных работах

Роспись сочинениям и другим трудам советника Ломоносова

I. По химии

1) Прежде его бывшие профессоры химии не имели попечения о выстройке лаборатории и не делали никаких опытов, а он исходатайствовал от кабинета сумму и построил своим старанием при Академии каменную лабораторию.

2) Читал в ней студентам химические лекции, показывая опыты.

3) Делал насылаемые из разных команд химические пробы металлов, солей, красок и других вещей.

4) Изыскал фарфоровые составы.

5) Делал опыты разных красок для употребления, а больше для теории цветов, которым сделал новую систему.

6) Изобрел все составы к мозаичному делу, для чего сделал больше четырых тысяч опытов, коих не токмо рецепты сочинял, но и материалы своими руками по большей части развешивал и в печь ставил, несмотря на бывшую тогда жестокую ножную болезнь. И сверх сего мозаичное художество, как делать из оных составов картины живописные, великими и неусыпными трудами привел в совершенство против римского, чего там больше двухсот лет доходили.

7) Делал химические опыты о дистиллации и сублимации без воздуха и приметил не известные еще в ученом свете перемены; еще не изданы.

8) Сочинил диссертацию о химических растворах, где показаны причины, от чего металлы, в крепкой водке растворяясь, производят теплоту и жар, а соли, растворяясь в воде, производят стужу; напечатана в «Комментариях».

9) Сочинил диссертацию о сходстве ртути с серебром и о их разности; еще не издана.

10) Сочинил слово о пользе химии; говорено в публичном собрании и издано.

11) Диссертация о рождении селитры; не издана.

12) Сочинил для студентов краткое руководство физической химии; обучился от него химии студент Клементьев и произведен по экзамене в лабораторы.

13) Изобрел разные зеркальные составы к трубам катоптрическим.

II. По металлургии или рудному делу

1) Сочинил первые основания металлургии или рудных дел.

2) Прибавление к ней о добровольном движении воздуха в рудниках, его ж диссертация из «Комментариев», им же переведенная.

3) Прибавление к ней второе о слоях земных.

4) Слово о рождении металлов от землетрясения.

5) О металлическом блеске диссертация в «Комментариях».

III. В физических науках

В «Комментариях» напечатано:

1) Рассуждение, содержащее новую систему о причинах теплоты и стужи.

2) О подлинной причине упругости воздуха.

3) К тому же прибавление.

4) Метеорологические наблюдения, учиненные во время солнечного затмения.

5) О новом манометре, или о махине для измерения ветра.

Физические сочинения, читанные
в публичных академических собраниях

6) О явлениях электрических на воздухе, где изъяснено о громе, о северном сиянии и о кометах.

7) Новая теория о цветах, утвержденная многими новыми опытами физическими и химическими.

8) О сыскании точного пути на море, со многими новыми инструментами.

9) О твердости и жидкости тел и о замерзании ртути.

10) Наблюдения физические, при прохождении Венеры по Солнцу учиненные, где примечена великая атмосфера около Венеры, что и другие обсерватории в Европе согласно приметили.

Прочие его новые изобретения

11) Центроскопические разные инструменты, коими доказывается: 1) что шар земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменяется, и оттого все отвесы переменяются; 2) что тягость тел не постоянна и всечасно переменяется; 3) от сих действий происходит движение Земли около центра, прилив и отлив в море и отчасти переменная высота в барометре; также и происхождение ветров оттуда ж много зависит. Сие доказывается многими тысячами метеорологических и новых центрических наблюдений, кои советник Ломоносов начал с 1759 года и поныне продолжает.

12) Наблюдения северных сияний, учиненные и нарисованные в разные времена, и сочиняется подлинная оных теория пространно.

13) О возможности мореплавания Северным океаном в Ост-Индию и в Америку с полярною картою, на коей показаны все северные путешествия.

14) О пропорции материи и тягости рассуждения.

15) Морской барометр для предсказания бури на море.

16) Светомерная труба для исследования расстояния и величины неподвижных звезд.

17) Металлический термометр для исследования самых сильных морозов в Сибири, в местах, зимою не проходимых.

В деле

18) Опыты по составлению трубы, чтобы в сумерках ясно видеть.

19) Способы, как фонтаны делать без приводу с высоких мест воды на всякой реке разными фигурами и цветами.

20) Гидроскопическая труба, чтобы дно в море и в реках далее видеть, нежели просто глазами.

21) Жезл морской, инструмент, служащий к точному определению времени на море.

22) Глобус российский в диаметре два фута.

23) Новая центрическая махина.

24) Новые весьма чувствительные весы.

25) Новоизобретенные пружинные весы.

26) Меркуриальный фонтан.

27) Карманный термометр.

28) Новые оптические инструменты для доказательства подлинной теории цветов чрез разделение на простые.

29) Сочиняется новая и верно доказанная система всей физики.

30) Катадиоптрическая оптическая труба об одном зеркале.

31) Читал физические лекции, будучи адъюнктом и профессором.

IV. В поэзии

1) Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворения, по которым и ныне все российские стихотворцы поступают с добрым успехом, и российская поэзия пришла в доброе состояние.

2) Собрал великую часть рифмологии российской.

3) Сочинил 17 од торжественных.

4) 13 од духовных.

5) Сочинил две героические песни о делах Петра Великого.

6) Делал многие изобретения для иллуминаций и для фейерверков и к ним надписи.
7) Надписи же делал к статуям, к обелискам на разные случаи и на погребение блаженныя памяти великия государыни императрицы Елисаветы Петровны.
8) Трагедия «Тамира и Селим».
9) Трагедия «Демофонт».
10) Стихи о пользе стекла.
11) Переводил оды и другие стихи с латинского, французского и немецкого языков на российский.
12) Сочинил притчи и оды анакреонтические.
13) Читал лекции стихотворческие, и по оным обучился поэзии студент Поповский, который после того был профессором красноречия в Московском университете.

V. В оратории и обще в российских словесных науках

1) Сочинил «Российскую грамматику», которая и на немецкий язык переведенная, печатается под моим смотрением.
2) Краткое руководство к красноречию.
3) Панегирик блаженныя памяти государю императору Петру Великому.
4) Панегирик блаженныя памяти государыне императрице Елисавете Петровне.
5) О пользе славенского церковного языка в штиле российском.
6) Собрал лексикон первообразных слов российских.
7) Собрал лучшие российские пословицы.
8) Собраны речи разных языков, между собою сходные.
9) Рассуждения о разделениях и сходствах языков.
10) Сими, кроме того, еще разными сочинениями исправил он штиль российский, который в двадцать лет от начала его старания весьма много отменился к лучшему.

VI. В истории

1) Сочинен краткий летописец российский с родословием и напечатан.
2) Сочинен первый том «Российской истории» и печатается, с филологическими изъяснениями.
3) Собраны многие рукописные известия, до российских дел надлежащие, собственным коштом.
4) Прочитаны многие книги домашних и внешних писателей; из них выписаны всякие надобности в продолжение «Российской истории».

VII. Старание его вообще о академическом благосостоянии и особливо по департаментам, в его смотрение как члену канцелярскому по силе генерального регламента порученным

1) Старался о соединении рассеянных по разным местам академических департаментов, для многих важных в пользу служащих причин, кои показаны в его представлении Канцелярии и в прошении, поданном от его в правительствующий Сенат. Для сего нужного дела расположены его старанием для житья, учения и для всех других нужд департаменты и покои и сделан примерный счет, во что все строение станет; все представлено правительствующему Сенату.
2) Старался весьма о приведении в порядок Географического департамента и для того: 1) произвел в действие сочинение российского нового атласа, о коем прежде его чрез двенадцать лет не было старания; сочиненные под его предводительством карты уже грыдируются; 2) исходатайствовал чрез правительствующий Сенат географические известия изо всех городов российских по 30 пунктам, для того напечатанным и разосланным, и уже половина оных получена в Академию; 3) обретающимся при Географическом департаменте геодезистам и студентам прежде не показываны были сочинения ландкарт, кромс копировки, а его старанием ныне уже некоторые обучены ландкартному делу и могут оные составлять без предводительства; 4) его же старанием учреждены географические экспедиции по всему Российскому государству для наблюдения знатнейших мест долготы и широты для точнейшего сочинения «Российского атласа» и исходатайствованы в правительствующем Сенате для подъема езды всякие нужные потребности; 5) также старался получить известия от Святейшего Синода о монастырях и церквах, а от камер-коллегии о количестве душ для различения величины городов и деревень.

3) Академический университет был в весьма худом состоянии. Студентов было весьма малое число, и те без всякого призрения и порядочного содержания. Лекции были так запущены чрез несколько лет, что и каталоги не были изданы, как водится. А по вручении ему, Ломоносову, в единственное смотрение Университета соединил он студентов в общежитие, снабдил довольным столом, приличным платьем и прочими надобностями. Учредил порядочные лекции и издавал их каталоги, как в университетах водится. Сочинил университетский регламент, который профессорами и самим президентом рассматриван и опробован, и по нем поступают в университете по его повелению. Великое прилагал старание о привилегиях и о жалованной грамоте Университету и всей Академии и с общего совета профессорского и согласия президентского сочинил оную жалованную грамоту для Академии и для университетской инавгурации, которая уже совсем была заготовлена, контрассигнована грос-канцлером графом Михайлом Ларионовичем Воронцовым и предложена к подписанию блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, что кончиною е. в. пресеклось.

4) В Гимназии хотя немало было гимназистов, однако в весьма бедном и бесполезном состоянии, затем что 1) жалованье им давалось в руки, которое брали к себе их родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьников, так что в школы приходили в бедных рубищах, претерпевали наготу и стужу, и стыдно было показать их посторонним людям; притом же пища их была весьма бедная, и чуть иногда хлеб с водою; в таких обстоятельствах наука мало шла им в голову; 2) да и времени им к тому не было, затем что дома должны были служить отцу и матери для бедности, а в Гимназию ходя по дальному расстоянию, теряли лучшие часы и всегда случай имели резвиться и от школы отгуливать. Итак, не дивно, что чрез семь лет не было произведено из Гимназии в университетские студенты ни единого человека. Но после поручения оной гимназии советнику Ломоносову в единственное смотрение все оные неудобствия отвращены и пресечены, ибо гимназисты соединены, как и студенты, в общежитие, снабжены приличною одеждою и общим довольным столом по мере определенного им жалованья, не теряют времени ни ходьбою на дом, ни службою родителям, ни заочною резвостию, будучи у инспектора Гимназии и у нарочных надзирателей перед глазами в одном доме. От него ж, советника Ломоносова, расположены порядочные в Гимназии классы, и притом российские для российского правописания, штиля и красноречия, чего с начала Гимназии до него не бывало. И наконец, сочинены для каждого класса особливые инструкции учителям, и обще для всей Гимназии — регламент с совета профессоров, которыми свидетельствован и опробован от его сиятельства г. президента, и по нему учение в Гимназии производится с несравненно лучшим успехом, ибо в три года произведено из Гимназии в университетские студенты семнадцать человек, экзаменованных и удостоенных профессорами.

5) Представлял советник Ломоносов в Канцелярии письменно о издании внутренних ведомостей российских для экономического знания, например, в зимних месяцах вносить в ведомости (кроме других примечания достойных приключений), коль дороги были по знатным городам разные товары и припасы, каковы были прошлые недавно ярмонки, каковы были дороги и проезды и от каких погод, кто приехал и когда на город новым воеводою, кто сменен; сие разумеется и о знатном духовенстве; в вешних месяцах, когда где река вышла, не было ль чрезвычайного наводнения, когда начали сеять, когда стали суда приходить и отходить и с какими товарами и прочее; в летние месяцы показывать, каков стоит хлеб на пашне, где великие дожди, где пересухи вод и другие нужные для знания обстоятельства; в осенние месяцы — урожай хлеба, удача промыслов и купечества, когда реки замерзли и настала зимняя дорога и прочая. Сие можно исходатайствовать, чтобы правительствующий Сенат указал однажды присылать в Академию еженедельные известия изо всех губернских и других знатнейших городов российских, отчего должно воспоследовать, 1) чтобы Сенат и другие правительства могли ведать всегда о состоянии всего Российского государства и во всех потребных случаях употреблять оные известия в пользу; 2) публика бы тем довольствовалась и 3) Академия бы получала себе всегдашнюю прибыль.

6) Немало предложено было от него и других полезных проектов в Канцелярии, однако также оставлены без внимания, а следовательно, и без полезного употребления.

Не позднее января 19 дня 1764 г.

Представление в Канцелярию АН о неисправном состоянии Академической обсерватории, Физической палаты и Ботанического сада

В Канцелярию Академии наук
Представление

1

Довольно известно и неоспоримо, что Академии наук главные части, составляющие самое ее бытие и существо, суть науки, а прочие департаменты суть дела посторонние, без коих Академия наук в точном разумении свободно и в совершенном своем достоинстве состоять можеть. Пример тому — все в Европе издавна процветающие академии. А здешняя императорская Академия присоединением оных департаментов токмо отягощена, терпит с самого начала великие в происхождении своем препятствия и обращается всегда в замешательствах, затем что оные посторонние департаменты большую часть попечения и внимания на себя отнимают, которые бы единственно на науки употребить надлежало.

2

Не упоминая прошедших времен, ясно сие доказать можно нынешним Академии состоянием, ибо, во-первых, главные профессии с их департаментами состоят почти без действия: астрономия и обсерватория, хотя с самого начала была за переделками по большей части по прихотям и за спорами мало полезна, а ныне и того хуже, затем что кроме выстройки после пожара[1] происходят беспрестанные переделки и новые перепочинки, но сверх того и те, кои при профессорах Дилеле и Гришове на обсерваторию свободный вход имели и с похвалою производили наблюдения, без всякой причины от оной выключены[2], а те, коим она поручена, производят ли что в пользу астрономии, мне неизвестно.

3

В каком добром состоянии была Физическая палата при прежних профессорах, при Крафте и при Рихмане, о том всяк знает довольно, и что Рихман и после пожару содержал физические инструменты в порядке и показывал студентам и знатным гостям физические опыты, также вновь оные для испытания натуры ими делал. Ныне уже несколько лет[3] все физические инструменты лежат без употребления и без призрения. Нет физических экспериментальных лекций, не производятся опыты для исследования натуры по силе регламента и по добрым примерам прежде бывших профессоров физики[4], а о том и спрашивать нечего, чтобы по должности прилагали старание о заведении новоизобретенных ныне в Европе, нужных физических инструментов, каковыми Физическую палату всегда снабдевать должно.

4

Содержание Ботанического сада также немало денег стоит, однако без профессора ботаники все бесполезно, которого выписание несколько лет продолжается. Каким образом оное происходит от секретаря конференции, о том весьма сумнительно и не без причины, ради его прежних подозрительных переписок и других неисправностей в его должности. Между тем Ботанический сад лежит в запустении и больше на дровяной двор походит.

5

О прочих академических профессорских департаментах Канцелярии Академии наук не представляю, но дотоле отлагаю, пока учинено будет о трех вышепоказанных рассмотрение и надлежащее распоряжение, которые без того, наконец, принесут крайний упадок и нарекание Академии, и казна государственная претерпевать будет больше бесполезный убыток.

Михайло Ломоносов

Марта 4 дня 1764 г.

Из «Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии»

§ 1. Изыскивая способ доброго установления и правильного устройства Петербургской Академии наук, как то потребно для вожделенного успеха всех важнейших дел, ко благу общественному направленных, надлежит уразуметь, каким образом, заложив прочнейшие основания, воздвигнуть на них весь состав толикой громады, ибо иначе все будет в колебании, в скольжении, в шатании и, более того, будет угрожать обвалом здания еще до его завершения. Таковые основания содержатся в нижеследующих пунктах:

1. При составлении штата и устава Академии следует позаботиться о том, чтобы все могло пребывать навеки непоколебимым и при всяких обстоятельствах прочным. Поэтому надо остерегаться того и бороться с тем, что и при старом и при нынешнем положении Академии по опыту признано вредным для успеха наук.

2. Надобно иметь перед глазами в качестве превосходных примеров уставы заграничных академий, уже много лет процветающих: тем, что в них есть хорошего и плодотворного, воспользоваться, а то, что не согласуется с остальными установлениями Российской империи, исключить.

3. Нужно установить определенное число академиков, остальных ученых и учащихся достаточное, но не отяготительное для денежных средств, отпускаемых на Академию, и способное обеспечить развитие наук.

4. При распределении должностей и при выработке устава должно установить между старшими и подчиненными сотрудниками постоянную связь, чтобы каждый для каждого, насколько это возможно, был

как бы кровно близок. Из этого последует, что равные между собой, особенно же из числа руководящих академиков, будут жить в дружеском общении и проявлять законную власть по отношению к подчиненным, а эти последние будут оказывать им должное повиновение. Это, помимо пользы для превосходного процветания наук, весьма важно и для того, чтобы Академия приобрела у нас в стране любовь и уважение.

5. Дабы честность и прилежание добрых вознаграждались, пороки злонравных обуздывались, а леность изгонялась, необходимо установить соответствующие правила, в силу коих последнее пресекалось бы, а первое вело бы к наградам.

6. При распределении обязанностей, то есть обязанностей академиков, особенно же между классами и департаментами, нужно соблюдать должную соразмерность: не следует тратить больше труда и средств там, где их требуется меньше, и наоборот, где требуется их больше, там нельзя тратить их меньше, иначе Академия будет похожа на больное тело, обезображенное неравномерным питанием частей.

7. Так как все дело сего славного учреждения заключается единственно в занятии науками и в споспешествовании развитию их, то всячески надо остерегаться, как бы не присовокупились дела, совсем не относящиеся к академической деятельности, и, примешавшись, не затемнили бы самой сущности науки, не задержали бы ее развития и не удушили бы ее вовсе.

8. Обсудив должным образом штат Академии и сочинив устав, надо затем еще раз строго их продумать, чтобы не вкралась какая-либо неясность, которая допускала бы превратные домыслы и толкования.

§ 2. Не упуская из виду вышеизъясненных основных положений, рассмотрим существующее состояние Академического корпуса и прежде всего главных частей его, каковы суть:

1. Собрание профессоров и адъюнктов, которые и представляют собой Академию наук в собственном смысле слова.

2. Университет, который состоит из преподающих профессоров и слушателей, то есть из профессоров и из студентов.

3. Гимназия, состоящая из учителей и учеников.

4. Библиотека и Кунсткамера.

5. Так называемая Академия художеств, которая состоит из некоторого числа художников и учеников и к которой принадлежат также разные мастерские палаты.

6. Типография и Книжная лавка.

7. Географический департамент.

8. Так называемая механическая лаборатория.

9. Ведомостная экспедиция.

10. Переплетная мастерская.

11. Академическая канцелярия, имеющая все это в своем высшем ведении.

§ 3. Рассмотрев и тщательно взвесив все изложенное и сопоставив одно с другим, мы видим, что 1) Академический корпус не схож с тем,

что установлено в других знаменитых европейских академиях, а это идет в разрез с основным положением вторым; 2) допустив в ученое сословие и смешав с ним людей, ему чуждых, более того, даже невежд, помыслы которых устремлены не к развитию наук, а в совершенно другую сторону, мы не можем ожидать ничего, кроме зависти, ссор и озлобления; все это является отступлением от того, что предписано основным положением четвертым; 3) доступное понимание толпы улыбается ей больше и пользуется большим ее вниманием, чем то, что требует углубленных изысканий, а потому к унижению достоинства науки ведет все то любезное черни, что хоть к наукам и присовокуплено, однако вовсе им не родственно. Все вышеупомянутое испытала на себе Академия наук: ее гнетут и почти удушают дела, ей не свойственные и чуждые; поэтому от нее нужно отсечь и отбросить прочь все, что препятствует пользе и успехам наук, остальное же следует расположить в должном порядке и в надлежащей взаимосвязи.

§ 4. Академия наук, Университет, Гимназия, библиотека и кунсткамера одинаково имеют дело с наукой, более того, они связаны между собой тесными узами. Точно так же Географический департамент и механическая лаборатория не менее связаны с одноименными профессиями, чем астрономическая обсерватория, анатомический театр, химическая лаборатория, ботанический сад или физический кабинет с астрономией, анатомией, химией, ботаникой и физикой. Поэтому все это может и должно не только существовать бок о бок и объединяться в составе единой корпорации, но с выгодой для общего дела сливать и соединять усилия. Хотя мы и видим, что в большинстве случаев университеты бывают отделены от академий, однако это разобщение вызывается не разностью занятий, а чаще всего удаленностью друг от друга и численным преобладанием университетов. Но где условия тому благоприятствуют и где совпадает местоположение, там имеем мы достохвальные примеры исполнения академиками профессорских обязанностей в университетах, как, например, в Париже и Геттингене.

§ 5. Прочие части Академии в нынешнем ее устройстве а именно так называемая Академия художеств с мастерскими, типография, книжная лавка, ведомственная экспедиция, переплетная мастерская — все это должно быть отделено от научной корпорации, и каждое учреждение — по своим причинам.

1) Подлинная Академия художеств — это учреждение чрезвычайно деятельное и нуждающееся в отдельной коллегии для ведения множества особых дел под особым же руководством и надзором. Поэтому, чтобы художества не отвлекали от наук и обратно, надо изъять художества из ведения Академии наук, тем более что в этом же городе основана другая Академия художеств, намного опередившая ту, которая у нас является Академией художеств скорее по имени, чем по существу. Великая польза произойдет для художеств, если обе Академии художеств, прочно объединившись в одно целое, совместными усилиями примутся за свое дело. И это соответствовало бы наилучшим заграничным примерам.

2) Печатание и продажа книг нужны для создания Академии не более, чем бумажная фабрика, которая для распространения ученых трудов необходима так же, как типография или книжная лавка. Нельзя указать примера, чтобы какая-нибудь знаменитая академия наук или университет, досадуя на книгопродавцов за их доходы, стремились перехватить их прибыль.

3) Что общего у муз с жалким доходом, получаемым от выпуска «Ведомостей» в ущерб истинной прибыли от успеха наук? Сколько раз это предприятие, связанное с печатанием посторонних вещей, мешало развитию науки, нарушая его ход? Ибо сколько раз Канцелярия, в ведении которой до сих пор находятся все академические дела, вынуждена была, пренебрегая нуждам науки, устремлять все свое внимание на работу, связанную с тем, что правительствующий Сенат, Коллегия иностранных дел и другие учреждения посылают в Академию для перевода на разные языки, напечатания и выпуска в свет: все это само по себе и хорошо и необходимо, но обременительно для Академии, более того, нередко даже и не подобает ей. Если в переводах или в подборе статей для «Ведомостей» оказывается ошибка, то большинство людей, не отдавая себе отчета, что такое наука, винит ее обыкновенно в том, что не имеет к ней никакого отношения.

4) Наконец, жалкая переплетная мастерская оказывается в соседстве с чертогами муз. Для большинства людей внешность книг важнее красот науки. Некоторые доходят до того, что превозносят и расхваливают переплетчиков больше, чем авторов. Они хвастают, что их заботами это ремесло достигло в Академии величайшего совершенства, а о правах науки молчат, как рыбы. Это извращение дошло до того, что переплетчику дали удобную квартиру в академическом здании, тогда как к необходимейшим отраслям науки, какова, например, экспериментальная физика, относятся — о позор! — с презрением и не уделяют им должного внимания: приборам, необходимым для научных опытов и для преподавания юношам естественных наук, сколько уж лет не могут приискать место, где бы можно было не то что добропорядочно их расставить и пускать в дело с наибольшей пользою, а хотя бы только держать в сохранности.

Из бесчисленного множества непорядков достаточно помянуть только эти, чтобы убедиться в том, что не может быть и речи о развитии науки, о соблюдении ее покоя и достоинства, пока упомянутые препятствия не будут устранены, пока научная работа, не засоренная ничем посторонним, выполняемая объединенными дружными усилиями, должным образом распределенная, оснащенная и поставленная, не будет освобождена от ярма и обеспечена нужными средствами.

§ 6. Переходим к высшей власти, предоставленной ныне в Академии президенту и Канцелярии. Так как эта статья особенно важная, составляющая ось вращения всех академических тел, то надо прежде всего установить, что претерпела Академия в итоге вышеупомянутого способа управления, затем ознакомиться с примером иноземных академий и, наконец, подумать, какие решения следует принять по данному

вопросу.

Из всего того, что небезболезненно испытала собственно Академия в узком смысле этого слова, то есть сенаторы и граждане республики ученых, им особенно запомнилось следующее.

Канцелярия с самого начала состояла из людей полуобразованных (это, увы, утверждено уставом), которые распоряжались людьми ученейшими. Особенно позорно то, что невежественные делопроизводители Канцелярии, едва умеющие писать по-русски, дерзают притязать на право голоса в заседаниях этого учреждения. Это повело к тому, что хотя позднее члены стали назначаться туда из числа академиков, однако к великому ущербу науки противная сторона оказывается все же сильнее.

Ходя по дворцу и в знатные домы, выхваливая и подсовывая взамен самой науки ее призрак, раздаривая гравюры, каменные печатки, изящно переплетенные книги, термометры и барометры, солнечные часы и прочие произведения чужого труда и дарования, изготовленные на академические средства, и выдавая себя за ученых, они не упустили ни одного случая использовать в своих выгодах и свою власть, и то обстоятельство, что профессоры, отдаваясь научным занятиям, чуждаются светских толков.

Понимая, что в смысле ученой славы и заслуг они не могут равняться с академиками, а тем более превзойти их, и являясь в то же время их начальством, они стремятся придать себе вес другим путем. Зная о возникающих среди академиков ученых спорах, которые при других условиях обычно дружески улаживаются, они из этих споров извлекают выгоду: разжигают взаимную вражду и в особенности восстанавливают младших против старших; раздувают споры и ссоры; ищут случая, чтобы распустить слухи, вредные для муз, и оговаривают чаще всего тех, кто в силу своих заслуг представляется им наиболее способным противостоять их наглости, а себя выдают за людей, безусловно необходимых для поддержания спокойствия в Академии.

Не буду говорить, сколько вреда нанесли задержки в выплате жалованья академикам, а зачастую даже и пренебрежительный отказ в его выдаче, недостаток книг и необходимых для развития науки приборов, также и прочие неприятности, причиненные Канцелярией Академическому собранию. Оттого-то очевидцами, членами Академии, выжитыми из нее путем обид, и разнесена была даже по чужим странам дурная молва о положении наших ученых. Нельзя удивляться после того, что не только у нас ни один порядочный человек не желает отдать своих детей в Академию на выучку, но и чужестранные ученые, приглашенные в Академию, отказываются ехать в Петербург, несмотря на предлагаемое им крупное жалованье.

Знакомясь с образом действий других европейских академий, мы видим совсем иную картину. Там собрание академиков само себе судья. Никакой посторонний, полуобразованный посредник не допускается до разбора ученых споров. Приходя за получением просимого, не дожидаются у канцелярского порога разрешения войти. Профессоры

не ждут выплаты жалованья и не вымаливают его у невежд, которые поглядывают на них свысока и пугают отказом. Их покоя не нарушают, наконец, сторонние дела, чуждые содружеству муз. Не очевидно ли, что Канцелярия не только не нужна Академии наук, но и отягощает ее, а потому должна быть изринута из подлинного дома науки. Вся власть и управление всеми частями должны быть переданы профессорскому собранию, состоящему под председательством президента Академии, которому в этом почтенном сообществе должно быть отведено первое место. Беспорядочное расходование средств из академической кассы в нарушение академического устава и без малейшей справедливости служит яснейшим доказательством того, что о делах, не имеющих ничего общего с музами, Канцелярия заботилась больше, чем о прямой пользе муз.

§ 7. Изъяв из состава Академии указанные ее части, нужно устроить ее так, чтобы в нее входило достаточное число ученых, которые в своей научной работе уже настолько продвинулись вперед, что могли бы не только сообщать учащимся известное, но исследовать и открывать то, что еще неведомо. Число мужей науки, достаточное для того, чтобы без перевеса или отставания в какой-либо области выполнять задания по всем наукам равномерно, можно установить следующим образом, разделив академиков на три класса: математический, физический и исторический. Первый будет иметь в своем составе математика, астронома, географа и механика; второй — физика, химика, анатома и ботаника; третий — историка, юриста, знатока древностей и знатока восточных языков. В каждом классе будет по одному экстраординарному академику; а при каждом ординарном академике будет по одному адъюнкту. Таким образом, академиков ординарных и экстраординарных, а также адъюнктов будет всего 27 человек. Заметим, что знание металлургии всегда должно требоваться от химика или естествоведа, а физиологии — от анатома или физика, философом же, оратором или поэтом может оказаться любой академик, наиболее преуспевший по этой части. Таковые должны вознаграждаться особо, равно как академический секретарь, казначей, библиотекарь и его заместитель из числа адъюнктов.

Кроме собрания присутствующих или действительных членов Академии наук необходимы в помощь этому славному собранию и для его украшения также и чужестранные почетные члены, число которых определять не следует: они будут выбираться во внимание к их достоинству и заслугам. Но из этого числа чужестранных членов следует избрать десять таких, которые могли бы получать академическое жалованье: по двое в Германии и во Франции и по одному в Англии, Италии, Испании или Португалии, Польше или Швеции, Голландии и Китае.

Не надо определять и число корреспондентов, как это теперь принято: при избрании следует считаться лишь с полезностью научных сношений с ними и с собственным их решением. Надо освободить их от почтовых расходов, каковые должны покрываться из академической

казны.

Расширенная и оснащенная указанным образом, Академия наук будет таковою не только по названию, но и по знаменитым делам своим и по истинной пользе, приносимой государству, и приобретет заслуженную известность во всем мире во славу Российской империи и ее самодержцев <...>

§ 10. Затем следует упомянуть библиотеку и кунсткамеру, а также Географический департамент и механическую лабораторию, попечение о коих поручается академикам. Расписание должностей низких служащих легко изобразить на таблице. Наконец, в большинстве иностранных академий обычно не назначают вице-президентов, но в Берлинской директоры исполняют эти обязанности и, отличаясь от них только званием, пользуются всей властью вице-президента. Университеты же (которые тоже называются академиями) управляются ректорами и проректорами, а у нас в коллегиях этому в точности соответствуют президенты и вице-президенты. Сверх того, так как президентами Академии бывали до сих пор вельможи и царедворцы, которые, сопровождая носителей верховной власти или занятые какими-либо другими обязанностями, не могли отдаваться целиком академическим делам, то ввиду их отлучек и обремененности чуждыми науке занятиями зачастую испытывается нужда в назначении для руководства нашим собранием полномочного заместителя президента, который принадлежал бы к числу старейших академиков и был бы сведущ в разных науках и славен своими заслугами как в нашем отечестве, так и во всем ученом мире.

§ 11. В Академическом регламенте, утвержденном несколько лет тому назад, проявлено недостаточно заботы о развитии наук и о добром имени и славе академиков и самого президента. Дело в том, что за академиками закрепили, и притом в качестве вечного, чин капитана; адъюнкты же и низшие служащие не имеют никаких чинов. Следствием этого является, 1) что в публичных собраниях маститые и заслуженные профессоры оказываются ниже не только коллежских асессоров, но и асессоров второстепенных канцелярий и в частном быту встречают с их стороны пренебрежительное отношение; а угнетенный этим дух не может свободно странствовать по святилищу муз и с легкостью извлекать на свет то, что служит к пользе и к просвещению смертных; 2) к наилучшему прохождению школьных наук приобщаются чаще всего мальчики из простонародья, более же знатные чуждаются этих занятий; провидя в будущем долголетний и неусыпный труд и представив себе предел, достигаемый ценою столь необъятного труда, а именно чин поручика, они, естественно, устрашаются и ищут кратчайшего пути к достижению чинов и должностей, более высоких, чем те, на которые могут рассчитывать в Академии.

Наконец, председательствующие в коллегиях, где им принадлежат большие против прочих почести и власть, приобретают в чужих глазах тем больший вес, чем выше чины их подчиненных, и наоборот. Блеск президента меркнет в значительной степени из-за приниженного поло-

жения академиков: великолепная голова оказывается приставленной к жалкому телу.

Совершенно необходимо, следовательно, чтобы по примеру прочих коллегий профессоры, адъюнкты и все остальные низшие академические служащие были возведены в соответствующие чины, пользовались бы в государстве должным уважением и несли бы свои обязанности с бодрым духом.

Названия должностей	Обязанности	Чины	Жалованье
1	2	3	4
Президент	Управление всем Академическим корпусом по образу коллегий	Не ниже генерал-майора	Как ныне установлено императрицей, всего 2200 рублев
Вице-президент	Второй после президента начальник, как и в прочих коллегиях	Не ниже бригадира	Как ныне установлено императрицей, 1875 рублев
Двенадцать ординарных академиков	Будут исполнять обязанности академиков и профессоров университета	Подполковники; по мере заслуг будут производиться в следующие чины	860 рублев
Три экстраординарных академика	Будут исполнять те же обязанности	Капитаны	660 рублев
Двенадцать адъюнктов академии	Члены академии второго ранга; должны допускаться также к чтению лекций в университете	Поручики	360 рублев

...1. Прочие деньги, назначенные для Академии, следует употребить на экстраординарные расходы, например на наем жилищ, в которых обучающие академики могли бы с удобством жить по соседству с Университетом. Ведь осенняя и весенняя, преимущественно дождливая, погода и грязь на улицах представляют величайшее затруднение для посещающих Университет, так что нередко лекции по этой причине прекращаются.

2. Академия художеств с мастерскими, после того как она будет соединена с недавно учрежденной Академией художеств, будет содержаться на назначенные для этой последней средства.

3. Типография, книжная лавка, ведомостная экспедиция и все то, что к ним относится, будут иметь свои доходы, на которые они могут содержаться с избытком, помня, сверх того, и чувствуя признательность за то, что они возникли и выросли на средства, назначенные для Академии, и не без ущерба для последней.

4. Академическая канцелярия, после того как она будет упразднена и перестанет существовать, не будет требовать никаких расходов; лишние сотрудники и писцы должны быть распределены по другим учреждениям.

5. Устав Академии не может быть написан раньше, чем будет одобрен ее штат, что ожидается.

Мая 21 дня — сентября 10 дня 1764 г.

Представление в Канцелярию АН об отправке некоторых студентов Университета за границу

В Канцелярию Академии наук Представление

1

Чрез многие опыты изведано, сколько труда и хлопот стоит Академии выписывание иностранных членов, также и отпуск оных не всегда без досад и нарекания бывает. Сверх же того много времени миновать еще должно, пока Академия своими природными профессорами наполнится, как то пример минувшего времени показывает. И хотя в штате академическом положено выписывать иностранных профессоров, а о произведении своих изображено недовольно, однако сие неправильно и должно быть к лучшему поправлено, как обще о регламенте гласит ордер его сиятельства Академии наук г. президента.

2

Удобнейший к тому способ подает ныне за четыре года учиненное новое учреждение Академического университета и Гимназии, из которой в студенты всех произведено до двадцати человек, ибо из них для лучшего успеха и совершенства в науках можно отправить других государств в университеты с доброю надеждою плода семь человек, а именно Дмитрия Легкаго, Герасима Шпынева, Афанасья Горина, Петра Иноходцева, Степана Щукина, Ивана Юдина, Степана Кузнецова. И хотя из сих некоторые в студенты произведены и недавно, однако лекции профессорские с достаточным разумением слушать могут и показали хорошее понятие и порядочное поведение в поступках, сверх же того ради молодых своих лет могут удобнее научиться иностранным языкам, между тамошними людьми обращаясь.

3

Итак, Канцелярии академической сим представляю, чтобы помянутых студентов послать для научения разных наук и чтобы видеть в разных землях академии и знатных ученых людей, с определением годового жалованья по триста рублев, а когда будут в переездах из одной земли в другую, давать по четыреста. А где и чему учиться и как долго пробыть им должно в чужих краях, о том дать им указ с инструкцией.

А в сочиняющемся новом стате и регламенте положить, чтобы на академической сумме всегда содержать природных российских студентов за морем не меньше десяти человек, которое число в каждую пять лет из Академического университета производить можно будет удобно. А когда случится недостаток, наполнить из синодальных семинарий или из Московского университета.

4

По сему учреждению и по настоящим затруднениям выписание профессора механики и ботаники отложить, ибо студент Лепехин в Страсбурге обучается с желанными успехами в физических науках, и потому указать ему упражняться паче всех в ботанике еще два года, а третий определить на путешествия, чтобы видеть в других государствах славные ботанические сады и ботаников. Профессора практической механики должность исправит на время г. Пачеко, а новые машины изыскивать и в дело отдавать имеют довольно вымыслов и другие члены, притом еще много есть машин, изобретенных и описанных в «Комментариях», а в дело еще не произведенных.

5

Итак, сие мое представление обще туда представляется, чтобы о выписывании ьновь и о приеме иностранных профессоров беспрочное почти старание вовсе оставить, но крайнее положить попечение о научении и произведении собственных природных и домашних, которые бы служили, назад не оглядываясь и не угрожая контрактом и взятием абшита, а паче всего служили бы к чести отечеству, которой от иностранных нашему народу приписывать невозможно.

Михайло Ломоносов

Июня 2 дня 1764 г.

Из «Краткой истории о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени»

Глава первая

Содержит поведение от начала до нового стата

§ 1. Во время приезда в Санкт-Петербург самых первых профессоров: Германа, двух Бернуллиев, Билфингера, Беккенштейна и других был президент архитектор доктор Лаврентий Блументрост, а у государевой библиотеки представлен библиотекарем, что после был статским советником, Иван-Данил Шумахер, которому президент отдал под смотрение и денежную казну, определенную на Академию.

§ 2. Посему выдача жалованья профессорам стала зависеть от Шумахера, и все, что им надобно, принуждены были просить от него

же. Сверх сего Шумахер, будучи в науках скуден и оставив вовсе упражнение в оных, старался единственно искать себе большей поверенности у Блументроста и у других при дворе приватными прислугами, на что уже и надеясь, поступал с профессорами не таким образом, как бы должно было ему оказывать себя перед людьми, толь учеными и в рассуждении наук великими, от чего скоро воспоследовали неудовольствия и жалобы.

§ 3. Шумахер для укрепления себе присвоенной власти приласкал на помочь студента Миллера, что ныне профессор, и в начатой безо всякого формального учреждения и указа Канцелярии посадил его с собою, ибо усмотрел, что оный Миллер, как еще молодой студент и недалекой в науках надежды, примется охотно за одно с ним ремесло в надежде скорейшего получения чести, в чем Шумахер и не обманулся, ибо сей студент, ходя по профессорам, переносил друг про друга оскорбительные вести и тем привел их в немалые ссоры, которым их несогласием Шумахер весьма пользовался, представляя их у президента смешными и неугомонными.

§ 4. Сверх сего по высокомерию своему презирал оных почтенных мужей и делал многие досады, почему прозван был flagellum professorum, то есть бич на профессоров, которые между тем, жаловавшись и бив челом в Сенате на своих обидчиков, ничего не успели, затем что приобыкли быть всегда при науках, и, не навыкнув разносить по знатным домам поклонов, не могли сыскать себе защищения, и ради того требовали от академической службы абшитов, которые Шумахеровым ходатайством неукоснительно и выправлены.

§ 5. Но чтобы Академия не пуста осталась, или лучше, дабы Шумахер имел под рукою своею молодых профессоров, себе послушных, представил в кандидаты на профессорство пять человек: Ейлера, Гмелина, Вейтбрехта, Крафта и фаворита своего Миллера, чтобы старые профессоры их на свое место аттестовали. О четырех первых отнюдь не обинулись дать свои одобрения, а Миллеру в том отказали, для того ли что признали его недостойным, или что он их много обидел, или и обое купно было тому причиною. Однако в рассуждении сего мнение их не уважено, затем что Шумахеровым представлением Миллер был от Блументроста произведен с прочими в профессоры.

§ 6. Однако Шумахер сим своим промыслом чуть ли не больше проиграл, нежели выиграл. Новый сей профессор, ведая из практики и сообщения шумахерские пронырства, везде стал ему ставить на дороге в его покушениях препятства, пристал к некоторым еще оставшим первым профессорам, также и с новыми соединясь, немалые стал наводить Шумахеру упадки в его власти. Но он выискал новый способ, как бы с шеи сбыть сего соперника, ибо, узнав его охоту побывать в других государствах и надобность съездить в отечество для принятия наследства, присоветовал с оказанием удовольствия, с определенным ему профессорским жалованьем и с подорожными деньгами в путь отправиться под именем яко бы для нужд библиотечных и книгопродажных в Германию.

§ 7. После отъезду Миллерова имел случай Шумахер привести прочих новых профессоров к себе в дружбу и управлять их уже как старший, а его сколько можно унизить худыми об нем идеями, коих он мог сыскать довольно. Да и сам Миллер, надеясь на Шумахерово ласкание, без позволения ездил в Англию, чтобы стать тамошнего ученого собрания членом, также, проезжая Пруссию, был на славном там случившемся тогда каруселе и для показания себя излишные сделал из казны издержки, коих Шумахер по возвращении его в Санкт-Петербург на казенный счет не поставил, отчего произошла великая распря, и Шумахер взял верх, так что Миллер рад был тогдашнему случаю отправиться в Камчатскую экспедицию.

§ 8. Около сего времени взяты были из Московских Заиконоспасских школ двенадцать человек школьников в Академию наук, между коими находился бывший после профессор натуральной истории Крашенинников (ибо в самой Академии о изучении российского юношества почти никакого не было попечения). Оных половина взяты с профессорами в Камчатскую экспедицию, из коих один удался Крашенинников, а прочие от худого присмотру все испортились. Оставшаяся в Санкт-Петербурге половина, быв несколько времени без призрения и учения, разопределены в подьячие и к ремесленным делам. Между тем с 1733 года по 1738 никаких лекций в Академии не преподавано российскому юношеству.

§ 9. Хотя между тем Миллер, будучи в Сибири, не мог быть Шумахеровым соперником, однако не без нужды Шумахеру было от некоторых остерегаться и ради того приводить в ссору. Делиль еще был из самых первых профессоров и не давал собою командовать Шумахеру, ведая, что он не имеет к тому подлинного права. Для того наустил Шумахер на Делилия молодших профессоров Крафта и Гейнсиуса, чтобы его не почитали и на обсерватории без его спросу и согласия употребляли инструменты по своей воле, отчего произошли ссоры и драки на обсерватории.

§ 10. Профессор Вейтбрехт умел хорошо по-латыни; напротив того, Юнкер едва разумел латинских авторов, однако мастер был писать стихов немецких, чем себе и честь зажил, и знакомство у фельдмаршала графа Минниха. Шумахер, слыша, что Вейтбрехт говорит о Юнкере презренно, яко о неученом, поднял его на досаду, отчего произошла в конференции драка, и Вейтбрехт признан виноватым, хотя Юнкер ударил его палкою и расшиб зеркало. Примечания достойно, что прежде всего Шумахер, как и ныне наследник его — Тауберт, в таковых распрях стоит за молодших, затем чтоб ими старших унизить, а молодших поднять. Но то же и с сими делалось, когда они несколько усилились, и чрез то, кроме других доводов, на себя доказывают, что они таковых ссор причиною, чтобы ловить в мутной воде.

§ 11. В 1735 году истребованные вновь двенадцать человек школьников и студентов в Академию из московских спасских школ, в коих числе был и нынешний статский советник Ломоносов и надворный советник Попов и бывший потом бергмейстер Виноградов, приехали в

Санкт-Петербург все вместе генваря 1 дня 1736 года и содержаны..., за то заплачено родственнику Шумахерову — Фелтингу. 19 марта объявлено студентам Ломоносову и Виноградову, что они отправляются по именному указу в Германию для обучения натуральной истории. И с того времени взяты на отпуск определенные из статс-конторы на содержание их с третьим тысячу двести рублев на год, кои тогда же и употреблены на академические другие нужды за недостатком денег в Академии. А отправляющиеся вышеписанные студенты и с ними Густав Рейзер, бывшего тогда берг-коллегии советника Рейзера сын, принуждены были ожидать своего отправления до осени, в коем пути, будучи четыре недели на море, в октябре месяце едва не потонули...

§ 13. По отъезде помянутых трех студентов за море прочие десять человек оставлены без призрения. Готовый стол и квартира пресеклись, и бедные скитались немалое время в подлости. Наконец нужда заставила их просить о своей бедности в Сенате на Шумахера, который был туда призван к ответу, и учинен ему чувствительный выговор с угрозами штрафа. Откуда возвратясь в Канцелярию, главных на себя просителей, студентов бил по щекам и высек батогами, однако ж принужден был профессорам и учителям приказать, чтобы давали помянутым студентам наставления, что несколько времени и продолжалось, и по экзамене даны им добрые аттестаты для показу. А произведены лучшие — Лебедев, Голубцов и Попов в переводчики, и прочие ж разопределены по другим местам, и лекции почти совсем пресеклись.

§ 14. Отправленные в Германию трое вышепоказанных студентов, приехав в город Марбург, обучались у славного профессора Вольфа математике и физике, а химии начало положили у других. И двое российских обучались немецкому языку и во французском положили начало. Между тем для весьма неисправной пересылки денег на содержание претерпевали нужду и пришли в долги. Хотя Шумахер получал на них определенную из статс-конторы сумму тысячу двести рублев вперед на целый год, отправленным им из Марбурга в Фрейберг для обучения рудных дел определил жалованья только по полтораста рублев, обещанных наперед тамошнему советнику Генкелю за обучение их химии тысячи двухсот рублев не прислал же, почему Генкель присылаемые студентам на содержание деньги стал удерживать за собою, чего они не могли вытерпеть и стали просить своего пропитания, требуя справедливости. Но он с великою запальчивостию в деньгах отказал, а их вон от себя выслал. В таковых обстоятельствах Ломоносов отъехал в Марбург к Вольфу как к своему благодетелю и учителю. Рейзер и Виноградов, долго скитаясь, наконец нашли покровительство у графа Кейзерлинга, который их и снабдевал несколько времени.

§ 15. Между тем присылка суммы на содержание студентов в Германии совсем пресеклась, и Рейзер через отца своего исходатайствовал, что деньги на содержание двоих стали присылаться из берг-коллегии исправно даже до их возвращения. Ломоносов писал в Академию из Марбурга о своем возвращении и через год на проезд и на платеж долгов получил только сто рублев и выехал за Вольфовым поручатель-

ством в отечество. Подал добрые свидетельства о своих успехах и специмены в Академию, кои весьма от Собрания одобрены. Но произведен не так, как обещано ему при отъезде, в экстраординарные профессоры, но по прошествии полугода в адъюнкты, а профессорства ждал он здесь четыре года. Примечания и смеху достойно, что, когда Ломоносов уже давно в отечество возвратился и был по штату в Академии адъюнктом физического класса на жалованье академическом по 360 рублев, академическая канцелярия на всякий год требовала и получала из статс-конторы на содержание его по 400 рублев наперед, и было якобы два Ломоносовых: один — в России, другой — в Германии. Подобно же происходило и с прочими двумя студентами, на коих до возвращения Шумахер принимал определенную из статс-конторы сумму, ничего к ним не пересылая. Возвратившегося Рейзера хотя Шумахер и приласкал в академию, обещая профессорство химии, чтобы Ломоносова отвести от той профессии, однако Рейзер, ведая худое академическое состояние и непорядки, совсем отказался.

§ 16. Около 1740 года определен был в Академию наук для своего искусства в механике советник Нартов к инструментальным делам, а особливо к махинам, взятым в Академию из токарни блаженныя памяти государя императора Петра Великого, и учреждена Механическая экспедиция, к которой помянутый Нартов требовал себе и приказных служителей, в чем ему Шумахер весьма препятствовал, опасаясь, чтобы его Канцелярия, не утвержденная указом, а следовательно и власть его, не унизилась. Между тем Нартов, уведав от академических многих служителей, а паче из жалобы от профессора Делиля о великих непорядках, напрасных убытках и о пренебрежии учения российского юношества, предпринял все сие донести блаженныя памяти государыне императрице Елисавете Петровне, когда она изволила быть в Москве для коронования. Итак, за общим подписанием одиннадцати человек доносчиков, коих главные были комиссар Камер, переводчики Горлицкой и Попов, что ныне надворный советник, и некоторые студенты, приказные, академические служители и мастеровые, советник Нартов отвез в Москву и подал оное доношение е. в., по которому советник Шумахер и с ним нотариус Гофман и книгопродавец Прейсер взяты под караул, и учреждена в Академии следственная комиссия, в коей членами присутствовали адмирал Николай Федорович Головин, князь Борис Григорьевич Юсупов и бывший тогда здешний комендант Игнатьев.

§ 17. Доносили оные канцелярские служители на Шумахера в непорядочных по Академии поступках, в испровержении наук и в похищении многой казны, что все состояло в 38 пунктах. Первое им было в успехах помешательство, что из них подканцелярист Худяев прежде еще отъезда Нартова в Москву с доношением отстал и объявил тайно Шумахеру все их намерение, почему он принял предосторожности, писал в Москву к своим приятелям, а профессоров и адъюнктов побудил всех читать лекции для виду, так что читающих было числом втрое против слушателей, и то уже по большей части к местам прежде опре-

деленных. Несмотря на то, сперва комиссия зачалась было горячо, однако вскоре вся оборотилась на доносителей, затем что в комиссию, а особливо к князю Юсупову, писал за Шумахера сильный тогда при дворе человек иностранный. Не исполнено ничего, что требовали доносители по силе именного указа и по самой справедливости, то есть не опечатаны все нужные департаменты, на кои большее было подозрение, а в запечатанные ходил самовластно унтер-библиотекарь Тауберт, сорвав печать, и выносил письма. Доносители не допущены были по силе именного указа о той комиссии к разбору писем и вещей, и, словом, никакой не употреблено строгости по правосудию, а доносители без всякой причины арестованы, Шумахер выпущен из-под ареста...

§ 19. К избавлению Шумахерову много также способствовали тогдашние профессоры, а особливо Крафт по сродству, Винсгейм по великой дружбе и приехавшие в самое время комиссии из Сибири Гмелин и Миллер, которым Шумахер обещал выдавать им двойное сибирское жалованье и здесь, в Санкт-Петербурге, как только посажен будет по-прежнему в Канцелярии. Сии четверо разъезжали по знатным дворам случайных людей, привлекши и прочих профессоров, и просили о освобождении оного, однако вскоре вспокаялись, затем что Шумахер, поманив несколько времени Гмелина и Миллера исполнением обещанного, наконец отказал им вовсе. С прочими стал поступать деспотически. С Делилем древняя вражда возобновилась, а особливо что он был при комиссии депутатом со стороны доносителей. Какие были тогда распри, или, лучше, позорище, между Шумахером, Делилем и Миллером! Целый год почти прошел, что в Конференции, кроме шумов, ничего не происходило. Наконец все профессоры единогласно подали доношение на Шумахера в Правительствующий Сенат в непорядках и обидах, почему оный Сенат рассудил и указал, чтобы до наук надлежащие дела иметь в единственном ведении Профессорскому собранию.

§ 20. Но власть их стояла весьма кратко, затем что вскоре пожалован в Академию президентом его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский, которому на рассмотрение отосланы из Сената все перед ним бывшие академические распри, которые так решены, что от всех профессоров взяты сказки порознь, стоит ли кто в своем на Шумахера доносе, на что, как ответствовано от каждого, неизвестно, но то ведомо, что Шумахер остался по-прежнему в своей силе и вскоре получил большое подкрепление.

§ 21. Около сих времен многие профессоры отъехали в отечество: Крафт, Гейнсиус, Вилде, Крузиус, Делиль и Гмелин, коих двух отъезду причины и отпуск особливо упомянуть должно. Делиль, будучи с самого начала Академии старший, по справедливости искал первенства перед Шумахером и, служа двадцать лет на одном жалованье, просил себе прибавки и, как ему отказано, хотел принудить требованием абшида, который ему и дан без изъяснения или уговаривания, ибо Шумахер рад был случаю, чтобы избыть своего старого соперника. Гмелину Шумахер чинил многие препятствия в сочинении российской

флоры, на что он жаловался, Шумахер выбранил Гмелина письменно бесчестным способом, для чего Гмелин и для отказа в получении двойного, как было в Сибири, жалованья стал отпрашиваться на время в отечество, на что его сиятельство г. президент и склонился, ежели он даст надежных поручателей. Первый сыскался друг его, профессор Миллер и в товарищи склонил к себе профессора Ломоносова, который сколько лаканием Миллеровым, а больше уверился словами покойного Крашенинникова, который о Гмелинове добром сердце и склонности к российским студентам Ломоносову сказывал, что-де он давал им в Сибири лекции, таясь от Миллера, который в том ему запрещал. Гмелин для чего не возвратился, показал причины, а вероятно, и для того что он через приятельские письма слышал о продолжении худого состояния Академии и о шумахерской большей прежнего власти...

Глава третия

О поведении Канцелярии академической после определения новых в ней членов

§ 37. При отъезде на Украину определил г. президент в Канцелярию новых членов в прибавлении к статскому советнику Шумахеру: коллежского советника Ломоносова и асессора Тауберта; надворный советник Штелин сперва присутствовал по строению академических погорелых палат, а после определен и действительно канцелярским членом. Кроме известных прежде бывших непорядков странны показались советнику Ломоносову: 1) подряды, происходящие по выстройке погоревших палат и по заведению новой типографии асессором Таубертом и всяких починок, в коем деле не мог везде соглашаться без нарушения законов и для того записывал свой голос особливо, чему примеры показать можно; секретарь академический протестовал о таковых подрядах после того и в Правительствующем Сенате; 2) великая раздача книг в подарки без высочайшего повеления в богатых переплетах, чему и реестр персон имеется, по которому видеть можно, сколь много истрачено казны с начала Академии доныне; 3) великое множество дел, до наук ничего не надлежащих, покупки разных вещей на типографию, в книжную лавку, в мастеровые палаты, а особливо что по мелочам вразбивку, которыми так время тратится, что мало досугов остается стараться о главном деле — о науках, что можно усмотреть из канцелярских журналов и протоколов, на что Ломоносов многократно представлял, чтоб оное прекратить, однако без успеху, затем что товарищи его тем больше могли себя показать многодельными и прилежными, чего они не могли показать по наукам.

§ 38. Подал советник Ломоносов в Профессорское собрание проект о делании трубы, коею бы яснее видеть можно было в сумерках, и представил давно у себя сделанный тому опыт. Физики профессор, что ныне коллежский советник Епинус, делал на то объекции, почитая сие невозможным делом. Ломоносов немного после того спустя получил

от камергера Шувалова присланную трубу того ж сродства, и он представлял в доказательство своей справедливости. Однако профессор Епинус не токмо слушать не хотел, но и против Ломоносова употребил грубые слова; и вдруг вместо дружбы прежней стал оказывать неприятельские поступки. Все ясно уразумели, что то есть Таубертов промысел по шумахеровскому примеру, который ученые между профессорами споры, кои бы могли дружелюбно кончиться, употреблял в свою пользу, портя их дружбу. Все явно оказалось тем, что Епинус не токмо с Ломоносовым, но и с другими профессорами, ему приятельми, перестал дружиться, вступил в Таубертову компанию и вместо прежнего прилежания отдался в гуляние. Тауберт Епинуса везде стал выхваливать и рекомендовать и тем сделал себе два выигрыша: 1) что отвел от наук человека, который бы стал, может быть, ими действовать против него, если бы при науках остался; 2) сыскал себе в помощь недоброжелателя Ломоносову, что следующими примерами неоспоримо доказуется.

§ 39. Пожалован между тем коллежский советник Теплов в статские советники. Для того Ломоносов, как в одно время произведенный прежде, подал и о своем произвождении прошение его сиятельству Академии г. президенту, что он и принял благосклонно. Советник Тауберт, уведав о сем, употребил для помешательства сему профессора Епинуса, приговорив еще к тому профессора Цейгера и адъюнкта Кельрейтера, бывшего в великой любви у Тауберта и Миллера. Скопом пришед к президенту, просили, чтобы не воспоследовало Ломоносову произвождение, что учинили и у других некоторых особ, имея предводителем Епинуса, а речь вел Цейгер. Почему и остановлено произвождение Ломоносова, несмотря что он уже девятый год тогда был в одном чину, служив близ тридцати лет и отправляв до четырех профессий сверх дел канцелярских; напротив того, Епинус, быв здесь едва три года по контракту, произведен коллежским советником, не показав ни малой услуги Российскому отечеству, по Таубертовой рекомендации и еще мимо старших его иностранных, усердно трудившихся в наставлении российского юношества в Университете, от чего Епинус неосновательными отговорками вовсе отказался.

§ 40. Чтение лекций коль неприятно Тауберту, хотя из вышеписанного довольно уразуметь можно, также из следующих неоспоримо окажется, однако не можно не упомянуть и сего поведения. Катедра профессорская стояла в академических палатах, где читал лекции по большой части профессор Браун, которого всегдашнее старание о научении российских студентов и притом честная совесть особливой похвалы и воздаяния достойны. Тогда безо всякого определения и согласия Канцелярии прочих членов и совсем без их ведома асессор Тауберт велел оную катедру вынесть вон, которая после очутилась в Гимназии. И если бы не старание Ломоносова, то бы лекции тогда вовсе пресеклись, затем что расположение тогдашнее профессорское и студентское житье по разным квартерам требовали, чтоб катедре быть в академических палатах.

§ 41. Для сохранения российских древностей от разрушения и для удовольствия охотников представил советник Ломоносов в Академической канцелярии, чтобы списать портреты прежних государей, кои по разным столичным и удельным городам в бывших княжениях находятся в церквах при гробницах, сняв с них рисунки на бумаге, при Академии переправить чище и нагрыдоровав пустить в свет. Согласились все члены, и признан к тому довольно способным рисовальный мастер Андрей Греков. Сделано определение, и от Святейшего Синода истребован позволительный указ, чтобы его допускать для сего дела везде в церкви. Однако Тауберт для пресечения сего дела, для того что не от него, но от Ломоносова получило свое течение, нашел способ, рекомендовав сего Грекова для обучения рисованию его императорского высочества. Что он сие учинил с зависти и злобы, то неоспоримо потому, 1) что можно бы к сему много лучших рисовальщиков сыскать, кроме Академии, и особливо, что Тауберт знал готовое уже Грекова отправление; 2) что кроме исполнения своей на Ломоносова злости отнюдь бы он Грекова не рекомендовал к тому знатному месту, затем что он был свидетелем на тестя его Шумахера во время следственной на него комиссии, почему меньшего брата его, Алексея Грекова, и поныне утесняет чувствительно.

§ 42. Не токмо в академических делах Ломоносову чинены многие препятствия, но и по его приватным трудам оскорбления. Когда мозаичное дело привел он до такого совершенства, что стали многие похвалять его старание, в то время издано в «Ежемесячных сочинениях» некоторое известие о мусии, наполненное незнания о сем деле, а паче презрения сего искусства, которое ныне в Риме и здесь производится из стеклянных составов и превосходнее древнего. Сии ругательства делу, для отечества славному, от кого произошли, видно, что при конце оного сочиненьица стоят буквы В. Т. Собирает сочинения профессор Миллер, печатает Тауберт. Одному Ломоносова стихотворство, другому его «История», третьему обое, а паче всего в Канцелярии товарищество противно.

§ 43. По силе генерального регламента разделены академические департаменты президентским ордером по канцелярским членам в особливое смотрение: коллежскому советнику Ломоносову поручено Профессорское собрание, Университет, Гимназия и Географический департамент, надворному советнику Штелину — Департамент академических художеств, также грыдорованное, резное и другие мастерства, асессору Тауберту — типография, книжная лавка и инструментальное дело. В сем последнем хотя Ломоносов и Штелин тогда ж и представляли, что инструментальное дело должно разделить, то есть для поделок типографских надобностей требуется только столяр, кузнец и слесарь, а прочие, как мастер геометрических, оптических, астрономических и метеорологических инструментов, надлежат к Департаменту наук, который дан в смотрение Ломоносову, однако Шумахеров и Таубертов голоса больше уважены, и после того инструментальных мастеров труды почти единственно употреблены в приват-

ное угождение, ибо по Канцелярии о происхождении дел в инструментальной лаборатории ничего почти не известно. Также астрономическая обсерватория и физика едва ли чем от оной пользовались не токмо в деле новых, но и в починке старых инструментов.

§ 44. Ломоносов первое по своим департаментам принял в уважение Гимназию и Университет, кои были весьма в худом состоянии, а особливо что жили гимназисты и студенты по городу порознь, не было никакого регламента, который велено уже с начала нового стата сочинить президенту, от чего происходило, 1) что помянутые молодые люди без распорядка в классах и в лекциях профессорских не были обучаемы надлежащим образом; 2) живучи далече от Академии, не приходили в надлежащие часы к учению, а иногда и по нескольку недель отгуливали, жалованье получали многие весьма малое, и тем еще поделясь с бедными своими родительми, претерпевали скудость в пище и ходили по большой части в рубищах, а оттого и досталь теряли охоту к учению. Для отвращения сего сочинил Ломоносов с позволения президентского обоих сих департаментов статы вновь и регламенты, кои его сиятельством и апробованы, и дело пошло лучшим порядком.

§ 45. Однако в надлежащее течение привести невозможно было за невыдачею денег на учащихся, в чем советник Тауберт много противился, ибо, имея казну от книжной лавки под своим ведением и печатью, с великим затруднением давал на Университет и Гимназию, когда статной казны в наличестве у Комиссарства не было, хотя все книжное дело и доходы произошли из академическаго определенного иждивения с немалым наук ущербом, так что иногда Ломоносову до слез доходило, ибо, видя бедных гимназистов босых, не мог выпросить у Тауберта денег, видя, что не на нужные дела их употребляет. Например, дочь умершего давно пунсонщика Купия принесла после отца своего оставшие старые инструменты, которые тотчас для словолитной за 120 рублев наличных денег взяты, когда гимназистам почти есть было нечего. Таковые поступки понудили Ломоносова просить президента, чтобы Университет и Гимназия отданы были ему в единственное смотрение, и сумму по новому стату на оба сии учреждения отделять особливо с тем, чтобы Канцелярия (сиречь прочие члены) чинила ему в том всякое вспоможение. Сколько ж, напротив того, учинено препятствия, следует ниже. Однако, несмотря на оные, старанием Ломоносова начались в Гимназии экзамены и произвождение из класса в класс и в студенты и в Университете лекции; и в четыре года произошли уже двадцать человек, а в одно правление Шумахерово в тридцать лет не произошло ни единого человека.

§ 46. Успехи Гимназии и Университета коль тягостны были Тауберту, можно видеть из препятствий, учиненных вместо вышепомянутого вспоможения. Профессор Модерах, бывший тогда Гимназии инспектор, принес к Ломоносову канцелярский ордер, им же, Ломоносовым, подписанный и к Модераху посланный для принятия денег на студентов и гимназистов, в котором выскоблено и на том месте написано: «и употреблять их по моим словесным приказаниям», что законам противно

и, чаятельно, ничьим другим, как Таубертовым, приказанием для подыску впредь сделано.

§ 47. Когда Ломоносов сочинил статы и регламенты для Гимназии и Университета, то для лучшей исправности сообщил их для просмотрения и делания примечаний советнику Теплову и четырем профессорам. Теплов сделал примечания и трое из профессоров, кои были по большой части справедливы и приняты в уважение. Четвертый, приняв Таубертовы советы, спорил против числа студентов и гимназистов, точно его слова употребляя: «Куда-де столько студентов и гимназистов? Куда их девать и употреблять будет?» Сии слова часто твердил Тауберт Ломоносову в Канцелярии, и хотя ответствовано, что у нас нет природных россиян ни докторов, ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых и ниже своих профессоров в самой Академии и в других местах, но, не внимая сего, всегда твердил и другим внушал Тауберт: «Куда со студентами?»

§ 48. В представлении своем к г. президенту Ломоносов о исправлении Университета и Гимназии рекомендовал в профессоры адъюнктов Козицкого и Мотониса, одного философии, а другого греческого языка, и приводил Тауберта, чтобы на то склонился, затем что представление одного не толь важно, однако он отговаривался отчасти недостатком суммы, отчасти полагая причиною, якобы они были не прилежны, не хотят по его приказаниям ничего делать и прочая. Но не так он поступил с угодником своим Румовским и недавно с наглым Шлецером, которого непозволенным образом хочет довести в профессоры истории, о чем ниже.

§ 49. Для твердого основания Санкт-Петербургского университета и для его движения старался советник Ломоносов, чтобы исходатайствовать оному надлежащие привилегии и учинить торжественную инавгурацию по примеру других университетов. Для того с позволения его сиятельства Академии президента сочинил по примеру других университетов привилегию и с его апробацией и Профессорского собрания отдал переписать на пергаменте с надлежащими украшениями и со всеми принадлежностьми подал в бывшую тогда конференцию, где оная апробована канцлером, его сиятельством графом Михаилом Ларионовичем Воронцовым контрассигнована к подписанию е. в. блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны и между прочими делами предложено, но приключившиеся тогда болезни и скорая ее кончина сие пресекли. Примечания достойны при сем деле Таубертовы поступки: 1) что он об университетской инавгурации не хотел и слушать и ради того и у проекта привилегии для подания в придворную конференцию не подписался, которая и представлена за президентскою и Ломоносова рукою; 2) адъюнкту Протасову послан был ордер в Голландию, чтобы, не ставясь там в докторы, ехал в Санкт-Петербург для постановления при инавгурации; к сему Тауберт не подписался, отзываясь, что «какие-де здесь поставления в докторы, не будет-де его почитать», будто бы здешняя монаршеская власть не

была толь важна, как голландская. Правда, что инавгурация за вышеписанной причиною пресеклась, однако Протасов всегда мог быть здесь доктором поставлен, но Тауберт во время тяжкой Ломоносова болезни отослал снова Протасова в Голландию для получения докторства, чем потеряно время и иждивение напрасно и авторитету академическому ущерб сделан, коея президенту в регламенте позволено производить в ученые градусы. Что же Тауберт сие учинил не для пользы Протасова, да в укоснение Университету, то явствует по тому, что после возвращения Протасова доктором при произвождении его в профессоры продолжал время, и если бы Ломоносов не ускорил, отнесши дело на дом президенту для подписания, то бы, конечно, Протасов и по сю пору был адъюнктом. Однако Тауберт и еще притом выиграл, что угодника своего Румовского наделя старшинством пред Протасовым.

§ 50. Для учреждения Университета должно было иметь профессора юриспруденции, которое место после отрешения Штрубова, что ныне канцелярским советником, было порожне. Ломоносов по рекомендации г. Голдбаха и после одобрения в Профессорском собрании (кроме Миллера) представил обер-авдитора Федоровича, который, кроме того что юриспруденции в университетах обучался, был через много лет в статской службе при Медицинской канцелярии и в Адмиралтействе и сверх других изрядно научился российскому языку и прав, почему он и принят его сиятельством. Тауберт и Миллер его и поныне ненавидят и гонят затем, что служит к учреждению Университета. Злоба ему оказана особливо в двух случаях. Научили его недоброхоты из старых студентов переводчика Поленова, который у Федоровича юридические лекции слушал, чтобы он просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего понять не может (сия была причина посылки двух студентов за море, а не ради учения). Сие Поленова доношение было так уважено, что, не требуя от Федоровича (от профессора и учителя) никакого изъяснения и оправдания, сделано канцелярское определение мимо Ломоносова в поношение Федоровичу и в удовольствие Поленову. А студент Лепехин послан с ним для виду. После того представлял Федорович оправдание свое в Собрании профессорском, которое опровергая, Миллер не токмо ругал Федоровича бесчестными словами, но и взашей выбил из Конференции. Федорович просил о сатисфакции и оправдан профессорскими свидетельствами, однако дело еще не окончено. Инако поступил Миллер со студентом Иноходцевым, который, будучи поручен Румовскому для научения астрономии, потом подал в Канцелярию прошение, чтобы его от той науки уволить за недовольною способностию глаз, причем присовокупил, что от Румовского весьма редко слышит лекции. Посему призван сей студент перед Профессорское собрание, и жестокий учинен выговор, а доношение переписать ему велено.

§ 51. Университет и Гимназия почти сначала содержатся на наемных квартирах, на что уже издержано казны многие тысячи. Для того уже после нового учреждения сих департаментов представил Ломоносов, чтобы купить близ Академии находящийся дом Строгановых под

Университет и Гимназию, и торг уже в том намерении за несколько лет продолжался, а особливо, что Троицкое подворье, где ныне Университет и Гимназия, весьма обветшало и, сверх того, тесно. Тауберт не казался быть тому противен до нынешней весны, когда Ломоносов за слабостию ног через худую реку в распутицу не мог толь часто в Канцелярии присутствовать и притом упражнялся в делах по повелению от двора е. в. Тогда Тауберт, без ведома и согласия Ломоносова заготовя ордер, чтобы оный дом купить под типографские и другие дела, а Университет и Гимназию совсем выключил. Оный ордер в чаянии, что заготовлен с общего совета, подписан президентом, и производится уже в нем выстройка по Таубертовым намерениям и расположениям.

§ 52. Причины, кои он показал при покупке Строгановского двора под книжное дело, суть следующие: 1) для помещения магазейнов типографских и книжной лавки, 2) для кунсткамерских служителей, 3) для типографских факторов и наборщиков, 4) для квартиры нововыписанному грыдоровальщику, 5) для Анатомического театра и для профессора анатомии, 6) для профессора астрономии, 7) для помещения рисовальных учеников, 8) для переноса кунсткамерских вещей из дому Демидовых, откуда-де высылают хозяева и просят в Сенате. Сии причины коль неосновательны, из сего видно: 1) что заняты под типографию и книжную лавку знатная часть старых академических палат и два целые каменные дома, в один выстроенные, Волкова и Лутковского, в коих многие покои под себя занял советник Тауберт и поместил людей, до типографии ненадобных и совсем для Академии излишних; 2) кунсткамерские и библиотечные служители могут быть на наемных квартирах, как и другие академические; 3) грыдоровальщик также может жить на наемной квартире, как и прежде его Шмид и другие художники; 4) Анатомический театр должен быть не в жилом доме, но в одиноком месте, ибо кто будет охотно жить с мертвецами и сносить скверный запах? 5) паче же всего анатомику, а особливо с фамилиею, иметь при такой мерзости свою экономию? 6) и астроном не больше имеет права жить на казенной квартире, как другие, притом же и мертвецы не будут ему приятны, когда занадобится идти в ночь на обсерваторию; 7) рисовальные ученики живут в готовых, нарочно на то построенных квартирах и другой не требуют, к тому же они и заведены сверх стата; 8) для кунсткамерских вещей искать новой квартиры стыдно г. Тауберту, затем что починка погоревших палат идет уже около двенадцати лет и суммы изошло тридцать тысяч, а вещей еще и по сю пору не переносит. Изо всего сего очевидно явствует, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии не из важных резонов, но ради утеснения наук и препятствования Ломоносову в распространении оных, чтобы его фабрика была в лучшем состоянии, нежели науки. Хотя ж покупка учинена из книжных доходов, однако оные все возросли из суммы, определенной на науки, с ущербом оных и по справедливости требуют сии повороту.

§ 53. Столько препятствий учинено Ломоносову в учреждении Университета и Гимназии; но не меньше еще в другом порученном ему Гео-

графическом департаменте. Прежде сего разделения имел профессор Миллер оное дело в своем смотрении около семи лет, где производились только копирования ландкарт оригинальных из архива и деланы карты почтовые, планы баталий и другие, сим подобные; а о главном деле, то есть о издании лучшего «Российского атласа» с поправлениями, ниже какого начала не положено. Ломоносов... предпринял сочинить новый «Российский атлас» насравненно полнее и исправнее. Для сего 1) по представлению его и старанием исходатайствована от правительствующего Сената рассылка запросных географических тридцати пунктов, в Академии апробованных, на которые и ответов прислана уже большая часть; 2) оттуда ж получен указ для двух географических экспедиций, чтобы для сочинения нового исправного атласа определить знатных мест долготы и широты астрономическими наблюдениями, к чему указы с прочетом, прогоны и вспомогательные деньги уже были назначены, а план путешествия оных обсерваторов и места наблюдаемые назначены Географическим департаментом и Собранием профессорским апробованы с каждого члена особливым письменным мнением; 3) из камер-коллегии требовано перечневое число душ из каждой деревни для знания разности их величины, чтобы в атласе не пропустить больших и не поставить бы малых и тем не потерять бы пропорции; 4) от Святейшего Синода требованы сведения о монастырях и церквах во всем государстве, поелику требуется для географии. И словом, всё в оном департаменте получило новое движение, и по новому сему расположению сочинено до десяти карт специальных, несравненно полнее и исправнее прежних.

§ 54. Советник Ломоносов представлял своим товарищам в Канцелярии о напечатании оных, но учинены тому великие сопротивления: 1) отговорки, что других дел много в грыдоровальной палате, и отданная уже по канцелярскому приказу Санкт-Петербургской губернии карта для дела без ведома оного Ломоносова взята от грыдоровальщика, и велено ему другое делать. После, во время жестокой болезни Ломоносова, отданы сочиненные карты на рассмотрение в Профессорское собрание и хотя все похвалены, однако, по мнению профессора Миллера, печатания не удостоены, якобы он приметил неисправности в наименованиях чухонских деревень, кои, однако, никакой важности не заключают. После того другой раз оные карты свидетельствованы и опробованы, однако уже времени между тем немало утрачено, а сочинение далее карт не может быть исправно без астрономических наблюдений, которые остановлены также по зависти, против стараний Ломоносова. Остановлена посылка обсерваторов разными образы. По истребовании от правительствующего Сената всех надобностей для помянутых экспедиций Тауберт представил, что оных отправить без позволения президентского не должно, против чего и прочие члены, не хотя спорить, писали о Канцелярии о том к его сиятельству на Украину, на что, однако, не воспоследовало никакого решения. Чаятельно, что Тауберт послал приватно спорное туда ж представление, как по всем его поступкам в рассуждении сего дела заключить можно. Луч-

ший из числа назначенных обсерваторов, Курганов, который был истребован от Адмиралтейской коллегии для сей экспедиции в академическую службу, скучив ожиданием, отпросился в прежнюю команду. Красильников между тем стал старее и дряхлее. Румовский письменно отказался. Кроме сего, недоставало к оным экспедициям астрономических квадрантов: такая скудость астрономических инструментов на обсерватории! Несмотря на то что от Сената получено после пожара на оные 6000 рублев, на кои куплены только большой квадрант за 180 рублев, а прочая сумма на мелочи истрачена. Оные квадранты советник Тауберт взялся из Англии выписать, да опять и отказался, хотя то нередко и приватным в угождение делает. А после обещался надворный советник Штелин, но и тот тянул весьма долго; а особливо, что оные квадранты лежали долго в пакгаузе и в Канцелярии, наконец, появились, тогда как паче ожидания получен от его сиятельства ордер, чтобы оные экспедиции приостановить, а Тауберту и Ломоносову сочинить проекты и представить ему снова. Ломоносов оное исполнил, а от Тауберта еще ничего не видно. И так сие дело без произвождений осталось.

§ 55. Когда Ломоносов от своей долговременной болезни несколько выздоровел и стал в 1763 году в Канцелярию для присутствия ездить, тогда объявил Тауберт ордер президентский, чтобы Географический департамент поручить Миллеру, якобы затем, что в оном департаменте происходят только споры и не издается ничего в свет нового. Примечания достойно, что оный ордер дан в августе 1762, когда Ломоносов был болен, а объявлен в генваре 1763 года, когда он стал в Канцелярии и в конференции присутствовать и стараться о произвождении нового атласа. Причина видна, что Тауберт выпросил у президента такой ордер в запас, что ежели Ломоносов не умрет, то оный произвести, чтоб Миллер мог в географическом деле Ломоносову быть соперник; ежели ж умрет, то бы оный уничтожить, дабы Миллеру не дать случая себя рекомендовать географическими делами. Оба сии тогда друзья, когда надобно нападать на Ломоносова, в прочем крайние между собою неприятели. Оный ордер не произведен в действие, ибо Ломоносов протестовал, что 1) о Географическом департаменте донесено президенту ложно, 2) что оный ордер просрочен и силы своей больше не имеет…

§ 61. Для вспоможения в сочинениях профессору Миллеру принят в Академию адъюнктом титулярным некто иноземец Шлецер, который показался Тауберту весьма удобным к употреблению в своих происках. И ради того приласкал его к себе, отвратив и отманив от Миллера, везде стал выхвалять и, видя его склонность к наглым поступкам, умыслил употреблять в нападках своих на Ломоносова, а чтобы его подкрепить, рекомендовал для обучения детей президентских. Первый прием на Ломоносова был, чтобы пресечь издание Ломоносова «Грамматики» на немецком языке: дал все способы Шлецеру, чтобы он, обучаясь российскому языку по его «Грамматике», переворотил ее иным порядком и в свет издал, и для того всячески старался останавливать печата-

ние оныя, а Шлецерову ускорял печать в новой типографии скрытно, которой уже и напечатано много листов, исполненные смешными излишествами и грубыми погрешностями, как еще от недалеко знающего язык российский ожидать должно, купно с грубыми ругательствами. Сие печатание хотя российским ученым предосудительно, казне убыточно и помешательно печатанию полезнейших книг, однако Тауберт оное производил для помешательства или по малой мере для огорчения Ломоносову.

§ 62. По указу Правительствующего Сената переведены китайские и манчжурские книги о состоянии тамошних народов переводчиками Россохиным и Леонтьевым на российский язык для государственной пользы, и велено их напечатать при Академии 1762 года в... Оные книги, как дорогою ценою купленные и немалым иждивением и трудом переведенные и в Европе еще не известные, надобно было издать неукоснительно для чести Академии и чрез людей российских, однако Тауберт не обинулся отдать оному же Шлецеру, чтобы сделал экстракт для напечатания, человеку чужестранному, будто бы своих столько смыслящих при Академии не было или в другой какой команде, человеку едва ли один год в России прожившему. Сие ж учинил Тауберт без общего ведома и согласия прочих членов и без позволения от Сената, самовластно. Однако ж, что сделано по сему Шлецером, неизвестно. Может быть, сделан экстракт на немецком языке и сообщен в чужие государства.

§ 63. Мало показалось Тауберту и сего дела для Шлецера, ибо он его выхваляет почти всемощным. Присоветовал сочинять ему и российскую историю, дал позволение брать российские манускрипты из библиотеки, хранящиеся в особливой камере, которые бы по примерам других библиотек должно хранить особливо от иностранных. Оные книги Шлецер не токмо употреблял на дому, но некоторые и списывал. Надеясь на все таковые подкрепления от Тауберта, подал в Профессорское собрание представление, что он хочет сочинять российскую историю и требует себе в употребление исторические сочинения Татищева и Ломоносова, и крайней сего обиде, который, будучи природный россиянин, зная свой язык и деяния российские достаточно, упражнявшись в собирании и в сочинении российской истории около двенадцати лет, принужден терпеть таковые наглости от иноземца, который еще только учится российскому языку.

§ 64. В начале нынешнего лета требовал Шлецер отпуску в отечество на три месяца и как заподлинно уверял, что он с профессором Цейгером вместе поедет. Сверх того, и в «Геттингенских ученых ведомостях» напечатано, что Шлецер там объявлен профессором. Наконец исканное здесь для него историческое профессорство всякими Таубертовыми мерами, не так, как о Козицком, Мотонисе и Протасове, и несмотря на то, что есть два профессора истории — Миллер и Фишер, также и Ломоносов действительно пишет российскую историю, — не удалось. То скорый отъезд его из России был отнюдь не сумнителен. Между тем профессор Миллер неоднократно жаловался на Тауберта в

Профессорском собрании, что он все историческое дело старается отдать Шлецеру, вверил ему всю российскую библиотеку, так что Шлецер выписывает и переписывает что хочет, на что писцов наймут, а одного-де и нарочно держит, о чем-де он не для чего другого так старается, как чтобы, выехав из России, не возвратиться, а изданием российских исторических известий там наживать себе похвалу и деньги. Ломоносов, ведая все прежнее и слыша Миллеровы основательные жалобы и представления и опасаясь, чтобы не воспоследовали такие ж неудовольствия, какие были прежде от иностранных из России выезжих, не мог для краткости времени, не терпящего ни малого умедления, и для отсутствия президентского и не должен был преминуть, чтобы о том для предосторожности не объявить Правительствующему Сенату, о чем ныне дело производится. Позволение от Тауберта Шлецеру брать и переписывать российские неизданные манускрипты есть неоспоримо. Тауберт, как видно, хочет тем извиниться, что будто бы в сем позволении в переписке не было никакой важности, однако ему противное тому доказано будет.

Глава четвертая

Примечания и следствия

§ 65. Рассматривая все вышеписанное, которое доказывается живыми свидетельми, письменными документами, приватными и публичными, неоспоримо и обязательно удостоверен быть должен всяк, что Канцелярия академическая основана Шумахером для его властолюбия над учеными людьми и после для того утверждена по новому стату и регламенту к великому наукам утеснению, ибо 1) имел он в ней способ принуждать профессоров удержанием жалованья или приласкать прибавкою оного; 2) принятием и отрешением по своей воле, не рассуждая их знания и достоинств, но токмо смотря, кто ему больше благосклонен или надобен; 3) всевал между ними вражды, вооружая особливо молодших на старших и представляя их президентам беспокойными; 4) пресекал способы употреблять им в пользу свое знание всегдашною скудостию от удержки жалованья и недостатком нужных книг и инструментов, а деньги тратил по большей части по своим прихотям, стараясь завести при Академии разные фабрики и раздаривать казенные вещи в подарки, а особливо пользоваться для себя беспрестанными подрядами, покупками и выписыванием разных материалов из-за моря; 5) для того всячески старался препятствовать, чтобы не вошли в знатность ученые, а особливо природные россияне, о чем Шумахер так был старателен, что еще при жизни своей воспитал, обучил, усыновил подобного себе коварствами, но превосходящего наглостию Тауберта и Академическую канцелярию и библиотеку отдал ему якобы в приданое за своею дочерью.

§ 66. Сие было причиною многих приватных утеснений, кои одне довольны уже возбудить негодование на канцелярские поступки, ибо

не можно без досады и сожаления представить самых первых профессоров Германа, Бернуллиев и других, во всей Европе славных, кои только великим именем Петровым подвигались выехать в Россию для просвещения его народа, но, Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы. Утеснение советника Нартова и кроме многих других нападки на Ломоносова, который Шумахеру и Тауберту есть сугубый камень претыкания, будучи человек, наукам преданный, с успехами и притом природный россиянин, ибо кроме того, что не допускали его до химической практики, хотели потом отнять химическую профессию и определить к переводам, препятствовали в издании сочинений, отняли построенную его рачеванием Химическую лабораторию и готовую квартеру, наущали на него разных профессоров, а особливо Епинуса, препятствовали в произвождении его чрез посольство Епинуса с Цейгером и Кельрейтером, препятствовали в учреждении Университета, в отправлении географических экспедиций, в сочинении «Российского атласа» и в копировании государских персон по городам. Не упоминая, что Тауберт и ныне для причинения беспокойств Ломоносову употребляет Шлецера, не обинулся он прошлого 1763 года, призвав в согласие Епинуса, Миллера и адъюнкта Географического департамента Трескота, сочинил скопом и заговором разные клеветы на оного и послал в Москву для конечного его опровержения, так что Ломоносов от крайней горести, будучи притом в тяжкой болезни, едва жив остался.

§ 67. Сие все производя, Шумахер и Тауберт не почитали ни во что нарекание, которое наносили президентам, от таких непорядков на них следующее неотменно. Правда, что Блументрост был с Шумахером одного духа, что ясно доказать можно его поступками при первом основании Академии, и Ломоносов, будучи участником при учреждении Московского университета, довольно приметил в нем нелюбия к российским ученым, когда Блументрост назначен куратором и приехал из Москвы в Санкт-Петербург: ибо он не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о университете, который и первую причину подал к основанию помянутого корпуса. После Блументроста бывшие Кейзерлинг и Корф хотя и старались о исправлении наук, однако первый был на краткое время и не мог довольно всего осмотреть, а второй действительно старался о новом стате и о заведении российских студентов, однако больше, нежели надобно, полагался на Шумахера, который сколько об оных радел, явствует из вышеписанного. Наконец, нынешний президент, его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский, будучи от российского народу, мог бы много успеть, когда бы хотя немного побольше вникал в дела академические, но с самого уже начала вверился тотчас в Шумахера, а особливо, что тогдашний асессор Теплов был ему предводитель, а Шумахеру приятель. Главный способ получил Шумахер к своему самовластию утверждением канцелярского повелительства регламентом, особливо последним пунктом о полномочии президентском, ибо ведал Шумахер наперед, что когда без президента ничего нельзя будет в Академии сделать, а он будет во всем на него полагаться, то, конечно, он полномочие при себе удержит.

Сей-то последний пункт главный есть повод худого академического состояния и нарекания нынешнему президенту. Сей-то пункт Шумахер, Теплов и Тауберт твердили беспрестанно, что честь президентскую наблюдать должно и против его желания и воли ничего не представлять и не делать, когда что наукам в прямую пользу делать было надобно. Но как президентская честь не в том состоит, что власть его велика, но в том, что ежели Академию содержит в цветущем состоянии, старается о новых приращениях ожидаемыя от ней пользы, так бы и сим поверенным должно было представлять, что к чести его служит в рассуждении общей пользы, а великая власть, употребленная в противное, приносит больше стыда и нарекания.

§ 68. Вышепоказанными вредными происками, утеснениями профессоров, шумами и спорами, а особливо посторонними, до наук не надлежащими делами коль много в сорок лет времени потеряно, то можно видеть из худых в науках успехов, из канцелярских журналов, которые наполнены типографскими, книгопродажными, грыдоровальными и другими ремесленными и торговыми делами, подрядами и покупками, а о ученых делах редко что найдется, хотя они через Канцелярию в действие происходить должны по реченному стату. Если бы хотя Университет и Гимназия были учреждены сначала, как ныне происходят, под особливым смотрением Ломоносова, где в четыре года произведены двадцать студентов, несмотря на чувствительные ему помешательства, то бы по сие время бы их в производстве до двухсот человек и, чаятельно, еще бы многочисленнее, затем что за добрым смотрением дела должны происходить с приращением. А сие коль надобно в России, показывает великий недостаток природных докторов, аптекарей и лекарей, механиков, юристов, ученых металлургов, садовников и других, коих уже много бы иметь можно в сорок лет от Академии, ежели бы она не была по большой части преобращена в фабрику, не были бы утеснены науки толь чувствительно и не токмо бы наставления не пресекались, как выше показано, но и власть бы монаршеская, которая явствует в регламентах академическом и в медицинском, употреблена была на поставление в градусы, чего сколько Тауберт не хотел, явствует выше из примера с Протасовым.

§ 69. Какое же из сего нарекание следует российскому народу, что по толь великому монаршескому щедролюбию, на толь великой сумме толь коснительно происходят ученые из российского народа! Иностранные, видя сие и не зная вышеобъявленного, приписывать должны его тупому и непонятному разуму или великой лености и нерадению. Каково читать и слышать истинным сынам отечества, когда иностранные в ведомостях и в сочинениях пишут о россиянах, что-де Петр Великий напрасно для своих людей о науках старался и ныне-де дочь его Елисавета без пользы употребляет на то же великое иждивение. Что ж таковые рассуждения иностранных происходят иногда по зависти и наущению от здешних недоброхотов российским ученым, то свидетельствует посылка с худым намерением к Ейлеру сочинений Ломоносова и после того бессовестное их ругание в «Лейпцигских ученых

сочинениях», несмотря что они уже Академиею апробованы и в «Комментариях» были напечатаны, чего ведомощики никогда бы не сделали из почтения к сему корпусу, когда бы отсюда не побуждены были. Однако ж Ломоносов опроверг оное публично довольными доводами. Какое же может быть усердие у россиян, учащихся в Академии, когда видят, что самый первый из них, уже через науки в отечестве и в Европе знаемость заслуживший и самим высочайшим особам не безызвестный, принужден беспрестанно обороняться от недоброжелательных происков и претерпевать нападения почти даже до самого конечного своего опровержения и истребления?

§ 70. Наконец, по таковым пристрастным и коварным поступкам не мог инако состоять Академический корпус, как в великом непорядке и в трате казны не на то, к чему она определена, но на оные разные издержки, до наук не надлежащие. От сего произошло, что хотя Академическое собрание и прочие до наук надлежащие люди при Академии никогда в комплекте не бывали и надобности к ученым департаментам почти всегда недоставало, однако претерпевать должны были в выдаче жалованья скудность, что и ныне случается. Между тем в Академическое комиссарство с начала нового стата по 1759 год в остатке должно б было иметься в казне 65701 рублев, а поныне, чаятельно, еще много больше. Но сие все исходит на беспрестанные починки и перепочинки и на содержание излишних людей, ибо на выстройку погоревших палат, кроме двадцати трех тысяч, истребованных на то от Сената, употреблено академических близ 3 тысяч рублев по 1759 год, за починку домов академических и наемных и за наем 17 тысяч в 8 лет, за выстройки каменной палатки под глобус полшести тысячи рублев, а после того издержаны многие тысячи на разные перестройки и на покупки вещей на место погоревших в кунсткамеру, не считая дарения книг, при Академии печатанных, коих нередко расходится даром близ ста экземпляров, немало в дорогих переплетах, не упоминая починки, или — лучше — нового строения глобуса. Для всех сих каковы бывают подряды, можно усмотреть из представления о том Канцелярии академической от Ломоносова и из доношения в Сенат от секретаря Гурьева. Также и о всей экономии заключить из того можно, что Тауберт на своей от президента данной квартере, на Волкова доме чинит постройки и переделки без ведома канцелярского. О состоянии библиотеки и кунсткамеры не подаются в Канцелярию никакие никогда рапорты, и, словом, нет о том почти с начала никаких ведомостей. Книжная лавка, а особливо же иностранная, производится без счетов, в Канцелярии видимых, и книгопродавец Грейссер, который был за двадцать лет под арестом по Нартовской комиссии, ныне умер безо всякого следствия и счету.

§ 71. Между тем науки претерпевают крайнее препятствие, производятся новые неудовольствия и нет к лучшему надежды, пока в науках такой человек действовать может, который за закон себе поставил Махиавелево учение, что все должно употреблять к своим выгодам, как бы то ни было вредно ближнему или и целому обществу. Едино

упование состоит ныне по бозе во всемилостивейшей государыне нашей, которая от истинного любления к наукам и от усердия к пользе отечества, может быть, рассмотрит и отвратит сие несчастие. Ежели ж оного не воспоследует, то верить должно, что нет божеского благоволения, чтобы науки возросли и распространились в России.

Не позднее августа 26 дня 1764 г.

Проект регламента Академии наук

Новое примерное расположение и учреждение Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, на высочайшее рассмотрение и апробацию сочиненное

Регламент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук

Часть первая

О собрании Академии наук

Глава 1

О достоинстве, избрании и принятии действительных членов Академии

§ 1. Прежде установления и распоряжения академических членов должно определить первейших персон сего общества требуемые качества, дабы оных достоинством, значением и рачением вся академическая система в добром и порядочном движении обращалася. Сколько же от них к сему правлению требуется, можно уже из того рассудить, что они предпоставляются к распоряжению людей, коих знания и изыскания простираются во все пределы человеческого разума.

§ 2. Президент Академии наук не токмо главный правитель и начальник, но и оберегатель оныя от посторонних приключений и наветов, требуется человек именитый и знатный, имеющий свободный доступ до монаршеской особы, чтоб мог представлять академические надобности, коих без высочайшего повеления произвести Академия власти не имеет. Сверх того должен быть знающ нужнейших языков и общевникателен во все науки, природный россиянин. Еще ж превосходнее было б и полезнее, когда б президент был при знатности своей и люблении наук достаточен в разных науках.

§ 3. Вице-президент хотя и прилично быть в обществе знатным, однако ж знаемость его требуется больше по наукам, нежели по другим преимуществам, дабы он удобнее мог видеть все состояние Академии, достоинство членов и других служителей, труды и склонности и

прочее и о том изъяснять президенту и с ним дела обще рассматривать. Того ради вице-президент должен быть знающ в разных науках, из ординарных академиков, служивших в здешней Академии немалое время и показавших свое в науках отменное знание изданными сочинениями.

§ 4. Главная должность президентская, а с ним и вице-президентская в том состоит, чтобы, наблюдая все, их чинам предписанное в генеральном регламенте, всячески старались сохранять в Академии наук порядок и чтобы происходило все, как узаконено в сем регламенте, и для того не чинить в нем никакой отмены, разве ими что усмотрено и общим согласием всего собрания в сем регламенте признано будет яко с практикою не согласное и препятственное дело: о том представлять монаршескому благорассмотрению от общего лица Академии, по чему и поправление может впоследовать особливым указом.

§ 5. Членов Академического собрания, а особливо ординарных академиков достоинство главное состоит в довольном знании своей науки, которыя он профессор, но притом чтобы такой член не совсем чужд был и неискусен в других, сродных с его профессиею науках, состоящих в том же классе, что из следующих явствует по классам.

§ 6. Геометр сверх искусства в высшей математике должен иметь хорошее знание всех частей практической геометрии, употребляемой в испытании натуры и в надобностях обществу, например в астрономии, в навигации. Астроному нужна высшая геометрия для выкладок, механика для сведения своих инструментов, география для расположения самих наблюдений. Географу астрономия во всем служит основанием, механика — для инструментов землемерительных, алгебра — для исчисления сил и точности инструментов. И сие в математическом классе.

§ 7. В физическом классе физик должен притом иметь изрядное знание в химии, которая испытателю натуры нужна как средство, коим единым уповательно сыскать причины видимых свойств, в телах на поверхности происходящих от внутреннего сложения. Анатомия и ботаника полезны физику, поелику могут подать случай к показанию причин физических. Химик без знания физики подобен человеку, который всего искать должен ощупом. И сии две науки так соединены между собою, что одна без другой в совершенстве быть не могут. Анатомик, будучи притом физиолог, должен давать из физики причины движения животного тела, а поелику медик — разуметь химию и в ботанике лекарственные травы. Ботаник для показания причин растения должен иметь знание физических и химических главных правил.

§ 8. В историческом классе историограф требуется человек кроме своего знания в университетской истории, особливо же российской, который бы не был чужд знания практической философии, прав, политики и прозаичного красноречия. Юрист должен быть притом историк и политик, антикварий, историк древностей и достаточно знающ в греческом и латинском языках. Ориентальных языков профессор — искусен в древней греческой истории и восточных народов.

§ 9. Обще от всех академиков неотменно требуется знание хотя элементарных наук математических. Разумеются здесь профессии, в коих высокое знание математических наук не так много нужно, ибо и в академиях примечено, что иногда химики, анатомики, ботаники, историки почти никакого знания первых математических оснований не имеют и для того не могут своей практики и расположить порядочно и сообразить рассуждением, которым купно с логикою надежная предварительница есть геометрия.

§ 10. Еще же примечено в академиях, что весьма знающие в своих науках профессоры мало притом искусны в словесных науках, так что их сочинения излишними распространениями, неявственными, сомнительными и ненатуральными выражениями в чтении скучны и невразумительны. Для того академики должны быть достаточны в чистом и порядочном штиле, хотя и не требуется, чтобы каждый из них был оратор или стихотворец.

§ 11. Не может никто быть ординарным академиком, не показав в ученом свете изданных опытов своего искусства и знатными учеными людьми одобренных. Экстраординарные и адъюнкты производятся по свидетельству и избранием Академического собрания.

§ 12. В прочем во всех должно смотреть, чтобы они были честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления, и не так, как некоторые, снискав себе хлеб, не продолжают больше упражнения в учении с ревностию. Паче же всего не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей, что всячески должны пресекать и отвращать главные командиры.

§ 13. Когда будет довольство ученых людей, тогда ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты быть должны природные россияне по доброму примеру Парижской академии, где все академики — природные французы. Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний.

§ 14. А пока же ныне сего исполнить не можно, выписывать в ординарные и экстраординарные члены из других земель со всякою предосторожностию людей достойных, как выше предписано, причем наблюдать должно: 1) чтобы сие было не по приватным одобрениям от знатных персон и без порядочного избрания от Академии; 2) чтобы приехавших в Россию за другими нуждами и по случаю вздумавших вступить в академическую службу не принимать без особливой предосторожности, без строгого экзамена и без ведома о его подлинном отечестве и поведении. И сию статью исполнять до времени, пока из природных россиян ученые умножатся и не будет нужды чужестранных выписывать. Адъюнктов всегда производить из природных россиян.

§ 15. Вообще избрание чинить по освидетельствовании таким обра-

зом. Когда избирается кто баллотированием в класс математический, члены оного кладут баллы в особливый ящик и с ними президент и вице-президент и так их оставляют. Академики прочих двух классов кладут свои баллы в особливый сосуд. Потом оба сосуда должны быть отворены. В первом сосуде, в коем преимуществующего класса баллы купно с президентским и вице-президентским, имеют силу целого голоса, прочих же классов — силу половинного голоса. Таким образом поступать, когда физический или исторический класс преимуществует для избрания в оный члена. При сем наблюдать, что президент кладет два балла, а вице-президент — один, а за отсутствием или небытностию президентскою и он кладет два же.

Адъюнкты имеют голос только в удостоении в адъюнкты, а в избрании академиков ни голосов, ни баллов им не позволяется.

§ 16. Дипломы давать ординарным и экстраординарным академикам за подписанием государским, адъюнктам — за подписанием президентским и секретаря конференции; у академиков прикладывать академическую печать большую с серебряным и позолоченным ковчежцем, у адъюнктов — меньшую просто. Реченным дипломам сочинить форму в Академическом собрании.

Глава II

О должностях и трудах Академического собрания

§ 17. Когда производится кто в адъюнкты, то бывает в надежде, что он достигнет достоинства экстраординарного и ординарного академика. Для того первое его упражнение есть вникать в ученые дела ординарного академика, вспомогать ему в делах, как своему надлежит предводителю, второе — читать сочинения по своей науке, славными ученьми собраниями изданные, особливо же Парижскою, Берлинскою, Бононскою и Шведскою академиями, Лондонским ученым собранием и другими, сочинения особенные славных ученых людей и знатнейшие ученые ведомости. Сим должен адъюнкт приуготовляться в академики, дабы, уже будучи в оном достоинстве, знал, что изобретено в ученом свете и чего ему, якобы достойному академику, вновь искать должно, дабы сделанного не делать и не терять напрасно времени и расходов.

§ 18. Адъюнкт, приобретший хорошее сведение о состоянии в ученом свете своей науки и по оказании опыта, что он в состоянии подать в ней впредь приращения, в экстраординарные академики произведенный, должен еще вяще стараться о большем приобретении знания и привыкать к изобретениям, между тем приходить в хорошее знакомство с другими сродными науками в своем классе. Наконец, полезно, чтобы он смотрел, какое есть или впредь скоро быть может порожнее место ординарного академика в том же классе, и к той науке прилежал больше, дабы в случае мог заступить оного место.

§ 19. Ординарного академика должность всячески стараться смо-

треть в своей профессии, в которой части она еще слаба и не доведена до такой степени, как ее же другие части, и где позволяют обстоятельства, и место и время обещают лучшие в новых изобретениях успехи и приращения, что, усмотрев, надлежит ему объявить в Академическом собрании. И для того каждый академик ординарный должен всякие полгода объявлять и в собрании к записке отдавать таковые свои предприятия.

§ 20. Кроме новых изобретений для «Комментариев» полезно, чтобы академики издавали особливо книги по своей профессии на российском языке, однако ж как не всяк одарован систематическим смыслом, хотя в частных изобретениях удачлив, и притом есть излишнее дело, чтобы каждый академик издавал новые в своей науке наставления, то отдается каждому на произволение, чтоб, испытав свои силы, принялся за труд с успехом.

§ 21. Нередко случаются в ученых людях полигисторы, то есть разные науки знающие так довольно, что могут в них производить новые приращения. Для того им сие не токмо не запрещается, но еще за полезное и надобное дело почитается, а особливо, чтоб было кому рассуждать о предлагаемых сочинениях собранию. Например, когда астроном подаст в Собрание свою диссертацию и ежели нет из других профессий знающего сию науку, то не может быть оное сочинение рассмотрено и останется верить одному сочинителю, почему бы и собрание было бесполезно.

§ 22. Наконец, все академики, ординарные, экстраординарные и адъюнкты, должны везде наблюдать обще честь Академии, своих предпоставленных и свою собственную, а паче славу и пользу отечества и высочайший интерес императорского величества трудами и честными поведениями и стараться исполнять свою должность. И сие о должностях и трудах собрания Академического вообще. Ныне о каждом ординарном академике особливо.

§ 23. В математическом классе геометр хотя должен приращения чинить в чистой высшей математике, однако много полезнее, когда стараться будет о сокращении трудных выкладок, кои часто употребляют астрономы, механики и обще, где в испытании натуры и в художествах требуются исчисления. Товарищам своим, кои в других науках упражняются и требуют иногда для поверения выкладки, кои превосходят их силы, может спомогать по-дружески.

§ 24. Астроном, имея обсерваторию в своем распоряжении, должен оную снабдевать исправными инструментами, особливо ж теми, кои вновь изобретены другими или им самим и признаются лучшими для употребления в наблюдениях, на что и сумма в стате положена и Мастерская палата учреждена, дабы оные орудия за морем у славных мастеров куплены или здесь были сделаны. Имея при себе адъюнкта и, как ниже сего окажется, обучая элева, должен им вверить для их употребления некоторую часть инструментов, кроме тех, кои сам употребляет, и сие для двоякой пользы: 1) чтобы оные вяще и вяще в наблюдениях навыкли обращаться; 2) чтобы и его наблюдения тем

подтверждались, ибо и они могут быть счастны в наблюдениях для острого зрения и для постоянного внимания. Сие разумеется и о экстраординарном академике того же класса и о адъюнктах и элевах астрономии и географии.

§ 25. Географу поручается Географический департамент, в коем главное упражнение есть сочинение и исправление «Российского атласа», который труд есть почти необходимый, ибо многие веки требуются к составлению совершенно исправного атласа, и для того должно стараться издавать новые атласы российские, чем далее, тем исправнее, через двадцать лет, употребляя на исправление новейшие специальные чертежи и известия по выбору. Для сего не пропускать никакого случая, когда от другой команды посылаются землеописатели, давать от Академии инструкции и оным командам принимать и посылающимся давать для исполнения безотговорочно, о чем географу иметь прилежное рачение и наведываться везде специальных новых, а особливо российских карт и оные доставать и копировать для снабдения географической архивы в Академии.

§ 26. Для надежнейшего исправления «Российского атласа» должна Академия отправлять каждые двадцать лет, а особливо во время ревизии посылать географические экспедиции для описания и для астрономических определений мест знатных и нужных, куда отправлять нарочных от астрономической и географической профессии и присовокуплять со стороны от других команд знающих геодезию на вспоможение. Ревизионное время тем для сих экспедиций способно, что академическим землеописателям, проезжающим назначенными местами, могут ревизоры подать с окрестных мест известия лучше, нежели в другое время крестьяне, и, сверх того, соединены быть могут с новыми географическими сведениями новые по переписным книгам мест и числа жителей отмены.

§27. Для случающихся чрезвычайных на небе явлений, требующих наблюдения на разных местах, когда они будут не во время географических экспедиций, посылать нарочных обсерваторов от двух реченных профессий, людей надежных, притом препоручать им исправление других надобностей, как измерение градусов, нивеллация рек, осмотр сообщения вод знатных и прочая.

§28. Механику кроме рачения в изобретении новых махин, полезных в общем употреблении для облегчения трудов человеческих, должно в инструментальной палате, состоящей в его ведении, приказывать делать и исправлять под его смотрением астрономические, физические и географические инструменты и где только для академических профессий что механическое потребуется, а что куплено будет, того доброту осматривать и подавать в Собрание свидетельствование с оценкою.

§29. В физическом классе ординарный академик физики, имея в своем расположении Физическую экспериментальную палату, должен стараться, чтоб она была снабдена довольными инструментами, а особливо новейшего изобретения других и его собственного, и содер-

жать все в добром порядке и исправности, употреблять оные для приращения натуральной науки новыми опытами. Помянутые инструменты, рассуждая по возможности, иные делать здесь, в механической палате, под смотрением механики профессора и самого физика, а иные покупать, смотря по надобности. Эстраординарный того же класса адъюнкт и элев с согласия и дозволения ординарного физика могут делать опыты для уверения или доказательства своих сочинений, подобно как для обсерватории предписано.

§30. Химик, который должен притом знать часть натуральной истории, а особливо минеральных тел и в рудном деле быть не чужд, имеет в своем ведомстве и расположении химическую лабораторию, содержить оную в порядке, с довольством материалов, посуды и прочих потребностей, причем должен быть и небольшой минералогический кабинет, и в оной старается, во-первых, доискиваться новых приращений сея науки, особливо в показании причин в химических переменах, дабы сию науку вяще и вяще приближить к физике и, наконец, поставить оную с нею в равенстве, притом не оставлять и других трудов химических, кои простираются до дел практических, в обществе полезных, чего от химии ожидают краски, литейное дело, медицина, экономия и прочее. В поступках с принадлежащими до химии персонами и с профессиями, требующими от химии взаимного вспоможения, каковы суть физика, ботаника, механика, поступать, как предписано выше.

§31. Ботаник, он же купно и всей натуральной истории профессор, содержит в своем смотрении и расположении Академический ботанический сад, оранжерею, семена и сушеные травники, все в исправном и надобном числе и количестве. Семена стараться собирать через корреспонденцию откуда возможно, паче же изо всех областей Российския империи и со всех соседственных земель, особливо ориентальных, и через то приводить ботаническую часть натуральной истории нашего отечества к совершенству, дабы оное служило к лучшему исправлению прямой ботанической общей системы. Между тем стараться о познавании здешних медицинских трав для удовольствия здешних аптек домашними материалами. Наконец, чтобы сад был по мере украшен и порядочен, дабы показать не стыдно было посторонним любителям сея науки. В оранжерее содержать иностранные травы, сколько допустит здешний климат и сколько требуется к показанию ботанических разных систем для наставления учащихся.

§ 32. Анатомик, сверх новых своих изысканий и свидетельств тел человеческих, будучи физиолог, должен доходить подлинных причин состояния здорового и больного человеческого тела, притом заготовлять анатомические препараты частей человеческих и других животных, отчасти ради приращения медицины, отчасти для кунсткамеры, когда в ней что из таковых вещей обветшает или попортится. До него надлежит не токмо порядочное расположение и содержание Анатомического театра, но по сродству с медициною знание зоологии, то есть натуральной истории животных: должен описывать внешний вид и внутреннее строение зверей, птиц, рыб и гадов, особливо здешних, розня-

щихся от иностранных или совсем инде не известных.

§ 33. В историческом классе историограф первую должность наблюдает собирать всякого рода исторические сведения для Академической библиотеки и для своего сведения, надлежащие до деяний российских и до порученных ей и соседних народов, особливо же коих история мало или недовольно на свете сведома. Сочинение российской истории полной по примеру древних степенных историков, каковы были у римлян Ливий, Тацит, есть дело, не всякому историку посильное, ибо таковых не много было во всех народах на всей памяти человеческого рода, ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии. Для того довольно для ординарного академического историографа, когда он для сохранения древностей издаст в народ некоторые части простым, но порядочным штилем, выключая всякие мелочи, достойные ничего больше, как вечного забвения; есть довольно и знатных приключений в российских деяниях, чем историограф может удовольствовать свою и любопытных людей охоту. Для исполнения должности надлежит дать ему позволение входить в государственные архивы для справок в своих сочинениях, только смотреть прилежно, 1) чтоб он был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния; 2) природный россиянин; 3) чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию.

§ 34. Юриспрудент, наподобие историографа, должен собирать все, что надлежит до российских новых и древних прав и для их объяснения, и приводить в систематическое расположение для пользы при сочинении прав российских. Паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двузнаменательных производит в суде великие беспорядки и отдаляется от правды к заблуждению и к ябедам. Оные дефиниции, надлежащие к одной материи, могут от юриспрудента, как новые изобретения, в форме диссертации Собранию быть представлены на рассуждение и по апробации оного в «Комментариях» напечатаны с оговоркою, что они не ради того изданы, дабы по ним суды производились, но ради лучшего рассуждения в установлении и поправлении впредь законов.

§ 35. Древностей ординарный академик по знанию своему старинных языков, которые уже из употребления вышли, и по искусству в древностях еврейских, греческих, римских и северных народов должен в оных все изыскивать, что надлежит к сведению древнего состояния российских предков, также единоплеменных славянских и других, с ними смешанных народов, дабы приобрести большее просвещение в российских древностях, в чем, с историографом сносясь, могут подавать один другому доброе взаимное вспоможение. Обращаясь для древностей в чтении греческих и римских писателей, не может сей академик по мере своего таланта не навыкнуть красноречию, ибо они суть

самый лучший и надежный пример в словесных науках. Для того, сочиняя скучные о древностях критические материи, должен им придавать приятность умеренным украшением витийским. Ему ж принадлежит должность академического оратора для публичных собраний, хотя могут оную исполнять и другие академики, ибо случиться может геометр, анатомик или химик, в красноречии искусный.

§ 36. Знающий восточные языки академик, во-первых, должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рассуждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства, в чем вспоможение подавать могут ему историограф и древностей профессор, также и от него получать напротив того изъяснения.

Глава III

О почетных членах и корреспондентах

§ 37. Почетные члены жалованные и безжалованные, также и корреспонденты должны быть избраны общим Академическим собранием по баллотированию и, как в штате показано, из разных народов, дабы Академия могла пользоваться успехами наук от всего ученого и просвещенного света и свои труды распространять по оному.

§ 38. Жалованные почетные члены должны быть приняты из ученых людей первого ранга, кои славными изобретениями и сочинениями учинились в свете знамениты, коих должно быть в Германии и Франции по два, в Италии, в Испании, в Англии, в Швеции, в славянских владениях, в Китае по одному. Потом смотреть, чтобы они были в рассуждении своих главных знаний разделены на три академических класса и не было б одной профессии более двух персон.

§ 39. Безжалованных почетных членов число хотя полагается неопределенное, однако не должно быть излишнее, причем наблюдать надлежит, чтоб не принимать людей, в ученом свете безымянных, только по приватному знакомству или по рекомендации знатных людей, чего и во всех случаях убегать должно, ибо требуются здесь люди, способные к приращению наук новыми изобретениями, а не сочинители только известных дел новою формою. В таковые члены принимать и российских подданных, в ней находящихся достойных людей. А жалованные неотменно должны быть вне государства.

§ 40. Корреспонденты избраны быть могут не токмо ученые люди, но и любители наук, у которых известна охота и любопытство к изысканию надлежащих до наук известий, хотя в них основательного учения и не положили. Таковые люди полезны вне и внутрь государства, и для того не токмо в отдаленных чужих землях иметь их должно, но и по всем российским губерниям нарочно приискивать надежных, разумных и любопытных людей, кои бы в Академию пересылали свои наб-

людения в натуре (и?) в истории, на что им давать с дипломами инструкции от Академии и способы к их изысканиям, кои ни Академии, ни тамошнему жителю не тягостны.

§ 42. Чужестранные члены, особливо же жалованные, должны сообщать всякие в ученом свете новости, собственные и чужие, то есть книги, наблюдения, опыты и знатные с учеными людьми приключения, объявлять Академии, в каких они изысканиях и сочинениях упражняются, дабы видеть можно было, какую взаимную пользу академии или Академия им подать может и нет ли надобности для ускорения и верной исправности дела производить общими трудами.

§ 43. Изданиям трудов академических споспешествовать должны жа́лованные члены присылкою диссертаций новых изобретений или поправления в прежних, которых по справедливости требуется хотя по одной на год. От безжалованных того не требуется точно, однако прилежные большую имеют надежду к принятию в число жалованных, когда себя притом достойными покажут перед ученым светом.

§ 44. Когда понадобится выписать в Академию действительного члена, то почетные члены должны представлять кандидатов, описав верно их знание, изданные сочинения, лета, службу, нравы и поведения. Для сего должна Академия писать ко всем почетным членам в Европе, чтоб всяк учинил представление о принятии в члены кого кто за способнейшего найдет.

§ 45. Должность почетных, а паче жалованных членов, чтоб принимали от Академии следующие комиссии: 1) ежели какие обстоятельства не допускают учинить здесь нужного изыскания, которое представлено будет здешним каким членом и Собранием апробовано, оное учинить почетному члену, где способно, на что ему Академии заплатить издержку, ежели она не тягостна будет, и о чем прежде надлежит описаться; 2) в трудных делах для решения между академиками споров, буде здесь не можно, требовать голосов от почетных членов, кои принадлежат к оному классу, где спор происходит, однако главным командирам стараться, чтобы они внутрь Академии прекращены были; 3) над присылающимися от Академии для обучения студентами иметь смотрение и правление их учения и поведения, о чем и присылать известия в Академию.

§ 46. Присылаемые от почетных членов сочинения рассматривать академикам той профессии и того же класса и об ней подавать в Собрание ведомость, которую издавать в печатаемых известиях о ученых делах при академических «Комментариях». Присылаемые сочинения от ученых, кои не члены Академии, таким же образом рассмотрев, и по важности и по достоинству материй выбирать авторов в члены. Известия, от корреспондентов сообщенные, издавать в «Академической истории».

§ 47. Корреспонденты, ежели будут люди, основательно ученые в университетах, достигнут до степени способности в новых изобретениях и покажут к тому опыты, могут быть избраны в почетные члены баллотированием, а из почетных членов приняты в жалованные по

достоинству, кое выше показано, и по баллотированию. Всех снабдевать от Академии дипломами жалованных за президентскою, вице-президентскою, ординарных академиков и конференц-секретарскою рукою, безжалованных — президентскою и секретарскою, корреспондентов — за конференц-секретарскою, первых и вторых — на пергаменте за большою академическою печатью в серебряном и позолоченном ковчежце, последнем — за малою печатью просто, на пергаменте же, — все по предписанной форме вообще и особливое вписание достоинств каждому по его трудам и знаменитости в науках.

Глава IV

Об академических обыкновенных собраниях и о издании в свет сочинений

§ 48. Обыкновенные заседания академические суть двоякого рода: 1) для рассмотрения трудов академических членов, 2) о правлении и расположении дел экономических. Чрезвычайные собрания определяются для отправления дел посторонних, до наук надлежащих по другим командам. Обыкновенные собрания быть должны по дважды в неделю — по понедельникам и пятницам. Чрезвычайные назначаются от главных командиров, особливо когда дело не терпит умедления. Впрочем, и посторонние дела могут отправляться в определенные дни, ежели не так нужно поспешно, и время остается от текущих дел академических.

§ 49. В заседаниях наблюдать следующий порядок: по президенте и вице-президенте заседают ординарные академики по старшинству вступления в Академию, потом экстраординарные также по старшинству, а ниже их адъюнкты подобным порядком. Таким же образом подписывать журнал и прочее. Выбранные чины, как проректор Университета, библиотекарь, конференц-секретарь и другие, в старшинстве не имеют преимущества, как только проректор в университетских заседаниях.

§ 50. Всем академикам и адъюнктам собираться в Академии в уреченные дни и по чрезвычайным повесткам, в начале одиннадцатого часа и не позднее, как одною четвертью. Ежели же кто не будет присутствовать, тот должен в тот же день поутру объявить письменно секретарю причину своего отсутствия. У не бывших в присутствии без законного и заблаговременного извинения вычитать из жалованья по силе генерального регламента.

§ 51. Сочиненные диссертации от членов отдаются секретарю, который вписывает их в журнал с надписанием времени, когда каждая получена, и по тому порядку посылаются к членам по домам для прочтения. Таковых диссертаций никому не держать у себя долее недели, а по возвращении к секретарю читать их тем же порядком одну за другою, как в Собрание вступили.

§ 52. Диссертации читать в Собрании самому автору, разве за

болезнию или законною отлучкою присутствовать не может, и кому из своих товарищей поверит; буде же того учинить не похочет, то оную отложить до его присутствия, а между тем без остановления читать следующие ей других сочинения.

§ 53. При чтении о замеченных на дому местах по порядку рассуждать, и, кто какое сомнительство или другое мнение имеет, должен от автора диссертации требовать объяснения или доказательства. И на таковые требования должен автор ответствовать и свое изыскание очистить или, признав неисправность, беззазорно поправить, ежели не до главного дела всей материи ошибка касается и поправить можно. Для напечатания в «Комментариях» разбирают главные командиры, секретарь и ординарные члены того класса.

§ 54. Во многих диссертациях практических наук часто случаются новые опыты и наблюдения, при коих наблюдать академикам должно следующее: 1) действительно ли они новые и нет ли их уже прежде другими изобретенных и в свете изданных, чтобы старого не почесть за новое; 2) кои опыты можно повторить в конференцкой палате без потеряния многого времени, то учинить перед Собранием, что ж будет не способно, то академикам собираться к автору или отрядить нарочных для освидетельствования на место изыскания. Буде ж такое наблюдение случается не всегда или в отдалении, то положиться на честность авторову, буде нет довольных причин к сомнительству.

§ 55. Что в какой диссертации автор изобразит неясно или недовольно докажет и будет у него требовано на то справедливое удовольствие, то дозволено ему прежде издания прибавлять изъяснения и пополнения, ибо диссертация читается в Собрании не ради того, чтоб автора постыдить опровержениями, но чтоб изыскать самую правду, причем убегать надлежит всяких шумов и досадительных речей, что главные командиры всячески отвращать должны увещеваниями, выговорами и наложением молчания, а буде и того не послушают — денежным штрафом. Ежели какое сочинение будет спорного достоинства и автор покажет довольные причины, что по пристрастиям оное не приемлется в «Комментарии», то сие решить взятием голосов от иностранных членов, чего, однако, для чести Собрания убегать должно. Когда же и от оных не апробуется, главные командиры автору приказать должны, чтобы он свою диссертацию переделал или вовсе оставил или б издал вне «Комментариев».

§ 56. Новые изобретения издавать в свет следующим порядком: напереди печатать дедикацию (когда требуется по прежнему обыкновению), и ежели нет дедикации, то должно быть краткому предисловию по приличности того года, на который том издается; после того история Академии, в которой сверх кратких содержаний каждой диссертации присовокупить экстракт из академического журнала, в коем особливо показать переписки академиков с учеными людьми и присылки новостей от корреспондентов и другие приключения, служащие к чести Академии; самые диссертации по порядку классов и вступления их в Собрание. На каждый год припечатывать имена академиков,

почетных членов и корреспондентов.

§ 57. Дедикации и предисловия сочинять секретарю или исправляющему ораторскую должность академику. Сокращения диссертаций сочинять каждому автору своей собственной, а исторические приключения — секретарю, что все в Собрании прочитано, рассмотрено и апробовано быть должно.

§ 58. Издавать в свет свои сочинения имеет Академия в состоящих на казенном коште типографиях, а особливо в той, которая произошла и возросла из академической суммы и должна Академии чинить всякое угождение и поспешествование, ибо она по нынешнему новому стату хотя совсем от Академии отделяется, дабы течению наук и ученому обществу покупкам материалов, инструменов, продажею книг, перепискою с иностранными типографщиками для книжного торгу и прочих мелочных дел никакого помешательсва не учинилось, каковое прежде искусством изведано, однако тем оная должна иметь сообщение печатанием дел академических по нижеследующему: все издаваемые для Академии и для Университета и Гимназии книги, также календари, ландкарты и атласы печатать в оной Типографии на академическом коште с умеренными барышами, а от Академии продавать оные книги из состоящей при оной типографии книжной лавке порознь или оптом купцам повольною ценою, чему всему быть в смотрении академического казначея и в ведомстве Академического собрания. Сие разумеется и о сочинениях приватного труда академических членов с академическою апробациею, которую в оных сочинениях и припечатывать, а без оной не почитать того труда академическим.

§ 59. Печатание помянутых книг и сочинений производить прежде всех прочих, считая со вступления в типографию и только то принимая в рассуждение, что прислано будет для напечатания в оную типографию по именному высочайшему повелению или от правительствующего Сената с изображенным выключением книг академических из порядка вступления.

§ 60. Посторонних с делами допускать в Собрание, как водится в других местах присутственных. Почетным членам, кои здесь, в Санкт-Петербурге, обращаются, когда в Собрание пригласятся или сами с делом придут, давать места по старшинству рангов между академиками. Иностранных членов, кои не в здешней службе, когда здесь случается, также почитать как гостей местом по их достоинствам по рассуждению главных командиров. Приезжающим корреспондентам давать стулы, как водится в других коллегиях, смотря по рангу.

§ 61. Когда получит Академия от ученых обществ или персон письма, оные по рассмотрению надобности прочитаны быть должны в Собрании прежде диссертаций и положено мнение, какой ответ должен секретарь писать именем Академии. На письма приватной переписки членов приватно ответствует члены, к кому что писано, однако, буде до наук касаются, прочитаны быть должны в Собрании и в журнал записаны.

§ 62. Всем происхождениям в Академических обыкновенных собра-

ниях содержать журнал и наблюдать порядок секретарю конференции, что его главная должность. Притом главным командирам наблюдать и строго смотреть, чтобы оный секретарь, переписываясь с иностранными учеными собраниями и членами именем Академии, ничего б не сообщал, не требовал и не обещал или и действительно не пересылал чего из Академии без общего согласия от всего Собрания и всех своим по ученым делам писем присовокуплял к журналу академическому верные копии, а журнал подписывать всему Собранию академиков.

Глава V

О публичных Академических собраниях, о задачах и о награждениях

§ 73. Для показания обществу трудов академических должны быть при Академии публичные собрания дважды или по малой мере однажды в год, рассуждая по довольству материй, достойных торжественного предложения ученому свету и всем наук любителям. Оные быть должны в начале нового года, в первых числах генваря месяца, или в шесть месяцев спустя, то есть после праздника св. апостолов Петра и Павла, около первого числа июля. Позволяете же производить оные действия и в другие месяцы на торжественные праздники государские или на знатные радостные государственные приключения, только то наблюдать, чтоб от одного публичного собрания до другого не пропустить долее одного года.

§ 74. Предлагаемых сочинений в таковых Собраниях должны быть всегда по три, из каждого класса по одному. Очередь хотя и должна следовать по старшинству членов, однако ежели кто покажет материю важнее, то отдается на рассмотрение Собрания и решить баллотированием; позволяется ж читать сочинение в Собрании и мимо очереди, ежели очередной не имеет материи, которая требуется всегда новая, в коем числе разумеются и ораторские речи, когда в них есть новых знатных дел приличные витийские изображения.

§ 75. Предлагать одно или два сочинения на российском языке, третие может быть и на латинском. Ежели ж присутствие весьма знатных иностранных персон, ни латинского, ни российского языка не разумеющих, потребует, то читать одно сочинение на немецком или на французском языке, в котором автор должен быть совершенно искусен в рассуждении исправного штиля и чистого выговору. Природные россияне должны свои речи предлагать на российском языке. Приезжим почетным членам позволяется говорить речи на латинском языке или по требованию нужных обстоятельств на своем природном, только же чтобы она была прежде в Собрании прочтена и апробована баллотированием.

§ 76. Предлагаемые в публичных собраниях сочинения должны быть прежде в Конференции прочитаны по просмотрении по домам и баллотированием апробованы, причем наблюдать, 1) чтобы материи глубокого изыскания изображены были ясно и понятно по крайной

возможности; 2) чтобы сочинения не были излишно долги, дабы все действие с объявлением задач и награждений больше двух часов не продолжалось.

§ 77. В таковых публичных собраниях служат для ясности и для возбуждения любления к наукам в слушателях показания опытов. Для того стараться, чтобы при диссертациях практических профессий представлять оные опыты, кои не требуют великого места и времени и не производят ничего противного, также показывать новоизобретенные инструменты или по последней мере оных чертежи, крупно и явственно нарисованные, с истолкованием.

§ 78. Для ободрения ученых людей во всем свете к полезным новым изысканиям в науках определяется, как и прежде, награждение, состоящее во ста червонных, которое ежегодно выдавать за решение предложенной задачи, содержащейся в трудной материи, которая еще в ученом свете сомнительна или совсем новая; оную должно объявлять повсягодно в публичном собрании программою, сочиненною академиком той профессии, до которой задача надлежит, или секретарем Конференции, который оную объявляет как новую впредь задачу, так и академический приговор, кому присуждено награждение за прежнюю задачу. Присылаемым диссертациям определять сроки за шесть недель до собрания публичного.

§ 79. Когда Академия для решения задачи не получит больше одной диссертации, то награждение не выдавать, ибо сие награждение определено лучшему сочинению, а одно не может быть себя самого ни лучше, ни хуже, и потому задачу отсрочить до будущего публичного собрания. Однако ежели Общим собранием академиков, особливо того класса, к коему оное принадлежит, признается за совершенное и не требующее ни малого поправления или дополнения, в таком случае давать награждение и за одну присланную диссертацию.

§ 80. Заседать Собранию на публичном действии так же, как и в обыкновенных конференциях, с тою отменою, что стол должен быть поставлен однем рядом, дабы из членов никто не сидел хребтом к слушателям, но все бы к ним лицом были. Читающий свое сочинение должен стоять, а ежели какое Собрание удостоится монаршеского всемилостивейшего присутствия, то и всему Собранию стоять, каждому члену у своего места.

§ 81. В публичное собрание призывать программою, от секретаря или от члена академического по приличности материи сочиненною и в Собрании рассмотренною, апробованною и напечатанною. Во время Собрания посторонних не пускать одетых неблагопристойным образом и первые места уступать знатнейшим особам. Студентам быть при публичных собраниях должность требует.

§ 82. Ни в начале, ни в конце Собрания не раздавать ни программ, ни сочинений, кроме удостоившей Академию присутствием высочайшей особы и государской фамилии, после Собрания по расположению главных командиров разошлет или кому сам похочет персонально конференц-секретарь или авторы помянутых сочинений.

Не ранее сентября 10 дня 1764 г. — не позднее марта 1765 г.

Проект привилегий Академии наук

Божиею благопоспешествующею милостию и прочее.

Достоинство наук и пользу, от них происходящую, уважая и полагая то между главными способами к умножению человеческого благополучия и к благоустроению народа, простирали мы к оным издавна внимание наше, делая, дабы происхождение в отечестве высших знаний беспрепятственно возрастало купно с просвещением, возводящим государства на высочайший степень счастия и славы. Того ради между первыми нашими попечениями о нужнейших государственных распорядках предприяли мы приложить всемилостивейшее наше старание о приведении в лучшее состояние нашей Санкт-Петербургской Академии наук, как то в указе нашем о новом стате и регламенте реченного ученого корпуса явствует, по которым оныя нашея Академии наук главным командирам, членам и прочим в ней состоящим служителям всемилостивейше повелеваем чинить точное исполнение, также и другим нашим правлениям в рассуждении надлежащих для ней законных надобностей исполнять по ея требованиям безотговорочно и неукоснительно.

А как еще оной Академии и соединенному с нею Университету не учинена поныне инавгурация, коей должно утвердить сие здание торжественным образом, дабы во всей нашей империи и в целом свете было ведомо о сем ученом учреждении и новом исправлении, того ради всемилостивейше повелеваем учинить помянутой нашей Академии наук, соединенной с Университетом, торжественную инавгурацию по приличности и в оной всенародно объявить новый стат с регламентом и купно всемилостивейше пожалованные от нас преимущества и выгоды, дабы всему свету известно и сведомо было наше матернее попечение о благополучии отечества, происходящем от просвещения чрез науки, и наше особливое к ним любление и благоволение и чтобы каждый и все обще ведали, чем и как могут пользоваться в сем ученом корпусе наши верные подданные и из других народов приезжающие для приобретения знания в науках, наипаче ж дабы наше дворянство возымело особливую охоту и рачение к приобретению высоких наук, кои к благородству их умножат почтение и украшение, подадут вящее преимущество к отправлению дел государственных и большую способность к верной нам службе. Оные преимущества и выгоды в следующих содержатся.

1. Всемилостивейше принимаем оную нашу Санкт-Петербургскую академию в единственное свое всемилостивейшее покровительство, дабы произвождение ученых дел простиралось беспрепятственными успехами и никто б не дерзал оным чинить помешательства и остановки никакими налогами и происками. Таковые почтутся недоброжелательми отечеству и противными высочайшему нашему благоволению. Того ради никто из Академического корпуса не должен быть взят или позван к суду без дозволения Собрания, кроме важных криминальных дел, ибо Академия сама имеет власть давать внутрь своего правле-

ния между своими суд и расправу, а о посторонних на нее налогах по заключению главных командиров для отвращения докладывать нам беспосредственно.

2. Во всех правлениях и судебных местах отправляться должны дела в присутственных местах, а на дому производить их запрещается. Напротив того, члены нашей Академии наук хотя в определенные дни и часы для рассуждений, до наук надлежащих, должны собираться в академическом доме, однако большие и глубочайшие их изыскания и уединенные труды происходят, где они жительство имеют, в котором должны они иметь возможную спокойность. Того ради дабы беспретковенно могли всегда в своих трудах упражняться, освобождаем всех особ, ученое сие собрание составляющих, собственные или наемные домы, в коих они жительство имеют действительно сами, от постоев и от всех полицейских должностей.

3. Дабы сие Академическое собрание никакими недостатками остановки не претерпевало ни обще, ниже кто единственно, того ради назначенную на оную содержание сумму выдавать из нашей статс-конторы в Академию по прошествии каждой трети прежде других команд, кроме когда учинится выключение именным нашим указом.

4. В благоучрежденных европейских академиях и училищах позволяется учащим и учащимся летнее прохлаждение и отдохновение, дабы в течении трудов годичного обращения на несколько освободиться от утомления мыслей. Для того позволяем нашей Академии наук вместе учащим и учащимся быть свободным от своих должностей на весь июль месяц, начиная после праздника святых апостолов Петра и Павла до первого числа августа без вычета жалованья, в которое время могут отлучаться для законных нужд с позволения главных командиров в другие городы и провинции, откуда в показанное свободное время возвратиться можно.

5. Шляхетные наши кадетские корпусы пользуются пожалованными от нас во владение им мызами, то по справедливости тем же снабдить и реченную Академию наук..., паче же для того, что члены оныя, имея позволение пользоваться в ней лѣтним отдохновением, не преминут чинить физические, особливо же экономические примечания и опыты и оные издавать печатанию для ведома и пользы общества. Того ради всемилостивейше жалуем оной нашей Академии наук, соединенной с Университетом,... мызу... в вечное владение со всеми к ней принадлежащими землями и угодьями на всех правах и преимуществах, каковы дозволены нашему дворянству над жалованными им вотчинами в вечное и потомственное владение.

6. Дозволяем и повелеваем нашей Академии и Университету производить нашим именем и указом всех достойных студентов в ученые градусы по примеру европейскому, то есть в юридическом и медицинском факультетах в лиценциаты и в докторы, а в философском — в магистры и в докторы с такою отменою, что 1) не брать за произвождение в казну нашу ни малейшия платы; 2) кто из наших подданных в градусы произведен будет, тех наградить рангами лиценциатов и магистров —

поручическими, докторов — капитанскими, хотя кто из них и не был еще в нашей службе действительно. Приезжие теми же рангами пользоваться могут, пока обращаются в нашем государстве.

7. Дворянству нашему, обучившемуся в сем нашем Университете, по выпущении из оного с добрыми аттестатами давать в воинской службе преимущества старшинства при произвождении в первый ранг, зачитая его лета учения за действительную нам службу.

8. Разночинцам, окончившим университетские науки и выпущенным с добрыми же аттестатами, с не учившимися в сей Академии и неаттестованными дворянами в статских произвождениях считаться наравне, яко равным с ними дворянам.

9. Ординарных и экстраординарных академиков по благоизобретению и по их достоинству и знанию определять в наши коллегии, канцелярии и комиссии членами во всё или на нужное время, где им заседать по рангу. Ибо академики не суть художники, но государственные люди и в политических народах имеют заседание по коллегиям и другим местам присутственным, отчего в делах вящее последует просвещение. А за сии чрезвычайные их труды производить им окладное жалованье против чина, в коем заседает в той коллегии, сверх академического окладного.

10. Нередко бывает, что полагающие на учение лучшие свои лета не токмо не имеют времени приобрести себе достатков в имении, но и имевшиеся свои пожитки на оное употребляют, и живут только одним нашим жалованьем, и для того вдовы и сироты их остаются по смерти оных в бедности. Того ради всемилостивейше повелеваем нашей Академии наук умерших ординарных и экстраординарных академиков их вдовам выдавать мужей их оклад годового жалованья однажды. А ежели которая пожелает брать по частям, той выдавать по шестой доле на год мужнего годового жалованья по окладу до смерти. А детям невзрослым чинить выдачу до возрасту на пропитание, против того как положено в Адмиралтейском регламенте.

11. Помянутые выдачи производить из книжных доходов, получаемых из казенных типографий за книги, академическими чинами или другими в Академии сочиненные и апробованные. И для того оное книжное печатание хотя от Академического корпуса ныне и отделяется, однако академические сочинения должны оным в свет издаваться и продаваться на академическом коште, а получаемые в книжную лавку от продажи деньги отдавать в Академию наук, дабы оная по общему согласию Собрания употребляла их на вышереченные выдачи и на другие необходимые нужды с общим... рассмотрением. Таковым образом Академическое собрание от типографских забот освободится и от сочинений своих будет получать прибыль, также и книжное дело имеет приобретать свои выгоды себе на содержание.

12. Для удобнейшего отвращения случающихся болезней учащим и учащимся отпускать в нашу реченную Академию наук на академиков, адъюнктов, учителей, студентов и гимназистов требуемые лекарства безденежно по предписанным от академического медика или лекаря

рецептам.

Таковыми преимущественными выгодами и способностями пожаловав нашу Академию наук, соединенную с Университетом, всенародно сим объявляем и, во-первых, природным нашим российским подданным всемилостивейше повелеваем, чтоб как дворяне, так и разночинцы сею нашею монаршескою милостию пользовались, имели целому отечеству славу и пользу и самим себе честь и выгоды, особливо ж нашу монаршескую милость снискать старались. Завоеванных провинций дворянские дети обыкновенно посылаются в иностранные университеты для учения, которым ныне всемилостивейше объявляем, что много нам благоугоднее будет, когда прежде посылки в чужие краи положат основание в науках в нашей Санкт-Петербургской академии. Наконец, как мы сие учреждение ученого корпуса утвердили и сею преимущественною привилегию монаршески снабдить повелели не токмо наших подданных, но и для всего науки любящего света, того ради торжественно сим призываем всемилостивейше из всех народов желающих снискать в сей нашей академии преподаемые учения и пользоваться данными свободами и преимуществами.

Не ранее сентября 10 дня 1764 г. — не позднее марта 1765 г.

Комментарии

О значении науки и просвещения в воспитании и образовании

О сохранении и размножении российского народа

Время написания — 1 ноября 1761 г. Печатается по изданию: Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова. В 10 т. М.; Л.; 1955—1959 гг. Т. 6. С. 381—403. Далее: ПСС.

Это сочинение раскрыло личность Ломоносова как народного просветителя. Предлагая меры по сохранению и увеличению населения для хозяйственной и политической жизни страны, Ломоносов представил социально-экономическую программу, нацеленную на подъем производительных сил страны, на улучшение быта народа, его благосостояния путем распространения культуры, научных и медицинских знаний.

Большое значение Ломоносов придавал анализу факторов развития и формирования личности молодого человека. Он показал роль наследственности в появлении многочисленного здорового поколения русских людей, раскрыл влияние среды на личность, обратился к проблемам нравственного, полового воспитания молодого и взрослого населения. Ломоносов наметил некоторые условия успешного воспитания детей: уничтожение пережитков прошлого; наличие крепкой, счастливой семьи, основанной на любви и взаимном уважении («где любви нет, ненадежно и плодородие»); включение молодых людей в трудовую деятельность.

Сочинение Ломоносова долгое время было неизвестно русской общественности. Опубликованное в 1819 г., оно вызвало негативную реакцию у министра народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицына. Было отмечено, что «распространение письма Ломоносова в публике должно быть воспрещено», поскольку в нем высказаны «мысли предосудительные, несправедливые, противные православной церкви и оскорбляющие честь нашего духовенства» (*Скабичевский А. К.* Очерки исторической цензуры. СПб., 1892. С. 155).

[1] «Учредить нарочные богаделенные дома для... зазорных детей приему» — Ломоносов считал, что воспитание незаконорожденных детей должно было соединяться с обучением их разным специальностям. Первый воспитательный дом в России, основанный в 1764 г. по проекту И. И. Бецкого, имел мало общего с идеей Ломоносова.

[2] Красоуля — чаша, употреблявшаяся при монастырской трапезе.

[3] Иготь — ступка.

[4] «Побеги бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов» — Ломоносов показал обострение борьбы крепостного крестьянства против помещиков, усилившейся в 50-х гг. XVIII в.

Из «Краткого руководства к риторике на пользу любителей сладкоречия»

Печатается по ПСС, т. 7, с. 21—24. Впервые опубликовано: Ломоносов М. В. Соч., 1895. Т. III. С. 13—77. Предположительно датируется 1743 г.

Подготовка и издание Ломоносовым учебника по риторике имели огромное историческое значение. Русский литературный язык начала 40-х гг. был полон стилистических и лексических противоречий, в нем перемежались церковнославянский язык, русская разговорная речь, иностранные слова. «Риторика» Ломоносова содержала свод правил, которым предлагалось следовать в литературных произведениях высоких жанров, т. е. таких, где раскрывались главным образом государственные, общественные и религиозно-философские темы. Достоинством руководства являлся доступный, образный русский язык.

Свою задачу Ломоносов видел в приобщении всех, и прежде всего молодых людей, к изучению русского языка, «по природному изобилию, красоте и силе» превосходящего европейские языки.

Представление в Академическое собрание о постройке Химической лаборатории

Время написания — 25 октября 1745 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 22—23. Впервые опубликовано в выдержках в русском переводе в издании: Меншуткин Б. Н. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.; Л.; 1936. С. 333. Далее: Меншуткин.

По возвращении из Германии Ломоносов активно занялся химическими исследованиями. В январе 1742 г., в мае 1743, в марте 1745 г. он обращался в канцелярию Академии с просьбой оказать содействие в постройке химической лаборатории. Вопрос не был решен. Поэтому публикуемый документ был направлен в Академическое собрание. В нем Ломоносов показал, что опытная работа по химии может принести не меньше пользы государству, чем искусства и другие науки. При этом он полагал, что для получения новых научных знаний нужен поиск методик исследования, требуется систематическая опытная работа. При обучении молодых людей для развития интереса к науке Ломоносов рекомендовал исходить из связи теории с жизнью, практикой, широко использовать наглядность.

Список наук в Академии с распределением их на три класса

Время написания — декабрь 1745 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 9—10. Оригинал впервые опубликован в ПСС. Датируется предположительно.

Во второй половине 1745 г. Ломоносов по поручению Академического собрания приступил к выработке нового штата Академии наук. Публикуемый документ, по предположениям исследователей, имеет к этому непосредственное отношение. «Список наук...» является одним из первых источников, характеризующих идеи Ломоносова об основных направлениях научного поиска в Академии, а также позволяющих сделать вывод о том, какое большое внимание ученый уделял естественно-математическим знаниям.

В 1764 г. Ломоносов представил записку «Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии», в которой он использовал и развил идеи «Списка наук...» 1745 г. Ломоносов сохранил деление наук на три класса, оставил большинство из них по «Списку...» 1745 г. Некоторые науки были не включены в записку 1764 г. Так, в «Списке...» 1745 г. была металлургия, а в документе 1764 г. ее нет. Ломоносов по этому поводу писал: «Заметим, что знание металлургии всегда должно требовать от химика или естествоведа». В записке 1764 г. отсутствовала физиология, но сделано следующее замечание: «Знание физиологии всегда должно требовать от анатома или физика». В документ 1764 г. Ломоносов не включил в третий класс философию, элоквенцию, пиитику, объясняя это тем, что «философом же, оратором или поэтом может оказаться любой академик, наиболее преуспевший по этой части».

Программа

Время написания — июнь 1746 г. Печатается по ПСС, т. 1, с. 531—536. Впервые опубликовано: Смирдин А. Ф. Сочинения М. В. Ломоносова. СПб., 1847. Т. I. С. 802—807.

17 октября 1745 г. указом Сената одновременно с разрешением печатания перевода «Вольфианской экспериментальной физики» Ломоносову было предложено на русском диалекте читать лекции. Этому событию ученый придавал большое значение. Чтение курса он решил связать с обучением и воспитанием национальных кадров по физике и химии. В связи с этим Ломоносов подготовил «Программу». В ней он показал громадную роль науки и значение человеческого познания в развитии общества.

Ода на день восшествия на Всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года

Печатается по ПСС, т. 8, с. 196—207. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые отдельным изданием опубликовано в 1747 г.

В «Оде» выражены ведущие социально-политические взгляды. Произведение написано в конце 1747 г. В то время Англия и Голландия вовлекали Россию в войну против Франции. Ломоносов был сторонником мира, поэтому первая часть «Оды» начинается с

прославления «возлюбленной тишины» как основы процветания сильного и культурного государства. Большое внимание Ломоносов уделил вопросам экономического могущества России, обратив свой взор к Сибири, Маньчжурии, Амуру, призвав к освоению новых земель, изучению морей и океанов.

«Ода» написана после утверждения императрицей нового устава и новых штатов Академии наук, в результате чего в два раза были увеличены средства, отпускаемые на ее содержание. В связи с этим Ломоносов надеялся на быстрое развитие наук в России. Он считал, что в стране «широкое открыто поле, где Музам путь свой простирать!». Занятия наукой делают человека богаче, страну могущественнее.

Широко известны слова Ломоносова, ставшие заветом молодежи, о необходимости изучения различных наук, о любви к тяжелому научному поиску, о воспитании собственных российских ученых со всемирно известными именами.

[1] «...Человека, какой неслыхан был от века» — Ломоносов имеет в виду Петра I.

[2] «Завистливым отторжен роком» — Петр I умер в год основания Академии наук (1725).

[3] Секвана — латинское название реки Сены.

[4] Колумб Российский — Витус Беринг (1681—1741), который возглавил экспедицию по изучению Дальнего Востока и Америки (1725—1741).

Репорт президенту АН о назначении в химическую лабораторию студентов

Время написания — 19 января 1750 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 47—49. Впервые опубликовано в издании: История имп. Академии наук в Петербурге Петра Пекарского. Т. II. СПб., 1872. С. 441—442. Далее: Пекарский.

Ломоносов отстаивал мысль об общественной значимости научной деятельности, ее эффективности. Для государственной пользы важными являются не только теоретический поиск и открытия, но и те исследования, которые соединяют теорию с практикой, дают непосредственную практическую отдачу.

Предложение об организации мозаичного дела

Время написания — 25 сентября 1752 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 75—79. Впервые опубликовано: Пекарский, II, с. 908.

В «Предложении» почти полностью намечена программа работы будущей Усть-Рудицкой фабрики. Предполагалось ввести обучение молодых людей мозаичному делу, чтобы оно давало прибыль, приносило славу отечеству. Позднее в 1761 г. Ломоносов обратился в канцелярию Академии наук с просьбой о направлении на фабрику гимназиста, который не только мог читать и писать, но знал бы и другие языки и арифметику, чтобы «при оном деле с лучшею впредь пользою был употреблен».

Письмо о пользе стекла к высокопревосходительному господину генералу поручику, действительному Ея Императорскаго Величества камергеру, Московского университета куратору и орденов Белаго орла, Святаго Александра и Святыя Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 году

Время написания — декабрь 1753 г. Печатается по ПСС, т. 8, с. 508—522. Впервые опубликовано отдельным изданием в 1753 г.

Выдающиеся успехи экспериментальной науки, достигнутые в XVII в., вызванное ими развитие философской мысли получили яркое отражение в так называемой дидактической, или научной, поэзии. Тематика подобных произведений была обширной. Наряду с торжественными стихотворными трактатами существовали работы по актуальным техническим, естествоведческим, философским проблемам (поэмы о барометре, часовом механизме, порохе, об огне, кометах, землетрясениях, радуге, северном сиянии и др.). Примером такой поэзии является «Письмо о пользе стекла», посвященное одной из глав-

ных направлений научного творчества ученого.

[1] Тое — то.

[2] Под «матерью» подразумевается природа, а под «отцом» — огонь.

[3] Хины — китайцы.

[4] «Запутан циклами, пока восстал Коперник...» — Николай Коперник (1473—1543) — великий польский ученый, открывший новую эпоху в астрономии. Его труд «Об обращении небесных сфер» вышел в год смерти ученого.

[5] Гугений — латинизированное обозначение голландской фамилии *Христиана Гюйгенса* (1629—1695), открывшего в 1665 г. кольца вокруг планеты Сатурн. Книга ученого «Космотеорос», излагавшая теорию Коперника, переведена на русский язык в 1717 г. и была известна Ломоносову.

[6] *Кеплер Иоганн* (1571—1630) — немецкий астроном. Завершил учение Коперника, разработав законы движения планет.

[7] «Учению велит расшириться в моря...» — Ломоносов имеет в виду дарование Елизаветой нового «Регламента» Академии наук.

О нынешнем состоянии словесных наук в России

Время написания — 1756 г. Печатается по ПСС, т. 7, с. 579—582.
Впервые опубликовано: Пекарский П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 90—91.

Работа посвящена анализу значения литературы в материальном и духовном прогрессе человечества. На примере Франции показано, что могущество страны определяется не столько военной силой, сколько развитием наук, прежде всего литературы и языка. Уважения достойны те, кто заботится о чистоте и красоте родного слова. По мнению Ломоносова, большой вред воспитанию молодежи наносится теми, кто выпускает «нескладные плетенья», стремясь возвысить самих себя. Они формируют в «нежных умах» ложные представления о науках, которые потом почти невозможно уничтожить. Воспитание юношества следует осуществлять прежде всего на примере лучших произведений классической литературы, написанных «красивым, великолепным, сильным и богатым российским языком».

Инструкция Географическому департаменту

Время написания — 3 октября 1757 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 186—191. Впервые опубликовано: Пекарский, II., с. 629—631, прим.1.

Инструкция 3 октября 1757 г. была второй для Географического департамента (первая дана 22 октября 1739 г., при его основании). Документ, направленный на развитие географии как науки, на организацию научной и учебной работы, определял обязанности членов департамента. Студентам разрешалось участвовать в заседаниях, слушать рассуждения ученых и «оными пользоваться». Ломоносов предложил более тщательно учить молодых людей геодезии, «сочинению карты». Адъюнктам рекомендовалось в определенное время проводить консультации студентам, а в обсерватории учить их владению инструментами, «дабы они в случаях с пользою и надежностью к отправлениям в губернии и провинции употреблены быть могли». Следовательно, важным направлением деятельности Географического департамента Ломоносов считал учебную работу, подчеркивая при этом, что географии принадлежит приоритет в освоении и изучении новых земель России.

Из «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненной Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и Королевской шведской академий наук»

(Вступление)

Время написания — 1754—1758 гг. Печатается по ПСС, т. 6, с. 169—172.

«Древняя российская история» была крупным событием в русской историографии.

Она являлась первой печатной работой, вводившей читателя в круг исторических проблем. В ней правдиво раскрывалась роль русского народа в мировой истории.

Ломоносов призывал изучать прошлое Родины ради будущего, беречь исторические знания, объективно оценивать их. Назначение книги Ломоносов видел в воспитании национальной гордости русских на примере отечественной истории, в обращении просвещенного юношества к опыту прошлых поколений. Книга написана прекрасным, точным, литературным научным языком, которому первый русский академик учил студентов и гимназистов.

[1]Имеются в виду описания России, тенденциозно преувеличивавшие ее отсталость (см., например, книгу П. Петрея де Эрлезунда «Истории и известия о великом княжестве Московском». Лейпциг, 1620).

[2] «Ожидать похлебства» — угождения, поблажки.

Предисловие о пользе книг церковных в российском языке

Печатается по ПСС, т. 7, с. 585—592. Публикуется по тексту первой публикации, сверенному с ее корректурным оттиском (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 232, л. 184 об.-185, 187—187 об., 190—191). Рукопись не сохранилась. Впервые опубликовано: Собрание разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова. Книга первая. Второе издание, с прибавлениями. Печатано при Московском университете, 1757. С. 3—10. Время написания — 1758 г.

«Предисловие» является самой поздней и наиболее зрелой филологической работой ученого. В ней он поставил три важнейшие для того времени проблемы: 1) сочетание церковнославянских и русских народных элементов в составе русского литературного языка; 2) разграничения литературных стилей; 3) классификация литературных жанров. Ломоносов сумел преодолеть их разнородность, уловил тесную взаимозависимость. Разрешение поставленных проблем он посвятил главной идее — патриотической. Суть ее состояла в стремлении мобилизовать живые национальные силы русского литературного языка на сопротивление чужеродным влияниям, сделать научную и литературную речь общепонятной, обеспечить внедрение науки и литературы в национальный быт.

Молодое поколение, по мнению Ломоносова, необходимо воспитывать на прогрессивных традициях прошлого. Для формирования «чувства памяти» надо отбирать в культуре прошлых веков самое ценное, накопленное народным опытом, народной мудростью.

[1] Под «свойствами» языка Ломоносов понимал его грамматический строй и фразеологию.

[2] В той части Германии, порвавшей с папством в XVI в., богослужебным языком стал с этого времени немецкий, а не латинский. Библия была переведена Лютером на немецкий язык в 1521—1534 гг.

[3] «Обаваю» — заговариваю, ворожу, очаровываю; «рясны» — женские украшения, состоящие из золота и дорогих каменьев; «овогда» — иногда; «свене» — равнозначно современному кроме.

[4] «В подлость» — в вульгарность.

[5] Намек на И. И. Шувалова и на его участие в основании Московского университета.

Представление президенту АН об «излишествах, замешательствах и недостатках» в Академии наук и о мерах к улучшению ее положения

Время написания — 7 января 1758 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 26—29. Впервые опубликовано в издании: Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. Кн. V. М., 1840. С. 82—87. Далее: ОР.

«Представление», сохранившееся только в черновике, было, несомненно, подано Ломоносовым президенту. Следствием его явилось поручение ученых и учебных департаментов Академии (Академического и Исторического собраний, Географического департамента, Университета и Гимназии) «в особливое смотрение» Ломоносова (ПСС, т. 10, с. 610—611).

Ломоносов подробно проанализировал состояние дел в Академии наук, раскрыв

основные причины несостоятельной ее деятельности. Главное внимание ученых он направлял на науку, на объединение академических департаментов, на увеличение издания русских книг, создание особых академических регламентов, инструкций и штатов. К «замешательствам» он относил стремление некоторых членов Канцелярии АН принизить науки, отказаться от идеи открыть Университет, лучших учеников гимназии отдать в Монетную канцелярию. Ломоносов видел конкретные меры по преодолению выявленных недостатков в распространении наук в России.

[1] Мерит — заслуга.

Выписка из журнала Канцелярии АН об обучении студентов Географического департамента астрономической теории

Время написания — 20 октября 1758 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 192. Впервые опубликовано в ПСС.

Ломоносов выступает здесь сторонником широких научных знаний, на основе которых, по его мнению, должна осуществляться специализация исследований.

М. И. Воронцову

Время написания — 30 декабря 1759 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 535—537. Впервые опубликовано: Архив кн. Воронцова. Кн. IV. М., 1872. С. 484—486.

Высказав в письме большую озабоченность слабой научной подготовкой молодежи в России, Ломоносов предложил свои идеи по переустройству гимназии. Он считал необходимым выделить должность вице-президента Академии наук, ходатайствовал о своем назначении на эту должность. Ломоносов видел в этом наиболее верный способ изменить соотношение сил внутри академии и освободить ее тем самым от власти реакционной канцелярской клики, которая противодействовала стараниям Ломоносова «о распространении наук в отечестве». Однако ходатайство Ломоносова удовлетворено не было (ПСС, т. X, с. 846).

[1] «Строгий экзамен» в присутствии всех академиков и профессоров продолжался до начала января 1760 г. (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 825, л. 19—24). 17 января 1760 г. девять гимназистов по определению академической канцелярии были произведены в студенты. Среди них — И. И. Лепехин, будущий ученый, последователь М. В. Ломоносова (там же, № 471. А. 24).

[2] В момент написания публикуемого письма у Ломоносова было формально три «товарища» по канцелярии: Шумахер, Тауберт и Штелин, но одряхлевший Шумахер уже отстранился к этому времени от всяких дел. Говоря о том, что «два иностранные в канцелярии члены против меня перевес имеют», Ломоносов, таким образом, разумеет Тауберта и Штелина (ПСС, т. X, с. 847).

Г. Н. Теплову

Время написания — 30 янв. 1761 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 547—554. Впервые опубликовано: ОР, кн. II, с. 34—39.

Значение письма состоит в том, что в нем сформулированы основные задачи академии: «распространение наук в отечестве» и «увеличение учащегося российского юношества». Ломоносов предстает перед нами как активная личность, гражданин, вся жизнь которого является образцом патриотического воспитания, служения обществу через развитие науки.

[1] Речь идет об увольнении из университета студентов Лобысевича и Девовича. Первый из них являлся родственником Теплова.

[2] Миллер, будучи тридцать пять лет профессором, никогда не читал лекций в академическом университете.

[3] В штате академии 1747 г. должность ректора была действительно соединена с должностью историографа. 10 ноября 1747 г. академическая канцелярия заключила с Миллером контракт, по которому он назначался на обе эти должности. 18 июня 1750 г. с должности ректора Миллер был уволен, и в тот же день на нее был назначен С. П. Крашенинников.

[4] Все сообщаемые Ломоносовым факты из биографии Миллера верны. Они приве-

дены для доказательства «непостоянства» Теплова. Одновременно это свидетельствовало о том, что за спиной у Миллера были такие силы, перед которыми отступал даже Теплов.

[5] Под «сапожником» Ломоносов имел в виду Шумахера (перевод его фамилии на русский язык), «его наследником и подражателем» Ломоносов назвал Тауберта.

Примерная инструкция отправляющимся обсерваторам для определения астрономическими наблюдениями долготы и широты нужнейших мест для географии Российского государства

Время написания — не позднее 10 сент. 1764 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 312—315. Впервые опубликовано в издании: Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком П. Билярским. СПб., 1865. С. 676—678. Далее: П. Билярский.

Первый русский ученый придавал огромное значение развитию астрономической науки, доказывая, что организация специальных экспедиций для астрономических наблюдений послужит экономическому развитию России.

Дидактические идеи М. В. Ломоносова

Утреннее размышление о Божием Величестве

Время написания — 1743 г. Печатается по ПСС, т. 8, с. 117—119.

Здесь Ломоносов выступил не только как художник слова, но и как ученый-мыслитель, утверждавший материальность происходящих в природе явлений, независимость их от сознания человека. Так, Г. В. Плеханов отметил: «Научное представление о космосе располагало душу Ломоносова к живейшему принятию впечатлений, получавшихся им от картин природы» (*Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли: В 5 т. Т. II. М., 1915. С. 208—209).

В мировоззрении Ломоносова проявлялись черты деизма. Часто повторяемое слово «бог» в его представлении ассоциировалось со словами «природа», «натура», «единство». Передовые люди того времени видели в «Оде» аллегорию, темой которой были вопросы космологического и астрофизического плана. В публикуемом произведении Ломоносов выдвинул революционную для его эпохи идею о наличии на солнечной поверхности постоянных изменений в состоянии вещества. Современные методы исследования небесных тел полностью подтвердили эту догадку: природа фотосферы Солнца представляется такой, какой ее описал Ломоносов.

Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великаго северного сияния

Время написания — 1743 г. Печатается по ПСС, т. 8, с. 120—123. Впервые опубликовано: Краткое руководство к красноречию: Книга первая, в которой содержится риторика... СПб., 1748. С. 252—254.

Ум Ломоносова всегда был направлен на проникновение в различные тайны природы. В детстве, наблюдая северное сияние, он мечтал открыть причины его возникновения. С 1743 г. Ломоносов вел регулярные наблюдения за северным сиянием. Появление «Оды» совпало с началом исследовательской работы ученого в этом направлении. Он осуществил многочисленные зарисовки северных сияний. Ломоносов выдвинул гипотезу об электрической природе данного явления. Этим он предвосхитил результаты экспериментальных исследований XX в. В 1753 г. Ломоносов писал: «Ода моя о северном сиянии сочинена 1743 года, а в 1747 году в «Риторике» напечатана, содержит мое давнейшее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может». Это заявление было сделано в связи с публикацией в 1751 г. гипотезы Франклина, сходной с ломоносовской (см.: ПСС. Т. III. С. 524. примеч. 1). «Вечернее размышление» носит ярко выраженный атеистический характер. Исследование природы северного сияния, комет, других в то время непонятных явлений способствовало преодолению различных суеверий. Одну из задач науки Ломоносов и видел в борьбе с религиозными чудесами.

В стихотворении Ломоносов нарисовал изумительную картину бесконечности Все-

ленной. Гениальность ученого проявилась в высказанном им предположении о наличии жизни не только на Земле, но и на других планетах Солнечной системы.

[1] Ломоносов полемизирует с представителями церкви, которые считали гелиоцентрическое учение и связанное с ним представление о множественности обитаемых миров умалением «славы божества».

[2] Обращение к ученым.

[3] Эту строфу и имел в виду Ломоносов, когда в 1753 г. говорил о своем приоритете.

Из «Краткого руководства к красноречию»

Время написания — март 1744 г. — январь 1747 г. Печатается в сокращении по ПСС, т. 7, с. 89—378. Впервые опубликовано отдельной книгой — СПб., 1748.

В частично публикуемой работе представлен материал, позволяющий судить о психологических взглядах Ломоносова. Он исходил из целостного понимания человека как частицы природы, выделив ведущие, характерные для человека «жизненные свойства» и подразделив их на семь групп: главные душевные дарования; страсти; добродетели; пороки; внешнее состояние; телесные свойства и дарования; чувства. Кроме того, он выдвинул «правила» творческого воображения, показав, что создание новых образов («вымыслов») происходит на основе переработки имеющихся в предшествующем опыте представлений.

Из «Введения в истинную физическую химию»

Время написания — 1752 г. Печатается по ПСС, т. 2, с. 481—577.

В публикуемой работе Ломоносов раскрыл свои психологические взгляды. С его именем связано начало материалистических традиций в русской психологии. Ломоносов дал характеристику ощущений, восприятия, показал взаимосвязь чувственного отражения с воздействием предметов на органы чувств. Первоисточником знаний, по Ломоносову, является опыт. Но его результаты должны быть обобщены мышлением. Чувственное познание и теория рассматривались Ломоносовым как две стороны познания. Естествоиспытатель-материалист Ломоносов и в вопросах объяснения психической жизни людей занимал материалистические позиции. (См. подробно: *Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947; *Соколов М. В.* Очерки истории психологических воззрений в России в XI—XVIII веках. М., 1963.)

Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее...

Время написания — май—июнь 1756 г. Печатается по ПСС, т. 3, с. 315—344. Впервые издано на русском языке в 1757 г.

«Слово» является одной из значительных работ ученого, в которой он раскрыл идеи о единой природе световых и электрических явлений. Это характеризует ярко выраженный материалистический подход ученого к решению физических проблем, который является их теоретической основой.

[1] «...первое — Картезиево, от Гугения подтвержденное и изъясненное» — имеется в виду теория света Р. Декарта (Картезия) и волновая теория света Х. Гюйгенса (Гугения).

[2] Крепкой водкой называли концентрированную азотную кислоту.

[3] Чистой двойной водкой называли этиловый спирт.

[4] Алкалическая соль — органические (растительные или животные) щелочи.

[5] «Химический спуск» — осадки в растворах.

[6] «Купоросное масло» — серная крепкая кислота.

[7] «Хрустали» — кристаллы.

Гимн Бороде

Время написания — конец 1756 г. — начало марта 1757 г. Печатается по ПСС, т. 8, с. 618—626. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано: Библиографические записки. 1859. Т. II. № 15. С. 461—463.

Сатирическое произведение Ломоносова было направлено против представителей

реакционного мировоззрения, начиная от старообрядцев, преследуемых указом Петра за ношение бороды, кончая русским духовенством, не уступавшим им в своем консерватизме. В нем он выступил борцом за просвещение народа, за очищение от порочных нравов. Как только до Синода дошли сведения о стихотворении, Ломоносов был вызван для объяснений. Он не признал, но и не отверг своего авторства, а «исперва начал оный пашквиль шпински (т. е. издевательским образом) защищать», затем же «таковые ругательства и укоризны на всех духовных за бороды их произносил, каковых от доброго и сущего христианина надеяться отнюдь невозможно» (ПСС. Т. VIII. С. 1061). В специальном докладе императрице Синод потребовал «таковые соблазнительные и ругательные пасквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить запретить, и означенного Ломоносова, для надлежащего в том увещания и исправления, в Синод отослать» (там же, с. 1069). Но Елизавета Петровна оставила эту жалобу без последствий, вероятно, по хлопотам И. И. Шувалова.

К этому времени Ломоносов уже был сложившимся педагогом-ученым. Вся его жизнь отмечена своеобразным, иногда непоследовательным отношением к религии (см. работы Э. П. Карпеева). Это нашло отражение и в его педагогической деятельности: Ломоносов боролся за внедрение светского образования, но в то же время предлагал молодым людям соблюдать «заповеди божии» и «заповеди церковные», что, по его мнению, способствует укреплению любви к богу, ближнему и служит началом «ученой премудрости».

[1] Химера — чудовище античной мифологии.

[2] «Борода в казне доходы умножает по вся годы» — за ношение бороды при Петре полагался большой штраф, позднее заменен пошлиной.

[3] Керженцы — старообрядцы, укрывавшиеся в керженских лесах (бывших Костромской и Нижегородской губерний).

[4] «С радостью двойной оклад в сбор за оную приносит...» — старообрядцы были обложены двойным подушным окладом.

[5] «Скачут в пламень суеверы...» — преследования правительства заставляли раскольников обрекать себя на самосожжение, принимавшее в ломоносовские годы массовый характер.

[6] Намек на церковных врагов гелиоцентрического учения, которые отрицали возможность существования других обитаемых планет, кроме Земли.

[7] Ломоносов имел в виду итальянского мыслителя Джордано Бруно, автора трактата «О бесконечности, Вселенной и мирах», сожженного в 1600 г. на костре по приговору церковного трибунала.

[8] «Завивать хочу тупеи...» Тупей — французская прическа (взбитый хохол на голове).

[9] «Дайте ленты, кошельки и крупичатой муки». — Для ношения косы, принадлежности парика XVIII в., употребляли особый кошель из черной тафты. Солдатские парики посыпали мукой.

Из «Явления Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской императорской Академии наук майя 26 дня 1761 года»

Время написания — 26 мая — 4 июля 1761 г. Печатается по ПСС, т. 4, с. 370—376. Впервые издано отдельной брошюрой в 1761 г. под тем же названием.

Прохождение Венеры по солнечному диску в 1761 г. — крупнейшее научное событие. Впервые подобное явление было заранее вычисленным. Ученые всего мира подготовились к наблюдениям по широкой программе. Предполагалось использовать полученные данные для точного определения расстояния между Землей и Солнцем по методу английского астронома Галлея. Наблюдения производились в 40 географических точках, число участников достигало 112 человек.

Благодаря энтузиазму Ломоносова Академия наук послала экспедицию в Иркутск, Тобольск, Селенгинск. А. Д. Красильников и Н. Г. Курганов в академической обсерватории наблюдали касание краев диска Венеры и Солнца. Ломоносов интересовался физической стороной явления. Он проводил наблюдения в домашней обсерватории и обнаружил световой ободок вокруг Венеры. Ободок наблюдали несколько исследователей: С. Я. Румовский, Л. В. Варгентин, Т. О. Бергман, но только Ломоносов объяснил это явление наличием атмосферы у Венеры. Будучи сторонником гелиоцентрического учения и идеи

множественности обитаемых миров, Ломоносов увидел в этом новое подтверждение возможности жизни на других планетах. В публикуемом «Прибавлении» он поставил вопрос: могут ли гелиоцентрическое учение и идея о множественности обитаемых миров противоречить церковному учению? Приведя ряд специально подобранных цитат и выдержек из Священного писания и трудов известных богословов православной церкви, ученый доказал различие задач у религии и науки. На этой основе Ломоносов сделал вывод о независимости научного исследования от богословия.

Из «Вольфианской экспериментальной физики, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, императорской Академии наук член и химии профессор»

(Предисловие)

Печатается по ПСС, т. 1, с. 423—425. В Архиве АН имеется рукописный экземпляр перевода, переписанный А. П. Протасовым, учеником Ломоносова (ЛОААН, ф. 20, оп. 3, № 48, л. 1—76). Печатается по тексту первой публикации, изданной отдельной книгой (СПб., 1746).

Осуществив перевод данной книги, Ломоносов создал первый учебник по экспериментальной физике на русском языке. По нему обучались в течение нескольких десятилетий студенты, гимназисты, учащиеся России. При этом он ввел основы русского научного языка, понятного широким слоям читателей.

Кроме того, в работе были обоснованы главные дидактические методы. По мнению ученого, основным источником знаний является опыт. Поэтому Ломоносов описал преимущества практических и лабораторных методов обучения. Наиболее ценными Ломоносов считал поисково-исследовательские методы обучения. Он предлагал ученикам и студентам проводить собственные исследования, выдвигать гипотезу, осуществлять теоретические обобщения, опираясь при этом на материалистические позиции в теории познания.

Репорт в Канцелярию АН об успехах студентов, занимавшихся под руководством Ломоносова поэзией и химией

Время написания — 5 февраля 1753 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 442—443. Впервые опубликовано: Билярский, с. 190—191.

Ломоносов анализирует результаты обучения студентов, которые были к нему направлены по ордеру президента Академии наук от 1 августа 1751 г. Особые успехи в поэзии обнаружил Николай Поповский, ставший последователем Ломоносова. Для создания Н. Поповскому хороших бытовых условий, для приобщения к «пристойному воспитанию» Ломоносов рекомендовал отделить его от общежития и от других студентов квартирой, чином и жалованьем. В августе 1753 г. под влиянием Ломоносова Шувалов вмешался в определение судьбы Н. Поповского, который был назначен конректором Академической гимназии, т. е. помощником ректора и руководителем «верхнего латинского класса» (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 501). В 1755 г. Н. Поповский был переведен на службу в Московский университет и стал его профессором.

Документ характеризует взгляды Ломоносова на содержание образования, на проблему методов обучения. Он стремился соединять теорию с практикой, вводить исследовательские задания, развивать творческое мышление студентов, исходя из индивидуальных особенностей обучающихся.

Проект регламента московских гимназий

Время написания — 12 января — 26 апреля 1755 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 443—461. Впервые опубликовано в ПСС.

«Проект» позволяет судить об идеях Ломоносова по организации и содержанию обучения гимназистов. Он боролся за бессословную школу, за предоставление всем равного права в получении образования. Однако он вынужден был считаться с мнением Шувалова, сторонника сословной школы. Кроме того, «Проект» составлялся после официального

решения о раздельном обучении дворян и разночинцев. Ломоносову пришлось с этим мириться. Поэтому он предложил открыть при университете две гимназии: одну — для детей дворян, другую — для детей разночинцев. Дети крепостных крестьян могли поступать в гимназию при наличии вольной, данной помещиком.

М. В. Ломоносов стремился сделать московские гимназии русскими национальными учебными заведениями. При этом специально оговаривалось, что в гимназиях «не должно быть иностранных больше пятой доли» (т. 9, с. 444). Особый интерес для характеристики Ломоносова-педагога представляет разработка им содержания гимназического образования. Так, им предлагалась разбивка гимназий на школы и классы, намечались российская, латинская и «первые основания в науках» школы. Для каждой из школ устанавливались три класса: нижний (I), средний (II), верхний (III).

Совершенно новой для того времени являлась мысль Ломоносова сделать основой гимназического образования родной язык. Эту идею он проводил последовательно, упорно. Обучение в российской школе, дающей знание отечественного языка, русский ученый рассматривал как фундамент, на котором строится все дальнейшее образование. Он добивался, чтобы в нижнем классе российской школы гимназист учился все дни, не посещая других занятий до тех пор, «пока читать и писать искусен будет» (т. 9, с. 450).

Во втором и третьем классах российской школы Ломоносов предлагал читать отечественные сочинения (в прозе и стихах), а «знатные места изусть твердить». В этих классах чтение церковнославянских книг продолжалось, но предпочтение Ломоносов отдавал изучению светских книг, особенно тех сочинений, которые способствовали «исправлению российского штиля» (т. 9, с. 458).

Так же подробно Ломоносов говорит и о преподавании латинского языка. Латинский язык был тогда международным языком науки. В учебном плане он отводит ему почетное место.

Новое слово сказал Ломоносов и в области преподавания иностранных языков. Он советовал отказаться от общепринятой формы обучения иностранным языком «одною практикой» и связать обучение иностранному языку с изучением грамматических правил, рекомендовал также различные упражнения в разговорной речи, переводы и сочинения на иностранном языке.

Большое значение придавал Ломоносов изучению арифметики, геометрии, географии, а в старшем классе — философии. Философию он предлагал преподавать по книге Л. Ф. Тюмминга «Основания Волфианской философии».

Выписка из журнала Канцелярии АН о награждении некоторых студентов шпагами

Время написания — 27 мая 1757 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 469—470. Впервые опубликовано в ПСС.

Ломоносов был сторонником поощрения студентов за успехи в науках. В 1750 г. президент академии К. Г. Разумовский на публичной ассамблее наградил шпагами двенадцать студентов «за прилежное обучение и за добрые поступки» (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 145, л. 106). Это стало традицией, и студенты очень дорожили такой формой поощрения.

Определение Канцелярии АН о прибавке жалованья гимназисту И. Лепехину

Время написания — 18 февраля 1758 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 475—476. Впервые опубликовано в ПСС.

«Определение» Ломоносова свидетельствует о его внимании к успехам в учении отдельных гимназистов. Он считал необходимым выделять и поддерживать тех, кто учился с прилежанием, «за что и впредь отставлен не будет». В документе речь идет об Иване Лепехине, сыне отставного солдата. Десятилетним мальчиком 3 апреля 1751 г. он был послан Сенатом в Канцелярию АН. 16 апреля 1751 г. Лепехина направили к инспектору Академической гимназии С. П. Крашенинникову (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 520, л. 183). Проведя экзамен, инспектор установил, что мальчик «кроме российской грамоты ничему не обучен», оценил его «понятие и прилежание» и обратился в канцелярию с просьбой принять его в число казеннокоштных учеников гимназии. 27 августа 1751 г. Лепехин был

зачислен в их состав с жалованьем 12 рублей в год (там же, № 152, лл. 69, 71). Впоследствии Иван Иванович Лепехин (1740—1802) стал известным ученым, путешественником, академиком Петербургской АН.

Из «Проекта регламента Академической гимназии»

Время написания — 24 марта — 27 мая 1758 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 488—505. Рукопись, содержащая полный русский текст, не обнаружена. Русский текст печатается частично (§76—90) по собственноручному черновику (ЛОААН, ф. 20, оп. 1, № 1, л. 283—284), сверенному с писарской копией (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 707, л. 302), частично (§97—102 и 114—120) по незаверенной копии, написанной И. С. Барковым (ЛОААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 452—453 об.), и частично (все остальные параграфы) по немецкому переводу 1759 г. (ЛОААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 368—387 об.). Впервые опубликовано в ПСС (за исключением §76—90 русского текста. Первоначально они напечатаны в ОР, кн. V, с. 18—21).

Заведуя ученой и учебной частью Академии наук, Ломоносов в 1758 г. энергично приступил к преобразованиям в учебном деле академии. По «Проекту» в Академической гимназии расширялось содержание гимназического образования. Гласным нововведением было учреждение «российских классов». В первый цикл входили все предметы, кроме философии, которые изучались на русском языке. Ломоносов узаконил обучение российской грамматике, русской и всеобщей истории, греческому языку. Изучение латинского языка, международного языка ученых, было сохранено и углублено. Оно составило второй цикл гимназических занятий, в котором осуществлялось знакомство с началами греческого языка. Изучение немецкого и французского языков стало факультативным, так же как и обучение танцам, рисованию. Третий цикл занятий посвящался «первым основаниям наук». Из числа предметов этого цикла арифметика, геометрия и география преподавались и прежде. Ломоносов прибавил к ним тригонометрию и философию, которая включала в себя «логику, метафизику и практическую философию». Так как учебным руководством должна была стать книга Л.-Ф. Тюмминга «Основания Волфианской философии», часть которой Ломоносов перевел в 1744 г., то можно предположить о наличии физики в гимназическом курсе философии (см.: т. 10, с. 872).

Автор «Проекта» выступил как талантливый методист. Он предусмотрел последовательность изучения наук, дал рекомендации по выбору учебной литературы по разным дисциплинам, по отбору материала для изучения наук гимназистами, раскрыл ряд методических приемов, применение которых позволяло улучшить преподавание. Так, разрабатывая методику повторения учебного материала, Ломоносов считал целесообразным выполнение самостоятельных творческих упражнений «для показания каждому своего особливого рачения и понятия» (т. 9, с. 453).

Кроме того, Ломоносов пересмотрел организацию учебного процесса. Он ввел классно-урочную систему. В Академической гимназии для изучения предметов Ломоносов отводил двухчасовые уроки. Перевод из класса в класс осуществлялся два раза в год: в начале нового года и в начале июля, на основании экзаменов.

Ломоносов высоко ценил всесторонность научных знаний, поэтому требовал от гимназии давать «краткое понятие о всех науках». В «Проекте» Ломоносов охарактеризовал различные принципы обучения. Он был сторонником высокой степени научности преподавания, отстаивал доступность обучения, его логичность, последовательность. Знания, сообщаемые ученикам, должны быть глубокими, но краткими, «чтобы не отяготить памяти многим изусть учением» (т. 7, с. 93), «порядочны», т. е. четко и выразительно изложены. Выступая против схоластики и догматизма в обучении, Ломоносов требовал осуществления связи науки с практикой. Понятия и правила, которыми необходимо овладеть ученикам, должны быть «удовольствованы примерами». Большое внимание он уделял самостоятельной работе гимназистов. По его мнению, она способствует развитию у учащихся умения критически оценивать научные знания, прививает интерес к научному поиску.

Для глубокого усвоения учебного материала Ломоносов считал полезным систематические упражнения. Он выделял школьные и домашние занятия. Школьные упражнения заключались в выполнении гимназистами заданий учителя. Раз в полгода для старших

классов назначались публичные упражнения, «где некоторые школьники» произносили «речь своего сочинения» (т. 9, с. 453). Домашние упражнения также задавались учителем, но Ломоносов считал целесообразным «позволить ученикам упражнения по своей охоте». Упражнения давали возможность выяснить склонности, способности, прилежание каждого гимназиста.

Ломоносов развил принцип индивидуального подхода к детям в процессе обучения. Он рекомендовал учитывать «особенности класса» (т. 9, с. 497), чтобы способствовать более быстрому продвижению детей в науках. В месячных табелях, по его мнению, следовало отмечать «поведение каждого гимназиста в классах утром и вечером, а также выполнение им домашних упражнений» (т. 9, с. 498). Ломоносов предложил ввести систему учета знаний школьников. Подробно разработал положение об экзаменах, наградах и наказаниях.

В целом этот документ представляет собой концентрированное выражение дидактических идей М. В. Ломоносова.

[1] Катехизис стал преподаваться с тех пор только раз в неделю, тогда как ранее бывало два таких урока в неделю по два часа каждый (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 503, л. 46—81).

[2] По прежнему «Учреждению о Университете и Гимназии», составленному в 1750 г. И. Д. Шумахером и Г. Н. Тепловым, уроки танцев занимали шесть часов в неделю и были для всех обязательны.

[3] «Церковными заповедями», вероятно, Ломоносов называл в данном случае церковные книги.

[4] Имеются в виду «Школьные разговоры на российском, немецком, французском и латинском языках» (СПб., 1738).

[5] Форма отсутствует.

Выписка из журнала Канцелярии АН о приеме в Гимназию куростровского крестьянина П. О. Дудина

Время написания — 27 мая 1758 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 527—528. Впервые опубликовано: Билярский, с. 372.

Петр Дудин принадлежал к людям, «положенным в подушный оклад», которых принимать в гимназию не разрешалось. Ломоносов добился принятия его в учащиеся, установил перечень учебных предметов, которые Петру следовало усвоить (математика, рисовальное художество, французский язык). Он следил за успехами П. Дудина в учении, рекомендовал обучать его рисованию в «Рисовальной палате после полудни, оставляя утренние часы для наук в гимназии» (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 528, л. 166).

Представление в Канцелярию АН о выпуске для нужд Гимназии серии брошюр, излагающих основные задачи всех наук

Время написания — 25 февраля 1759 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 536. Впервые опубликовано в ПСС.

Ломоносов, борясь за распространение научных знаний, рекомендовал профессорам подготовить по своим специальностям небольшие брошюры. В них следовало отразить задачи науки, основные направления исследований, дать характеристику научным «дефинициям». Ломоносов требовал писать кратко, ясно, доступно, чтобы можно было иметь «сокращенное ясное представление и общее понятие обо всех оных науках в небольшой книжке», чтобы вызвать интерес учащихся к учению.

«Представление» Ломоносова было направлено на привлечение в высшую школу большого числа русской молодежи.

Однако данный замысел ученого не осуществился. Из всех профессоров отозвались на это предложение лишь И.-А. Браун, подготовивший общий очерк философии, и У.-Х. Сальхов, представивший краткое изложение химии (ПСС, т. 9, с. 882).

[1] Ведомостные литеры — мелкий типографский шрифт.

Выписка из журнала Канцелярии АН об обучении студента И. Аврамова и учеников Географического департамента геометрии, тригонометрии и астрономии

Время написания — 3 сентября 1763 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 300—301. Впервые опубликовано в ПСС.

Ломоносов ставил задачу подготовки для России специалистов разных профилей. В «Выписке» он рекомендовал четырем ученикам Географического департамента и студенту И. Аврамову пройти подготовку по практической геометрии, тригонометрии плоской и сферической, сферической астрономии, указав на необходимость обучения их практическому «употреблению астрономических инструментов».

Этот документ раскрывает озабоченность Ломоносова подготовкой специалистов в области астрономии и организации астрономического дела в России (более подробно см.: *П. Г. Куликовский.* М. В. Ломоносов — астроном и астрофизик. М., 1986).

[1] По протоколам канцелярии АН за 1763 г. (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 474, л. 13 об.) в Географическом департаменте имелись ученики Козьма Башуриков, Сергей Матвеев, Степан Никифоров, Степан Кондратов.

Из «Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии»

Время написания — 21 мая — 10 сентября 1764 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 122—126. Русский перевод впервые опубликован в ПСС.

Для характеристики дидактических идей Ломоносова из 11 параграфов данного документа нами выделено два — 8 и 9. Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что ученый рассматривал академию, университет и гимназию как единое целое. Ломоносов раскрыл содержание образования в учебных заведениях, соотнося требования к нему, имевшийся уровень с общеевропейским. Он мечтал создать Петербургский университет, учитывая опыт Московского университета и его гимназий. Предлагал изучать на каждом из трех факультетов большой объем научных знаний, позволяющих готовить квалифицированных специалистов. Он предполагал вести изучение наук систематически, на основе постепенного усложнения материала. Так, на философском факультете, по мнению Ломоносова, студентов следовало обучать красноречию, общей философии, математике, экспериментальной и догматической физике, механике, астрономии.

Ученый подробно рассмотрел содержание образования в гимназии. Он считал, что должна существовать преемственность между общим средним и высшим образованием. Большое внимание Ломоносов уделял естественной и лингвистической подготовке гимназистов.

[1] «Обоим красноречиям» означает изучение ораторской прозы и поэзии.

М. В. Ломоносов о проблемах воспитания юношества

Показание о своем происхождении, данное при допросе в Московской Синодального правления канцелярии

Время написания — 4 сентября 1734 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 322. Впервые опубликовано в «Ломоносовском сборнике» (СПб., 1911. С. 71—72).

Из «Краткого руководства к красноречию...» (Вступление)

Печатается по ПСС, т. 7, с. 92—97. Публикуется по тексту последнего прижизненного издания (1765). Работа была написана между мартом 1744 г. и январем 1747 г.

Ценность работы Ломоносова состоит в стремлении его упорядочить в лексическом отношении русский литературный язык. Он предложил обогатить словарный состав языка заимствованиями из старых церковных книг, которые имели следы влияния античной культуры. Одновременно он предостерегал и от слепого подражания. Ломоносов

раскрыл могучие силы русского языка, его великое будущее.

Обращаясь к молодежи, он писал, что для занятий русским языком требуются природные дарования, которые он делил на «душевные и телесные». Ломоносов показал роль остроумия и памяти в овладении искусством красноречия.

Изучение лингвистической науки, по мнению Ломоносова, состоит в познании «нужных правил». Они должны быть краткими, ясными, доступными. Для эффективного усвоения правил Ломоносов предложил, учитывая особенности памяти учеников, иллюстрировать их интересными примерами. Большинство из них несли нравственную направленность. Для воспитания любви к языку он рекомендовал учить на примере подражания «красноречию славных». Ломоносов считал, что эти практические упражнения полезнее любых правил, они помогают учащимся усвоить язык. Обучение литературному языку требует трудолюбия, постоянной кропотливой работы. Это способствует развитию мышления, воображения. Ломоносов считал, что для занятий языком необходимы знания по «истории и нравоучению». Они являются источником красноречия.

Ломоносов, как подлинный патриот, глубоко осознавал роль русского языка в воспитании юношества. Он выступил с идеей нравственного воспитания молодежи через приобщение к духовным богатствам языка.

Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михайлом Ломоносовым

Печатается по ПСС, т. 2, с. 344—369. Публикуется по тексту первой публикации в книге «Торжество Академии наук..., публично говоренными речами празднованное сентября 6 дня 1751 года. В Санкт-Петербурге. Печатано при имп. Академии наук» (с. 51—102). Подлинная рукопись не сохранилась.

В «Слове» Ломоносов дал развернутое изложение своих взглядов на роль науки в воспитании и образовании людей. Он развил мысль о великой пользе учения, «толь светлыми лучами» просвещающего человеческий разум, дающего наслаждение. Ломоносов разделил науки и художества. «Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенные действий и свойств причины; художества к приумножению человеческой пользы оные употребляют». Он показал неразрывную связь научной теории и практической деятельности.

Ломоносов призывал молодежь познавать природу, с помощью учения постигать причины различных явлений. Достичь этого можно лишь при союзе наук, установлении межнаучных связей. Важно добиваться практического применения теоретических знаний, отходить от бесплодных умозаключений. «Бесполезны тому очи, кто желает видеть внутренность вещи, лишаясь рук к отверстию оной. Бесполезны тому руки, кто к рассмотрению открытых вещей очей не имеет». Неоднократно Ломоносов называл химию, физику и математику «сестрами», требовал, чтобы химия стала «руками», а «математика — очами физическими».

Ломоносов создал гимн химической науке, показал ее роль в социально-экономическом развитии России, нарисовал великолепные картины будущего химии. Ломоносов призвал познавать научные тайны, поскольку только человек имеет такую возможность и способность. Занятия наукой, по его мнению, способствуют очищению личности от нравственных изъянов, делают ее благороднее, способствуют воспитанию патриотизма.

И. И. Шувалову

Время написания — 10 мая 1753 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 478—480. Впервые опубликовано в «Полном собрании сочинений Михайла Васильевича Ломоносова» (1784, ч. 1, с. 324—326).

В воспитании просвещенного юношества важную роль, по мнению ученого, играют упорство, жажда знаний, оптимизм, вера в будущее. Ломоносов считал, что ученый человек уважения и материального благополучия может достичь только своим трудолюбием, постоянным научным поиском, самоотверженной работой ради благополучия Родины.

[1] «Спасские школы» — Славяно-греко-латинская академия при Заиконоспасском монастыре в Москве, где с 1731 по 1735 г. обучался Ломоносов.

[2] Эти слова не совсем правильны: Ломоносов был ребенком от первого брака его

отца, у которого от второго и третьего браков были еще и другие дети. В момент ухода Ломоносова из дома у Василия Дорофеевича был уже второй сын (см.: *Модзалевский Б. Л.* Род и потомство Ломоносова / / Ломоносовский сборник. СПб., 1911. С. 335).

[3] Алтын — три копейки; денежка — 1/2 копейки.

[4] Во время пребывания за границей Ломоносов получал жалованье действительно «против прежнего в сорок раз»: 400 рублей вместо 10 рублей в год, какие получал в Москве (ПСС, т. 10, с. 814).

[5] Сведения, сообщаемые Ломоносовым об имущественном положении перечисленных им иностранных ученых, совершенно точны (см.: *Вавилов С. И.* Исаак Ньютон. 2-е изд. М.; Л., 1945. С. 170; *Мор Л.-Т.* Жизнь и труды достопочтенного Роберта Бойля. Лондон; Нью-Йорк; Торонто, 1944. С. 107, 130 и др.; Собственное жизнеописание Христиана Вольфа. Лейпциг, 1841. С. 79; Британская энциклопедия. Т. 20. С. 798).

Из письма к И. И. Шувалову

Печатается по ПСС, т. 10, с. 480—483. Впервые опубликовано в «Полном собрании сочинений М. В. Ломоносова» (1784, ч. I, с. 326—330).

В письме Ломоносов призывал молодежь быть верной мечте детства, добиваться ее воплощения, каких бы трудов и мужества это ни стоило.

[1] Под «некоторыми людьми, которые лишь себе путь к счастию учением отворили», Ломоносов, очевидно, имеет в виду Г. Н. Теплова.

Из «Российской грамматики»

Печатается по ПСС, т. 7, с. 389—393. Публикуется по тексту последнего прижизненного издания (1765).

«Грамматика» Ломоносова была первой грамматикой русского языка, общедоступным сводом сложившихся правил изменения и сочетания русских слов. Он выдвинул три принципа русской орфографии — фонетический, морфологический, исторический, на них опирается и современная орфография.

При работе над «Грамматикой» проявился педагогический опыт Ломоносова. Несмотря на высокую степень научности, она стала одним из популярных пособий для школьного обучения. Многие поколения русских людей обязаны ей грамотностью. За несколько десятилетий книга выдержала более десяти изданий.

Велико образовательно-воспитательное значение изучения грамматики. С гордостью пишет Ломоносов о богатых возможностях русского языка, его красоте. Знакомство с науками предполагает прежде всего изучение грамматики, так как «тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».

Воспевая русский язык, Ломоносов показал его межнациональное значение, величие, раскрыл его роль в общем развитии человека, выдвинул идею о влиянии изучения языка на духовное становление личности.

Выписка из журнала Канцелярии АН об устранении «непорядков» в студенческом общежитии

Время написания — 8 октября 1757 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 473.

Высокие требования предъявлял Ломоносов к внешности человека, к соблюдению им элементарных гигиенических правил. В этом он видел основу дисциплины в гимназии и университете.

Из «Проекта регламента Академической гимназии»

Время написания — 24 марта — 27 мая 1758 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 505—512.

Ломоносов считал, что главным условием успеха в воспитании является «крайнее прилежание» к наукам. Занятый учебой, гимназист не должен следовать никаким другим устремлениям.

Большое внимание Ломоносов уделил нравственному воспитанию молодых людей. Он считал необходимым сформировать в них прежде всего патриотизм, потребность жить

«для пользы Отечества». Ломоносов был сторонником воспитания таких качеств, как скромность, вежливость, уважение к старшим, друг к другу, честность, дружелюбие. Особо он выделял трудолюбие, прилежание, упорство, целенаправленность. Самой плохой чертой он считал лень. Ломоносов полагал, что условием успешного воспитания нравственности являются «твердо установленные основные правила и точное их соблюдение» в стенах гимназии. Он требовал не слепого повиновения молодых людей, а сознательного выполнения правил поведения.

Источниками нравственных знаний Ломоносов считал общение гимназистов друг с другом, со взрослыми, «добрый пример» учителей, ограждение молодежи от людей с нравственными изъянами, от которых «учтивым поступкам научиться нельзя», рекомендовал сочетать высокую требовательность к детям с уважением к ним.

М. В. Головиной

Время написания — 2 марта 1765 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 598—599. Впервые напечата́но (по подлиннику) в журнале «Московский вестник» (1828, ч. VII, № 4, с. 510—512).

Публикуемый документ — единственное из сохранившихся писем М. В. Ломоносова к родственникам. Он описывает сестре — Марии Васильевне Головиной — первые месяцы пребывания ее сына в Петербурге. Ломоносов характеризует налаженный быт, режим жизни гимназистов, содержание их обучения. Главная мысль, которую он проводит в письме, заключается в следующем: стать счастливым человек может через учение, через приобщение к наукам.

[1] «Мишенька» — сын сестры Ломоносова, Михаил Евсеевич Головин (1756—1790).

М. В. Ломоносов об учителе

Выписка из журнала Канцелярии АН о представлении К.-Ф. Модерахом сведений о состоянии гимназии

Время написания — 3 марта 1757 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 461—463.

Публикуемый документ является первым распоряжением по учебной части, изданным Академической канцелярией после вступления в ее состав М. В. Ломоносова. Он был озабочен постановкой учебного дела в академии.

Здесь прежде всего Ломоносов предъявил требования к личности и деятельности учителей гимназии, рекомендовал подбирать способных, рачительных, прилежных людей. Он подробно описал организацию учебной работы академии и предложил составить документ, где должно быть определено количество учителей по классам, количество часов обучения по предметам в день и неделю, распределение учебного материала, его порядок, указаны учебные пособия, по которым следовало вести обучение. Инспектору Модераху предписывалось отметить каждого учителя, его прилежание, добросовестность. Дела о неспособных, ленивых, прогуливающих учебные часы учителях должны рассматриваться в канцелярии «для надлежащего к тому определения».

[1] «Академическими» учениками Ломоносов называет казеннокоштных гимназистов, которых по штату должно быть двадцать человек, а «вольными» — своекоштных, которых разрешалось принимать «сколько случится».

Определение Канцелярии АН о наблюдении за своевременным приходом и уходом учителей гимназии

Время написания — 6 марта 1757 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 463—465. Впервые опубликовано в ПСС.

Ломоносов был обеспокоен тем, что некоторые учителя в гимназии безобразно относятся к выполнению своих обязанностей. По сообщению инспектора Модераха, среди них были такие, которые без всяких причин «часто в классы приходят либо весьма поздно, либо совсем от оных отгуливают, также во время учения, оставляя учеников своих, из классов выходят или, не дожидаясь, чтобы учебные часы прошли, совсем уходят домой, что не токмо пользе учащихся, но и чести Академии крайне предосудительно, ибо родители горькие о том приносят жалобы, когда дети и многократно, а особливо весною и осенью, бродя по колена в грязи, насилу до гимназии дотаскиваются, а за небыванием

учителей принуждены возвращаться домой не учившись» (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 141—142).

Для наведения порядка в учебных занятиях, в дисциплине учителей Ломоносов потребовал каждую неделю представлять в канцелярию специальный «репорт» о выполнении учителями должностных обязанностей. Он рекомендовал педагогам заранее сообщать Модераху о причинах отсутствия на занятиях; приходить в гимназию за полчаса «до учения»; во время вскрытия реки живущим за рекой оставаться на Васильевском острове, «ибо сие от них в отговорку принято не будет, когда за таким их отлучением классы праздны останутся». Ломоносов подчеркивал, что учителям необходимо следить за дисциплиной и чистотой в классах. При этом он предлагал и самим школьникам соблюдать порядок как во время учения, так и в перерыве между занятиями.

[1] «Педель» — надзиратель.

Указ Канцелярии АН конференц-секретарю Г.-Ф. Миллеру о недостаточно внимательной проверке знаний иностранных домашних учителей

По указу Сената от 5 мая 1757 г. (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 962, л. 51) проводилась аттестация иностранных домашних учителей и владельцев частных школ. Иностранцы без специальных свидетельств от Академии наук или от Московского университета не имели права вести преподавание, содержать частные школы, Лица, не сдавшие экзамены, высылались из России.

Ломоносова волновал вопрос отбора кандидатур для обучения молодежи. Он считал, что следует более глубоко проверять знания иностранцев, претендующих быть домашними учителями. Ломоносов подметил, что многие из них ничего не знают, кроме своего природного языка. Заключения об экзамене составлялись в «нетвердых и сомнительных терминах», по ним трудно судить о достоинствах и недостатках претендента на учительское место. «Указ» Ломоносова проникнут заботой об отборе учителей, их строгой аттестации.

Из «Проекта регламента Академической гимназии»

Время написания — 24 марта — 27 мая 1758 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 512—521. (См. примечания к документу).

Занимаясь перестройкой учебного дела в академии, Ломоносов раскрыл требования к личности учителя.

Он настаивал, чтобы учителями гимназии назначались «природные россияне», имеющие солидную научную подготовку. Важным качеством учителя Ломоносов считал педагогическое мастерство. Он выдвинул положение о необходимости четкой организации труда педагогов: распределение учебных часов, тем, соотнесение нагрузки с возможностями учащихся. Обязательным в работе гимназии становился опрос изученного ранее материала. Из числа самых способных учеников Ломоносов рекомендовал учителям выбирать себе в помощь аудиторов, которые до начала занятий должны проверять подготовленность класса к уроку, делать отметку о результатах опроса в месячных ведомостях. Важным требованием Ломоносова явилось указание учителям об изучении каждого ребенка, о выявлении ими способностей детей, «чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого». Он показал также некоторые методические приемы, дидактические принципы, которым должны следовать учителя.

Один из параграфов посвящен нравственным характеристикам личности педагога (§99). Ломоносов считал, что учителям нельзя обходиться с учениками гордо, так как это «производит к ним ненависть». Он был противником «фамилиарного» обращения с детьми, указывая, что это формирует в детях презрение к педагогу. Важно соблюдать «умеренность» в обращении с гимназистами. Главное требование Ломоносова к учителю — учить школьников следует не столько словами, сколько своим «добрым примером», нравственными поступками.

Глава IX посвящена анализу инспекторской и ректорской деятельности, в которой много внимания уделяется регламентации отношений с учителями, с гимназистами. Ломоносов выступил противником физических наказаний, оскорблений. Он высказал идею

формирования отношений дружбы, единства между учителями, между руководителями гимназии, что является «сильнейшим средством» добросовестного выполнения всеми своих обязанностей.

Подлинно народным учителем, по мнению Ломоносова, может быть гражданин-патриот, глубоко преданный Родине, науке, просвещению.

Определение Канцелярии АН об утверждении преподающих в гимназии студентов в должности учителей

Время написания — 12 декабря 1758 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 533—534. Впервые опубликовано в ПСС.

В декабре 1758 г. в Академической гимназии уже действовали «российские классы», учрежденные Ломоносовым. Он считал, что успех деятельности гимназии во многом определяется кадрами учителей. Поскольку их было недостаточно, Ломоносов предложил привлечь к преподаванию студентов. Семен Веденский вел средний «российский класс», т. е. обучал чтению и письму; Игнатий Терентьев обучал арифметике. Ломоносов отметил их ответственное отношение к делу, особое прилежание.

М. В. Ломоносов как организатор науки и просвещения

К. Г. Разумовскому

Время написания — 12 июля — 3 сент. 1748 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 458—459. Впервые опубликовано: ОР, кн. V, с. 88—90.

От имени «всех профессоров» Ломоносов обратился к К. Г. Разумовскому с просьбой о присвоении академикам «рангов». «Табе́ль о рангах» была издана в 1722 г., т. е. до учреждения академии, ввиду чего академические должности не были и не могли быть в ней предусмотрены. Это причиняло затруднения не только отдельным академическим работникам, но и всей академии в целом, так как мешало привлекать людей на академическую службу. Новый регламент академии, сочиненный Тепловым и утвержденный императрицей в 1747 г., не поправил дела: о рангах там не было сказано ни слова. Существующая «Табель» понимала под «профессорами при академиях» преподавателей таких учебных заведений, как, например, Морской шляхетский кадетский корпус, который был учрежден в 1715 г. под названием Академии морской гвардии. Поэтому в «Табели» «профессорам» и был присвоен такой невысокий ранг, приравнивавший их к армейским капитанам, галерным мастерам и сенатским протоколистам. Основываясь на своем заведомо неверном толковании «Табели», канцелярия признала, что вопрос о ранге академиков является проблемой, уже окончательно и бесповоротно решенной, и сочла возможным ограничиться лишь возбуждением ходатайства перед Сенатом о присвоении рангов только адъюнктам, студента́м и «разных художеств художникам». При этом было отмечено, в пику академикам, что адъюнкт оказывается нередко «ученее, нежели иной академик». Соответствующее доношение в Сенат было заготовлено, но, как видно из журнала исходящих бумаг, отправлено по адресу не было (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 121, л. 23—25). Данным прошением Ломоносов хотел «умножить в российском народе почтение и охоту к наукам», придать высокое общественное значение научной деятельности (ПСС, т. 10, с. 801—803).

В. К. Тредиаковскому

Время написания — 12 октября 1748 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 460—461. Впервые опубликовано: Билярский, с. 115—116.

Документ предваряет развитие Ломоносовым идей о постановке высшего образования в России. Уже в этом письме он отстаивал мысль о светскости образования («богословский оставляю синодальным училищам»), о предоставлении университетам некоторых «вольностей», прежде всего об освобождении их «от полицейских должностей».

[1] Под «стихами Александра Петровича» Ломоносов имеет в виду эпистолы А. П. Сумарокова о русском языке и стихотворстве.

Дополнение к мнению о проекте нового университетского регламента

Время написания — 7 декабря 1748 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 441. Впервые опубликовано: Билярский, с. 119.

Г.-Ф. Миллер по поручению канцелярии подготовил проект нового регламента для Академического университета и представил его для обсуждения 3 августа 1748 г. (ЛО-ААН, ф. 21, оп. 1, № 99, л. 1—36; № 101, л. 21). Ломоносов принял участие в рассмотрении проекта. Он предложил разделить студентов на три класса. В первом (общеобразовательном) классе ученики получали представления о разных науках. Предполагалось на этом этапе обучения выявить способности студентов. Во втором классе студенты должны были изучать ту науку, к которой они проявили больший интерес. В третьем классе Ломоносов предложил индивидуализировать обучение, определив студентов к одному профессору для «упражнений в одной науке».

И. И. Шувалову

Время написания — июнь—июль 1754 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 508—514. Впервые опубликовано: Московский телеграф, 1825, ч. V, № XVIII, сент. С. 133—136.

Публикуемое письмо имеет огромное историческое значение: оно является одним из основных документов, определяющих степень участия Ломоносова в учреждении Московского университета. Установлено, что И. И. Шувалов присвоил себе авторство данного проекта. Однако советские исследователи (М. Т. Белявский, Г. П. Блок, В. К. Бобровникова, Е. С. Кулябко, А. А. Морозов, Н. А. Пенчко, В. Л. Ченакал и др.) на глубоком анализе документальных источников подтвердили заслуги первого русского академика в учреждении университета.

Ломоносов поставил перед высшим учебным заведением такие задачи, как развитие науки (юриспруденции, медицины, естествознания, философии, русской грамматики, истории), распространение научных знаний, подготовка ученых из числа молодых россиян.

Основным принципом функционирования университета («главным основанием»), по мнению Ломоносова, должен являться принцип общественной потребности в кадрах. Он заключается в том, что при установлении числа университетских кафедр следовало исходить не из количества имеющихся в данное время кандидатов, пригодных для замещения проектируемых профессорских вакансий, а из потребностей страны. Это необходимо для того, чтобы «план Университета служил во все будущие годы». Так и составлен был проект: многие из предусмотренных им кафедр оставались, как известно, еще долгое время вакантными. При составлении данного документа Ломоносов использовал опыт организации европейских университетов, личный опыт обучения во Фрейберге и Марбурге.

Основные идеи Ломоносова о создании Московского университета были заложены в пятый параграф проекта, представленного Шуваловым в Сенат (см.: ПСС, т. 10, с. 834—835).

Всенижайшее мнение о исправлении Санкт-Петербургской императорской Академии наук

Время написания — январь — февраль 1755 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 11—24.

Ломоносов впервые заявил о необходимости пересмотреть академический регламент и штат 1747 г. Так, он считал «вовсе излишней» канцелярию. Он подробно перечислил персональный состав академии. Рассматривая вопрос о жалованье, Ломоносов исходил из того, что «каждая наука в академии имеет равное достоинство».

Кроме того, по мнению Ломоносова, «произведению и размножению ученых людей в России» мешает запрещение учиться «на казенный счет» посадским и крестьянским детям, а «приращение наук» тормозится малым количеством школьников и студентов.

Данный документ по содержанию очень однороден с более поздней «Запиской о необходимости преобразования Академии наук. 1758—1759». В «Мнении» 1755 г. отсутствует конец, которому в «Записке» соответствует третья часть «О исправлении Академии наук».

[1] Ломоносов ошибочно сослался на 24-й пункт Академического регламента вместо 41-го.

[2] Фраза недописана, и после нее оставлен пробел, часть которого заполнена затем следующей фразой: «Имея одну типографию...» (ПСС, т. 10, с. 23, 608—609).

Из «Проекта регламента Академической гимназии»

Время написания — 24 марта — 27 мая 1758 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 477—478; 521—523 (см. приложение к документу на с. 152 настоящего издания).

Официального утверждения публикуемый «Проект регламента» не получил, но неофициально был одобрен президентом и введен в действие, что удостоверено Ломоносовым (ПСС, т. 10, документ 516) и К. Г. Разумовским. (Подобные материалы по истории документа см.: ПСС, т. 9, с. 866—875.)

Вводная часть «Проекта» определяет цели деятельности гимназии. По мнению Ломоносова, гимназия должна быть не профессиональным училищем, готовящим молодежь к академической службе, а общеобразовательной школой. При этом был остро поставлен вопрос о социальном составе гимназистов.

Ломоносов отстаивал идею совместного обучения в гимназии дворян и недворян, идею равенства в обращении со всеми учащимися.

Данный документ показывает, что Ломоносов стремился открыть гимназию для всех слоев населения, в том числе и самых низших.

«Проект» не устанавливал возрастные границы обучающихся, так как желающих получить образование было мало. В гимназию, наряду с детьми 6—7, иногда даже и 4—5 лет, принимались юноши 16—18 лет, в редких случаях допускались люди 24, 26 и даже 29 лет (ПСС, т. 9, с. 872).

Структура ломоносовской гимназии представляла совокупность трех классов: высшего, среднего и низшего. Обучение в них не ограничивалось календарными сроками. Самым главным условием перевода ученика было усвоение «в совершенстве» всего того, что изучалось в классе.

[1] «Педагогия» — пансион для «знатных дворян», который, как известно, не был учрежден.

Записка о необходимости преобразования Академии наук

Время написания — 1758—1759 гг. Печатается по ПСС, т. 10, с. 32—72. Впервые опубликовано (частично): ОР, кн. II, с. 22—24; Билярский, с. 436—455; в полном виде публикуется в ПСС.

Приводимый документ показывает стремление Ломоносова построить систему подготовки научных кадров российского происхождения, которая бы отвечала потребностям страны.

[1] Имеется в виду указ Сената от 23 августа 1754 г.

[2] «Самозваный сочинитель» — Г. Н. Теплов, автор регламента 1747 г.

[3] Исключение Ломоносова в начале марта 1755 г. из членов «Экстраординарных собраний» АН и восстановление его 29 марта 1755 г.

[4] Бедственное положение студентов подтверждается их жалобами и письмами. Суммы, отпускавшиеся статс-конторой на содержание командированных за границу, широко использовались канцелярией (см.: ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 26, л. 430; № 41, л. 340 — 453 и др.).

[5] Ломоносов имеет в виду время функционирования университета и гимназии до передачи ему руководства этими учреждениями.

[6] Имеются в виду ученые, выписанные Петром I: Герман, Бернуллий, Билфингер, Беккенштейн и др.

[7] «Его наследник» — И. И. Тауберт.

[8] Г. Н. Теплов.

[9] Эти приложения не сохранились.

[10] Упоминаемые параграфы регламента предписывали президенту сочинить регламент Университета и инструкции для Типографии и Книжной лавки.

[11] Регламент Адмиралтейства предписывал последнему отчитываться в приходе и расходе денежных сумм перед Ревизион-конторой.

[12] Новые члены Академической канцелярии Ломоносов и Тауберт назначены президентом К. Г. Разумовским 13 февраля 1757 г.; Штелин — 12 апреля 1757 г.

План регламента, проект штата, перечень привилегий и программа инавгурации Академического университета

Время написания — не позднее 23 июля 1759 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 537—540. Впервые опубликовано: Пекарский, II, с. 924—925 и 670—671.

Пересмотр университетского штата, утверждение нового регламента, перечисление даруемых университету «привилегий», устройство «инавгурации» (празднества, посвященного торжественному открытию преобразованного университета) должны способствовать, по мнению Ломоносова, «установлению порядка в Санкт-Петербургском университете».

Он предложил открыть одиннадцать кафедр вместо пяти по штату 1747 г. Для Московского университета Ломоносов планировал в 1754 г. 12 кафедр. Основным отличием публикуемого плана было разделение университета на три факультета и студентов на три класса (курса). Несколько своеобразной была программа обучения, которую предложил Ломоносов. Он включил для изучения русское право, химию, ботанику, анатомию и восточные языки. Они не были предусмотрены регламентом 1747 г. В отличие от программы Московского университета в данном проекте Ломоносов перераспределил отдельные дисциплины по кафедрам, вместо «натуральной истории» включил ботанику, добавил математику и восточные языки.

Большой интерес вызывает перечень университетских привилегий. Ломоносов считал, что университет должен иметь право присуждать ученым ученые степени («градусы»); университетские должности должны быть приравнены к чинам, установленным «Табелью о рангах». Под «полицейскими тягостями» Ломоносов подразумевал разные повинности, например воинский постой. Четвертый пункт устанавливал право учащихся на летний отдых. Ломоносов предложил разрешить вопрос денежного снабжения университета. Он предусмотрел избавление академии от вмешательства полиции. Смелым явился седьмой пункт привилегий, в котором Ломоносов выступил как материалист. Он потребовал, чтобы духовенство «не привязывалось» к учениям, «правду физическую для пользы и просвещения показующим», не ругало бы в проповедях науки.

Последний пункт плана касался инавгурации университета. Это западноевропейская традиция, без которой учебное заведение не могло признаваться университетом, а присужденные им ученые степени обесценивались. Ломоносов стремился придать Академическому университету международный вес, равноправие с зарубежными подобными учреждениями. Он добивался, чтобы выпускники отечественного университета имели высокий статус среди иностранных ученых.

[1] Ломоносов предложил поручить академикам некоторые кафедры в порядке совместительства, выплачивая за это прибавку к основному жалованью.

Проект речи в Академическом собрании о переустройстве Университета

Время написания — не позднее 11 января 1760 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 551—552. Впервые опубликовано в ПСС.

В «Проекте речи» раскрыто запущенное состояние учебного дела в университете. По мнению Ломоносова, инавгурация должна «воодушевить университет на успех», привлечь способную молодежь к учению. Он был уверен, что при хорошей организации обучения гимназистов, которую он сумел внедрить, есть «прекрасная надежда получить из Академической гимназии избраннейших и алчущих учения юношей...»

Определение Канцелярии АН о передаче Университета и Гимназии в единоличное ведение Ломоносова

Время написания — 19 января 1760 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 553—555. Впервые опубликовано в ПСС.

Президент поручил одному Ломоносову «учреждение и весь распорядок Университета и Гимназии... по сочиненным от него регламентам». Таким образом, он становился единственным руководителем учебной части академии. Ломоносову было предоставлено право вводить в жизнь разработанные им проекты регламентов гимназии и университета, не дожидаясь их утверждения свыше. Ордер намечал меры по осуществлению финансо-

вой независимости учебных дел от Тауберта. Важным следствием этого документа явилось оформление дел части «особливым повытьем», т. е. отдельно от общеканцелярских бумаг.

Объявление о расширенном приеме учеников в Гимназию

Время написания — 14—22 февраля 1760 г. Печатается по ПСС, т. 9. с. 564—565.

Получив в единоличное управление учебные дела гимназии и университета, Ломоносов развернул энергичную деятельность по увеличению числа обучающихся в них молодых людей. Для развития наук в стране, для подготовки поколения российских ученых он предложил втрое увеличить прием в Академическую гимназию. Предусматривалось обеспечение учащихся готовой пищей, одеждой, общежитием, «добрым присмотром». Тем, кто не имел «достатку на содержание», предоставлялось право подать в Академическую канцелярию прошение об определении их в гимназию на казенный кошт.

Объявление имело большой успех. В 1760 г. в гимназию было принято 56 новых учеников, в два раза больше, чем в 1759 г. В основном это были солдатские дети. Дворянских детей принято лишь четверо (ЛОААН, ф. 1, оп. 70, № 2, л. 103 об. — 109 об.).

И. И. Шувалову

Время написания — 17 апреля 1760 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 538—539.

В этом документе Ломоносов, оставляя в стороне нанесенные ему личные оскорбления, вновь высказал свое главное и единственное желание — «привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы». Он просил утвердить университетские привилегии для «пользы учащихся россиян». Ломоносов еще раз подчеркнул мысль о том, что «чести своей» он достиг с помощью таланта. Это письмо характеризует Ломоносова как высоконравственного, сильного и мужественного человека, который умел перешагивать через личную обиду ради общественных интересов.

[1] «Александр Сергеевич» — барон А. С. Строганов, зять вице-канцлера М. И. Воронцова, свойственник императрицы, едва ли не самый богатый человек в России того периода. В 1757 г. он вернулся из-за границы после шестилетнего путешествия. В 1760 г., когда было написано публикуемое письмо, А. С. Строганову было 27 лет.

[2] Хлопоты Ломоносова об утверждении «университетской привилегии» освещены в ПСС, т. 9, документ 324.

Определение Канцелярии АН об исходатайствовании денежных средств на постройку новых академических зданий

«Представление» Ломоносова от 7 декабря 1759 г. о плане новых академических зданий было оставлено канцелярией без внимания. В середине декабря он был у президента по академическим делам. После этого, 22 декабря 1759 г., последовал ордер К. Г. Разумовского в канцелярию: «Поданные мне представления от коллежского советника г. Ломоносова о распорядке ученых департаментов в оной Канцелярии неукоснительно обще с ним рассмотреть и мне для конфирмации подать, чтобы прежде моего отъезду в Малую Россию установить всему ученых дел течению надежное основание» (ЛОААН,ф. 3, оп. 1, 470, л. 375). Канцелярия 24 мая 1760 г. представила в Сенат соответствующее доношение. Ответного указа Сената не обнаружено. Идея Ломоносова о постройке новых академических зданий осуществилась только через 25 лет после его смерти.

Указ Канцелярии АН в Академическое собрание о представлении всеми профессорами заключений по вопросу об учреждении гимназий и школ

Время написания — 7 декабря 1760 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 570—571. Впервые опубликовано в ПСС.

В Академию наук 17 ноября 1760 г. (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 966, л. 112—113) поступил указ Сената, в котором говорилось о представленном И. И. Шуваловым проекте

такого содержания: «Надлежит необходимо в знатных городах учредить гимназии, в которых бы обучали нужные европейские языки и первые основания, при оных гимназиях некоторое число положить учеников записных на содержании казенном, другие же могут быть вольные, а по маленьким городам учредить школы, в которых будут обучаться русской грамматике, арифметике и прочим первым основаниям, а из оных школ станут выходить в гимназии, а из гимназий в Кадетский корпус, в Академию и в Университет, а из сих мест в действительную службу» (Билярский, с. 473—474).

В те годы в России действовали лишь три гимназии — в Петербурге, Москве и Казани. Поэтому проект создания школьной сети, охватывающей большие и малые города, имел особое государственное значение.

Академики С. К. Котельников, И.-А. Браун, Г.-Ф. Миллер, К.-Ф. Модерах, Ф.-У.-Т. Эпинус, И.-З. Цейгер и адъюнкт А. П. Протасов приняли участие в обсуждении проекта (ПСС, т. IX, с. 903—904). Они высказали ряд предложений о программе преподавания. Академики-иностранцы отстаивали мысль о том, «чтобы не всем без разбору в одних училищах обучаться», чтобы содержание образования, в том числе и начального, зависело от социального положения учащихся. Адъюнкт А. П. Протасов предложил, чтобы в низших школах на одних основаниях учились все дети, «какого бы они звания ни были». Никто из академиков, кроме И.-Э. Фишера, не назвал городов, где следовало бы открыть школы. Они сослались на недостаточное знание русской географии.

Среди ответов академиков нет отзыва Ломоносова. Это можно рассматривать как дополнительный довод в пользу того, что проект Шувалова фактически принадлежит Ломоносову.

Докладная записка о мерах к приведению Академии наук в «доброе состояние»

Время написания — 19 января — 31 мая 1761 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 80—82. Впервые опубликовано: ОР, кн. II, с. 20—22.

Представление в Канцелярию АН об ускорении выпуска «Комментариев» Академии и о печатании всех диссертаций в русском переводе

Время написания — 3 февраля 1761 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 239. Впервые опубликовано: Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям. 1. СПб., 1853. С. XVIII—XIX.

Данный документ характеризует борьбу Ломоносова за осуществление в науке принципа народности. Согласно § 32 Академического регламента, составление кратких резюме на материалы, помещенные в «Комментариях», входило в обязанности конференц-секретаря Миллера. Все научные статьи и их «сокращения» публиковались на латинском языке. Этим ограничивался доступ к науке людей, стремящихся к просвещению. Ломоносов потребовал переводить все диссертации на русский язык. Краткие изложения научных трудов («сокращения») должен составлять сам автор. Важно, чтобы «Комментарии» выходили регулярно, позволяя судить о достижениях в русской науке. Все публикуемые материалы должны печататься на русском языке. Это позволит и студентам быстрее знакомиться с трудами профессоров, получать лучшую языковую подготовку. «Чрез сие избежим роптания, и общество российское не останется без пользы».

Определение Канцелярии АН о расписании обедов и ужинов студентов и гимназистов

Время написания — 20 февраля 1761 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 572—573. Впервые опубликовано в ПСС.

Ломоносов много времени уделял упорядочению жизни гимназистов. Характерной для него являлась забота о питании молодых людей. На еду отпускалось по 10 копеек в день (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 36). С организацией Ломоносовым общежития стипендия гимназистов поступала в хозяйственную часть. Почти восемьдесят процентов этого фонда расходовалось на одежду и обувь.

Ломоносов утвердил режим питания в общежитии: обед гимназистов состоял из трех

блюд, ужин — из двух. Студенты получали обед из пяти блюд, а ужин — из трех. Во время еды за порядком наблюдал надзиратель, который также проверял качество пищи и докладывал утром об этом руководству. Ломоносов предложил установить разнообразный набор блюд, многие из которых являлись типично северными. Определяя рацион питания, Ломоносов учитывал возраст учащихся. Обращает на себя внимание и тот факт, что именно к Ломоносову обратились с жалобой студенты и гимназисты на плохое качество еды. Это свидетельство их уважения, доверия, проявление надежды на положительные перемены.

[1] Сыта — вода, подслащенная медом. Кисели из овсяных отрубей, приправленные сытой, — древнейшее русское лакомство, упоминаемое в «Повести временных лет» (История культуры Древней Руси. Т. 1. М., 1948. С. 265).

[2] Калья — род борща, похлебка на огуречном рассоле с огурцами, со свеклой и с мясом, а в постное время с рыбой и икрой (см.: *Даль В.* Толковый словарь. Т. II. М., 1935. С. 79).

[3] Грибовница — похлебка из сушеных грибов (см.: там же. Т. I. С. 405).

[4] Репница — репная похлебка. Даль отмечает, что это слово восходит к архангельскому диалекту. Он описал и ее приготовление: «Вареную либо пареную репу разминают, мешают с солодом, иногда с толокном, наливают водой и ставят под крышкой на вольный дух» (*Даль В.* Указ. соч. Т. IV. С. 124).

[5] Лапша соковая — вероятно, лапша, приправленная конопляным соком или конопляным маслом (там же, с. 270).

[6] Уха с клиотскими — уха с клецками.

Определение Канцелярии АН о новом порядке снабжения студентов и гимназистов учебниками

Время написания — 18 мая 1761 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 579—580. Впервые опубликовано: Билярский, с. 511—512.

По существовавшему правилу заведующий Книжной лавкой АН С. В. Зборомирский не мог без денег выдавать книги, не имея на это специального разрешения канцелярии. Публикуемое определение делало исключение в отношении учебников для гимназистов и студентов. По предписанию С. К. Котельникова разрешалось выдавать и даже выписывать из-за границы учебники без обращения с этим вопросом в канцелярию. Начиная с мая 1761 г. выдача книг со склада стала производиться в упрощенном порядке.

Проект регламента Академии наук

Время написания — не позднее июля 1762 г. — 4 марта 1764 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 85—93. Впервые опубликовано: Пекарский, II, с. 929—932.

[1] Начало документа отсутствует.

Отчет о состоянии Университета и Гимназии

Время написания — 28 января — 5 февраля 1763 г. Печатается по ПСС, т. 9, с. 593—595.

Ломоносов показал результаты своего руководства учебной деятельностью университета и гимназии.

Важным моментом отчета явилось предложение Ломоносова об увеличении штатной суммы на содержание гимназистов. Это могло послужить привлечению к гимназии не только солдатских детей, но и детей из других слоев населения.

[1] И. И. Лепехин с 13 сентября 1762 г. находился в заграничной командировке (ЛО-ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 64).

[2] Студент Аврамов (по тексту Абрамов) переведен Ломоносовым в Географический департамент 10 апреля 1760 г.

[3] Эта идея Ломоносова не осуществилась при его жизни. В 1768 г. «действительные академические питомцы» И. И. Лепехин и П. Б. Иноходцев получили звание адъюнктов, а затем стали академиками. В 1771 г. звание адъюнкта получил М. Е. Головин, племянник Ломоносова.

[4] Речь идет о гимназическом регламенте, написанном и введенном в действие Ломоносовым.

[5] Многоточия Ломоносова.

[6] Эта просьба Ломоносова не была удовлетворена.

Отчет о завершенных и незавершенных научных и литературных работах

Время написания — не позднее 19 января 1764 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 396—404.

Анализ перечисленных в отчете исследований Ломоносова в поэзии, русском языке, истории раскрывает его роль первооткрывателя в этих науках.

Представление в Канцелярию АН о неисправном состоянии Академической обсерватории, Физической палаты и Ботанического сада

Время написания — 4 марта 1764 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 264—266.

[1] Пожар 1747 г.

[2] Речь идет о Н. И. Попове, А. Д. Красильникове, Н. Г. Курганове.

[3] Со времени назначения в 1756 г. профессором физики Эпинуса.

[4] Крафта и Рихмана.

Из «Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии»

Время написания — 21 мая — 10 сентября 1764 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 115—122, 126—127, 132.

Основную задачу данного документа Ломоносов видел в обосновании направлений, принципов, форм деятельности академии.

Представление в Канцелярию АН об отправке некоторых студентов Университета за границу

Время написания — 2 июня 1764 г. Печатается по подлиннику, написанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 282, л. 271—272).

Главная мысль Ломоносова, которую он проводил в документе, заключалась в отказе от приглашения иностранных специалистов в академию. Он требовал сосредоточиться на подготовке «природных и домашних» ученых, которые верно будут служить отечеству.

Из «Краткой истории о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени»

Время написания — не позднее 26 августа 1764 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 267—277, 279—280, 291—305, 307—316.

В этом документе Ломоносов воспроизвел весь ход борьбы с иностранными учеными в академии, привел факты беззакония, ущемления русских исследователей. Кроме того, в этом историческом обзоре деятельности Академии наук раскрывается вся закулисная борьба против самого Ломоносова, его учеников и последователей. Документ написан за семь месяцев до смерти ученого. В этот период вновь усилились преследования Ломоносова за материалистические взгляды, за его борьбу по развитию просвещения в России. Как патриот, как гражданин и ученый, он понимал неразрывное единство Родины и науки. Составление этого документа явилось для Ломоносова одним из самых решительных актов той идейной борьбы, которой он отдал всю жизнь. В нем он проанализировал свою деятельность по руководству университетом и гимназией, показал ее результаты. Одновременно охарактеризовал позицию и действия Шумахера, Тауберта, их единомышленников, которые противились начинаниям Ломоносова, пытались всячески унизить его человеческое достоинство.

Эта записка — документальное послание потомкам об утверждении русской науки под руководством Ломоносова.

Проект регламента Академии наук

Время написания — не ранее 10 сентября 1764 г. — не позднее марта 1765 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 138—160, по тексту первой публикации (Билярский, с. 652—669).

В проекте Ломоносов показал, что «по доброму примеру Парижской академии, где академики — природные французы», все академики и адъюнкты Академии России должны быть «природными», русскими.

Проект привилегий Академии наук

Время написания — не ранее 10 сентября 1764 г. Печатается по ПСС, т. 10, с. 160—165.

Ломоносов всегда заботился о хорошем материальном состоянии академии, о создании высокого авторитета науки в России. Он предложил по примеру других академий узаконить летние каникулы с сохранением жалованья, предоставить академии «особую мызу» с землями и угодьями, где бы академики могли проводить летний отдых, вести физические наблюдения, составлять экономические примечания, устраивать опыты.

Демократизм Ломоносова выразился во всестороннем подходе к постановке и решению вопроса о привилегиях академии. Он предусмотрел улучшение материальных условий жизни семей ученых, вдов, детей, обратил внимание на заботу о здоровье всех членов академии. Завершая документ, Ломоносов подчеркнул, что все эти «свободы и преимущества» направлены на пользу и расцвет русской науки.

Библиография

Сочинения М. В. Ломоносова

Сочинения: В 8 т. СПб.; М.-Л., 1891—1948.

Полное собрание сочинений: В 11 т. / Гл. ред. С. И. Вавилов. М.;Л., 1950—1959, 1983.

Избранные произведения / Сост., вступ. ст., примеч. А. А. Морозова. М., 1986.

Избранные произведения: В 2 т. М., 1986. Т. 1: Естественные науки и философия / Отв. ред. С. Р. Микулинский; Т. 2: История. Философия. Поэзия / Отв. ред. Г. В. Степанов.

Литература о М. В. Ломоносове

Азаренко Е. К. Мировоззрение М. В. Ломоносова. Минск, 1959.

Айзенберг А. Я. Самообразование в жизни М. В. Ломоносова // Советская педагогика. 1986. № 10.

Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVIII вв. / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М., 1985.

Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И. А. Соловков. М., 1985.

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. М., 1986.

Белявский М. Т. Ломоносов — наш первый университет. М., 1961.

Белявский М. Т. Все испытал и все проник: К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. М., 1986.

Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. М., 1983.

Бобровникова В. К. Педагогические идеи и деятельность М. В. Ломоносова. М., 1961.

Буторина Т. С. Своеобразие народной педагогики поморцев //Советская педагогика. 1989. № 7.

Вавилов С. И. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961.

Высецкий Г. С. Мировоззрение М. В. Ломоносова. М., 1961.

Васильцова З. П. Мудрые заповеди народной педагогики. М., 1983.

Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983.

Данилевский В. В. Михаил Васильевич Ломоносов. Л., 1948.

Данилевский В. В. Ломоносов на Украине. Л., 1954.

Дикарева А. В. Развитие прогрессивных идей нравственного воспитания в русской педагогике второй половины XVIII в. Минск, 1983.

Днепров Э. Д. Советская литература по истории школы и педагогики в дореволюционной России. М., 1979.

Доватор Р. Л. М. В. Ломоносов и российское просвещение // Советская педагогика. 1986. № 10.

Жажда познания: Документы, мемуары, литературные памятники / Сост., предисл., вступ. ст., примеч. А. Орлова и Ю. Смирнова. М., 1986.

Егоров С. Ф. М. В. Ломоносов и развитие отечественной педагогики // Советская педагогика. 1987. № 2.

Искра-Перевалова Л. А. Вклад М. В. Ломоносова в развитие русской педагогической мысли в школе // Советская педагогика. 1961. № 11.

Ишлинский А. Ю., Павлова Г. Е. М. В. Ломоносов — великий русский ученый. М., 1986.

История Московского университета / Под. ред. М. Н. Тихомирова. М., 1955.

Карпеев Э. П. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1987.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961.

Кудрявцев Б. Б. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961.

Кузнецов Б. Г. Творческий путь Ломоносова. М., 1961.

Кузьмин Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971.

Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962.

Кулябко Е. С. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975.

Курмачева М. Д. Петербургская академия наук и М. В. Ломоносов. М., 1975.
Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская академия наук. М., 1965.
Лебедев Е. Н. Огонь — его родитель. М., 1976.
Лебедев Е. Н. Ломоносов. М., 1990.
Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М., 1962.
Линков Я. И. М. В. Ломоносов — великий деятель русского просвещения. М., 1940.
Лихолетов И. И. Педагогические взгляды и деятельность Ломоносова // Советская педагогика. 1961. № 11.
Лихэткин Г. А. Ломоносов в Петербурге. Л., 1981.
Лысцов В. П. М. В. Ломоносов — родоначальник русского просветительства (1711—1765). Воронеж, 1961.
Лысцов В. П. М. В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. Воронеж, 1969.
М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.; Л., 1962.
Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984.
Меншуткин Б. Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. СПб., 1911
Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVIII в. М., 1962.
Морозов А. А. Ломоносов. М., 1965.
Орлов В. Н. Русские просветители. М., 1950.
Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. ред. Э. Д. Днепров. М., 1989.
Павлова Г. Е., Федоров А. С. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1988.
Пекарский П. П. История императорской Академии наук. СПб., 1870—1872.
Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1953.
Перевалова Л. А. Педагогические взгляды М. В. Ломоносова / Под. ред. и с предисл. М. Ф. Шабаевой. М., 1964.
Прокофьев М. А. Великий ученый, пламенный патриот // Советская педагогика. 1986. № 10.
Прудников В. Е. Русские педагогики-математики XVIII—XIX вв. М., 1956.
Радовский М. И. М. В. Ломоносов и Петербургская академия наук. М.; Л., 1961.
Сибирцев И. М. К биографическим сведениям о М. В. Ломоносове. Архангельск, 1911.
Синицына П. Т. М. В. Ломоносов и просвещение // Слово о Ломоносове / Сост. Г. Г. Фруменков. Архангельск, 1983.
Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1865.
Соловьев В. П. К вопросу о педагогических взглядах и просветительской деятельности М. В. Ломоносова. Архангельск, 1961.
Уткина Н. Ф. Михаил Васильевич Ломоносов: К 275-летию со дня рождения. М., 1986.
Фруменков Г. Г. Великий гражданин. Архангельск, 1984.
Чудинов И. А. Корпускулярная философия М. В. Ломоносова // Слово о Ломоносове / Сост. Г. Г. Фруменков. Архангельск, 1983.

Указатель имен

Август 94
Аврамов И. 161, 170, 255
Алабенденский А. 175
Ананьев Б. Г. 316
Аристид 95
Арменопул 33

Барков И. С. 320
Барсов А. А. 10, 14
Беккенштейн 270, 329
Белинский В. Г. 23
Белявский М. Т. 328
Бергман Т. О. 317
Беринг В. 311
Бернулли 228, 270, 287, 329
Билфингер 270, 329
Билярский П. 315, 318, 321, 328, 329, 333, 335
Блок Г. П. 328
Блументрост Л. 270
Бобровникова В. К. 328
Бойл Р. 150, 190, 324
Братковский И. 151, 152
Браун И.-А. 10, 277, 321, 332
Брох Т. 104

Вавилов С. И. 16, 324
Варгентин Л. В. 317
Васецкий Г. С. 16
Веденский П. 162
Веденский С. 161, 203, 204, 327
Вейтбрехт 224, 271, 272
Вергилий 78, 106, 107, 112, 160
Вильде 275
Виноградов Д. И. 10, 273
Волков С. 161
Вольф Х. 150, 324
Воронцов М. И. 80, 259, 281, 314

Галилей 150
Гейнсиус 272, 275
Генкель 8
Герасимов Н. 162
Герик 150
Герман 270, 287, 329
Гмелин 224, 271, 275, 276
Голдбах 281
Голицын А. Н. 309
Головина М. В. 21, 195, 325
Головин М. Е. 22, 325, 333
Головин Н. Ф. 274
Голубцов И. И. 10
Гомер 76, 78, 99, 100, 104, 110
Гораций 76, 78, 160
Горин А. 269
Горлицкий 274
Гофман 274
Грейссер 289
Греков Ал. 278
Греков Ан. 278
Гугений 150
Гурьев М. 171, 247, 250, 251, 289

Даль В. И. 333
Девович 314
Декарт Р. 316
Делиль 275
Демосфен 4, 101, 109
Диоген 190
Дорофеев В. 174
Дудин О. 169
Дудин П. О. 169, 321
Дутиков И. 174

Ейлер 224, 228, 271
Екатерина II 23
Елизавета Петровна /императрица/ 49, 258, 259, 274, 280
Епинус 276, 277, 287

Зборомирский С. В. 251, 333

Игнатьев 274
Иноходцев П. Б. 269, 333

Камер 274
Карл V 23
Квинтилиан 109
Кельрейтер 277, 287
Кеплер 150, 312
Кларк 150
Клементьев В. 151, 152
Кожик Я. 162
Козицкий 280, 285
Коменский Я. А. 14, 24, 25
Коперник Н. 146, 311
Котельников С. К. 332, 333
Крамаренков В. 161
Красильников А. Д. 284, 317, 334
Крафт 225, 260, 271, 272, 275, 334
Крашенинников С. П. 10, 83, 221, 276, 314, 319
Крузиус 275
Кузнецов С. 269
Куликовский П. Г. 322
Кулябко Е. С. 328
Курганов Н. Г. 284, 317, 334

Лебедев В. И. 10
Легкий Д. 269
Лейбниц Г. 150
Леонтьев 161
Лепехин И. И. 162, 281, 320, 333
Линней К. 228

Лобысевич 314
Локк Дж. 150
Лосовиков И. 10

Магницкий Л. 7
Малпигий 150
Меншуткин Б. Н. 310
Миллер Г.-Ф 11, 78, 82, 83, 199, 224, 225, 227, 232, 244, 271, 272, 275, 276, 277, 278, 281, 283, 284, 285, 287, 314, 326
Менних 272
Модерах К.-Ф. 169, 193, 197, 198, 203, 204, 279, 325, 332
Модзалевский Б. Л. 324
Мольер 160
Мор Л.-Т. 324
Морозов А. А. 328
Морсочников А. 174
Мотонис 280, 285

Назианзинов 33
Нартов 274, 287
Невтон 274, 287
Ньютон 324

Овидий 112, 160
Орлов И. 247

Панкратьев 161, 204
Пассек В. 313
Пекарский П. 311, 312, 330
Пенчко Н. А. 328
Петр I 30, 43, 84, 223, 245, 258, 274, 329
Платон 84, 150
Поленов А. 161, 281
Полоцкий С. 7
Поляков А. 10
Попов Н. И. 10, 80, 272, 274, 334
Поповский Н. Н. 10, 13, 14, 151, 258, 318
Посников А. 200
Прейсер 251, 274
Протасов А. П. 281, 285, 288, 332
Протопопов П. 174
Прыткой И. 161, 203, 204
Птолемей 150

Разумов А. 161
Разумовский К. Г. 49, 68, 77, 197, 204, 205, 275, 287, 319, 327, 329, 332
Расин 160
Рейзер Г. 273, 274
Рихман 260, 334
Румовский С. Я. 10, 152, 281, 284, 317
Сабельников 7
Сенека 113
Скабичевский А. К. 309
Смирдин А. Ф. 310
Смотрицкий М. 7
Соколов М. В. 316
Сократ 150
Софронов М. 10
Строганов А. С. 331

Тамаринский Ф. 10
Тауберт И. И. 70, 79, 80, 82, 161, 162, 169, 170, 193, 197, 198, 199, 204, 223, 246, 247, 248, 251, 276, 277, 278, 280, 281, 282, 283—289, 314, 329, 331, 335
Тацит 160
Теплов Г. Н. 81, 227
Терентьев И. 203, 204, 327
Тиммиг 161
Тимофеев Д. 162, 198, 199, 200, 204
Тредиаковский В. К. 10, 206
Тюмминг Л. Ф. 319

Уткин Н. Ф. 16

Федорович 281
Федоровский И. 151, 152
Фирсов М. 80, 194
Фишер И. Э. 285, 332

Худяев 274
Цейгер И.-З. 277, 287, 332
Цицерон 76, 94, 97, 99, 100, 105, 108, 110, 111, 160, 165, 175, 176

Ченакал В. Л. 328
Черкаский А. М. 83
Чирнхаузен 150
Чудинов И. А. 16

Шишкарев И. 161
Шлёцер А. 280, 284, 285, 287
Шпынев Г. 269
Штелин И. 70, 79, 80, 161, 162, 169, 193, 204, 246, 251, 276, 284, 329
Штрубов И. 281
Штурм 150
Шубный И. 7
Шувалов И. И. 18, 25, 58, 190, 191, 207, 243, 247, 313, 314, 318, 324, 328, 331, 332
Шумахер И. Д. 9, 70, 80, 82, 83, 162, 169, 193, 197, 198, 199, 204, 221, 224, 225, 227, 270, 271, 272, 273—276, 278, 286, 287, 314, 321, 335

Щукин С. 269

Эйлер 83
Энгельс Ф. 15
Эпинус Ф.-У.-Т. 332, 334

Юдин И. 269
Юсупов Б. Г. 274, 275

Список условных сокращений

АН — Академия наук.
Акад. изд. — Сочинения М. В. Ломоносова. Т. I—VIII. СПб.; Л.: Изд. Академии наук, 1891—1948.
Билярский — Материалы для биографии Ломоносова / Собраны экстраординарным академиком П. Билярским. СПб., 1865.
в. и. в. — ваше императорское величество.
д. — дело.
е. в. — ее величество.
е. и. в. — ее императорское величество.
имп. — императорский(ая).
Куник — Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке / Издал А. Куник. Ч. I—II. СПб., 1865.
л. — лист, листы (рукописи).
Ламанский — Ломоносов и Петербургская академия наук / Сообщил В. И. Ламанский. М., 1865.
ЛОААН — Ленинградское отделение архива Академии наук СССР.
Материалы — Материалы для истории имп. Академии наук. Т. I—X. СПб., 1885—1900.
Меншуткин, I — Б. Н. Меншуткин. М. В. Ломоносов как физикохимик: К истории химии в России. СПб., 1904.
Меншуткин, II — Б. Н. Меншуткин. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936.
Модзалевский — Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937.
об. — оборот листа рукописи.
оп. — опись.
ОР, II — Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. Кн. II. М., 1840.
ОР, V — Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. Кн. V. М., 1842.
Пекарский, I — История имп. Академии наук в Петербурге Петра Пекарского. Т I. СПб., 1870.
Пекарский, II — История имп. Академии наук в Петербурге Петра Пекарского. Т. II. СПб., 1872.
Пекарский, доп. изв. — Дополнительные известия для биографии Ломоносова академика П. Пекарского. СПб., 1865.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
ПСС — Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова.
ф. — фонд.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве.

Содержание

Педагогические идеи М. В. Ломоносова 6

О значении науки и просвещения в воспитании и образовании 31

О сохранении и размножении российского народа 31

Из «Краткого руководства к риторике на пользу любителей сладкоречия 44

Представление в Академическое собрание о постройке Химической лаборатории 45

Список наук в Академии с распределением их на три класса 47

Программа 47

Ода на день восшествия на Всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года 50

Репорт президенту АН о назначении в химическую лабораторию студентов 56

Предложение об организации мозаичного дела 57

Письмо о пользе стекла... 59

О нынешнем состоянии словесных наук в России 69

Инструкция Географическому департаменту 70

Из «Древней Российской истории...» (Вступление) 72

Предисловие о пользе книг церковных в российском языке 74

Представление президенту АН об «излишествах, замешательствах и недостатках» в Академии наук и о мерах к улучшению ее положения 78

Выписка из журнала Канцелярии АН об обучении студентов Географического департамента астрономической теории 81

М. И. Воронцову 81

Г. Н. Теплову 83

Примерная инструкция отправляющимся обсерваторам для определения астрономическими наблюдениями долготы и широты нужнейших мест для географии Российского государства 86

Дидактические идеи М. В. Ломоносова 88

Утреннее размышление о Божием Величестве 88

Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великаго северного сияния 89

Из «Краткого руководства к красноречию» 91

Из «Введения в истинную физическую химию» 114

Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее... 125

Гимн Бороде 142

Из «Явления Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской императорской академии наук майя 26 дня 1761 года 145

Из «Вольфианской экспериментальной физики...» (Предисловие) 149

Репорт в Канцелярию АН об успехах студентов, занимавшихся под руководством Ломоносова поэзией и химией 151

Проект регламента московских гимназий 152

Выписка из журнала Канцелярии АН о награждении некоторых студентов шпагами 161

Определение Канцелярии АН о прибавке жалованья гимназисту И. Лепехину 162

Из «Проекта регламента Академической гимназии» 162
Выписка из журнала Канцелярии АН о приеме в Гимназию куростровского крестьянина П. О. Дудина 169
Представление в Канцелярию АН о выпуске для нужд Гимназии серии брошюр, излагающих основные задачи всех наук 170
Выписка их журнала Канцелярии АН об обучении студента И. Аврамова и учеников Географического департамента геометрии, тригонометрии и астрономии 170
Из «Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии» 171
М. В. Ломоносов о проблемах воспитания юношества 174
Показание о своем происхождении, данное при допросе в Московской Синодального правления канцелярии 174
Из «Краткого руководства к красноречию...» (Вступление) 175
Слово о пользе химии... 177
И. И. Шувалову 190
Из письма к И. И. Шувалову 191
Из «Российской грамматики» 192
Выписка из журнала Канцелярии АН об устранении «непорядков» в студенческом общежитии 193
Из «Проекта регламента Академической гимназии» 194
М. В. Головиной 195
М. В. Ломоносов об учителе 197
Выписка из журнала Канцелярии АН о представлении К-Ф. Модерахом сведений о состоянии гимназии 197
Определение Канцелярии АН о наблюдении за своевременным приходом и уходом учителей гимназии 198
Указ Канцелярии АН конференц-секретарю Г.-Ф. Миллеру о недостаточно внимательной проверке знаний иностранных домашних учителей 199
Из «Проекта регламента Академической гимназии» 200
Определение Канцелярии АН об утверждении преподающих в гимназии студентов в должности учителей 203
М. В. Ломоносов как организатор науки и просвещения 205
К. Г. Разумовскому 205
В. К. Тредиаковскому 206
Дополнение к мнению о проекте нового университетского регламента 206
И. И. Шувалову 207
Всенижайшее мнение о исправлении Санкт-Петербургской императорской Академии наук 208
Из «Проекта регламента Академической гимназии» 215
Записка о необходимости преобразования Академии наук 220
План регламента, проект штата, перечень привилегий и программа инавгурации Академического университета 238
Проект речи в Академическом собрании о переустройстве Университета 240
Определение Канцелярии АН о передаче Университета и Гимназии в единоличное ведение Ломоносова 242

Объявление о расширенном приеме учеников в Гимназию 243
И. И. Шувалову 243
Определение Канцелярии АН об исходатайствовании денежных средств на постройку новых академических зданий 245
Указ Канцелярии АН в Академическое собрание о представлении всеми профессорами заключений по вопросу об учреждении гимназий и школ 247
Докладная записка о мерах к приведению Академии наук в «доброе состояние» 247
Представление в Канцелярию АН об ускорении выпуска «Комментариев» Академии и о печатании всех диссертаций в русском переводе 249
Определение Канцелярии АН о расписании обедов и ужинов студентов и гимназистов 249
Определение Канцелярии АН о новом порядке снабжения студентов и гимназистов учебниками 250
Проект регламента Академии наук 251
Отчет о состоянии Университета и Гимназии 255
Отчет о завершенных и незавершенных научных и литературных работах 256
Представление в Канцелярию АН о неисправном состоянии Академической обсерватории, Физической палаты и Ботанического сада 260
Из «Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии» 261
Представление в Канцелярию АН об отправке некоторых студентов Университета за границу 269
Из «Краткой истории о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» 270
Проект регламента Академии наук 290
Проект привилегий Академии наук 305
Комментарии 309
Список условных сокращений 340
Указатель имен 338
Библиография 336

Научное издание

Михаил Васильевич Ломоносов

О воспитании и образовании

Составитель
Татьяна Сергеевна Буторина

Зав. редакцией *Ю. В. Василькова*
Редактор *Е. А. Ляпидевская*
Художественный редактор *Е. В. Гаврилин*
Технические редакторы *Л. А. Зотова, С. Н. Жданова*
Корректоры *В. С. Антонова, В. Н. Рейбекель*

ИБ № 1486

Сдано в набор 01.02.90. Подписано в печать 11.09.90. Формат 60×90 1/16.
Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Гарнитура таймс.
Усл. печ. л. 21,5+0,375 форз. Уч.-изд. л. 23,71+0,31 форз. Усл. кр.-отт. 43,74.
Тираж 50 000 экз. Зак. № 1005. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР
и Государственного комитета СССР по печати.
119034, Москва, Смоленский б-р, 4

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический
комбинат Государственного комитета СССР по печати.
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.